Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»

На правах рукописи

Пустуев Андрей Александрович

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТЬЮ АГРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНА

Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
(экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами – АПК и сельское хозяйство)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Научный консультант:
доктор экономических наук, профессор
Митин Александр Николаевич

Екатеринбург – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..5

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТЬЮ АГРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ С УЧЕТОМ КЛАСТЕРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ……...18

1.1 Сущность организационно-экономического механизма управления устойчивостью аграрно-экономической системы региона с элементами кластерной интеграции…..……..……..18

1.2 Эволюция понятия «устойчивое развитие»……43

1.3 Концептуальные, интегративные подходы к формированию и развитию организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы региона с учетом кластерной интеграции……..…….61

ГЛАВА II. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬЮ РАЗВИТИЯ АГРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ С УЧАСТИЕМ КЛАСТЕРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ……..... 89

2.1 Систематизация научных воззрений на сущность и природу устойчивого развития агроэкономической системы с включением кластерных образований.....89

2.2 Кластерная интеграция как инструмент повышения эффективности организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы……..…..……104

2.3 Тенденции, проблемы и обоснования перспективного развития агроэкономической системы и сельских территорий…….…….……128

ГЛАВА III. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ СОВОКУПНОСТИ МЕТОДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ПРИ УПРАВЛЕНИИ ПРОЦЕССАМИ ДИНАМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АГРОЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ.…....165

3.1 Современное состояние организационно-экономического механизма управления устойчивостью развития агроэкономических систем в Уральском федеральном округе: методы оценки……..…….……..……165

3.2 Методика оценки устойчивости функциональных, базовых и системообразующих подотраслей – мультипликаторов, как ядра агроэкономической системы региона…….…….……197

3.3 Методика оценки состояния социально-трудовой сферы сельских территорий региона…….…….….219

ГЛАВА IV. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ АГРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНА……248

4.1 Концепция нелинейного развития и динамики развития агроэкономических систем в контексте их стратегического планирования в движении к устойчивости.…….. 248

4.2 Формирование «интеллектуальных» агрокластеров в регионе на принципах цифровой экономики…….……...……273

4.3 Преимущества организационно-экономического механизма управления при достижении динамики стабильного развития сельских территорий региона……..…….…….…...290

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……332

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ……361

ПРИЛОЖЕНИЕ 1……...…….…...……398
ПРИЛОЖЕНИЕ 2……...……...……409
ПРИЛОЖЕНИЕ 3……..……...……..413
ПРИЛОЖЕНИЕ 4…… ……...……414
ПРИЛОЖЕНИЕ 5……...……415
ПРИЛОЖЕНИЕ 6……...……416
ПРИЛОЖЕНИЕ 7……...……417
ПРИЛОЖЕНИЕ 8……...……418
ПРИЛОЖЕНИЕ 9……...……419
ПРИЛОЖЕНИЕ 10……..……...……428
ПРИЛОЖЕНИЕ 11……..……...……430
ПРИЛОЖЕНИЕ 12……..……...……431

ВВЕДЕНИЕ

Устойчивое развитие агроэкономических систем и сельских территорий – одна из важнейших тем в экономической науке. В значительной степени на него влияют не только факторы обеспечения продовольственной безопасности, сохранения сельского образа жизни и населения территорий, но и климатические, социальные, психологические, исторические, тип развития экономики страны, государственная аграрная политика, формы государственной поддержки аграрной отрасли, международное положение. Более того, устойчивость рассматривается как один из принципов регулирования отношений на всех уровнях управления.

В Российской Федерации усиливается тенденция приверженности целям устойчивого развития, что является перспективным инструментом для продвижения в агроэкономических системах проектов, инновационных решений, а на сельских территориях качественного изменения инфраструктуры и усиления мотивации населения к сельскохозяйственному труду. Для этого создаются и совершенствуются программы поддержки инноваций в аграрном секторе экономики, сохранения и развития сельских территорий. Они реализуются на региональном и территориальном уровнях. Но, к сожалению, устойчивость развития агроэкономических систем, управления устойчивостью в них, охватывает совокупность причин, отрицательно воздействующих на их состояние.

Российская агроэкономическая система претерпевает процессы предшествующих реорганизаций, которые так и не привели к повышению ее эффективности. С середины 1990-х годов доля аграрного сектора в ВВП сократилась наполовину. К 2019 году она составила около 3,5 процентов. Не только особенности агроклиматических условий, но и процессы деградации в сельской местности, особенно в удаленных от федерального центра территорий, определяют различные ограничения для устойчивого и продуктивного земледелия и повышения качества жизни населения. Только в Уральском федеральном округе за период с 1991 по 2021 годы количество сельского населения сократилось почти

на 160 000 человек, что повлияло и исчезновение многих малых деревень с населением до 100 человек.

К этому добавляются предельный износ и моральное старение основных фондов, неблагоприятная структура агроэкономических систем, информационная изолированность сельской местности, особенно в сфере использования возможностей Интернет, устаревшие технологии, стремительное уменьшение земель сельскохозяйственного назначения, потеря традиций и культуры сельского уклада жизни. Получается, что даже при наличии хороших федеральных программ, стратегий устойчивого развития, страна находится пока в стадии ожидания начала устойчивости агроэкономических систем и сельских территорий. Это наиболее зримо ощущается на уровне регионов, организационно составляющих федеральные округа, в соответствии критериев устойчивости/неустойчивости, необходимых для оценки результативности стратегических мероприятий. Хотя важно отметить, что появились примеры качественного управления устойчивостью агроэкономических систем, сельских поселений в некоторых субъектах РФ, что внушает определенный оптимизм. Все вышеназванное подтверждает необходимость разработки новых научных подходов по переходу к устойчивой модели экономики в стране, траекторий устойчивого развития агроэкономических и территориальных систем.

Эти изложенные обстоятельства определяют не только актуальность темы диссертационного исследования, но и выдвигают ее в число приоритетных среди важных, необходимых для практики и науки изучаемых тем экономического и социального характера.

Анализ уже достигнутых несомненных научных и практических достижений по вопросам устойчивого развития агроэкономических систем и сельских территорий все же свидетельствует о необходимости дополнительных уточнений, требует дальнейшей системной проработки, именно в части действия организационно-экономического механизма по управлению их устойчивости. В этом случае программные разработки федерального уровня должны обогащаться исходными от регионов результатами исследования по данному научному

направлению. Сложность и многогранность рассматриваемых категорий требует уточнения понятийного аппарата, методологического подхода, оценки состояния организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономических систем и сельских территорий, рассмотрения возможных концептуальных направлений нелинейного развития и устойчивости.

Степень научной разработанности темы исследования.

В формирование и развитие экономической науки об устойчивости социально-экономических систем, сыгравших важную роль в создание теоретико-методологической основы по этой проблематике, внесли значимый вклад отечественные ученые О.А. Акулов, В.Н. Афанасьев, И.П. Бойко, Р.И. Гарипов, П.М. Иванов, П.Г. Кузнецов, Д.С. Львов, И.И. Лукинов, О.Н. Митякова, А.В. Моор, О.С. Пчелинцев, Т.С. Розенберг, А.И. Татаркин, А.И. Трейвиш. Зарубежные исследования предложили ученые И. Ансофф, Т. Веблен, М. Портер, И. Шумпетер и др.

Фундаментальные исследования в области аграрной политики и механизмов управления устойчивостью развития сельского хозяйства представлены в научных трудах Л.И. Абалкина, А.И. Алтухова, И.Н. Буздалова, Б.А. Воронина, А.П. Власова, А.В. Голубева, Т.В.Зыряновой, А.Н. Камеляна, А.И. Костяева, В.В. Милосердова, М.Ш. Минасова, В.И. Назаренко, И.П. Огородникова, А.В. Петрикова, А.Н. Семина, А.Ф. Серкова, И.Г. Ушачева, И.П.Чупиной и других ученых.

В формирование современной науки об управлении внесли существенный вклад зарубежные и отечественные ученые, исследования которых посвящены вопросам теории, практики, механизмам управления: Р. Акофф, П. Друкер, Ф. Лютенс, М. Мессен, Ф. Тейлор, А. Егоршин, В. Анфилатов, О. Виханский, Д. Гвишиани, Н. Добрынин, Л. Кириллов, Б. Мильнер, Г. Минцберг, А. Митин, А. Наумов, В. Спивак и другие.

Проблеме управления развитием сельских территорий и социально-трудовой сферой села в теоретическом и прикладного плане на федеральном и региональном уровнях посвящены работы: В.А. Артёмова, А.Е. Бойцова, С.Г.

Головиной, Е.С. Гуровой, Е.Г. Коваленко, Ю.А. Корчагиной, Л.Е. Красильниковой, В.А. Кундиус, В.К. Левашова, Э.М. Лубковой, С. В. Мещерякова, Д.В. Михеева, В.И. Набокова, О.Д. Рубаевой, А.Г. Светлакова, Т.М. Ярковой и других ученых.

На уровне Уральского федерального округа исследования по вопросам устойчивого развития агроэкономических систем и сельских территорий на основе совершенствования организационно-экономических механизмов управления проводились учёными-экономистами: Т.И. Бухтияровой, А.П. Курбатовым, Ю.В. Лысенко, Н.В. Мальцевым, А.Л. Пустуевым, И.В. Разорвиным, М.М. Трясциным и другими.

Вместе с тем, при всём многообразии излагаемых в отечественной и зарубежной экономической литературе теоретико-методологических положений и практических рекомендаций по проблеме устойчивого функционирования агроэкономических систем и сельских территорий, пока недостаточно полно проработана концепция совершенствования организационно-экономического механизма развития названных частей аграрного сектора экономики и территориальных образований.

В теоретическом и методологическом плане возникает необходимость: в уточнении понятийного и категориального аппарата относительно перспектив устойчивого управления; методологических аспектов развития преимуществ применения организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономических систем, и его основы – системообразующих подотраслей мультипликаторов; укрепления инфраструктуры и устойчивости сохранения и умножения ресурсов сельских территорий; достижения оптимальных уровней устойчивости агроэкономических систем в контексте регионального социально-экономического развития. Возникает необходимость в углубленном обосновании применения моделей продвижения к устойчивому состоянию с применением групп показателей, индикаторов такой динамики, концептуальных направлений совершенствования организационно-

экономического механизма управления устойчивостью с учетом кластерной интеграции и цифровой трансформации, а также методик оценки этих изменений.

Научная гипотеза исследования строится на предположении о том, что в современных условиях развития рыночной экономики, агроэкономическая система и сельские территории по результатам действия государственных программ стратегического развития действительно получают хорошие стимулы для устойчивых экономических и социальных преобразований, но встречаются одновременно с диаметрально противоположными тенденциями. С одной стороны, неготовностью многих агроэкономических систем и сельских территорий к достижению оптимального уровня устойчивости, а с другой – с желанием внедрения обновленных организационно-экономических механизмов управления такой устойчивостью по многим экономическим, социальным и организационным причинам.

Цель диссертационного исследования – решение научной задачи по преодолению проблем, связанных с развитием теории и методологии организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы и сельских территорий, разработкой методических и практических рекомендаций по совершенствованию основных управленческих функций и воздействий в этих процессах.

Для достижения данной цели были сформулированы к решению следующие задачи:

– выявить тенденции, недостатки теории, практики и перспективы устойчивого развития агроэкономических систем и сельских территорий, изложенные в программных разработках, в известных научному сообществу публикациях и аналитических материалах, с уточнением, расширением понятийного аппарата и обоснований по введению в научный оборот дополнений по теоретическим основам повышения эффективности, устойчивого развития агроэкономических систем и сельских территорий с моделями их совершенствования;

– оценить методологические концептуальные положения повышения устойчивости на примере создания социально-экономической территориальной системы (СЭТС), сформулировать совокупность принципов, влияющих на совершенствование организационно-экономического механизма управления устойчивостью и теоретические обоснования управленческих воздействий на разных уровнях ее развития;

– оценить методику, предложенную в Стратегии устойчивого развития сельских территорий России и сформулировать рекомендации по внесению в нее изменений;

– разработать модель организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы;

– раскрыть методологические положения, относящиеся к совершенствованию организационно-экономического механизма управления процессом формирования «Интеллектуальных агрокластеров» в регионе;

– предложить методические подходы, позволяющие оценить возможности и перспективы достижения устойчивости агроэкономических систем на примере территорий, находящихся в Уральском федеральном округе;

– разработать «Концепцию нелинейного развития и устойчивости» на основе региональной матрицы стратегического планирования, с размещением в ней нескольких плат, содержащих стратегические проекты по достижению устойчивости;

– обосновать перспективы устойчивого развития агроэкономических систем и сельских территорий на основе прогнозных сценариев на уровне региона.

Объект исследования – организационно-экономические механизмы управления устойчивостью в агроэкономических системах и в сельских территориях региона.

Предмет диссертационного исследования – организационно-экономические отношения, возникающие в процессе применения

организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы и сельских территорий региона.

Область исследования соответствует требованиям Паспорта специальностей ВАК: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями комплексами - АПК и сельское хозяйство): п.1.2.41. Планирование и управление агропромышленным комплексом, предприятиями и отраслям АПК; п.1.2.32. Государственное регулирование сельского хозяйства и других отраслей АПК; п.1.2.39. Обоснование прогнозов и перспектив развития агропромышленного комплекса и сельского хозяйства; п.1.2.50. Многофункциональный характер сельского хозяйства устойчивое развитие сельских территорий и социальной инфраструктуры.

Научная новизна результатов диссертационного исследования.

1. Развиты теоретические положения об эволюции теоретических воззрений на устойчивое развитие, о сущности современных агроэкономических систем и сельских территорий, дополнен понятийный аппарат авторскими определениями: «агроэкономическая система»; «организационно-экономический механизм управления устойчивостью агроэкономической системы и сельских территорий»; «нелинейность и устойчивость агроэкономической системы»; межрегиональный, «интеллектуальный» агрокластер»; «социальная инновация», что позволяет более глубоко оценить сущность предлагаемых в экономической теории изменений, поскольку каждое понятие содержит конструкцию последующих доказательств, обладает содержанием и объемом, то есть отличительными признаками устойчивого развития и совокупностью предметов, относящихся к нему – агроэкономические системы, сельские территории, организационно-экономические механизмы, «интеллектуальные» агрокластеры.

2. Раскрыты методологические концептуальные положения в предлагаемой автором социально-экономической территориальной системе (СЭТС), предложенной в форме «Модели организационно-экономического механизма управления развитием на основе интеграции ресурсов и управленческих

технологий».Обоснована несовместимость продолжительности жизненных циклов основных её подсистем («аграрное производство» и «сельские территории»), что следует учитывать при реализации механизма их взаимодействия на уровне «функционирования», «совершенствования» и «развития», представленных в разработанной диссертантом структурной схеме элементов управленческой деятельности.

3. Оценена методика, предложенная в Стратегии устойчивого развития сельских территорий, в которой автор предлагает внести изменения при сравнении фактических значений с плановыми для объективного расчета и действия только в течение короткого периода времени из-за изменчивости рыночной конъюнктуры и действий государственной власти, а по каждому уровню управления предлагается изменить одинаковость показателей по принципу «чем выше уровень управления, тем меньше количество показателей».

4. Разработана алгоритмическая модель организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы. Она раскрывает порядок формирования организационной структуры управления, конкретные значения совокупности показателей экономического блока, что позволяет применить интегративный подход к разработке или же корректировке программ социально-экономического развития агроэкономических систем и сельских территорий в регионе, соблюдая логическую последовательность выполнения обозначенных задач.

5. Представлены логические действия при кластеризации, оценка упущений в этом процессе, сущностные характеристики и концептуальные предложения о создании цифрового «интеллектуального» агрокластера для интеграции агроэкономических систем на межрегиональном уровне, особенно с широким использованием принципов цифровой трансформации.

6. Разработаны методические подходы, позволяющие оценить возможности и перспективы достижения устойчивости агроэкономических систем на примере территорий, находящихся в Уральском федеральном округе. Анализ экономических показателей, выполненный автором, на примере деятельности

птицеводческих организаций РФ, показывает, что они все же функционируют на низком уровне рентабельности. Это объясняется высокой себестоимостью производства продукции птицеводства и низкой отпускной ценой ее реализации, что связано с конкуренцией на продовольственном рынке. То есть, между рентабельностью производства птицепродукции, ценой и себестоимостью существует определенная зависимость.

7. Создана «Концепции нелинейного развития и устойчивости с применением региональной матрицы стратегического планирования», рассмотрено совершенствование организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы и сельских территорий: в матрице размещено 15 плат, каждая из которых содержит стратегические проекты.

8. Обоснованы перспективы устойчивого развития агроэкономических систем и сельских территорий на основе прогнозных сценариев на уровне региона.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теоретико-методологических положений, позволяющих решать крупные научные проблемы, носящие стратегический характер, по внедрению организационно-экономического управления устойчивостью агроэкономических систем (сельского хозяйства) и сельских территорий с опорой на ключевые элементы парадигмы эволюции институциональной среды и совершенствования экономических отношений в сфере производства сельскохозяйственной продукции, развития сельских территориальных образований.

Основные положения диссертационного исследования дают возможность использовать сущностные характеристики авторского понятийного и категориального аппарата для систематизации качественных, количественных и временных параметров достижения устойчивости агроэкономических систем в регионах и по стране, сохранения и увеличения ресурсов на сельских территориях, последующего обоснования преимуществ организационно-экономического механизма управления устойчивостью, трансформации,

уточнения государственной аграрной политики в удовлетворении общественных запросов и повышения качества жизни населения.

Практическая значимость исследования. Изложенные в диссертационном исследовании теоретические и методологические положения, научно обоснованные модели и методики, практические рекомендации могут быть использованы государственными и законодательными органами в процессе планирования изменений в контексте достижения устойчивого развития и экономического роста в агроэкономических системах, на конкретных сельских территориях, при управлении процессами этих изменений, внесения дополнений и уточнений в законодательные, иные нормативные правовые акты в масштабе регионов и страны, а также научными организациями при проведении фундаментальных научных исследований в области аграрной экономики, высшими учебными заведениями при подготовке новых диссертационных работ и подготовке специалистов, обладающих профессиональными компетенциями для работы в агроэкономических системах, в аграрном предпринимательстве, в сфере государственного и муниципального управления.

Материалы исследования могут быть использованы Министерством сельского хозяйства России и аналогичными органами управления сельским хозяйством в субъектах Российской Федерации, при внесении корректив в аграрную политику и при разработке программ социально-экономического развития аграрных хозяйств и сельских территорий. Результаты исследования по диверсификации предпринимательства использованы Свердловским областным фондом развития предпринимательства в процессе обучения и повышения квалификации предпринимателей.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют фундаментальные положения, представленные в трудах классиков, современных отечественных и зарубежных учёных-экономистов, законы, нормативные правовые акты органов государственной власти Российской Федерации по проблемам управления устойчивостью развития агроэкономических систем и сельских территорий.

Решение отдельных задач, охарактеризованных в диссертационном исследовании, осуществлялось с использованием групп методов: абстрактно-логического, монографического, экономико-статистического, расчётно-конструктивного, социологического, экономико-математического, корреляционно-регрессивного анализа, линейного программирования, анализа нелинейных систем, индексных методов исследования.

Информационная и эмпирическая база исследования. Законодательство РФ, нормативные правовые акты, Указы Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, приказы Министерства сельского хозяйства России, методики Министерств, документы органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, отраслевые и ведомственные документы, аналитические и статистические отчеты государственных органов, результаты мониторингов и социологических опросов, отчетная документация агроэкономических систем по стране и в субъектах, организационно относящихся к Уральскому федеральному округу, сведения, представленные территориальными органами Федеральной службы государственной статистики Свердловской, Курганской, Челябинской и Тюменской областей, зарубежная и отечественная литература, монографические работы, материалы, размещенные в глобальных информационных системах, а также результаты исследований, размещенные в опубликованных научных статьях автора.

Теоретические и практические предложения могут применяться при подготовке целевых программ по устойчивому развитию аграрной сферы, а также в учебном процессе сельскохозяйственных вузов.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность содержащихся в диссертации подходов, выводов и рекомендаций подтверждается применением обоснованного методологического инструментария, использованием и корректной обработкой значительного объема статистических и фактических данных, личным опытом работы автора.

Основные теоретико-методологические положения и практические рекомендации исследования были представлены, обсуждены и одобрены на 18

международных, 7 всероссийских конференциях. В их числе: Международная научно-практическая конференция «Менеджмент: управление в социальных и экономических системах» (Пенза, ПГСХА, 2009 г.); Международная научно-практическая конференция «Стратегия развития российского образования и аграрной науки» (Екатеринбург, УрГЭУ, 2010 г.); Международная научно-практическая конференция «Механизм повышения устойчивости агроэкономических и агропромышленных систем» (Екатеринбург, УрГСХА, 2011 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Практическое решение государственных проблем в работах студентов и молодых ученых: политологический, экономический, правовой, управленческий и социологический аспекты» (Екатеринбург: Уральский институт – филиал РАНХиГС, 2012); Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы экономики в общегосударственном и региональном масштабах» (Пенза, ПДЗ, 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Продовольственная индустрия: безопасность и интеграция» (Пермь, ПГСХА. 2014 г.); XIV Международная научно-практическая конференция «Современные тенденции развития науки и технологий» (Белгород, 2016 г.); Международная научно-практическая конференция «Наука и образование в социокультурном пространстве современного общества» (Смоленск, «НОВАЛЕНСО», 2017 г.), Международная научно-практическая конференция «Стратегии научно-технологического развития сельского хозяйства и природопользования: взгляд в будущее» (Екатеринбург, Уральский ГАУ, 2017 г.); Международная научно-практическая конференция «Концепция развития производительных сил курганской области» (Курган, ноябрь 2017); 2018 8th ESE International Conference on Sports, Health and Management (ESE-SHM 2018, June 11-13, 2018, Paris, France.); Международная научно-практическая конференция «От интеграции к развитию: научно-инновационная поддержка сельского хозяйства» (IDSISA 2020); Международная научно-практическая конференция «Устойчивое развитие традиционного и органического сельского хозяйства в концепции зеленой экономики» (Смоленск, СГСХА, 2021 г.); Международная научно-практическая

конференция «От модернизации к опережающему развитию: обеспечение конкурентоспособности и научного лидерства АПК» (Екатеринбург, Уральский ГАУ, 2022 г.)

Научно-практические выводы и рекомендации по совершенствованию организационно-экономического механизма управления устойчивостью развития аграрной сферы региона были использованы Министерством агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области при внесении коррективов в региональную программу развития АПК, а также нашли отражение в методиках распределения государственной поддержки между сельскими территориями данного субъекта УрФО и оценки управленческой деятельности, в механизме формирования агропромышленного кластера и механизме развития сельских территорий.

Рекомендации автора диссертации о повышении занятости населения сельских населённых пунктов на основе развития диверсификации определенных видов предпринимательства внедрены в Сысертском городском округе Свердловской области.

Публикации. По теме диссертационного исследования опубликовано 43 печатных работы, из них 17 в рецензируемых научных изданиях, определяемых ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Общий объём – 60 п.л. (авт.37,85).

Объем и структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, выводов и предложений, списка литературы из 423 источников, 12 приложений, составляет 451 страниц машинописного текста, включая 12 рисунков и 39 таблиц.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТЬЮ АГРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ С УЧЕТОМ КЛАСТЕРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

1.1. Сущность организационно-экономического механизма управления устойчивостью аграрно-экономической системы региона с элементами кластерной интеграции

Продовольственная безопасность страны неразрывно связана с устойчивостью развития аграрного сектора экономики, что предполагает в среднесрочной и долгосрочной перспективе сохранение природного баланса, расширенное воспроизводство ресурсного потенциала, качественное развитие сельских территорий и эффективное воспроизводство экономических отношений, обеспечивающих это развитие. Такой подход постоянно поддерживался отечественными учеными, изучающими проблематику аграрной сферы экономики. В их научных публикациях отражались многие аспекты, которые в разные временные периоды отражали сущность устойчивого развития сельскохозяйственного производства, экономическое поведение, экономическую среду, государственную агарную политику и формы управленческих воздействий в процессе ее реализации.

С возникновением механизмов создания агропромышленного комплекса с 30-х годов XX века и до периода 80-х годов, в исследованиях критиковались изъяны административно-командных методов управления, возможности функционального предназначения организационных структур. В 60-70-е годы в исследованиях аргументировались преимущества стратегического управления на предприятиях сельскохозяйственного производства, вопросы оптимизации численности аппарата управления. Эти выводы основываются на анализе научных

публикаций, посвященных тому периоду: А.П. Курбатов [154], И.Н. Буздалов [48], В. Кеникстул [126] и др.

Поступательное изучение проблемы оценки эффективности сельского хозяйства привело к созданию проблемно-функциональной модели, в которую включена 41 функция государственного управления агропромышленным комплексом. По существу, это был переход к комплексному характеру оценочных показателей этого процесса [7].

После 1990-х годов в научных исследованиях интенсивно рассматривалась идея создания и совершенствования личностно-ориентированной модели управления сельскими территориями, связанного с повышением значимости человека в экономике и включающего систему управления социально-экономическим развитием территории. В такой модели представлены все уровни управления от Правительства РФ до администрации поселения. Предлагался и проект организационной структуры управления администрации с обоснованием количественного состава специалистов [6, 43].

Не прекращались научные исследования оценки эффективности сельскохозяйственных предприятий, в том числе с использованием коэффициентов экспертных оценок по уровню культуры организации сельхозпредприятия, организационного поведения и организационного взаимодействия сельских хозяйств [181].

Предметом научного интереса была методология оценки эффектности регулирующей функции управления сельским хозяйством на государственном уровне, предусматривающая оценку регулирующего воздействия на национальном и наднациональном уровнях. Речь идет об усилении целевой направленности оценки с учетом меняющейся социально-экономической обстановки в стране и в ЕЭС. В качестве общего показателя социально-экономического благополучия и развития сельских территорий была предложена продолжительность жизни сельского населения. На отраслевом уровне выделено четыре целевых направления государственного регулирования: производственно-

экономическое, технико-технологическое, внешнеэкономическое и экологическое [348, 372].

Сельское хозяйство всегда определялось как отрасль, сориентированная на обеспечение населения продовольствием, поучением сырья для промышленных отраслей. Его история начиналась независимо в разных частях земного шара. Ученые предложили ряд гипотез его происхождения, многие из которых содержат период охотников-собирателей и постепенный переход к земледельческим сообществам и оседлости. В среднем, его возникновение, по мнению исследователей, произошло около 1000 лет назад.

Методологически сельское хозяйство изначально имело системные признаки построения: высший уровень сложности, комплексность, полифункциональность, многоэлементность ресурсов. Особо значимым важнейшим признаком признавалось полифункциональное предназначение этой отрасли хозяйственной деятельности, что позволяло зафиксировать основные функциональные направления как подсистемы: организационно-экономическая, производственно-технологическая, социальная, экологическая, институциональная, культура топоса (по месту проживания в сельском мире). Каждая из подсистем содержит в себе формы управленческого взаимодействия, которые осуществляются с помощью механизмов социальной регламентации и культурных традиций, иерархические отношения, писаные и неписаные нормы (правила), совместный труд, субъектно-объектные отношения, разделение труда с обеспечением различных видов трудовой деятельности.

Все это свидетельствует о том, что сельское хозяйство, как любая система, представляет собой некоторую целостность, состоящую из взаимозависимых частей (подсистем), каждая из которых вносит свой вклад в характеристику целого. В свою очередь, сельское хозяйство как система вносит свой вклад в социально-экономическое устройство государства. Во-первых, вклад социальный (обеспечение продовольственной безопасности, интеграция сельских территорий, социализация личности в сельском мире, сохранение и развитие земельных ресурсов). Во-вторых, вклад по результатам производственно-хозяйственной

деятельности. В-третьих, интегративный вклад по сохранению условий развития сельскохозяйственного производства на конкретных территориях.

Таким образом, в нашем исследовании предлагается рассматривать сельское хозяйство как сложную агроэкономическую систему, в которой каждая из подсистем методологически обусловлена реализацией присущих им функций.

Аргументы автора о сельском хозяйстве как сложной агроэкономической системе могут быть дополнены практикой применения методологии системного анализа при поиске наиболее точных критериев оценки устойчивости ее развития. Наиболее полно она может быть выражена, как минимум, через функциональные составляющие: организационная (управленческая), производственная, социальная и экономическая. Каждая из них имеет количественное выражение в определенной группе показателей.

Более того, к сельскому хозяйству как агроэкономической системе, всегда применяется и системный подход к исследованию процесса развития, что позволяет определить ее количественную характеристику на всех стадиях воспроизводственного процесса, получить объективные сведения об устойчивости сельскохозяйственного производства, о происходящих изменениях в социальной и экономической сферах. Это, в свою очередь, формирует основу для разработки необходимых мероприятий дальнейшего развития.

Сложность сельского хозяйства как агроэкономической системы характеризуется совокупностью составляющих ее подсистем, которые отражают содержание процессов аграрного производства и его стадий, форму их функционирования, управленческие воздействия, характер связей с внешней средой и совокупность отношений в социально-территориальной общности. Среди важнейших подсистем важно оценить экономическую, вбирающую в себя совокупность элементов земельного, природного характера, ресурсов природной среды, а также биологическую подсистему, подчиняющуюся биологическим законам развития.

В свою очередь, организационно-экономический механизм запускает подсистему экономических отношений и активизацию проявления форм собственности, хозяйствования и управленческих воздействий.

Современность предъявила практические примеры эффективности и неэффективности сельскохозяйственного производства, что повлияло на понимание того, что увеличивающееся количество проблем могут постепенно устраняться в случае признания сельского хозяйства агроэкономической системой, которая вовлечена в сотрудничество, является составным элементом агропромышленного комплекса страны, не может развиваться без модернизации сельских территорий и механизма управления.

В экономике и в отечественной научной литературе достаточно часто употребляется термин «механизм». Это повлияло на появление таких понятий, как «экономический механизм», «хозяйственный механизм», «механизм социально-экономического развития», «экономический механизм хозяйствования», «механизм управления», «организационно-экономический механизм» и др. Эти понятия стали относить применительно к организациям, отраслям, регионам и к народному хозяйству в целом. Разграничение названных понятий имеет непосредственное отношение к исследуемой автором проблеме и требует более глубокого анализа имеющихся научных воззрений, особенно контексте эффективного развития аграрной сферы экономики.

В Национальной философской энциклопедии [200] найдено восемь определений механизма, наиболее полное из которых, как нам представляется, представлено в Словаре системы основных понятий [180]:

1) внутренне устройство машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие;

2) система, устройство, определяющее порядок какого-либо вида деятельности.

Применительно к организационным, социальным системам механизм функционирования – это совокупность правил, законов и процедур, регламентирующих деятельность участников организационной системы, в том

числе – их взаимодействие друг с другом. Более узким является понятие «механизм управления» – совокупности процедур принятия управленческих решений. Именно наличие механизмов управления отличает организацию от группы (группа – совокупность людей, объединенных общностью интересов, профессии, деятельности и т.п.) и коллектива (коллектив – группа лиц, объединенных общей работой).

Если необходимо иметь надежный механизм управления организационным поведением, то этот механизм должен быть устойчив (защищен) по отношению к таким действиям, как искажение подчиненными информации, невыполнение планов и др.

Механизм (от нем. mechanismus, франц. mecanisme, от греч. mechane – орудие, машина); всегда понимался как система, устройство, определяющее порядок какого-либо вида деятельности, процесса. Он включает: движущие силы, их возникновение, развитие, взаимодействие, этапы, элементы и т.п. Постепенно этот термин распространился на социально-экономические явления, организационные, хозяйственные, социальные, управленческие системы.

В советский период ученые особое внимание уделяли изучению «хозяйственного механизма», а энциклопедические издания определяли его как «предпринимаемые человеком действия с целью пополнения запасов хозяйственных благ и обеспечения возможной полноты удовлетворения потребностей, включающие добычу, производство, хранение, перемещение, меновой оборот благ и организацию их потребления» [100].

Здесь большая заслуга Л.И. Абалкина, подчеркнувшего многоаспектность содержания уже экономического механизма, как способа организации общественного производства со свойственными ему формами, методами, экономическими стимулами и правовыми нормами. Он считал, что хозяйственный механизм – совокупность экономических рычагов и стимулов влияния на производство и участников хозяйственной деятельности, с помощью которых обеспечивается согласование и стимулирование хозяйственной деятельности [1].

Появление множества определений и трактовок сущности самого механизма во многом зависят от изменений в национальной экономической системе, влекут за собой модернизацию экономического механизма, который остается составной частью механизма хозяйственного. В исследованиях А.Н. Митина [183] приводятся утверждения о том, что деятельность любой организации состоит из множества процессов, а сам «механизм» есть ресурсное обеспечение любого процесса, его вещественная часть. Она включает в себя совокупность взаимосвязанных элементов, «настроенных» на восполнение функции процесса. В таком контексте сущность экономического механизма определяется как совокупность экономических ресурсов и способов их взаимодействия для реализации данного экономического процесса. Процессный подход позволяет отграничить понятие «механизм» от понятия «управление». Управление понимается как главный инициатор командных воздействий, в то время как механизм всегда должен получать команду, оставаясь подчиненным, исполнительным, обеспечивающим ресурсами. Такое соединение управления с механизмом и приводит к осуществлению всех процессов преобразований в организации. Сам же механизм без процесса существовать не может, равно, как не придет в движение без управляющего воздействия (команды).

Между тем, современный экономический словарь содержит следующее определение: экономический механизм – совокупность методов и средств воздействия на экономические процессы, их регулирование [313]. Достаточно простая формулировка.

Анализируя научные диссертационные исследования, посвященные экономическому механизму, А.Н. Митин [183] обращал внимание на работу Анри Кульмана «Экономические механизмы» [149], в которой содержится тезис, что экономические явления не возникают спонтанно, а являются результатами деятельности хозяйствующих субъектов. А так как экономические явления, объединенные в однородные группы, тесно связаны между собой, то в самом общем виде экономические механизмы можно определить, как необходимую взаимосвязь, естественно возникающую между различными экономическими

явлениями. По существу, экономический механизм определяется им как определенная последовательность взаимосвязанных экономических явлений.

Анри Кульман относит к экономическим механизмам, например, механизм равновесия между производством и потреблением, механизм превращения капитала в доход и дохода в капитал. Следовательно, тогда уместно утверждение о том, что если экономических механизмов много, то их присутствие в различных сферах экономики и управления объективно, названий экономических механизмов может быть много, если они содержат соответствующие элементы для осуществления последовательности действий, взаимодействия в определенном процессе.

Общее, что присутствует в современных публикациях исследователей, что экономический механизм рассматривается как совокупность экономических инструментов воздействия на экономику, обусловленную законами спроса и предложения.

В методологических исследованиях аграрной сферы экономики академика РАН А.Н. Семина экономический механизм определяется как взаимосвязанные структуры, естественно возникающие в различных экономических явлениях [300].

В сельскохозяйственном производстве такие явления не всегда сопряжены с деятельностью людей: заметное влияние оказывает солнечная энергия, осадки и другие природные факторы. Тем не менее, экономические явления возникают в определенном временном лаге, отражают в конкретной стране экономическую доктрину, экономическую политику [77].

Д.В. Ходос утверждает, что экономический механизм можно рассматривать и как конкретное выражение объективных экономических законов, формирующихся под воздействием экономической политики государства, а само понятие может выглядеть как экономический механизм хозяйствования. Здесь он солидарен с исследователем О.С. Горбуновой [364].

Предлагая понятие «экономический механизм хозяйствования», авторы справедливо оценивают высокую степень терминологической неопределенности, что затрудняет формировать объекты, предложить более устойчивые конструкции

и модели, выбросить логику экономических расчетов. Тем не менее, методологические исследования научных школ продолжаются, а применительно к аграрной сфере экономики при всем многообразии представлений о механизмах есть понимание, что главной движущей силой является хозяйственный механизм, а его составной частью экономический механизм.

Следует заметить, что в зарубежных исследованиях понятия «экономический» и «хозяйственный» механизм отождествляют, не отрицая, что понятие «экономический механизм хозяйствования» может быть в научном обороте, но он преимущественно касается функционирования только на уровне предприятий. Для России, это оптимальное соотношение государственного регулирования и саморегуляции хозяйствующих субъектов.

Не вызывает сомнений, что хозяйственный и экономический механизм хотя и тесно связаны, по мнению А.М. Емельянова они не тождественны. Хозяйственный механизм шире экономического. Экономический механизм, являясь частью, структурным звеном хозяйственного механизма, охватывает экономические рычаги, с помощью которых государство воздействует на сельскохозяйственные предприятия, трудовые коллективы и работников [99].

В экономических исследованиях второй половины XX века стал употребляться термин «организационно-экономический механизм». Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева понимают под организационно-экономическим механизмом совокупность организационных структур и конкретных форм и методов управления, а также правовых форм, с помощью которых реализуются действующие в конкретных условиях экономические законы, процесс воспроизводства. По их мнению, понятие механизма имеет принципиальное отличие от системы управления, в которую включается аппарат управления, выполняющий функции субъекта управления [264].

В новом экономическом словаре организационно-экономический механизм определяется как «… совокупность методов и средств воздействия на экономические процессы, их регулирование». При этом «… экономический

механизм представляет собой систему взаимосвязанных экономических явлений, возникающих в определенных условиях» [209].

Анализ научных исследований позволяет обнаружить интересные публикации, посвященные анализу экономического механизма хозяйствования в сельском хозяйстве, который разделен для лучшего понимания по двум основаниям [174, 183]: механизмы, обеспечивающие дальнейшее развитие производительных сил – совокупность вещественных (основные и оборотные фонды, природные ресурсы), и личных (рабочая сила) факторов производства и определенных форм их организации; механизмы, способствующие совершенствованию производственных отношений.

В системе хозяйствования между людьми всегда складываются производственные отношения. Они касаются производства и распределения, обмена и потребления продуктов и услуг, а также приобщения людей к средствам производства и ресурсам в процессе их применения для удовлетворения потребностей.

По первому основанию такие механизмы названы организационно-экономическими, по второму – социально-экономическими.

Организационно-экономические механизмы сгруппированы исследователями в формате нескольких подсистем: механизмы, обеспечивающие эффективность использования трудовых ресурсов; основных фондов и инвестиций; материальных оборотных средств; финансовых ресурсов; природных ресурсов; снижения потерь от воздействия негативных природных явлений.

Социально-экономические механизмы, выполняющие функцию стимулирования, оптимизации, защиты интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей могут иметь следующие виды: стимулирования производства особо востребованных видов продукции и услуг; стимулирования работников на повышение эффективности труда; оптимизации условий кредитования, налогообложения; создания примерно одинаковых условий хозяйствования; упорядочения отношений собственности; увеличения занятости в

сельской местности; защиты отечественных производителей сельскохозяйственной продукции и т.д.

При исследовании экономического механизма хозяйствования, А.Н. Семин выделяет двенадцать взаимосвязанных элементов организационно-экономического механизма: система планирования; коммерческий расчет; формы организации производства и труда; ценообразование; система налогов; финансирование и кредитование; система стимулирования; взаимоотношения с поставщиками и потребителями; система учета, анализа и контроля; самостоятельность предприятия, его права и ответственность; отношение производственного и управленческого персонала к средствам производства и конечным результатам» [302].

В дальнейшем А.Н. Семин и Н.В. Мальцев при рассмотрении вопросов интеграции в аграрных и агропромышленных образованиях вводят в научный оборот еще одно понятие – организационно-экономический механизм: систему правовых и организационно-экономических мероприятий, позволяющих обеспечивать развитие преимуществ интеграционных процессов [303] в процессе хозяйствования. Этот механизм приобретает у авторов признаки системы, оставаясь частью механизма хозяйственного. При таком подходе не отрицается утверждение Анри Кульмана, что экономических механизмов может быть множество, следовательно, и их определений тоже.

В периоды пристального внимания к процессам развития сельского хозяйства объектом изучения стал «организационно-экономический механизм АПК». Среди ученых известны фамилии Алтухова В.И., Баутина В.М., Боева В.Р., Беспахотного Г.В., Крылатых Э.Н., Никонова А.А., Пустуева А.Л., Тихонова В.А., рекомендации по организационно-экономическому механизму Ушачева И.Г. [346].

Применительно к агропромышленному комплексу, по мнению Боева В.Р. организационно-экономический механизм «не простой набор экономических рычагов и инструментов, а их система, т.е. взаимосвязанное сочетание конкретных экономических результатов…» [39].

В прикладных экономических исследованиях организационно-экономического механизма АПК, группа авторов [15] приводит мнение Мазлоева В.З., о том, что сущность организационно-экономического механизма представляет собой «…совокупность взаимосвязанных экономических рычагов и методов воздействия на производство, обмен, распределение и потребление продуктов» [166]. Они же выделяют две отличительные особенности организационно-экономического механизма АПК. Во-первых, данный механизм формируется на всех уровнях АПК: государственном, региональном, районном, предприятии, подразделениях. Во-вторых, формируясь на представленных уровнях, данный механизм действует и реализуется на них. Авторы предлагают и основные принципы функционирования организационно-экономического механизма, соблюдение которых должно обеспечиваться при его функционировании:

- адаптация организационно-экономического механизма к постоянно изменяющимся условиям экономического, социального и политического характера;
- строгое соблюдение принципов основных экономических законов;
- системный анализ экономических и социальных процессов и решение на его основе проблемы социально-экономического развития предприятий;
- обеспечение сочетания общественных и личных интересов в результате выявления тенденций их развития;
- обеспечение функционирования элементов организационно-экономического механизма на всех уровнях производства;
- информационное обеспечение формирования и функционирования организационно-экономического механизма хозяйствования.

Соблюдение этих принципов должно обеспечивать выполнение основных функций организационно-экономического механизма: повышение эффективности хозяйственно-финансовой деятельности; обеспечение конкурентоспособности производимой продукции; создание благоприятных экономических условий для эффективного функционирования хозяйствующих субъектов; реализация прав собственности граждан на землю и другие средства производства; повышение

заинтересованности отдельных работников и их коллективов в высоких экономических показателях деятельности предприятия; обеспечение качественного преобразования материально-технической базы.

Следует согласиться с выводами авторов, что главной задачей организационно-экономического механизма является обеспечение упорядоченного взаимодействия всех сфер АПК в повышении эффективности сельского хозяйства, создании необходимых условий устойчивого экономического и социального развития отрасли и аграрного комплекса в целом.

В этом случае, по нашему мнению, организационно-экономический механизм АПК можно рассматривать как совокупность экономических и административно-правовых рычагов воздействия и форм организации социально-производственных процессов, обеспечивающих функционирование и устойчивое развитие отраслей АПК и сельских территорий.

Анализ подходов к дефинициям «механизм», «хозяйственный механизм» «экономический механизм», «экономический механизм хозяйствования», «организационно-экономический механизм», «организационно-экономический механизм АПК» позволил выявить еще два предлагаемых для экономической науки понятия: «организационно-экономический механизм управления» и «организационно-экономический механизм управления устойчивостью».

Применяемые в экономике механизмы, продолжающиеся исследования множества экономических систем в рыночной экономике, оправдывают стремление исследователей к поиску эффектов организационно-экономических механизмов, которые даже вписываются в определенную классификацию на макроэкономическом, межотраслевом, межхозяйственном, внутрихозяйственном уровнях или же в контексте определенных подсистем. Как отмечает А.Н. Митин, действительно, в современных научных исследованиях в одних случаях сам механизм понимают как совокупность состояний системы, в другом, совокупность явлений, в-третьих, его рассматривают как двигатель развития, главный элемент структуры системы, в-четвертом, понятие механизма наделяется признаками процесса, в-пятых, его представляют как совокупность методов и

средств воздействия на экономические процессы и т.д. Отсюда следует, что в научных исследованиях относительно сущности механизмов в экономике остается высокая степень терминологической неопределенности. Это в свою очередь, влияет на появление терминологичной множественности [183], многообразие представлений о механизмах с ответами на вопрос «какой он?» - организационно-экономический, хозяйственный, выражающий характер правовых отношений, результаты производств, распределения, потребления, накопления, устойчивого развития и т.п.

Прежде чем определять состав «организационно-экономического механизма управления», необходимо рассмотреть современное наполнение категориальной сущности «механизм управления». В нем всегда присутствует воздействие субъекта управления на его объекты, методы влияния и взаимосвязи в системе управления.

Классическое представление о субъектно-объектных связях содержит утверждение о том, что управляющий субъект всегда имеет частный интерес и использует управляемый объект как средство его реализации. Но и управляемый объект осознает свой интерес в коллективности действий, при которых достигается больший эффект. Для слаженной работы названных элементов в управление вводится обязательное исполнение норм, обязательств, контрактов для совместно действующих или имеющих общий интерес лиц. Это, в свою очередь, предполагает организацию логической последовательности действий, решений, процессов, которыми нельзя пренебречь.

Между субъектом и объектом управления формируются прямые и обратные связи. Прямая связь – это команда, поступающая от управляющего субъекта к управляемому объекту. Обратная связь - информация об исполнении команды и состоянии управляемого объекта. Таким образом, при управлении действия, поведение, решения управляемого объекта, так или иначе, зависимы и определяются решениями, поведением, действиями субъекта управления.

Изложенное позволяет определить [187] управление как совокупность особых функций, целенаправленное воздействие, принятие решений за и для

других, организацию коллективных действий или формирование внешней среды коллективных действий. Главным здесь является понимание того факта, что до осуществления управления оно должно быть сконструировано, в том числе как ментальная конструкция, должны быть определены шаги управления, позволяющие ему стать системным.

Системный подход в этом случае должен обнаруживать себя во всем: в распределении функций и полномочий, в построении организационной структуры, информационного обеспечения, в использовании технических средств, в разработке управленческих решений и т.д.

В принципе, любая организация представляет собой систему, имеющую в основе сеть коммуникаций, которая связывает людей между собой и обеспечивает достижение соглашений, движение ресурсов внутри системы, придавая коллективным действиям смысл, форму, определенную направленность. И хотя по своей сути управленческие решения в этой системе являются актом демонстрации силы, влияния и доминирующего положения управляющего субъекта, потребность в управлении очевидна для всех участников коммуникаций - без управления ресурсы производства остаются ресурсами и никогда не станут производством. На это в свое время обратил внимание П. Друкер, подчеркивая, что управление – движущий механизм превращения материальных ресурсов в блага, способный не только находить и вовлекать в соответствующий процесс нужные факторы, но и создавать их своими собственными действиями [128].

Потребность в управлении реализуется как организация, которая:

- имеет определенную форму (модель) и может быть разграничена с любой другой организационной формой;
- имеет среду управления и поле управления для реализации различных аспектов управления;
- имеет центр управления: решения принимаются индивидуально, но правила принятия решений и оценки централизованы;
- представляет собой систему, обеспечивающую сопряженный характер всех действий и коллективные действия людей [128].

Такое рассмотрение системы управления позволило авторам сделать вывод, что ее функционирование и качественное изменение обеспечивается механизмом управления. С точки зрения Р. Дафта, «… механизм управления представляет собой совокупность действий и методов воздействия на деятельность людей с целью побуждения их к достижению организационных целей» [91].

По мнению И.А. Кузнецова механизм управления нужно рассматривать как систему управленческого воздействия на модернизирующиеся экономические отношения между субъектами управления, ведущими целенаправленную деятельность по управлению организацией на основе различных методов [147].

Представляется консолидированной формулировка понятия «механизм управления» в исследованиях А.Н. Митина [186, с. 14-15]. Механизм управления – совокупность методов и средств воздействия субъекта управления на объект управления для преобразования деятельности всех звеньев, осуществляющих управление, всех работников, связи между ними, с целью перевода системы управления и иное, более качественное состояние. Через механизм управления соединяются цели, принципы, функции, задачи, методы, средства, возможности организационных структур и персонала, информация и технические средства ее обработки.

В эту преобразующую деятельность включены все участники управленческого труда, своеобразный «запуск» механизма управления осуществляет руководитель организации в момент ее создания, а «остановку» – после ликвидации.

В свою очередь, качественное изменение той или иной системы управления с помощью механизма управления всегда задается общим направлением развития общества. Причем это не разовые преобразования управления, а непрекращающийся во времени процесс сознательных и целенаправленных его преобразований из одного состояния в качественно другое. И это происходит в соответствии с определенной логикой, проявляющейся в следующих принципах:

1) независимо от содержания, переход к новому качеству должен начинаться с преобразования исходных целей, задающих построение управления;

2) необходимость и ориентиры качественных изменений системы управления определяются исходя из новых задач, возникающих перед организацией;

3) качественным изменениям в системе управления всегда оказывается сопротивление: люди не только приводят в движение механизм управления, но и сдерживают его действие, причем не обязательно сознательно.

Т. Парсонс справедливо полагает, что формируемые в обществе с помощью механизма управления социальные системы требуется рассматривать как устойчивые комплексы правил, норм и установок, регулирующих человеческое поведение и преобразующих его в систему ролей и статусов [229].

Таким образом, совокупность организационного и экономического механизмов, по нашему мнению, составляет в общем виде сам механизм управления. Это утверждение основано на результатах анализа научных взглядов исследователей, изложенных во многих публикациях. Некоторые авторы подробно характеризуют экономический и организационный механизмы управления.

В частности, Л.Н. Бражникова считает, что «экономический механизм управления основывается на системе экономических законов, принципов, методов управления и таких рычагов хозяйственной деятельности, как цели, прибыль, развитие отношений собственности и т.п. Экономический механизм управления направлен на решение конкретных проблем взаимодействия и реализации социально-экономических, технологических, социально-психологических задач, возникающих в процессе хозяйственной деятельности. Такой механизм объективно обусловлен осуществлением хозяйственной деятельности организации в рыночных условиях, когда результаты управленческой и хозяйственной деятельности получают оценку на рынке в процессе обмена».

Она же включает в организационный механизм управления: функции управления; организационную структуру управления; кадры; технику и технологию управления; управленческие решения; научную организацию труда; правовые аспекты управления; иррациональные факторы управления и т.п. [46]. Это наиболее полные представления автора по элементам организационно-

экономического механизма управления. Другие исследователи связывают его с управлением собственностью, конкурентоспособностью предприятия.

В.О. Федорович в этой связи дает следующее определение: «организационно-экономический механизм управления собственностью представляет собой разноуровневую иерархическую систему основных взаимосвязанных между собой элементов и их типовых групп (субъектов, объектов, принципов, методов и инструментов и т.п.), а также способов их взаимодействия, включая интеграцию и дезинтеграцию, в ходе и под влиянием которых гармонизируются экономические отношения (интересы) государства, собственников (участников и акционеров), кредиторов и персонала, включая представителей высшего менеджмента организации, а также общества» [354].

Т.А. Шилова считает, что «под организационно-экономическим механизмом обеспечения конкурентоспособности предприятия следует понимать совокупность методов и способов, которые дают возможность предприятию иметь устойчивое положение на рынке, привлекать и сохранять потребителей при реализации основной цели своей деятельности» [388].

В диссертационном исследовании Н.З. Зотович, посвященном формированию организационно-экономического механизма управления предприятием, дается следующее определение: «организационно- экономический механизм управления предприятием – это совокупность действий, организационных структур, конкретных методов управления, а также управляющего воздействия акционеров, инвесторов, в рамках существующих институциональных норм и государственного регулирования, в направлении достижения целей предприятия [105].

Д.С. Баканов, А.Е. Махметова описывают организационно- экономический механизм управления предприятиями как многоуровневую иерархическую систему основных взаимосвязанных между собой элементов и их типовых групп (субъектов, объектов, принципов, методов и инструментов и т.п.), а также способов их взаимодействия, под влиянием которых гармонизируются

экономические отношения государства, собственников, персонала, представителей высшего менеджмента [25].

На основе анализа научных публикаций о сущности организационно-экономического механизма управления можно сделать вывод, что большинство исследователей рассматривают организационно-экономический механизм управления как совокупность функций и методов управленческого воздействия, как совокупность используемых технологий, инструментов управления.

При рассмотрении различных типов механизмов выявляется обращение к категориям «цель», «функции», «совокупность», «структура», «система». На основе такого подхода предлагается авторское определение организационно-экономического механизма управления.

Это необходимый элемент любой организованной системы управления для достижения поставленных целей, качественной реализации функций в создаваемой организационной структуре, содержащий устойчивые комплексы правовых норм и различные экономические инструменты, сориентированных на развитие организации.

В нашем исследовании организационно-экономический механизм управления сориентирован на агроэкономическую систему, которая в публикациях исследователей имеет несколько формулировок. В исследовании представлен автор М.Б. Багров, который утверждая, что нет ее однозначного определения, предлагает рассматривать такую систему, как «функционирующую в соответствии с определенными экономическими критериями, целью которой является производство сельскохозяйственной продукции. Основными ее составляющими являются подсистемы: производственно-технологическая, экономических ресурсов, финансовых ресурсов и управляющая подсистема» [24]. Такой взгляд исследователя интересен для последующего анализа.

Краткая характеристика публикаций с авторским комментарием по тематике экономического и организационно-экономического механизмов в процессе раскрытия проблем в АПК представлена в приложении 1.

Организационно-экономический механизм «претерпевает» сегодня появление управленческих технологий кластерной интеграции, особенно в контексте устойчивости развития агроэкономической системы.

Термин «устойчивость» означает способность системы сохранять текущее состояние при наличии внешних воздействий. Для макроэкономики устойчивость обозначает долгосрочное равновесие между эксплуатацией ресурсов и развитием человеческого общества. По существу, речь идет об устойчивом развитии – гармоничном (равномерном, сбалансированном) процессе изменений, в котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развития личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений [310].

Идея, а затем и Концепция устойчивого развития стала известна в начале 1970-х годов. Тогда при рассмотрении проблем ограниченности природных ресурсов, загрязнения окружающей среды было инициировано издание Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) (1972 г.). Позднее, в 1980 г. в тексте Всемирной стратегии охраны природы появился термин «устойчивое развитие». Речь шла об удовлетворении потребностей, которые бы не подрывали способность будущих поколений для развития и качества жизни, о необходимости рационального роста и использования ресурсов окружающей среды.

Анализ научных исследований по управлению устойчивостью аграрной сферы дает основание утверждать, что преодоление нестабильности, спада в экономике, в агроэкономических системах требует особого внимания в контексте реализации концептуальных положений устойчивого развития. В немногочисленных публикациях этот тезис рассматривается как многофакторный процесс, отражающий эволюцию как организационно-экономического механизма, так и управленческих воздействий в ходе сельскохозяйственного производства. Заслуживает внимания публикация И.А. Рудалевой «Управление экономической устойчивостью аграрной сферы» [281]. Взяв за основу основные характеристики устойчивого сельского хозяйства, сформулированные на сессии

Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), автор рассматривает управление устойчивым развитием аграрной сферы экономики как комплексный процесс, который ведет к устранению сельских проблем, улучшению условий жизни селян путем достижения сбалансированности социально-экономического и экологического развития, осуществляемого на основе рационального использования ресурсного потенциала.

В публикациях сформулированы три группы предпосылок устойчивого развития аграрной сферы: не поддающиеся регулированию; частично регулируемые при помощи тех или иных факторов; полностью зависимые от проводимой аграрной политики. К первой группе относятся условия, формирующиеся под влиянием не подвластных человеку природно-климатических факторов: обеспеченность землей, количество осадков, продолжительность вегетационного периода. Их влияние не может быть устранено. Во вторую группу факторов входят условия, складывающиеся при одновременном влиянии природных и экономических факторов, при этом поддающиеся в той или иной степени регулированию – почвенное плодородие, структура земельных угодий, обеспеченность трудом. Третья группа включает условия, формирующиеся в результате реализации мероприятий по развитию сельского хозяйства – материально-техническая база, финансовая устойчивость производителей, квалификация кадров, инновации, функционирование продовольственного рынка.

Автор удачно называет и две группы факторов, влияющих на устойчивое развитие аграрного сектора. К первой она относит те, которые действуют на систему опосредованно. Их можно обозначить единым понятием «экономическая среда», в которой аграрный сектор функционирует. К внутренним факторам относятся те, которые зависят непосредственно от всех сельскохозяйственных товаропроизводителей, т.е. различные формы и механизмы аграрного бизнеса. Поэтому устойчивость сельскохозяйственного товаропроизводителя во многом будет зависеть от того, насколько соответствует выбранная им форма экономического поведения специфике условий, в которых он функционирует. Специфика, многоукладность внутренних характеристик отражается на наличии

капитала, стабильности дохода, быстроте реакции на изменения условий внешней среды, определении области устойчивости, за которой резко возрастает степень риска.

Вместе с тем, в публикации отсутствует понятие «организационно-экономический механизм управления устойчивостью аграрной сферы».

А.В. Белокопытов при рассмотрении проблематики устойчивого развития аграрного сектора экономики связывает организационно-экономический механизм управления устойчивостью агроэкономической системы с активной инвестиционной политикой, индикаторами развития сельских территорий и воспроизводственными процессами в отрасли. Таким образом, он понимает этот механизм как позитивное экономическое развитие отрасли, характеризующееся в среднесрочной и долгосрочной перспективе сохранением природного базиса, расширенным воспроизводством ресурсного потенциала, поступательным развитием сельских территорий и стабильностью воспроизводства экономических отношений, обеспечивающих это развитие [30].

Ученые всегда рассматривали устойчивое развитие в узком и широком смысле. По утверждению Д.С. Львова, устойчивое развитие в узком смысле предполагает экологическую устойчивость, в широком смысле включает все виды устойчивости: демографическую, экономическую, социальную, техногенную и т.п. [165].

Анализ литературы по проблематике устойчивого развития агроэкономических систем показывает, что многие авторы солидарны в понимании устойчивости. Это одна из основных динамических характеристик системы управления. Система управления должна быть нечувствительной к посторонним возмущениям различного рода. Здесь важно дополнительное обращение к категориальному аппарату теории устойчивости, что не входит в задачи настоящего исследования. Хотя аксиоматично, что устойчивость – свойство системы возвращаться в равновесный или близкий к нему режим после выхода из него в результате какого-либо воздействия, а устойчивость и эффективность развития находятся в единой векторной направленности.

В научных работах В.М. Белоусова достаточно полно охарактеризован организационно-экономический механизм управления устойчивостью аграрного производства, который характеризуется как система взаимосвязанных экономических рычагов и стимулов, обеспечивающих сельскому хозяйству постоянное устойчивое состояние, поддерживающих его, создающих условия перехода к более высокому качественному состоянию, приводящих к повышению эффективности производства, обеспечению высокой конкурентоспособности отечественного сырья и роста самообеспечения страны продуктами питания [31].

Идея управления устойчивостью аграрной сферы через организационно-экономический механизм повлияла на формулировки С.Г. Иванова [109], который резюмирует, что данный механизм формируется и реализуется на всех уровнях агроэкономической системы: государственном, окружном (федеральные округа), региональном, районном предприятии. Не претендуя на завершенность исследования, он представляет его как совокупность экономических и административно-правовых рычагов воздействия и форм организации социально-производственных процессов, обеспечивающих функционирование и устойчивое развитие сельскохозяйственных отраслей и сельских территорий.

Для нашего исследования не менее интересно понимание организационно-экономического механизма управления устойчивым развитием применительно к предприятию, предложенное И.И. Коваленко и А.С. Соколицыным. По их мнению, такой механизм представляет собой совокупность правил воздействия субъекта управления на объект с целью обеспечения его (объекта) непрерывного устойчивого развития с использованием системы взаимосвязанных элементов, правил преобразования и вывода входных и выходных переменных, принципов применения прикладных функций, методов и инструментов, технологий и устоявшихся практик. Системные характеристики организационно-экономического механизма обусловлены присутствием в его составе: целей, задач и функций; взаимосвязанных элементов, определяющих его внутреннюю структуру; ресурсов; инструментов влияния (организационных и экономических); внешних связей с другими процессами и механизмами [132].

Агроэкономическая система и устойчивость как понятие взаимозависимы, обращение к ним позволяет оценить их особую роль в продовольственном обеспечении и финансовой системе государства. Они рассматриваются важнейшей основой частью экономики страны, а их связанность непосредственно или косвенно со всеми отраслями народного хозяйства неоспорима.

Отечественная агроэкономическая система зиждется на нескольких ключевых элементах: отрасли, специализирующиеся на материально-техническом обеспечении сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности и самом сельском хозяйстве, которое, в свою очередь, подразделяется на растениеводство и животноводство. Новыми ее элементами стало рыбное и лесное хозяйство, добыча минеральных вод и другие направления деятельности.

Для науки аграрная экономика – это часть экономической теории, изучающая использование всегда ограниченных ресурсов в производстве, переработке, реализации и потреблении продовольствия.

В авторской трактовке, как объект исследования, агроэкономическая система представляет собой взаимосвязанную и взаимозависимую совокупность отраслей сельскохозяйственного производства и видов предпринимательской аграрной деятельности, функционирующих на основе использования биоклиматического и агроресурсного потенциала сельских территорий, находящиеся в конкретных регионах.

Сам регион рассматривается как индивидуальная территориальная единица (природная, экономическая, политическая и др.), часть страны, отличающаяся от других областей совокупностью естественных, исторически сложившихся относительно устойчивых экономико-географических условий.

В регионе, как правило, чаще всего спонтанно создаются интегрированные структуры с участком взаимосвязанных компаний и организаций, базирующихся на партнерских отношениях, инновационном развитии и ориентированных на повышение конкурентоспособности каждого участника. Такие структуры в форме кластеров в агроэкономической системе всегда стремятся реализовать

возможность получения синергийного эффекта за счет разнообразных интеграций, снижения трансакционных издержек и выявления «точек роста».

Кластерные образования в отечественной агроэкономической системе пока только заявляют о себе, однако в развивающихся странах они активно создаются с применением инструментов государственного регулирования. Об этом свидетельствует так называемая «винная революция» латиноамериканских производителей вин (Чили, Южная Бразилия, Аргентина), развитие инфраструктуры по выращиванию авокадо, лимонов, ананасов в Мексике и Колумбии. За счет кластерной интеграции удалось восстановить после урагана плантации кофе в Никарагуа [311]. Для отечественной агроэкономической системы кластеры, безусловно, могут быть перспективны в контексте межрегиональной интеграции. Но это требует особого внимания, а также изменения акцентов о необходимости интеграционных кластерных образований в аграрной политике страны.

Подводя итог аналитическим сравнениям относительно сущности организационно-экономического механизма и его модификациях в контексте управления и устойчивого развития можно утверждать, что в современных условиях он все более приобретает признаки системности, а также интегративности. Раскрывая сущность организационно-экономического механизма, авторы, чаще всего, включают в его состав комплекс способов влияния на управляемые объекты. Современная экономическая среда характеризуется интенсивной цифровой трансформацией, расширением сфер деятельности организаций, правовых, научно-методических, финансовых и других условий их эффективного функционирования.

Исследованные природы организационно-экономического механизма приводит к выводам о необходимости и полезности управления устойчивым развитием аграрно-экономической системы, ее последующей оценки на основе интегральных показателей. В свою очередь, эффективность функционирования такого механизма следует оценивать от уровня сельскохозяйственного предприятия до отрасли и аграрно-экономической системы в целом. Здесь следует

учитывать последствия управленческих воздействий, интересы юридических и физических лиц, организационно-правовые формы деятельности, инструменты и методы, а также компетенции персонала.

1.2. Эволюция понятия «устойчивое развитие»

Использование понятий при научном изучении действительности, как средства фиксации познанного, является общепризнанной практикой. По мнению Б.М. Кедрова, содержанием научного понятия является отражение объективной реальности. Отражение рассматривается как процесс, а научное понятие является его формой. Методологической основой анализа эволюции понятия выступает принцип единства общего и особенного, последовательное углубление научного исследования, выявление противоречий, механизмов их размещения при переходе изучения от одной теории к другой. Предлагая два типа понятий: формально-логический (рассматривающий понятия как готовые) и диалектологический (рассматривающий понятия как текущие, развивающиеся), исследователи [146] своевременно убеждают, что по мере развития знаний о предмете, их углублении и расширении, меняются содержание и объем знаний, понятия качественно изменяются, что свидетельствует о переходе от одного качественного уровня познания предмета к другому, более глубокому.

Это в полной мере относится и к характеру изменения, углубления исследуемого в работе понятия «устойчивое развитие» в контексте его исторической эволюции. Во времени объем этого понятия постепенно расширяется, а содержание неизбежно углубляется соответственно расширению и углублению знания об изучаемом предмете [16].

Значение понятия «эволюция» (от лат. evolution - развертывание) в широком смысле воспринимается как синоним развития, процессы необратимого изменения в живой и неживой природе, а также в социальных системах. Это может вести к прогрессу (повышение уровня организации системы), так и к регрессу (понижению этого уровня).

Восприятие эволюционных идей экономикой имеет давнюю историю, а в условиях современности приобретает новые представления о необходимости экономического роста и устойчивого развития, что включает в себя эволюцию государственных политик, которых всегда много, программ, инфраструктуры, институтов, а также технологий и отраслей народного хозяйства.

Экономика первоначально мыслилась своими основоположниками, среди которых следует оценить прежде всего А. Смита и Т. Мальтуса, как эволюционная наука. Теория биологического естественного отбора Ч. Дарвина сформировалась уже позднее и не без влияния идеи конкурентного экономического отбора. Эволюционный процесс характеризуется необратимыми качественными изменениями в системе, недетерминированностью траектории и локальностью цели.

В 1930-е годы XX века была предложена теория научно-технического процесса И. Шумпетера, в которой главная роль предназначалась предпринимателю и его креативным инновациям. Начало 1980-х гг. новые естественнонаучные представления о единой природе функционирования сложных открытых нелинейных систем повлияли на разработку теории институционализма: эволюция правил игры. Тогда эволюционный подход содержал тезис, что экономическое развитие разворачивается по законам дарвиновского естественного отбора.

Позднее нобелевский лауреат по экономике Ф. Хайек предложил три уровня эволюции. В исследованиях А. Кантарбаевой и А. Мустафина [120] представлена характеристика таких этапов.

Первый – это генетическая: эволюция, в результате которой в ходе филогенеза человека генетически закрепляются примитивные формы социального поведения, предпочтений и позиций, порождающие порядок в социальных взаимоотношениях. Второй – это эволюция продуктов человеческого интеллекта и знаний. Знание, освобожденное от временных оков при помощи эффективных способов записи, хранения и передачи информации, получило необычайные возможности для распространения. И, наконец, третий уровень, который Ф. Хайек

рассматривает в качестве стержневого в своем подходе, - это уровень культурной эволюции, работающий «между инстинктом и причиной». Культура ни обусловлена генетически, ни сконструирована рационально. Это традиция заученных «правил поведения» («rules of conduct»), роль которых, как он утверждает, часто не понимается даже теми, кто этим правилам следует. Они передаются посредством культурной трансмиссии – процесса «слепого» или спонтанного в том смысле, что он осознанно не планируется и не управляется. Растущее население требует увеличения специализации и разделения труда. Это, в свою очередь, означает, что основные правила поведения и порядка, индуцируемые ими, расширяются. Правила становятся все более дифференцированными и абстрактными (и все более трудными для индивидуального понимания). Представляется, что таким путем в течение веков возникает «расширенный порядок». И это то, что позволило современным обществам достичь уникального уровня цивилизации и производительности. Этот порядок включает в себя неличностный разум, накопленный в ходе процесса отбора в форме неличностных правил поведения. Его наиболее важными достижениями являются торговля и появление системы рынков.

Расширение содержания и объема знаний о темпах научно-технического прогресса и состояния окружающей среды на планете Земля привели к выводам об установлении некоего равновесия, достижении устойчивости между индустриализацией в обществе и сохранением окружающей среды. Во многом, повлияли также знания под влиянием гегелевского понятия «отчуждение», виды которого стали интенсивно проявляться в условиях увеличивающейся урбанизации территорий, катастрофических масштабов применения пестицидов в сельском хозяйстве, загрязнений окружающей среды.

Многочисленные социологические исследования фиксируют влияние субкультур, отчуждающих людей от социально-экономической реальности, отчуждение личности от общества, отчуждение работника от результатов своего труда, отчуждение личности от самого себя. Все это стало проявляться в кризисе идентичности личности, класса, этноса, семьи и т.д.

Дефиниции «отчуждение» и «устойчивое развитие» имеют общую исходную посылку – понятие «устойчивость», означающее состояние взаимосвязи. При достижении этих состояний биологическая, социальная, экономическая и другие системы получают возможности для саморазвития, качественных изменений, доподлинно устойчивого развития, устраняются многие виды отчуждений, насколько это возможно. Аграрная сфера, в этих случаях, как базис устойчивого функционирования сельских поселений, особо чувствительна к изменениям. «Сельский мир» – феномен культурно-исторический, возникает вместе с государством и в ходе эволюции становится основой будущих городов. Его отчужденность от города делает проблематичным сохранение социальных и культурных традиций села, а сокращение земель сельскохозяйственного назначения становится малопривлекательной сферой приложения труда и капитала.

Идея устойчивого развития, распространившаяся в глобальном масштабе, содержит стремление понять, постепенно устранить те формы отчуждения, которые повлияли на качество жизни людей, смягчить угрозы экологической катастрофы, при обращении к каждому человеку, к каждому народу, к каждому государству и к человечеству в целом [9].

Анализ публикаций дает основания утверждать, что задолго до XX века представители научной мысли предлагали концептуальные идеи сокращения глобальных угроз.

Г. Гегель считал, что «Человеческие потребности, реализуемые за счет природных сил, истощают их и уничтожают» [70]. Сен-Симон оставался убежденным противником капитализма, утверждая, что в его завершающей стадии, когда возникает потребность в социальной ориентации, эксплуатация человека человеком переходит в эксплуатацию природы человеком [394].

Отцом теории глобального потепления принято считать шведского химика С. Аррениуса, который в 1896 г. подсчитал, что удвоение состава CO_2 в атмосфере может вызвать потепление средней температуры поверхности от 5 до 6

градусов по Цельсию. Хотя в 1827 г. французский физик Ж. Фурье впервые использовал термин «парниковый эффект» [284].

Учение В. Вернадского о биосфере, которое основывается на роли живого вещества в геологических процессах, послужило началом научных исследований в системе «человек – природа» и в учете экологических рисков в процессе социально-экономического развития государства [344].

Признавая базовый принцип устойчивого состояния – движение общества в будущее на основе различных компромиссов во взаимоотношениях общества, природы и людей между собой, во второй половине 1970-х годов Дж. Хартвик доказал, что общество должно инвестировать рентные доходы от эксплуатации невозобновляемых ресурсов в воспроизводственный капитал для того, чтобы поддерживать реальное потребление. Ничто из рентного (чистого) дохода не должно потребляться текущим поколением [407].

Р. Солоу подтвердил, что правило Дж. Хартвика подразумевает хранение общего капитала «в целости», как средства достижения устойчивости и использования ресурсов [421].

Современные исследователи проблематики устойчивого развития [306] положительно оценивают исследования Т. Пейджа, который предположил, что каждое поколение должно компенсировать будущим поколениям любое безвозвратное сокращение ресурсов [414] согласно тому же правилу Дж. Хартвика. Авторы считают необходимым обращение к неоклассической экономической теории, по которой одной из основных сил, позволяющих достигать экономического роста при ограниченных ресурсах, считается технологический процесс. Технологический процесс дает результат за счет роста производительности и за счет ресурсной замены. Несмотря на то, что правило Дж. Хартвика игнорирует рост производительности, вызываемый технологическим процессом, его автор считал, что темпы роста технологического процесса превышают темпы роста населения.

Специалистам известны идеи Р.К. Тернера, который дифференцировал уровни устойчивости развития по четырем категориям [423]: очень слабый;

слабый; сильный; очень сильный.

Исходное правило Дж. Хартвика представляет самую слабую устойчивость, когда замещение использованных природных ресурсов произведенным человеком капиталом теоретически неограниченно. Вторую категорию устойчивости развития так или иначе отстаивают представители лондонской школы: Д. Пирс, Г. Аткинсон, Р.К. Тернер. На их взгляд, замещение природного капитала искусственным допустимо до некоторой критической отметки. Это означает, что замена природного капитала техногенным ограничена. В какой-то мере представители лондонской школы придерживаются и позиции сильной устойчивости - замена потребленной части природного капитала допустима только каким-либо другим природным ресурсом, но не машинами и оборудованием. И, наконец, позиции очень сильной устойчивости развития отстаивали и продолжают отстаивать представители, так называемой, термодинамической школы: Н. Георгеску-Ройген, Х. Дэйли. По их мнению, замещение природного капитала недопустимо в принципе - ни искусственным, ни природным другого вида.

Эти исследования повлияли на выводы представителей термодинамической школы, в которых слабую устойчивость они считают экономическим понятием. Это было очень важно для понимания экономики рынка. В этой связи Н. Георгеску-Ройген ввел в научный оборот парадигму невозможности непрерывного экономического роста из-за неизбежного дефицита природных ресурсов. В ее основу были положены законы термодинамики. Он утверждал, что по второму закону термодинамики (закону энтропии) полный повторный цикл оборота материала в замкнутой системе невозможен, а поэтому дефицит природных ресурсов со временем будет увеличиваться.

В статье И.Б. Сергеева и Л.В. Лапочкиной дается справедливый вывод: нет оснований полагать, что рыночная система будет озабочена сохранением природных ресурсов и рациональным их использованием [306].

По нашему мнению, проанализированные научные взгляды позволяют провести дальнейшие обобщения проблематики устойчивого развития, и в

дальнейшем сформулировать предложения, касающиеся государственной ресурсной политики, внесения изменений в законодательство об эксплуатации национального природного капитала, развития агроэкономической системы страны на основе ресурсосберегающих технологий.

Исследования проблем устойчивого развития продолжается, равно как и уточнения соответствующих понятий. Соотношение экономических проблем и процессов в экономике на глобальном уровне стало предметом дискуссий различных научных школ. При этом их социальная сторона непосредственно связывается со средой обитания человека, т.е. с экологическим аспектом устойчивости [21, 190, 274] и др.

В одних публикациях идет критика современного экономического развития, противоречащего экологическим требованиям экосистем. Другие статьи содержат тезисы о необходимости установления равновесия между темпами научно-технического процесса и состоянием окружающей среды на планете.

Существенное внимание ученых уделено экономико-математической модели прогноза мирового развития Дж. Форрестера. Он обосновал, что примерно через несколько десятилетий на земле все ресурсы будут использованы и остро станет проблема продовольственного обеспечения. Вызывает сомнение достоверность этих временных пределов, так как в представленных моделях недостаточно полно, на наш взгляд, уделено внимания периодичности возникновения глобальных экономических кризисов и возможности изобретения новых видов топлива, например, водородного. Известно, что 10 кг такого топлива заменяет 10 тонн каменного угля. Значительные возможности открываются человечеству в процессе освоения мирового океана для расширения номенклатуры пищевых продуктов, которых по известным данным насчитывается около 5000 видов [357].

Для более глубокого понимания процессов эволюции как самого понятия «устойчивое развитие», так и определения концептуальных положений этого явления, в исследовании представлена таблица 1, ознакомление с которой

позволяет предлагать дальнейшие научные уточнения и осуществлять детализацию основных положений, относящихся к устойчивому развитию.

Таблица 1 – Эволюция сущности понятия «устойчивое развитие», относящегося к социально-экономическим процессам

Автор высказывания или публикации	Краткое изложение сущности понятий «Устойчивость», «Развитие», «Устойчивое развитие»
1	2
Гераклит Из источника [267]	Рассматривая два противоположных понятия «изменение» и «устойчивость», утверждал, что их существование соответствует состоянию непрерывности борьбы противоположностей, способствующего установлению всеобщего миропорядка (на примере создания пропорций в трех стихиях: огне, воде и земле).
Аристотель Из источника [267]	Отрицая скачкообразный характер преобразований, был сторонником, как и Гераклит метафизического представления об устойчивости развития, утверждая, что основа устойчивости развития заключается в соотношении количественной и качественной его основы. Сопоставляя развитие с благом, исходил из двух условий: 1) правильность установления конечной цели и 2) отыскание соответствующих средств, ведущих к конечной цели.
Смит А. [312]	Устойчивость связывал с величиной богатства нации, как продукт материального производства, размер которого зависит от соотношения населения, занятого производительным трудом и его производительностью. При этом в своей концепции экономического либерализма стоял на позиции преобладания воздействия на экономику рыночных законов, частных интересов, отвергая монополии.
Сисмонди Ж. [307]	Подвергал критике концепцию экономического либерализма, указывал, что нарастающее накопление капитала ведет к ситуации, когда уровень роста доходов рабочих становится меньше, чем выпуск продукции. В отличие от Ж. Сэя, он высказывался за государственное регулирование рыночной экономики.
Сэй Ж. [326]	Отдавая предпочтение рыночной экономике, как механизму достижения саморегулирования (имеется в виду устойчивого состояния экономики), утверждал, что при возникновении перепроизводства, когда товарное предложение и денежный спрос не эквивалентны, свободный рынок способен восстановить равновесие между предложением и спросом.
Маркс К. [171]	Утверждал, что частная собственность оказывает не справедливое перераспределение богатства нации, в частности природной ренты, что подтверждается современным социально - экономическим положением в России.
Веблен Т. [60]	Являясь сторонником институционализма, полагал, что основной фактор устойчивого развития - институты (государство, семья, экономические процессы), отвергая при этом концепцию К. Маркса о несоответствии частной собственности интересам нации.

Продолжение таблицы 1

1	2
Кейнс Дж. [125]	Согласно теории эффективного спроса, рыночная экономика не способна к ускоренному восстановлению равновесия в экономике без активного участия государства в инвестиционном процессе (понижение ставки банковского процента), а также в процессах финансирования и кредитования и обеспечения полной занятости. На основе рекомендаций Дж. Кейнса США удалось преодолеть великую депрессию и вернуть экономику страны в устойчивое развитие.
Гэлбрейт Дж. [71]	По убеждениям сторонник равного распределения услуг, которые оказывает государство с учетом его нужд, а остальные услуги, относящиеся к рыночной экономике, оказываются в меньшей мере. Высказывается за усиление социальной ответственности услуг, оказываемых государством, что обеспечивает социальную стабильность в обществе.
Фридман М. [404]	Противники вмешательства государства в рыночные процессы, что не обеспечивает устойчивое экономическое развитие, поэтому государственное регулирование должно быть ограничено.
Хайек Ф. [361]	Основным источником нестабильности считал государство, поэтому возникает необходимость в ограничении его власти над обществом, за исключением социальных услуг. Противник плановой экономики, сдерживающей, по его мнению, развитие экономики. Это он связывает с тем, что при плановой экономике происходит «перераспределение доходов в пользу отживающей свой век видов хозяйственной деятельности».
Форрестер Дж. [357]	Разработал первую глобальную модель на основе математического моделирования, базируясь на динамике основных изменений в мире. По сути, мировая динамика стала новым направлением математического моделирования. Это позволило Д. Медоузу с использованием компьютерной модели мира получить прогнозные результаты по срокам исчерпаемости ресурсов планеты (через 75 лет), что приведет к обострению продовольственной проблемы. Решение проблемы предлагается осуществить на основе перехода экономического развития к простому воспроизводству, при условии введения контроля за ростом населения планеты. На наш взгляд, при таком варианте говорить о развитии не приходится. Можно только допустить возможность достижения глобальной социально - экономической стабилизации
Шумпетер И. [392]	Разграничил понятия «экономический рост» и «экономическое развитие», полагая, что экономический рост - это увеличение производства и потребление одних и тех же товаров и услуг с учетом времени, а экономическое развитие свел к инновациям. Представленное понятие экономического развития, по нашему мнению, не может распространяться на все товары, исходя из закона «предельной полезности». Особенно это касается продуктов питания, постоянный рост потребления которых не реален. Хотя, созданная Й. Шумпетером эволюционная теория, базирующаяся на инновационном развитии, подтверждается в реальных социально-экономических процессах.

Продолжение таблицы 1

1	2
Загайнова М.А. [101]	Стратегию устойчивого развития рассматривает в постепенном соединении в единой системе элементов экономического, социального и экологического характера, функционирующих в самоорганизующемся режиме. Экономической составляющей отводится стабильность экономического роста экономики, социальной - социального благополучия и справедливости, экологической - сохранение источников сырья и окружающей среды. Вызывает сомнение реальность обеспечения устойчивого состояния такой системы на основе соединения названных ее составляющих, в виду циклического характера функционирования экономики, невозможности остановить раскрученный маховик роста расхода природных ресурсов и неизбежности в условиях частной собственности достичь уровня благополучия.
Андрианов В.Д. [5]	На основе разработанной автором теории саморегуляции, которая базируется на теориях функциональных экономических систем, автор выделяет два уровня устойчивого развития: 1) макроэкономический, на котором равновесие обеспечивают функциональные экономические системы; 2) макроэкономический (саморегулируемые организации). Данная модель позволяет контролировать и корректировать макроэкономические показатели и обстановку на отдельных финансовых и товарных рынках. На наш взгляд, предлагаемая концепция трудноreализуема в условиях неэквивалентной глобализации, которая возникает из-за разного уровня развития стран.
Яковец Ю.В. [397]	Предложил концепцию глобального устойчивого развития, основанной на диалоге, сотрудничестве и партнерских отношений государств в процессе решения глобальных проблем XXI века. Их решение, по мнению Ю.В. Яковца, может обеспечить своеобразный экономический механизм глобального устойчивого развития на основе создания глобальных фондов и государственно-правовых институтов. По нашему мнению, такой механизм не сможет работать в условиях разноуровневого состояния экономики государств и продолжающейся экспансии США на сырьевые источники развивающихся стран, в условиях нарушенного баланса в сфере торговых отношений и введения экономических санкций.
Митякова О.Н. [190]	Устойчивое развитие представлено как непрерывный процесс формирования мирового гражданского общества, снижения социального неравенства и экологической нагрузки на биосферу, разработки новых ресурсосберегающих и чистых технологий с целью предотвращения глобальных экологических, экономических и социальных угроз, обеспечения экономического роста без ущерба для экологии. Данное определение целесообразно было бы дополнить способностью глобальных социально-экономических систем преодолевать явление цикличности, в ее понижательной волне, избегая социальных и военных конфликтов.

1) составлено автором на основе использования известных источников

Современные подходы к трактовке понятия «устойчивое развитие» свидетельствуют об эволюционном характере этого процесса. Сегодня насчитывается более 50 его различных интерпретаций.

Диалектическое единство этого понятия, теории и практики реализации идеи устойчивого развития позволяет обнаружить, что само понятие развивается по законам предметной деятельности, зависит от конкретных результатов изменений.

Это особенно заметно в современных научных исследованиях, когда отражаются глубокие трансформации, проявляющиеся в результате процессов глобализации. Подтверждением является доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР), подготовленный с участием ученых.

«Устойчивое развитие – это развитие, которое позволяет удовлетворять потребности нынешнего поколения без угрозы удовлетворению нужд грядущих поколений. Это не достижение статичного состояния гармонии, а процесс последовательных изменений, когда эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация на технологический процесс и институциональные изменения соответствуют потребностям будущего и настоящего» [201].

В предположениях российского ученого А.Д. Урсула, количество таких дефиниций будет только возрастать, поскольку «идет процесс осознания будущего развития, которое в принципе неопределенно и многовариантно» [339].

Здесь автор согласен с формулировками такого вдумчивого исследователя как А.Д. Урсул, поскольку единой трактовки не будет по двум причинам: во-первых, различия во взглядах ученых процесс объективный, поскольку понятийный аппарат по мере получения новых знаний будет совершенствоваться; во-вторых, даже появление продуманных формулировок в концептуальных документах, касающихся устойчивого развития, не станет законченным, поскольку выработка понятийного аппарата с учетом дальнейших политических решений продолжится.

Как отмечает Е.А. Старикова очевидно, что «устойчивое развитие» принадлежит к категории понятий, в довольно обобщенном виде отражающих ряд принципов или даже идеальную модель, которую затруднительно представить с использованием точных количественных расчетов.

Начиная с периода 1970-х годов и до настоящего времени, представители различных исследовательских школ демонстрируют отличающегося друг от друга, подчас диаметрально противоположные подходы к изучению устойчивого развития, среди которых присутствуют эколого-системный (биосфероцентрический), антропоцентрический, триединый, кластерный и корпоративный (устойчивое развитие компании) подходы.

Подтверждение этому – коллективная монография А.Г. Гранберг и В.И. Данилова-Данильяна «Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке», в которой дается следующее определение термина «устойчивое развитие». Это «стабильное сбалансированное социально-экономическое развитие, не разрушающее окружающую природную среду и обеспечивающее непрерывный прогресс общества». В нем есть четыре направления: «сохранение естественных экосистем», «стабилизация численности населения», «экологизация производства» и рационализация модели потребления» [85].

Понятие «устойчивое развитие» в нашем диссертационном исследовании можно рассматривать в дискурсе агропромышленного комплекса, агроэкономической системы (сельского хозяйства и сельских территорий). Агропромышленный комплекс (АПК) России – важнейшая межотраслевая система, объединяющая в себе производство, переработку и доведение до потребителя сельскохозяйственной продукции. Система содержит три взаимосвязанные подсистемы: производство машин, удобрений, пестицидов и комбикормов; сельское хозяйство; заготовка, переработка и реализация готовых продуктов. До настоящего времени, термин «устойчивое развитие агропромышленного комплекса» в официальных документах не закреплен, но встречается в научных публикациях. В статье В.В. Боджаевой сформулировано, что «устойчивое развитие АПК – это способность субъектов данного

воспроизводства непрерывно и динамично поддерживать рациональную пропорциональность между факторами воспроизводства агропромышленного комплекса и необходимые темпы его развития в условиях хозяйственного риска и неопределенности» [38].

«Устойчивое развитие АПК, по мнению Д.В. Ходоса и С.Г. Иванова, – это способность всех сфер динамично поддерживать пропорции эффективного развития всего АПК, вести расширенное воспроизводство, формировать продовольственную безопасность страны» [365].

В своей диссертации Х.Э. Таймасханов рассматривает категорию «устойчивое развитие АПК» как процесс целесообразных, направленных закономерных изменений региональной социо-эколого-экономической системы во времени и пространстве, характеризующийся его переходом в качественно новое более совершенное состояние с последующим социально-экономическим развитием в условиях экономической и экологической безопасности и социальной справедливости» [328]. Как представляется, это весьма усложненная формулировка, требующая в дальнейшем научных уточнениях.

В свою очередь, Р.А. Вахрамеев предлагает рассматривать «устойчивое развитие АПК» как способность сбалансированного качественного развития основных отраслей производства через эффективное синергетическое взаимодействие экономических, социальных и экологических факторов, способствующих обеспечению продовольственных потребностей населения в высококачественной продукции на протяжении длительного времени [58].

Ориентация на устойчивое развитие означает постепенное обеспечение осознанной саморегуляции общества в экономической, социальной и экологической средах. То есть, устойчивое развитие базируется на экономической эффективности, экологической безопасности и социальной справедливости.

Если рассматривать агропромышленный комплекс (АПК), то его устойчивое развитие можно характеризовать с трех позиций. Во-первых, достижение стабильного равновесия в темпах развития его сфер на основе оптимальных структурных пропорций, подкрепляемых ценовой

эквивалентностью и конкурентным равновесием, обеспечиваемым формированием конкурентной среды на рынках всех видов производимой продукции; во-вторых, как систему мер государственной поддержки, оказываемой аграрной сфере для достижения требуемого уровня производства продовольственной продукции в целях обеспечения экономической и продовольственной безопасности страны и ее регионов, включая создание запасов продовольствия для сглаживания неустойчивости; в-третьих, как совокупность социально-экономических характеристик, отслеживаемых в режиме мониторинга для обеспечения эффективного управления устойчивостью.

Устойчивое развитие АПК, прежде всего, связано с обеспечением эквивалентного равновесия в развитии его сфер. А поскольку мы рассматриваем АПК как социально-экономическую систему, то при оценке уровня ее равновесия должны учитывать случайность воздействия на нее как природно-экономических, так и социальных факторов. От уровня гармонизации их взаимодействия и воздействия на социально-экономические процессы будет зависеть и степень устойчивости системы. Именно в системе АПК, где взаимодействуют три его сферы и сотни (в масштабе региона), тысячи (на уровне страны) крупных и малых предприятий, отсутствие соответствующей социальной инфраструктуры и механизма развития трудовых коллективов, приводит к спаду производства. Проявление последнего постепенно лишает предприятия не только социальных объектов, на поддержание которых у них нет средств, но и приводит к деградации трудовых ресурсов. Особенно уязвимым в этом отношении является сельское хозяйство, спад производства в котором приводит к аналогичным явлениям в перерабатывающей промышленности.

Следует заметить, что состояние равновесия – это лишь фрагмент устойчивости. Система потому и является устойчивой, что способна преодолевать различные состояния (из равновесного входить в неравновесное и наоборот). То есть, иметь способность к самосохранению в кризисных условиях хозяйствования, чтобы она смогла преодолеть критический уровень спада производства [227, 276, 52, 163].

Применительно к социально-экономическим системам, для достижения их устойчивого развития и более стабильного высокого уровня жизни людей, государство должно ограничить и ликвидировать не соответствующие устойчивому развитию модели производства и потребления, стимулировать соответствующую демографическую политику. Если такое заключение применить в системе управления устойчивостью развития, то, прежде всего, целесообразно использовать социально-экономический эффективный механизм рационального управления ресурсами.

В отношении исследуемой нами агроэкономической системы, имеющей непосредственное соприкосновение с природными ресурсами, особенно земельными, управление ими будет связано с решением таких важных задач как сохранение качества данного ресурса, рациональное (социальное) распределение земель сельскохозяйственного назначения между аграриями, не исключая рыночных механизмов, обеспечивающих решение задач социального характера и коллективной ответственности за экономические, экологические и социальные последствия своей деятельности.

Аналитическое сравнение формулировок, относящихся к устойчивому развитию АПК, в диссертационном исследовании позволяет предложить авторскую дефиницию этого явления. В большой российской энциклопедии представлена полная характеристика отечественной агропромышленной интеграции, начавшейся в конце 1920-х годов [78]. Сегодня в АПК входят региональные комплексы (республиканские, краевые, областные и др.), а также микрокомплексы – агропромышленные формирования (ассоциации, агрохолдинги, агрофирмы, агропромышленные предприятия и т.д.). Сама же производственно-экономическая составляющая АПК подразделяется на три основные сферы: отрасли промышленности, обеспечивающие АПК средствами производства; сельское хозяйство, совокупность отраслей и предприятий, обеспечивающих заготовку, хранение, транспортировку, переработку сельскохозяйственного сырья, а также реализацию конечной продукции.

Следовательно, в нашем понимании устойчивое развитие АПК – это эквивалентное равновесие, пропорциональность, сбалансированность его основных сфер, эффективность продовольственной сферы с наибольшей долей конечной продукции, удовлетворяющей потребностям населения, реализация совокупности мероприятий по сохранению экологического баланса, укреплению личностного и общественного здоровья.

В целом, эволюция понятия «устойчивое развитие АПК» проходит свой период интерпретации, когда авторами предлагаются различные критерии и показатели, рассматриваются специфические особенности конкретного региона, оцениваются возможности АПК.

В отношении сельских территорий важно заметить, что они изначально формировались на интересах населения в производстве сельскохозяйственной продукции. Поэтому научные формулировки, относящиеся к устойчивому развитию неразрывны с пониманием процессов развития сельского хозяйства как агроэкономической системы.

Доктор экономических наук, руководитель Центра устойчивого развития сельских территорий РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева А.В. Мерзлой и кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, Л.А. Овчинцева на устойчивое развитие смотрят комплексно и представляют его как процесс взаимодействия трех компонентов: «население – природа – хозяйство» или «социальная сфера – экология – экономика» [271].

В концепции устойчивого развития эта триада приобретает новые приоритеты:

– цель – благополучие живущих и будущих поколений;

– основа – природно-экологические системы жизнеобеспечения;

– экономика – двигатель развития.

Они же предлагают свое понимание устойчивого развития сельского хозяйства, рассматривая ее как систему, способствующую к устойчивому

воспроизводству всего своего потенциала: природной среды, средств производства и человеческих ресурсов.

Устойчивое развитие сельских территорий, по их мнению, это увеличение объема производства сельскохозяйственной и рыбной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства и рыбохозяйственного комплекса, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, а также рациональное использование земель [309].

В диссертационных исследованиях часто рассматривались проблемы устойчивого развития сельскохозяйственной организации, под которыми предлагалось понимать ее состояние, обеспечивающее эффективное воспроизводство материальных, трудовых и финансовых ресурсов, технологическое совершенствование всех отраслей, сохранность окружающей среды, а также гармонизацию отношений между сельскохозяйственными товаропроизводителями и внешним их окружением, что в совокупности ведет к удовлетворению потребности в сельскохозяйственной продукции.

А.А. Аскаров понимает развитие сельского хозяйства как устойчиво функционирующую динамическую систему, которая возможна только при сокращении или воспроизводстве природных ресурсов, в первую очередь, плодородия земли [18].

Организационные и институциональные предпосылки устойчивого развития сельских территорий обеспечиваются целенаправленными действиями органов региональной и местной власти [56, 57].

С самого начала подходы к устойчивому развитию были основаны на так называемом принципе «конкурирующих целей» (competing objectives), при котором достижение устойчивости предполагалось исключительно для одного из данных направлений – сохранение окружающей среды и природных ресурсов, экономический рост или удовлетворение потребностей человека. По сути, устойчивое развитие, с позиции некоторых исследовательских подходов, представляло собой не что иное, как «игру с нулевой суммой». Однако с течением времени эти изначально взаимоисключающие парадигмы претерпевали

существенные изменения, подстраивались под актуальную повестку дня, синтезировались и приобретали новое значение под влиянием друг друга [319]. Именно этот аспект повлиял на появление новых понятий устойчивого развития в контексте круга задач, которые вбирает в себя конкретная концепция. В полной мере это относится к устойчивому развитию сельских территорий.

Новая дефиниция официально изложена в Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года.

«Устойчивое развитие сельских территорий – стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель» [324].

Сельские территория в документе – территории сельских поселений и соответствующие межселенные территории [325]. Но прежде чем это понятие было размещено в таком важном государственном документе, потребовалось Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015г. №151-р.

В этой же Стратегии присутствуют и следующие понятия:

- «межселенные территории» – территории, находящиеся вне границ поселений;
- «сельское поселение» – один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов), в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления;
- «сельские населенные пункты» – поселки, села, деревни, станицы, кишлаки, аулы, хутора и другие сельские населенные пункты, отнесенные независимо от количества проживающих в них людей к сельским населенным пунктам административно-территориальным делением, установленным в субъектах Российской Федерации. В них может сезонно проживать значительное количество городских жителей;

- «сельское население» – жители, постоянно проживающие во всей совокупности сельских населенных пунктов.

Подводя итог, можно утверждать, что дополнение и углубление существующих исследований, разъяснение терминологии и концептуальных основ устойчивого развития как научного феномена, а также выявление актуальных его интерпретаций исключительно важны для экономической науки. Концепция устойчивого развития получила статус научного феномена. После формулирования Комиссией Брутланда классического определения термина «устойчивое развитие», как «модели движения вперед, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей без лишения будущих поколений такой возможности», она стала исключительно перспективной не только для научного поиска, но и внедрения конкретных мероприятий для практической реализации целей и принципов названного документа.

1.3. Концептуальные, интегративные подходы к формированию и развитию организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы региона с учетом кластерной интеграции

Концептуальный подход в науке всегда предполагает предварительную разработку комплекса ключевых положений, которые определяют общую направленность и преемственность исследования. Это определенный ракурс, исходная позиция, отправная точка, с которой исследование получает направленность в отношении цели.

Организационно-экономический механизм всегда выступает в роли интегратора, остается основополагающим элементом системы управления, позволяющий приводить ее в действие и обеспечивать устойчивое функционирование. В нем соединены цели, функции, методы, технологии

управления, которые могут отличаться по видам в зависимости от того или иного управленческого уровня. Для агроэкономической системы региона такой организационно-экономический механизм управления устойчивостью представлен в авторской структурной модели, системно объединяющей несколько связанных между собой «блоков» (рис. 1).

Основными связующими блоками её являются правовой и информационный, без которых механизм управления не запускается. Управленческие решения должны приниматься в соответствии с законодательными нормами и могут оптимально воздействовать на управляющий процесс только при использовании соответствующего информационного обеспечения.

За правовым блоком логически следует организационно-управленческий блок, включающий, наряду с указанными в нём элементами, также и организационно-правовые формы хозяйствования, каждая из которых выбирает свой вариант организационной структуры управления. В данном блоке просматривается и логическая последовательность выполнения поставленных задач (организационно-управленческих действий).

Учитывая сложившуюся в большинстве регионов систему управления аграрным сектором экономики, в которой основным управляющим звеном выступают министерства или департаменты, первым элементом в этом блоке представлена «Оптимизация управленческой структуры АПК региона». Здесь основной задачей, по мнению автора, является оптимизация распределения функций управления между структурными подразделениями, исключающая их дублирование при рациональной численности управленцев, что непосредственно связано с уровнем их квалификации. При этом «рациональность» выявляется по результатам хозяйствования соответствующих подразделений аграрных организаций. Особую актуальность представляет организация управления реализацией сельскохозяйственной продукции, где важным звеном является государственный (региональный) заказ на сельскохозяйственную продукцию.

Основные блоки механизма управления устойчивого развития агроэкономической системы региона					
1. Правовой блок	2. Организационно-управленческий	3. Экономический блок	4. Функциональный блок	5. Социально-территориальный блок	6. Информационный блок
1.Закон «О социальном развитии села» от 21.12.1990 г. 2.Федеральная программа «Возрождение российской деревни» 3.Программа социального развития села. 4.Государственные программы развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и комплексного развития сельских территорий.	1.Оптимизация управленческой структуры АПК на всех уровнях. 2.Организация производственных процессов в сельском хозяйстве региона. 3.Организация процесса возрождения развития сельских территорий. 4.Организация сбытовой деятельности сельскохозяйственных предприятий и их интеграционных формирований на продовольственных рынках.	1.Федеральный и региональный бюджеты, внебюджетные фонды, собственные средства агроорганизаций. 2.Механизмы: планирования, ценообразования, кредитования, страхования, инвестирования. 3.Экономическая эффективность агропредпринимательской деятельности в сельских районах.	Исполнение основных функций управления: планирующей на индивидуальном уровне; контрольной с оценкой качества управления; регулирующей (распределение госдотаций и госзаказа; оптимизация размещения агропроизводства	1.Управление занятостью населения сельских территорий на основе развития диверсификационных видов предпринимательства. 2.Управление процессом концентрации сельского населения региона и использования заброшенных сельхозземель. 3.Управление развитием единой инфраструктуры сельских территорий.	1.Организация общероссийского информационно-консультационного центра и его филиалов в регионах. 2.Создание региональной информационной системы в АПК. 3.Система агромониторинга.

Рис. 1 – Структурная модель (организационно-экономического) механизма управления устойчивостью развития агроэкономической системы региона

Здесь важно оптимизировать его распределение между сельскохозяйственными организациями, что связано с более рациональным механизмом подбора претендентов, исключающего коррупцию.

Важная задача в этом блоке – организация возрождения и развития сельских территорий, что в рыночных условиях требует расширения государственно-частного партнерства, поскольку бюджетные средства для решения данной задачи ограничены. Одним из вариантов такого партнёрства могут быть государственно-агрохолдинговые инвестиционные компании.

Следующая задача – организация управления производственными процессами непосредственно в сельскохозяйственных предприятиях. Организационная сторона сориентирована непосредственно на трудовые коллективы и выбор рациональных организационных форм, а управленческая - на известные функции управления (планирования, контроля, регулирования, маркетинга и мониторинга). На основе реализации этих функций осуществляется и управление технологическими процессами, завершающимися производством и реализацией сельхозпродукции.

В экономическом блоке предлагаемого механизма решаются задачи непосредственно экономического характера (финансирование, кредитование, ценообразование, инвестиции, бюджетная политика, эффективность хозяйствования). Наиболее важной задачей, по мнению автора, является обоснование мотивационно-инвестиционной привлекательности сельских территорий по состоянию в них агроресурсного потенциала. Мотивационная сторона привлекательности должна подкрепляться соответствующими нормативно-правовыми положениями.

Такой системный подход позволяет создать и системное взаимодействие между субъектом и объектом управления с прямыми и обратными информационными связями.

Следует учитывать, что системность всегда проявляется во взаимодействии с другими системами различного уровня, что вполне согласуется с предложенной Я. Корнаи «системной парадигмой» [137]. Её суть, сводится к тому, что в основе

экономики должны быть устойчивые экономические системы, способные обладать однотипными принципиальными положениями, адекватными представлениям системного подхода, предложенного ещё основоположниками общей теории систем Л.Фон Берталанфи, У. Эшби, Дж. Фон Нейманом и их учениками, о которых пишет Г.Б. Клейнер [129].

Согласно новой теории экономических систем, функционирование экономического процесса (производства, распределения, обмена и потребления благ) «рассматривается через взаимодействие и трансформацию разноуровневых систем» [160], что подтверждается отечественными учеными [280].

При этом взаимодействие между системами осуществляется через некую «межсистемную среду» обеспечивающую «перемещение» материальных благ, о которой упоминал Г.Б. Клейнер [129].

Если рассматривать агроэкономическую систему в контексте АПК, то «межсистемной средой», по мнению автора, можно считать воспроизводственную функцию управления. Именно здесь стыкуются интересы особенно системообразующих отраслей – мультипликаторов, к которым относится наиболее устойчиво функционирующие отрасли: зернопроизводящая, комбикормовая и птицеводческая. То есть, взаимодействие происходит, в основном, на уровне территориальных и агропромышленных систем, каждая из которых нацелена на максимальное удовлетворение потребительского спроса, то есть, несёт в себе элемент социальности. Следовательно, процесс управления устойчивостью развития агроэкономической системой непосредственно связан с ее социальной составляющей.

При таком подходе автор предлагает рассматривать проблематику управления устойчивостью применительно к региону с обращением к такому понятию, как социально-экономическая территориальная система АПК» (СЭТС) и ее модели. Она предложена в виде структурной схемы (рис.2) и включает три основные подсистемы: территориальную агропромышленную (без агарной сферы) (ТАПП); территориальную агрономическую (ТАЭП); социально-экономическую территориальную систему в АПК (СЭТС). Через

информационные потоки формируется и действует механизм управления СЭТС, а данные о состоянии природных ресурсов, относящихся к сельскому хозяйству, являются базой для прогнозирования, планирования и развития этой системы.

Информационное обеспечение СЭТС осуществляется через рынок и механизм управления. Подпитываясь сведениями о рынках (продовольственном, материально-техническом, труда, земли) своевременная информация позволяет управленческим структурам вносить соответствующие коррективы в механизм управления СЭТС.

Особенно это важно для коррекции государственного регулирования продовольственного рынка, изменения мотивационных условий для привлечения молодежи в село, решения проблемы повышения устойчивости самой системы.

СЭТС присущи все известные принципы системности: целостность, структурная иерархичность, структурированность.

Целостность можно рассматривать как взаимозависимое единство двух подсистем: сельскохозяйственного производства на замкнутой территории и ее социума, как взаимосвязанное единство производственной и социальной инфраструктуры села на разных территориальных уровнях (в границах конкретного сельскохозяйственного предприятия, муниципального района или региона.

Структурная иерархичность проявляется в подчиненности элементов системы низшего уровня, оказывающая меньшую значимость для сохранения устойчивости функционирования социально-экономической территориальной системы (например, применяемая форма хозяйствования в производственной деятельности агрохозяйства или малозначимые объекты социальной инфраструктуры), элементами более высшего уровня (основные аграрные ресурсы и наиболее важные для проживания объекты социальной инфраструктуры территорий). Структурированность характеризует возможность анализировать элементы системы и их взаимосвязь в рамках конкретной организационной структуры, а процесс функционирования системы в целом

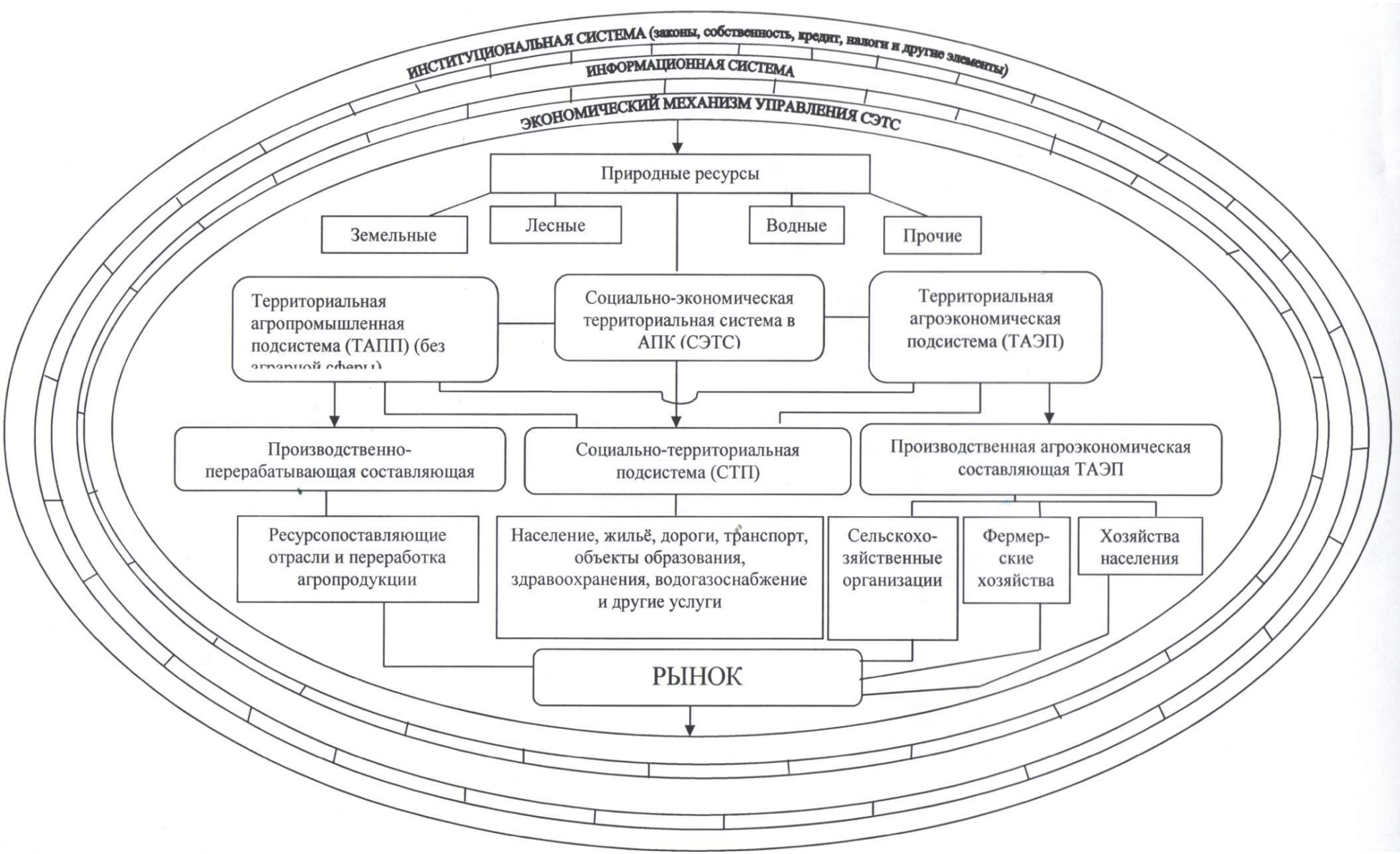

Рис. 2 - Структурная схема социально-экономической территориальной системы АПК региона

обусловлен свойствами самой системы. В социально-экономической территориальной системе (СЭТС) основным элементом является земля, как главное средство производства в сельском хозяйстве – основной подсистемы СЭТС. Управление ею непосредственно связано с эффективностью использования земель сельскохозяйственного назначения.

В этом плане отечественной практике весьма интересен для изучения опыт управления земельными ресурсами в Китае [50], [134].

- социально-экономическая территориальная система СЭТС), по нашему мнению, методологически базируется на следующих принципах (основополагающих правилах):

- самоорганизация – саморазвитие (особенно проявляется в процессе формирования и развития территориальных агрокластеров и агрокооперативных объединений независимо от государственного регулирования бюджетной поддержкой);

- креативность (проявляется в основном в процессе формирования инновационных идей);

- результативность проявляется в управленческой деятельности при развитии систем;

- синергия (принцип характерен для управления интеграционными процессами в АПК и, особенно, в инновационной деятельности);

- эмерджентность (сохранение целостности ТАЭС в процессе реализации основных функций управления, важнейшей из которых является регулирующая, ориентируемая на достижение эквивалентных отношений в интеграционных формированиях АПК);

- конкурентность (управление процессом формирования конкурентной среды на продовольственном рынке, на котором, наряду с большими частными агроструктурами, монополизирующими данный рынок, должна быть, как в цивилизованных странах, агроэкономическая система);

- конкурентоспособность (проявляется в процессе управления развитием аграрных хозяйств на основе эффективного распределения агроресурсов,

бюджетных средств, для государственной поддержки сельского хозяйства и оптимизации доли импорта продуктов питания);

- социальность (проявляется в процессе управления мотивацией трудовой деятельности, развитием сельских территорий на основе расширения инвестиционной активности, мотивируемой государственной институциональной сферой);

- приоритетность (реализуется в процессе планирования развития АПК и сельских территорий, связанного с выбором его мультипликаторов, с размещением агропроизводства, а также при обосновании эффективных вариантов государственной аграрной и агропродовольственной политики).

Особое внимание следует обратить на принцип приоритетности. Он должен, в первую очередь, выражать процесс выбора целей, обеспечивающих устойчивое развитие СЭТС, включающий аграрные хозяйства и сельские территории с их производственной и социальной инфраструктурой. Приоритетность целевых установок не должна идти вразрез с интересами государства, аграрного предпринимательства и населения сельских территорий. Вместе с тем, попадая во «власть» приоритетно расставленных целей, процесс управления теряет гибкость, маневренность, и, в конечном счете, может нарушить устойчивость функционирования СЭТС. Поэтому приоритетность достижения расставленных в определенных нормативных рамках целей должна быть обеспечена на основе гибкого механизма управления развитием данной системы. Необходимость введения такого механизма вызвана также и проявлением бифуркационных факторов, нарушающих устойчивость СЭТС. Наиболее критическими (рисковыми) из них являются: изменчивость конъюнктуры продовольственного рынка; нестабильность государственной поддержки; меняющиеся погодные условия; изъяны в мотивационном механизме трудовых коллективов и агропредпринимательских структур.

Приоритетность относится и к созданию эффективных регулирующих механизмов, влияющих на темпы и уровень изменений социально-экономической территориальной системы (СЭТС), что зачастую бывает проблематичным. На

уровне региона все задачи создания таких механизмов не могут быть решены, поскольку на экономику почти любой отрасли, особенно аграрную, оказывают влияние процессы глобализации, слабая государственная поддержка, финансово-экономический кризис, межгосударственные конфликты и санкции. В связи с этим возникает необходимость в реформировании государственной аграрной политики, ориентируемую на развитие таких систем.

То есть, на развитие аграрных хозяйств и сельских территорий, основанное на соединении социально-экономических интересов региона (продовольственное самообеспечение), сельских хозяйств (устойчивое повышение доходности), муниципалитетов (пополнение бюджета от налоговых поступлений для содержания и развития социальной инфраструктуры сельской территории), проживающего в ней населения (повышение занятости и социальных услуг).

Решение проблемы просматривается через совершенствование мотивационного регулирования развития СЭТС, снижения политизации в аграрной экономике, особенно проявляющейся в процессе распределительных отношений. Но, даже законодательно закрепленные, они могут не отвечать намеченным стратегическим установкам. Поэтому возникает необходимость в формировании новой концепции развития данной системы, направленной на расширение участия аграрного предпринимательства и населения сельских территорий в управлении на уровне его планирующей и регулирующей функции. То есть, планирование «сверху» должно иметь рекомендательный характер с предложением аграриям не менее двух программ развития, из которых они выбирают наиболее приемлемую.

При этом расширяются возможности кооперативного, корпоративного и смешанного (кооперативно-корпоративного управления). Последнее мы считаем вершиной развития кооперации и агропромышленной интеграции, когда крупные кооперативные объединения сельхозтоваропроизводителей покупают контрольные пакеты акций комбикормовых, мясоперерабатывающих, молочных заводов, машиностроительных фирм и даже нефтеперегонных заводов. И все эти структуры переходят в собственность агроорганизаций всех форм

хозяйствования. Именно такой опыт управления используется в некоторых социально-ориентируемых странах, например, в Швеции. Однако достичь этой «вершины» в России в ближайшие годы пока практически невозможно из-за полного отсутствия цивилизованной формы кооперации. Её создание заблокировано крупным частным капиталом на продовольственном рынке, и там нет пока места кооперативной оптово-розничной сфере, которую также еще предстоит создать [256, 23, 253].

Помехой в реализации эффективного механизма управления развитием ТАЭС является политизация в аграрной экономике. История ее «бытия» свидетельствует о том, что каждая пришедшая к власти политическая элита изобретает свой вариант развития сельского хозяйства без учета социально-экономических интересов аграриев и сельского населения.

В законодательно оформленной аграрной политике отсутствует главное – механизм ответственности ее авторов за реальность реализации предлагаемых политиками вариантов развития АПК, за нереальные стратегические установки. Например, одну из них можно назвать: формирование класса крестьян-собственников через механизм земельных рыночных отношений. Однако неоднократные изменения в законодательной базе, отсутствие в ней статуса преемственности, так и не позволили реализовать выдвинутый в начале XX века лозунг – «Землю – крестьянам!». Она снова переходит во власть крупного капитала, концентрирующего в свою собственность крестьянские земельные доли и участки. Тем более, что при отсутствии надлежащей государственной поддержки, нерегулируемого ценового диспаритета и продовольственного импорта, это осуществляется фактически беспрепятственно. Концентрации в агрохолдингах земель сельхозназначения способствует внесенная в известный закон поправка, по которой неиспользуемые по вышеназванным причинам земельные участки переходят в собственность муниципалитетов. Дальнейшее распределение таких участков происходит по их усмотрению, не исключая случаев перевода сельхозземель в другие категории, которые могут переходить в

собственность частного капитала без особых затруднений, не связывая с целевым их использованием (сельхозпроизводством).

Неустранимость земельной проблемы, основанная на несовершенном законодательстве, породило начало кризиса в аграрной сфере еще в 80-е годы XX века, когда возник тотальный дефицит продовольствия, породивший талонную систему его перераспределения. Именно в это время необходимо было принимать более эффективные меры по выводу сельского хозяйства и всего АПК из кризиса. Однако доминирование политики над экономикой не позволило решить эту проблему еще до перехода в рыночную экономику. Применение ускоренного варианта этого перехода неизбежно приблизило аграриев к тяжелым условиям жизни. А продолжающийся экономический кризис в стране еще более приблизил сельское хозяйство к преобладанию натуральной формы аграрного производства. Приостановить этот нежелательный для России процесс может только преодоление преобладания политики над экономикой, переход на новую концепцию развития аграрной экономики, основанную на повышении ответственности руководителей всех уровней за результаты хозяйствования, введении эффективного организационно-экономического механизма развития агроэкономической системы и сельских территорий, как важнейших составляющих аграрной сферы.

Для более подробного обоснования сущности механизмов как таковых, важно охарактеризовать две формы механизмов, предлагаемых учеными: «замкнутую, воспроизводящую исходное явление», которая названа механизмом закрытого «типа» и не воспроизводящую – «механизмом открытого типа». К первому типу отнесены механизмы, не поддающиеся количественным оценкам, ко второму – валютный механизм, финансовый механизм и их производные [290].

На наш взгляд, такое распределение механизмов содержит некоторую условность, поскольку в каждом из них могут присутствовать элементы открытого и закрытого типа. Попытаемся обосновать такой вывод на примере организационно-экономического механизма управления устойчивым развитием

аграрных хозяйств и сельских территорий. «Замкнутость» в данном механизме заложена в повторяющейся цикличности воспроизводственного процесса, который вынужденно и постоянно должен осуществляться в условиях погодного риска, воздействия правил ВТО, экономических санкций и неизбежности государственной поддержки.

Зависимость агропроизводственного процесса от названных факторов сдерживает его переход в новое качество – в расширенное воспроизводство на инновационной основе. В лучшем случае не снижается, а остается неизменной доходность сельскохозяйственных организаций и величина налоговых поступлений в бюджет муниципалитетов. Это не позволяет им поддерживать социальную инфраструктуру сельской территории (района) на более высоком уровне. То есть, механизм развития замыкается на уровне простого воспроизводства и не создает для него надлежащих условий.

С другой стороны, не теряется возможность совершенствования непосредственно самого процесса управления, позволяющего осуществить переход на устойчивое развитие в рамках расширенного воспроизводства. Здесь важнейшее значение придается значимости элементов организационно-экономического механизма, всей их совокупности, взаимодействующих в рамках различных блоков. И, вероятно, не от количества блоков и их элементов будет зависеть устойчивость развития аграрных хозяйств и сельских территорий, а от эффективности их взаимодействия и от принимаемых на макро-мезо- и микроуровнях управленческих решений.

Допустим, устойчивое развитие инноваций может раскрутить маховик развития только при слаженном взаимодействии с такими составляющими как институт собственности, господдержки, законодательно-нормативный, налогообложения, страхования и т.д., а также с информационным блоком. Остальные блоки играют хотя и второстепенную, но необходимую роль для поддержания устойчивого функционирования социально-экономической территориальной системы.

В диссертационном исследовании предлагается авторская структурная схема, поясняющая формы таких процессных изменений и специфику управленческих воздействий (рис. 3) применительно к агроэкономической системе сфере и сельским территориям.

Учитывая несовместимость продолжительности жизненных циклов данных подсистем, возникает необходимость в обосновании механизма управления их взаимодействием в рамках названных процессов.

Продолжительность жизненного цикла подсистемы сельского хозяйства зависит в основном от пяти факторов: уровня изменчивости конъюнктуры продовольственного рынка; темпов роста инфляции и ценового диспаритета; уровня государственной поддержки и проводимой аграрной политики; состояния механизма управления социально-экономического развития страны.

Продолжительность жизненного цикла социальной подсистемы сельских территорий, из-за неоднородности ее составляющих, может быть определена как среднее значение данного показателя по состоянию: социальной инфраструктуры сельских территорий (сельских муниципалитетов – районов) в составе конкретного субъекта РФ; жизненного уровня сельского населения (по доходам, качеству питания, экологичности и др.).

Если продолжительность жизненного цикла сельской социальной инфраструктуры может исчисляться несколькими годами или десятилетиями, то цикличность жизненного уровня населения, особенно по величине доходов, имеет краткосрочный характер и зависит от: состояния экономики; находящихся на территории действующих организаций;

состояния социальной инфраструктуры сельских населенных пунктов (жилья, дорог, медицинских, детских и образовательных учреждений и т.д.). Отсюда следует вывод: управление процессами функционирования, совершенствования и развития обеих подсистем должны осуществляться во взаимосвязи и взаимозависимости, с учетом особенностей названных процессов.

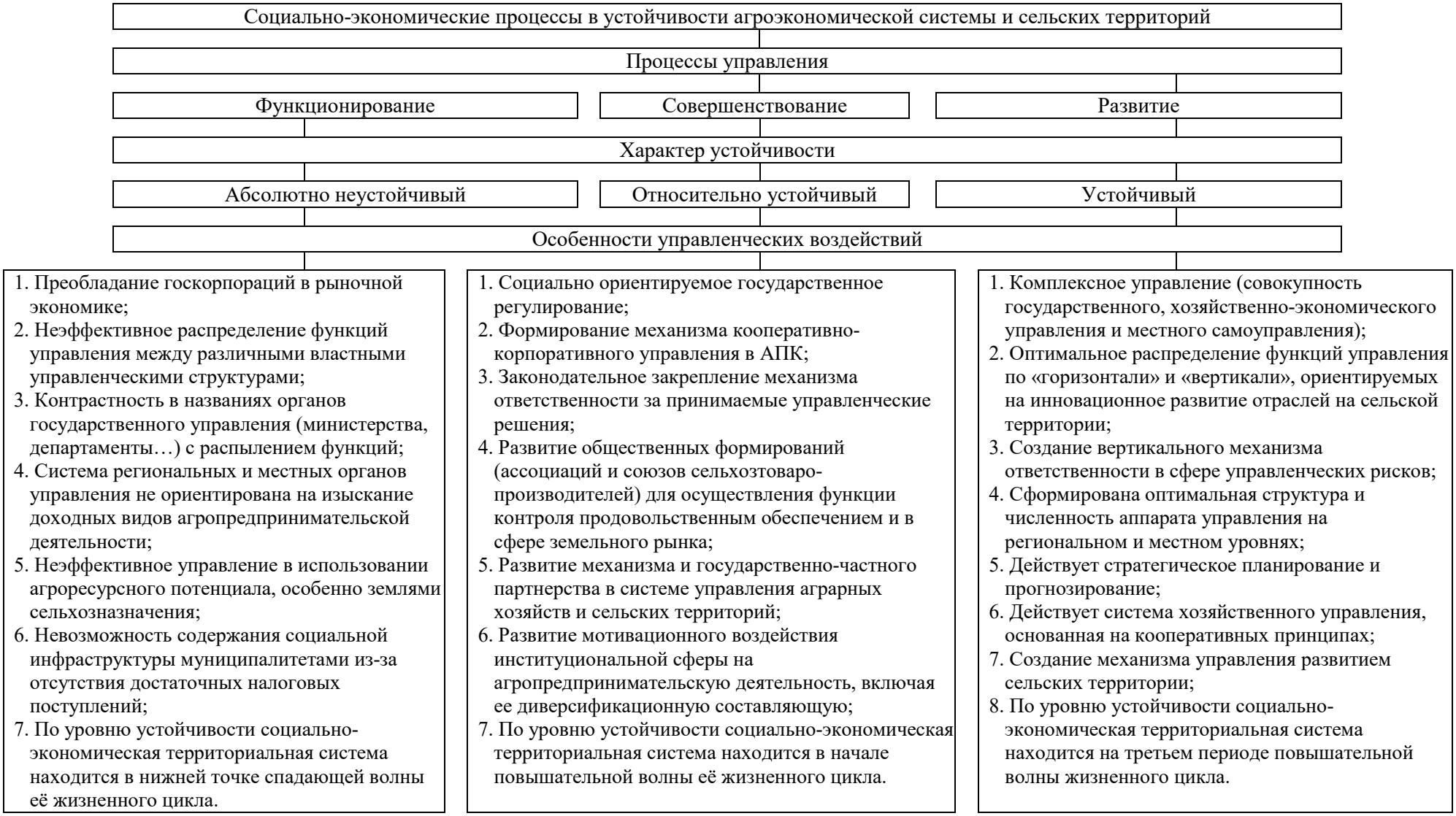

Рис. 3 - Структурная схема с формами процессных изменений и специфики управленческих воздействий на разных уровнях устойчивости социально-экономической территориальной системы в регион

Под процессом функционирования мы понимаем такое состояние подсистем, при котором сельскохозяйственная производственная подсистема находится в состоянии простого воспроизводства (рентабельность с государственными дотациями 8-10%), обеспечиваемого на уровне не повышающихся объемов производства сельхозпродукции и расхода агроресурсов. В свою очередь, социально-территориальная подсистема находится в состоянии установившейся динамики социальных нормативов (по уровню реальной заработной платы, обеспеченностью медицинскими, образовательными, бытовыми и иными услугами). Находясь в инерционном состоянии функционирования, обе подсистемы не имеют возможности дальнейшего улучшения присущих им социально-экономических показателей. Именно в фазе функционирования, не имея возможности даже приблизиться к развитию, находится, по нашему мнению, территориальная агроэкономическая система (ТАЭС) России и многих ее регионов. Процесс функционирования непосредственно связан с пассивным управлением на всех уровнях, с «холостым» (не реализуемым на практике) планированием «сверху» в виде программных установок.

Промежуточным звеном между «функционированием» и «развитием» является процесс совершенствования, для которого характерна начальная точка перехода жизненного цикла системы в повышательную волну цикла. Процесс совершенствования связывается с реализацией имеющихся в рассматриваемой системе внутренних резервов для повышения эффективности и устойчивости производственной подсистемы как базы для улучшения социально-территориальной подсистемы и условий жизни сельского населения.

С позиции управления процесс совершенствования связывается с выбором приоритетных вариантов перехода на устойчивое развитие. В качестве такого варианта может быть выбор мультипликатора (лат. multiplicator – уменьшающий, увеличивающий) развития территории и обоснование механизма его воздействия на состояние СЭТС в целом. С позиции той же маркетинговой деятельности,

управление может быть связано с совершенствованием мотивационного воздействия на потребителя (повышение качества производства сельхозпродукции, ее ценовая стабилизация).

Началом процесса развития социально-экономической территориальной системы можно, по нашему мнению, считать период перехода большинства ее производителей продукции к расширенному воспроизводству на интенсивно-инновационной основе. Именно большинства, а не отдельных инновационных эпизодов, которые средства массовой информации ошибочно выдают за массовое проявление инновационного развития в сельском хозяйстве.

Важно также учесть проявления уровня инновационности, связывая его с «моральным износом» действующего механизма управления социально-экономической территориальной системы в сельском хозяйстве.

Используя термин «моральный износ первого и второго рода», употребляемый в технике, отметим следующее. Моральный износ первого рода механизма управления данной системой в процессах «функционирования» и «совершенствования» проявляется в период начала повышения производительности труда в некоторых отраслях аграрного сектора территории, возникающего в связи с переходом их на инновационную основу развития. Моральный «износ» второго рода механизм управления претерпевает, когда большинство отраслей, действующих на сельской территории, получили развитие на интенсивно-инновационной основе. То есть, на основе минимизации расхода территориальных ресурсов (природных, материально-технических, энергетических и трудовых) при оптимальной численности управленческих кадров и достижении эффекта синергии от эффективного взаимодействия всех элементов социально-экономической территориальной системы. При этом, могут быть задействованы следующие функциональные инструменты управления: оперативное планирование; организация, мотивация, коммуникация, контроль и регулирование; управление финансовыми ресурсами (инвестиционное планирование, бюджетирование, управленческий учет); управление человеческими ресурсами (формирование и развитие персонала); управление

процессами (управление качеством, инжиниринг, бизнес- процессов); стратегическое управление; управление знаниями (интеллектуальный капитал); управление техническим обновлением аграрного производства и жизненными циклами товарной продукции, включая и все виды диверсификации аграрного предпринимательства.

Одна из основных проблем, как отмечают исследователи, территориальное стратегическое планирование, основанное на межведомственном подходе к развитию сельских территорий, ориентируемое на расширение диверсификационной активности и создание среднего класса сельских предпринимателей [138].

При этом должны быть учтены и следующие меры:

- укрепление правовой и финансовой системы;
- преодоление ведомственной разобщенности в управлении сельским развитием, а также информационной изолированности;
- развитие системы государственного информационного обеспечения и консультационной помощи сельхозтоваропроизводителям, а также развитие сельской кредитной кооперации и земельного ипотечного кредитования;
- реализация государственной программы развития сельских территорий;
- выделение сельских территорий в качестве самостоятельного объекта федерального и регионального управления.

Названные меры целесообразно дополнить разработкой и внедрением социально-финансовых нормативов и включить этот важный пункт в программу развития сельского района.

Совершенствование организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы (сельского хозяйства) региона с применением способов интеграции исключительно перспективно. Интеграция материальных, финансовых, человеческих ресурсов и потенциала природных объектов, сосредоточенных в регионе, предусматривается в авторской социально-экономической территориальной системе (СЭТС). Наиболее важны в ней – агроэкономическая система и сельские территории.

Первая сориентирована на производство сельскохозяйственной продукции, вторая – на развитие социальной сферы, в основном социальной инфраструктуры сельских территорий, на сохранение в них традиционных основ жизнеустройства. Интерактивная функция может быть успешно реализована с применением управленческих технологий.

Управление имеет системный характер и, как любая система, представляет собой некоторую целостность, состоящую из взаимозависимых частей, каждая из которых вносит свой вклад в характеристику целого.

В управление как сложную систему включены процессы управления, управленческие технологии и социальные ресурсы. Таким образом, процесс управления рассматривается как совокупность взаимосвязанных и последовательность действий, процедур или последовательная смена состояний, направленных на получение некоего результата, конечного достижения, факта. Процессы управления напрямую связаны с осуществлением функций управления [128].

Уровень устойчивости агроэкономической системы (сельского хозяйства) на территориях региона, по нашему мнению, может достигаться при внедрении предлагаемой авторской модели организационно-экономического механизма управления развитием на основе интеграции ресурсов и управленческих технологий социально-экономической территориальной системы (рис.4)

В этом случае кластерный подход при управлении развитием становится эффективным инструментом повышения конкурентоспособности региона. Зарубежный опыт свидетельствует о применении «вертикальных» и «горизонтальных» кластерных систем. Более эффективна из них система «горизонтальная», при которой, во-первых, агроэкономическая система может полноценно функционировать и развиваться при условии, что обеспечиваются сбалансированные связи сельского хозяйства, отраслей промышленности, производящих для него средства производства, сферы переработки и реализации продукции. Во-вторых, кластеры приобретают конкурентоспособность при инновационной ориентированности, расположении на территории региона, с

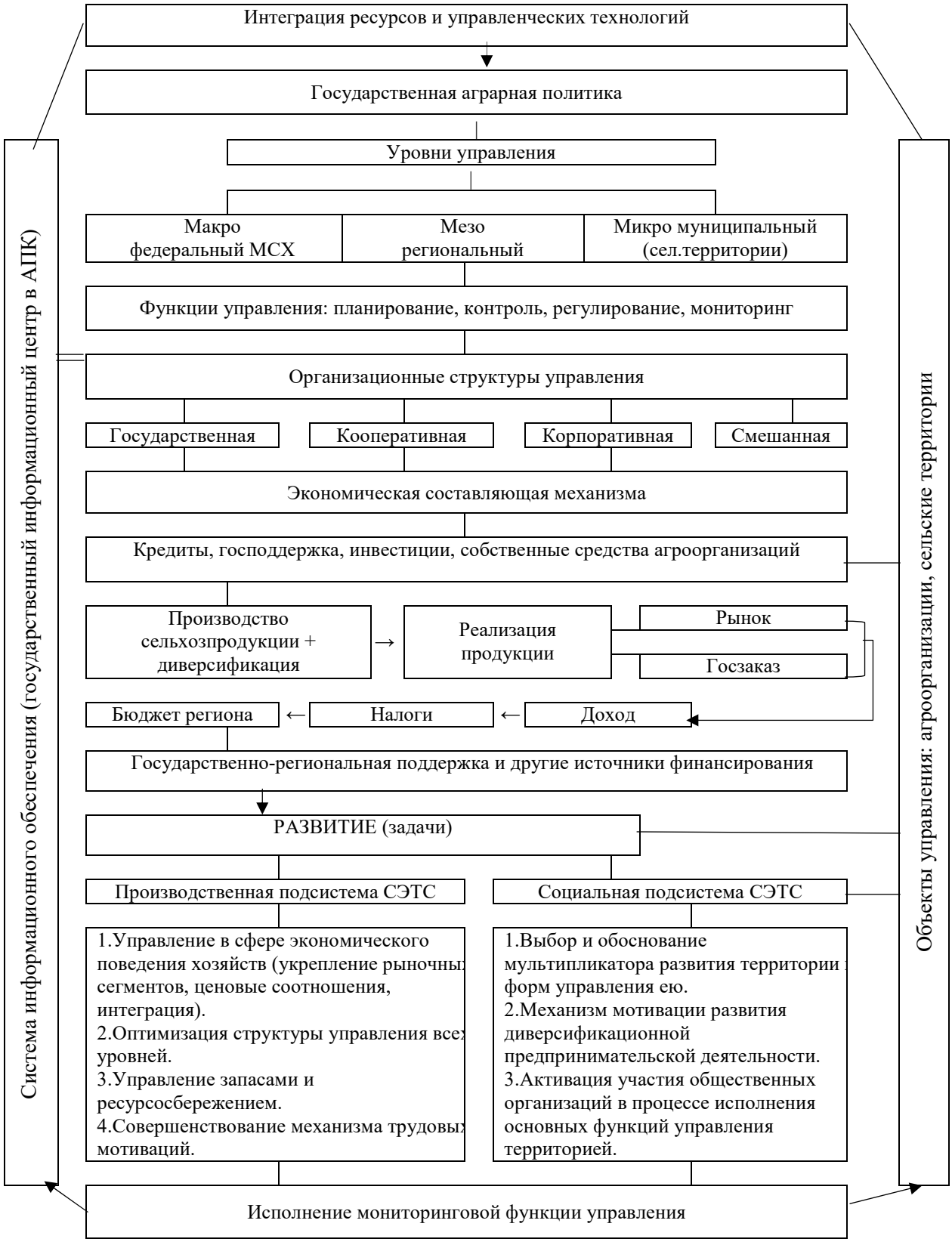

Рис. 4. Модель организационно-экономического механизма управления развитием на основе интеграции ресурсов и управленческих технологий социально-экономической территориальной системы

одновременным углублением межрегиональной экономической интеграции. В-третьих, создание и развитие кластеров перспективно при активной помощи администрации регионов и муниципальных образований.

Вместе с тем, предложения науки могут быть не реализованы, если в регионе будут оставаться только сельскохозяйственные предприятия «одиночки». По утверждению Доржиевой Е.В., кластеры, являясь рыночной формой интеграции, в которой аксиоматично должны присутствовать наука, органы власти и субъекты бизнеса [96].

Сегодня в России, к сожалению, не существует единого методического подхода создания региональных кластеров в сельском хозяйстве, что затрудняет действие социально-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы и сельских территорий, а также оценку социально-экономического эффекта существующих и вновь создаваемых кластерных образований.

В регионах о кластерах в сельском хозяйстве упоминается кратко, мимоходом, в рамках региональной экономической политики. Это отражено в документах Пермского края, Республики Удмуртия, Республики Мордовия, Чувашской Республики, в Татарстане. Пищевой кластер создан в Республике Марий Эл. Они сотрудничают с соседними регионами, имеют контакты с промышленными предприятиями, изготавливающими сельскохозяйственную технику. Сырьевая база этих территорий позволяет объединить усилия для обеспечения потребностей внутреннего рынка продовольствия. Но это единичные случаи, что позволяет сформировать гипотезу: формирование кластеров в сельском хозяйстве страны имеет много неопределенностей при отсутствии заинтересованности территориальных органов власти [184, с. 72-73].

Кластеризация объектов социальной инфраструктуры в сельской местности, по утверждению исследователей, позволит добиться более эффективного их функционирования и развития элементов социального кластера, за счет получения ежегодного дохода от реализации различных проектов, который участники кластера будут направлять на модернизацию, реконструкцию

и обновление объектов сельской социальной инфраструктуры, и улучшение условий жизнедеятельности местного населения [40].

Как механизм интеграционного свойства, кластерные образования могут получить синергийный эффект при усилении воздействия общественных организаций на выбор приоритетов развития сельского хозяйства в конкретных регионах, ориентированного на повышение качества жизни населения. Целесообразно расширять их вовлечение в процесс принятия управленческих решений, особенно касающихся использования природных ресурсов, охраны окружающей среды и преодоления кризисных явлений на селе.

То есть, устойчивое развитие аграрных хозяйств и сельских территорий предполагает достижение двух основных взаимосвязанных целевых установок: повышение качества жизни и достижение безопасности жизнедеятельности. Обе установки тесно связаны с сохранением народонаселения, достигаемого на основе оптимального управления развитием СЭТС, в основе которого – сфера материального производства, связанного с аграрной предпринимательской деятельностью. Возможности управления ею ограничены условиями ВТО, одно из которых связано с запрещением расширения посевных площадей, что вызывает необходимость перехода к интенсивному аграрному производству. Тем более, что условие по ограничению господдержки сельского хозяйства пока действует.

Идея формирования и развития организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы региона с учетом кластерной интеграции вбирает в себя и учет факторов интенсификации. Современность предъявила новые вызовы, при которых значительно сократилось количество земель сельхозназначения. В этой связи ограниченные объемы господдержки можно сориентировать на производство сельскохозяйственной продукции на меньших площадях, что и связано с их интенсивным использованием. Повышается эффективность и конкурентоспособность внутрирегиональных агроэкономических систем, при одновременном решении проблемы сохранения агроресурсного потенциала.

Переход от экстенсивного к интенсивному методу ведения сельского хозяйства на ограниченных площадях позволяет оставшиеся земельные территории использовать для расширения лесных массивов (лес – это тоже богатство). Однако и в этих условиях требуется соблюдение баланса между наличием и состоянием ресурсного потенциала, трудовыми ресурсами и в целом численностью населения в каждом отдельном территориальном формировании. При нарушении баланса между ресурсами, включая и трудовые, и проживающим в населенном пункте населением, появляется снижение уровня устойчивости не только аграрного производства, но и всей территориальной агроэкономической системы, включающей все имеющиеся на данной территории природные и материально-технические ресурсы, объекты социальной инфраструктуры и трудовые ресурсы.

Нарушение баланса между этими составляющими данной системы и снижения уровня ее устойчивости обусловлено и причинами бифуркационного характера. Известно, что характерным признаком бифуркации является чувствительность к незначительным воздействиям вблизи точки бифуркации, в результате чего система приходит в неустойчивое состояние. Фактически это приводит систему в состояние катастрофы [118].

Примером проявления воздействия бифуркации на агроэкономическую систему может служить «избавление» в советский период от, так называемых, «неперспективных» сел и деревень. Для этого, с подачи властей, малые сельские населенные пункты лишались социальной инфраструктуры (детских учреждений, школ, больниц и т.д.), поскольку в них работающим не платили зарплату, ставки были сокращены. Результат таких действий известен – тотальный дефицит продуктов питания, талонная система. Это была почти катастрофа в сфере самообеспечения продовольствием, которая едва не закончилась социальным взрывом.

Это дополняет вывод о необходимости комплексного подхода к решению производственных и социальных задач в процессе применения механизма управления устойчивостью. При этом под комплексностью следует понимать и

качественное взаимодействие принимаемых решений в агропродовольственной политике экономического, социального, продовольственного и природоохранного характера. Комплексность дополняется и приоритетностью реализации принимаемых управленческих решений с позиции их рационального взаимодействия на разных уровнях. Особенно это требование важно для каждого региона, муниципалитета и аграрной организации. Властные управленческие структуры на уровне федеральных и региональных министерств сельского хозяйства на мотивационной основе (через господдержку и гарантированный госзаказ на агропродукцию) и на индикативном уровне планирования, используя сведения аэрокосмического обследования земель сельскохозяйственного назначения и соответствующих данных из регионов, безусловно вносят коррективы в аграрную специализацию субъектов РФ.

В этих случаях целесообразно пересмотреть порядок перечисления доходов из регионов – «доноров» в госбюджет и выделения из него средств дотационным субъектам.

Часть перечисляемых доходов из регионов - «доноров» можно использовать для реализации совместных (с близлежащими дотационными регионами) инновационных проектов развития АПК. Это упростило бы порядок бюджетного взаимодействия и гарантировало бы реальность целевого использования средств, избежав излишних перераспределительных процедур и различного рода махинаций. Достаточно вспомнить теперь уже историю с льготным кредитованием сельского хозяйства через коммерческие банки. Из выделенных «Альфа-банку» 39 млрд рублей для села, 17 млрд так и не дошли до регионов [260].

После уточнения аграрной специализации, индикативное планирование устойчивого развития сельского хозяйства, как важнейшая функция управления переносится непосредственно в регионы, в которых уточняется состояние агроресурсного потенциала, включая и предпринимательские возможности. Если анализ состояния традиционных агроресурсов в регионе особых затруднений не составляет, то для оценки совокупных (региональных) агропредпринимательских

возможностей комплексной методики пока не существует. Это затрудняет выбор эффективности управленческих решений по распределению региональной бюджетной поддержки между сельскими районами, по оптимизации мотивационного размещения и специализации аграрного производства, по определению приоритетности развития факторов производства, составляющих системы устойчивого (стабильного) развития аграрной сферы региона (производственной, социально-экономической и природоохранной).

Не вызывает сомнения, что задачи приоритетности развития названных составляющих изначально должны решаться на микроуровне (в масштабе каждой организации). Особая актуальность, по нашему мнению, обусловлена необходимостью выбора приоритетности развития социальной и производственной инфраструктуры предприятия. Это две взаимосвязанных и взаимозависимых составляющих стабильности его функционирования. При деградированной социальной инфраструктуре нет гарантии для нормальной жизнедеятельности на селе. Сельхозпредприятия испытывают недостаток и в трудовых ресурсах. В случае устаревания и полного износа объектов производственной инфраструктуры, что характерно для большинства сельских хозяйств, они, как правило, становятся «безвозвратно» убыточными и не в состоянии исполнять свои налоговые обязательства перед бюджетами муниципалитетов. Недостаток у них средств не позволяет им выполнять одну из важных своих функций – содержание социальной инфраструктуры в сельских районах. В результате наступает следующий виток ее разрушения. В связи с этим возникает проблема выбора приоритета развития социальной, либо производственной инфраструктуры, или в этот процесс задействовать их одновременно.

В каждом отдельном аграрном предприятии выбор будет зависеть, по нашему мнению, в основном, от следующих показателей:

- состояние экономики предприятия, а также его инфраструктурных объектов социального и производственного характера;

- возможности регионального и муниципальных бюджетов в содержании и развитии социальной инфраструктуры;

- уровень мотивационной привлекательности трудовых ресурсов для закрепления их на селе;

- удаленность от городов, оказывающая влияние на уровень ротации управленческих кадров и основных работников сельхозорганизаций и др.

К сожалению, практика показывает, что подавляющее большинство различного рода программных разработок и принимаемых управленческих решений, остаются нереализованными почти на всех уровнях (от федерального до местного). И чем ближе к конкретному сельскому поселению, тем сложнее решать задачи их развития, связанные, в частности, с социальной и производственной инфраструктурой. Именно на данном уровне стыкуются все проблемы социально-экономического характера, вызванные продолжающимся системным кризисом, не отвечающей интересам сельчан аграрной политикой и существующим механизмом управления в агроэкономической системе, в АПК, да и всей аграрной экономике.

Во многих научных публикациях и в официальной печати предлагается переход на смешанную модель социально-экономического развития. Основополагающие принципиальные положения «смешанного» сценария были высказаны Ю.Я. Ольсевичем. Он утверждал, что фундаментальная непосредственность рынка может быть предложена лишь при условии обеспечения оптимально необходимого скоординированного государственного регулирования на всех трех уровнях – макро, мезо и микроуровне. Рынок, по мнению исследователей, способен к конкурентному саморегулированию лишь в той мере, в которой государство обеспечивает регулирование институциональных и организационных основ рынка, а также его макропозиции [217, 218].

Сочетая государственные регуляторы управления экономикой на основе плановых и индикативных подходов с рыночной саморегуляцией, многие высокоразвитые и развивающиеся страны (Швеция, Канада, Китай Финляндия, Индия и другие) доказали преимущества «смешанной модели». На основе

нормативно-правовых воздействий на рыночные процессы, на предпринимательские структуры, в этих государствах максимально учитываются и социальные запросы населения с учетом общественного мнения.

Результаты опроса населения 22-х субъектов РФ, выполненного Институтом социологии РАН, свидетельствуют, что большинство россиян за «смешанный» вариант экономики России, в которой должна преобладать его социально ориентируемая плановая составляющая.

Этих позиций особенно придерживается сельское население, о чем свидетельствуют результаты выполненного еще в 2015 году Институтом экономики, финансов и менеджмента Уральского ГАУ, с участием автора, опроса населения ряда сельских районов Свердловской области, а также студентов университета. Среди вопросов социально-экономического характера был включен и вопрос с политическим оттенком: «Социально-ориентированная плановая (рекомендательная) экономика», или рыночная. За первый вариант высказались 87,5% опрошенных, с различного рода комментариями, которые трудно поддаются литературной обработке [275].

Академик РАН А. Татаркин предложил следующие аргументы в пользу оптимального сочетания плановых и рыночных моделей развития экономики: во-первых, преимущества государственной, социально-ориентированной модели развития, которая существовала до вхождения в рыночные отношения, неоспоримы, особенно по совокупности бесплатных социальных услуг в сфере образования, медицинского обслуживания, научных исследований и т.д.;

- во-вторых, появление гарантированной государством возможности планового регулирования приоритетных для общества направлений развития с подключением наиболее эффективных... источников, могут обеспечить устойчивое и гармоничное функционирование общества» [222, 329], при условии социального контроля рыночной системы хозяйствования в интересах всего населения;

- в-третьих, в любой национальной социально-экономической системе «смешанная» экономика может выбирать свой вариант оптимального соотношения государственных и рыночных регуляторов;
- в-четвертых, возникает возможность рационального распределения регулирующих функций на разных уровнях: прогнозно-плановые государственные регуляторы наиболее приемлемы на макроуровне, регулирующая функция реализуется непосредственно в процессе реализации проектов, где взаимодействуют основные субъекты рынка;
- в-пятых, в «смешанном» варианте функционирования экономики наиболее целесообразно и эффективно реализуется государственно-частное партнёрство.

Комментируя отмеченные преимущества рационального сочетания, плановых и рыночных регуляторов применительно к устойчивому развитию аграрного сектора экономики и сельских территорий, можно изложить следующие положения.

Во-первых, в условиях замедленного развития социальной инфраструктуры сельских территорий, особенно в периферийных районах, низкой оплаты труда работников социальной сферы села, у них отсутствует должная трудовая мотивация. Это не позволяет привлечь необходимые молодые кадры специалистов в сельскую местность.

Во-вторых, в случае применения «смешанной» модели, планирующие действия, особенно в сфере размещения производства сельскохозяйственной продукции, должны осуществляться «снизу» от конкретных хозяйств и сельских районов, с учетом состояния их аграрных ресурсов и потенциально возможной их отдачи.

В-третьих, даже при существующих технологиях государственно-частного партнерства и при отсутствии собственной кооперативной системы, государственная поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей, включая и хозяйства населения, через гарантированный госзаказ на аграрную продукцию становится для них единственным надежным сегментом на продовольственном рынке.

ГЛАВА II. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬЮ РАЗВИТИЯ АГРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ С УЧАСТИЕМ КЛАСТЕРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

2.1. Систематизация научных воззрений на сущность и природу устойчивого развития агроэкономической системы с включением кластерных образований

При раскрытии методологических подходов к исследованию организационно-экономического механизма управления устойчивостью развития сельского хозяйства, есть необходимость обратиться к уточнению понятия «методология» применительно к теме диссертационного исследования. В экономической науке «методология» рассматривается как система ключевых принципов, методов, методик и способов их реализации применительно к конкретному объекту исследования. Методология исследования предполагает формирование определенной логики изучения: от теории, концепций, стратегий и государственных программ до принятия конкретных управленческих решений, постоянного контроля и учета их выполнения. Весьма важным является и установление причинно-следственных связей при обращении к методологии исследования.

В 1968 году, в Риме два человека – промышленник Александр Кинг и экономист Ауреллио Печчеи на небольшом совещании обсуждали проблемы появляющейся глобализации и механизмы преобразования экономических и социальных отношений. Через два года формируется общественный Римский клуб и его штаб-квартира в Париже. Провозглашенные цели его и нескольких десятков ассоциированных организаций в разных странах стали понятны многим – помощь научных сообществ по преодолению существующих и вновь

возникающих мировых проблем с подготовкой докладов-рекомендаций для возможного влияния на лиц, принимающих решение на международном уровне.

В 1970 году Римский клуб по совету известного специалиста в области системной динамики профессора Джея У. Форрестера предложил Деннису Л. Медоузу, тогда еще совершенно неизвестному двадцатишестилетнему ассистенту Массачусетского технологического института, возглавить группу по разработке модели мирового развития. Эта модель должна была показать, что произойдет в мире, если сохранятся существовавшие на тот момент времени тенденции роста населения, промышленного и сельскохозяйственного производства, нерационального использования невозобновляемых природных ресурсов, загрязнения окружающей природной среды.

В марте 1972 года коллективный труд с его участием и нескольких молодых ученых был представлен в Вашингтоне в Смитсоновском институте с названием «Пределы роста. Доклад Римскому клубу».

Выводы, сделанные авторами, заставляли задуматься о будущем Земли. По прогнозу Д. Медоуза и его коллег, человечество уверенно шло навстречу катастрофе, избежать которую было невозможно, только принимая некоторые меры по ограничению и регулированию роста производства и изменению критериев прогресса. Книга предупреждала о том, что материальный рост не может продолжаться до бесконечности на физически конечной планете, и требовала отказаться от повышения количества (роста) в пользу качества (развития) [95].

Доклад был переведен более чем на 35 языков, а в России его издание состоялось только в 1991 году потому, что основные идеи не отвечали официальной идеологии тех лет. В 1992 году соавторы представляют новую работу с аналитическими сравнениями статистических данных. В ней обнаружились только незначительные расхождения с прогнозами 1972 года.

Тогда же, в «Повестке дня на XXI век», принятой в 1992 году в Рио-де-Жанейро, на проходящей конференции ООН по окружающей среде и развитию, было рекомендовано странам разработать планы действий по переходу к

устойчивому развитию на всех уровнях. Замечено, что это требует понимания процессов такого развития и революционных изменений в человеческой цивилизации: аграрная, промышленная и экологическая революция.

Но есть очень важные различия в этих трех революциях: если первая, аграрная, длилась тысячи лет, вторая, промышленная, – сотни лет, то для экологической революции при том экспоненциальном росте, который наблюдается сейчас, человечеству отпущены всего какие-нибудь десятки лет, то есть жизнь двух-трех поколений людей. У человечества в запасе очень мало времени, и чем скорее это будет понято, тем меньше вероятность выйти за пределы устойчивости систем поддержания жизни на нашей планете.

Первое десятилетие XXI века позволило соавторам первого Доклада Римского клуба (уже после кончины Д. Медоуз), представить стратегию «World 3» (Мир 3), в которой на основе компьютерных расчетов спрогнозированы динамические модели изменений с объяснениями причинно-следственных связей в социальных, политических, экономических и других системах. Обозначены и три основные социально-экономические системы, влияющие на устойчивое / неустойчивое развитие: аграрная, индустриальная и постиндустриальная (информационная).

Феномен причинно-следственных связей в научной картине мира признан универсальным концептом. Причинность объективна: она есть присущее самим вещам внутреннее отношение, так как нет явлений, которые бы не имели своих причин, как нет явлений, которые бы не порождали бы тех или иных следствий [142].

При анализе и решении многих задач абсолютно необходимым условием достижения цели управления является правильный учет причинно-следственных связей, грамотная расстановка причин и следствий [186, с. 17]. Мы называем только некоторые причины и следствия: исчерпаемость природных ресурсов и ограниченная способность Земли поглощать промышленные и сельскохозяйственные загрязнения; рост населения и увеличение капитала на устранение проблем загрязнения окружающей среды; производство, удорожание

продуктов питания и ограничения физического доступа к ним; уменьшение численности работоспособного населения и снижение потребления; рост смертности; глобальное потепление и нарушение технологий обработки земель сельскохозяйственного назначения.

Но важно заметить, что помимо предложений в докладах Римского клуба о необходимости создания условий для устойчивого развития, в них есть призывы к легализации наркотиков, изменения «качеств человека» и отношения к семье, которая может быть не признана «естественным институтом» общества, «переформатирования образа человека» в условиях повсеместной цифровизации и др.

По нашему мнению, идея устойчивого развития во всех сферах жизни была ответом на негативные экстернами деятельности различных систем и пренебрежительным отношением к природным ресурсам и окружающей среде. Такой подход достаточно долго доминировал в экономической мысли, когда поддерживались экономические системы с названиями «фронтальная экономика» и «ковбойская экономика» по определению К. Боулдинга, а в экономических школах (например, А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, А. Маршалл) не придавалось значения экологическим ограничениям [35].

Реальное изменение климата планеты повлияло на изменения в научных поисках по проблематике нарушений озонового слоя, сокращения ресурсов пресной воды, загрязнений от сельскохозяйственной деятельности [47]. На крупных международных встречах в Йоханнесбурге (2002 г.), Марракеше (2003 г.) и Сон-Хосе (2005 г.) в повестке обсуждения уже фигурировал тезис по устойчивому развитию в качестве экологической политики. В 2011 и 2012 гг. в Нью-Йорке и Рио-де-Жанейро состоялись обсуждения концепции «зеленой экономики» и будущего развития в мире.

Применительно к нашему исследованию, только в 1996 г. на сессии ФАО в Риме были впервые сформулированы и приняты основные положения устойчивого развития (SARD – Sustainable Agricultural Rural Development), основная задача которого – повышение уровня производства продуктов питания

устойчивым способом и обеспечение продовольственной безопасности [234]. Вскоре была принята «Коркская декларация» (Ирландия, 1996), согласно которой устойчивое сельское развитие должно быть поставлено во главу повестки дня Евросоюза и стать основополагающим принципом, поддерживающим всю сельскую политику на ближнюю и среднесрочную перспективу [343].

По нашему мнению, методологически важно в исследованиях рассматривать положения устойчивости относительно сельского хозяйства в логической связи с понятиями «система», «системные свойства», «сельское хозяйство как агроэкономическая система», «устойчивость», «устойчивое развитие», «концепция устойчивого развития», «организационно-экономический механизм управления устойчивостью развития агроэкономической системы». Такой подход позволяет выявить максимально возможное количество методологических аспектов и оценить предложения ученых и специалистов, изучающих проблематику устойчивого развития сельского хозяйства.

В научных источниках встречается множество определения понятия «система» по причине интереса представителей разных наук. У Людвига Берталанфи, – это комплекс взаимодействующих элементов или совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом и со средой [32].

По представлению И. Канта, система представляет собой явственную взаимосвязь компонентов и элементов, в которой целое значительно важнее её частей [117]. И.И. Шмальгаузен определяет систему как соподчиненную сложную взаимосвязь частей, которые проявляются в своем постоянном несовпадении, в своем постоянном достижении высшего единства – развивающуюся организацию [389]. Таким образом, при всей важности предложенных определений, наиболее значимой является формулировка, что система (от греч. systema) – есть целое, составленное из частей; соединение; множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство. Это понятие признано с середины XX в. Ключевым, философско-методологическим и социально-научным [41].

Что касается системных свойств, то они проявляются в процессе реализации системных отношений. Это целостность, единство, достигаемое посредством определенных взаимосвязей и взаимодействий элементов системы и проявляющиеся в возникновении новых свойств, которыми элементы системы не обладают. Это свойство эмерджентности (от англ. emerge – возникать появляться). Эмерджентный эффект в сельском хозяйстве как сложной агроэкономической системе проявляется в результативности его функционирования.

Агроэкономическая система, ее сложность, комплексность и многоаспектность, полифункциональный характер развития подтверждается многочисленными исследованиями. В ней действует система экономических законов: стоимости, роста производительности труда, расширенного воспроизводства, накопления. Исходя из этих посылок, сельское хозяйство признается как агроэкономическая система, возникшая на основе общественного разделения труда, как способ организации хозяйственной деятельности, как системная взаимосвязь между производителями и потребителями сельскохозяйственной продукции, а также материальных благ и услуг.

По мнению А.В. Харитонова, сельское хозяйство включает в себя ресурсы, субъекты экономической деятельности, которые участвуют в производстве, распределении, обмене и потреблении, взаимодействуя при этом, образуют целостную социально-экономическую структуру на определенной территории [362, с. 96].

Правомерно рассматривать, что имея системный характер, сельское хозяйство является агроэкономической системой, в которой проявляется совокупность и взаимозависимость, связанность элементов и подсистем (земля, растения, животные, человек, материальные ресурсы, средства производства, финансы, системы управления, правовые нормы, правила и др.) [175]. Все это объединено в комплексе социально-экономических отношений.

Сегодня более последовательно осознается роль сельского хозяйства как агроэкономической системы в формировании принципиально иных, чем прежде,

потребностей в сельскохозяйственной продукции, применения абсолютно новых технологий использования сельскохозяйственного сырья в различных отраслях промышленного производства и создание ранее не проявляющих себя отраслей экономики.

В современных условиях технологического развития, появления новых мировых трендов о конкурентных преимуществах, все чаще рассматриваются не только результаты производств, но и управленческие технологии, с помощью которых достигается устойчивое развитие при неблагоприятных конъюнктурных колебаниях.

Зарубежные теоретики и участники научной дискуссии по «устойчивому развитию», опыту в Европе и в США представлены исследованиями австралийского ученого Гордона Мак Климонта, предложившим впервые в начале XX в., фразу «устойчивое сельское хозяйство» [417].

Хотя первую публикацию этого выражения в книге «Новые корни для сельского хозяйства» приписывают Уэсу Джексону [409].

К 1977 году этот термин определяется как «интегрированная система растений, методы животноводства, применяемые для конкретных участков, которые в долгосрочной перспективе: удовлетворят потребности человека в пище и волокнах; улучшат качество окружающей среды и базу природных ресурсов, от которых зависит экономика сельского хозяйства; позволяют максимально эффективно использовать невозобновляемые ресурсы и ресурсы внутри сельскохозяйственной организации, интегрировать, где это уместно, естественные биологические циклы и меры контроля, поддерживать экономическую жизнеспособность хозяйственных операций, создавать качество жизни для фермеров и общества в целом» [415]. Как говорится, проще не скажешь!

Исследователи через некоторое время формируют несколько ключевых принципов, связанных с устойчивостью в сельском хозяйстве: включение биологических и экологических процессов в практику сельскохозяйственного и пищевого производства; использование уменьшенного количества невозобновляемых и неустойчивых ресурсов, особенно тех, которые наносят вред

окружающей среде; использование опыта фермеров для продуктивной работы на земле; устранение проблем сельского хозяйства и природных ресурсов посредством сотрудничества людей с различными навыками.

Опираясь на исследования зарубежных ученых, автор выдвигает тезис, что «устойчивое развитие агроэкономической системы» может привести к положительным результатам только на основе как глобального, так и территориального прогнозирования. Если прогнозы ФАО оценивают будущую ситуацию со стороны потребления, то, как справедливо утверждает И.В. Дерюгина [92], достаточность и доступность продовольствия, не может быть правильно оценена без прогноза производства сельскохозяйственного сырья и продуктов, без оценки социальных и экономических ресурсов. В этом контексте для будущих исследований весьма полезна «Концепция прогноза сельского хозяйства», в которую заложена идея оценки двух технологических способов производства в сельском хозяйстве стран мира: трудосберегающего для стран Европы, Северной Америки, Австралии, Аргентины, России, Казахстана; землесберегающего в странах Азии и Северной Африки [268].

При построении отечественных территориальных прогнозов «устойчивого развития» не будет лишним тщательно проанализировать зарубежный опыт сельскохозяйственной практики.

По расчетам голландских ученых для выращивания одного килограмма говядины необходимо 15 тысяч литров воды. Для производства килограмма свинины нужно 6 тысяч литров воды, курятины – 4,3 тысячи литров. В растениеводстве потребности в воде намного меньше. Чтобы вырастить килограмм бобов, нужно 4 тысячи литров воды, килограмма сои – 2,1 тысячи литров и 1 тысяча литров воды требуется, чтобы вырастить килограмм пшеницы. Чтобы вырастить 1 килограмм картофеля нужно затратить 100 литров воды, а 1 килограмм риса – 4 тысячи литров воды [182].

Животноводство напрямую или косвенно производит почти треть мировых выбросов парниковых газов.

В начале XXI в. в России помимо научных статей уже публикуются учебные пособия, относящиеся к проблематике устойчивого развития [36, 34, 59, 90, 104, 340, 396], в которых присутствуют опасения, что глобальное потепление климата на окружающую среду требует поиска новых решений обеспечения устойчивости сельскохозяйственной деятельности. Для научных исследований интересна не только характеристика земельного фонда России, но и рекомендации по его оптимальному использованию в части разработки новых правовых механизмов и введения в оборот неиспользуемых земельных ресурсов. В этом плане весьма обнадеживающими являются предложения Президента РФ, высказанные в 2021 году о введении в оборот в последующие 10 лет еще 13 млн га земель сельскохозяйственного назначения.

Площадь земельного фонда России составляет 1712,5 млн га, из которых 65,8% территории занимают леса, 1,6% земли водного фонда, 5,2% занимают земли запаса, 1,2% занимают земли поселений, дороги, 1% – это земли промышленности и иного специального назначения, 2,5% – земли особо охраняемых территорий, и только 22,4% (383,6 млн га) составляют земли сельскохозяйственного назначения, площади их фактического использования в сельскохозяйственном производстве постоянно меняются, 86,4% (331,4 млн га) – используемые земли сельскохозяйственного назначения.

В соответствии с данными Минсельхоза России и РАН, к началу 2021 г., площади сельхозугодий Российской Федерации составляли 197,7 млн га, из них: 116,2 млн га пашни; 57,2 млн га занимают пастбища, 18,7 млн га сенокосы, 1,2 млн га многолетние насаждения и 4,4 млн гектаров относятся к категории залежей. Неиспользуемые площади сельскохозяйственных угодий составляют 31,5 млн га, из них площадь пашни составляет 18,8 млн га.

Эти изменения стали присутствовать в традиционной модели аграрного производства с учетом глобальных климатических изменений, обеспечении деятельности, в нарушении экономической безопасности личности. Для сохранения и развития сельскохозяйственного производства в конкретной стране

мало научных планетарных концепций, поскольку важнее государственная политика поддержания экосистем и пластичная экономика.

Устойчивость, как было отмечено ранее, понятие сложное, многоплановое, а для агроэкономической системы еще и совмещено с необходимостью расширенного воспроизводства, финансово-кредитными событиями, рисками природно-климатического характера, биологическими процессами роста и развития живых организмов, несовпадения процесса производства с рабочим периодом, более длительным кругооборотом финансовых и товароматериальных ресурсов, а также с социальными ожиданиями работников.

В научных публикациях тезис «устойчивость» применительно к сельскому хозяйству присутствует достаточно часто, что свидетельствует об интересе к участию в дискуссии. Взгляд отечественных ученых на методологические аспекты проблемы повышения экономической устойчивости аграрных формирований сформировался в конце XIX – начале XX в. усилиями исследователей Ф.А. Баталина, В.М. Обухова, А.Ф. Фортунатова, а позднее в публикациях В.Н. Афанасьева, И.П. Бойко, А.Н. Каштанова, А.А. Никонова и др. В свое время, первые обоснования эффективности труда в сельском хозяйстве, как отмечает Е.В. Афанасов, были изучены отечественным экономистом И.Т. Посошковым, который заметил: «труд в промышленности и, главным образом, в сельском хозяйстве является источником национального вещественного богатства» [20].

Авторами монографических работ за этот период выступили Г.С. Розенберг [276], В.И. Данилов-Данильян [62], П.М. Иванов [107], А.И. Татаркин [225], В.Б. Павленко [226], А.В. Трачук [337] и др. В обобщенном виде, подавляющее большинство авторов, не отрицая стратегического значения Концепции устойчивого развития, выступают за построение прогнозных сценариев при использовании организационно-экономических механизмов управления устойчивостью сельского хозяйства. В каждом регионе свои значения температуры атмосферного воздуха, показатели содержания органического вещества (гумуса), доступного фосфора, разные объемы пропашных культур,

экономические и технологические возможности, урожайность культур и многое другое.

Из определения «устойчивое развитие», отмечают многие авторы, совсем не следует, что «развитие» и «устойчивое развитие сельского хозяйства» - понятия синонимы. Понятие «развитие» предполагает как обязательное условие – постоянное и не прекращающееся во времени изменение системы, как последовательность хозяйственных и экономических циклов. В свою очередь, «устойчивое развитие агроэкономической системы (сельского хозяйства)» подразумевает, во-первых, поддержание равновесия между взаимосвязанными системами – экономической, социальной и природной средой, и во-вторых, ориентацию на гарантированное обеспечение сельскохозяйственной продукцией не только продуцентов, но и населения, не занятого в агропромышленном производстве, получение прибыли и возможностей воспроизводства.

«Концепция устойчивого развития» имеет экономический смысл, а само понятие означает «самоподдерживающее развитие» для череды будущих поколений за счет оптимального использования ограниченных ресурсов, применения экологичных технологий при добыче и переработке сырья, переработке и уничтожению отходов производства и потребления. Что касается накопленных цивилизацией знаний, их сохранения и приумножения – вопрос открытый, требующий глубоких научно-практических исследований.

Получается, что термины «устойчивость» и «неустойчивость» следует рассматривать в нелимитном характере этих терминов. «Устойчивость», как нами было отмечено, имеет стратегический характер, а «неустойчивость» характер оперативный, предполагающий достижение будущего баланса через принятие своевременных управленческих решений по сохранению и поддержанию той же существующей агроэкономической системы.

Понятие «организационно-экономический механизм управления устойчивостью» нами представлено в первой главе исследования с характеристикой научных позиций разных авторов. Этот механизм содержит совокупность правил воздействия субъекта управления на объект с

использованием принципов, прикладных функций, методов, технологий и устоявшихся практик с целью перевода агроэкономической системы в иное, более качественное состояние.

Концепт управления, ориентированный на устойчивость в разных сферах экономики и хозяйственной деятельности в научной среде, относится к числу наиболее актуальных проблем современности. Сельское хозяйство, сельские территории в этом дискурсе остаются в качестве базовой сферы человеческой деятельности, удовлетворяющей потребности в продовольствии, реализующей социальные функции населения, проживающего в сельской местности. Научные воззрения по этой проблематике многогранны, а рекомендации достаточно чувствительны для всех уровней власти.

Выход социально-экономических систем из состояния равновесия, к которым относится как сельское хозяйство, так и территории, где проживает большинство людей, или те, что мы называем сельским укладом жизни, в науке называют «сукцессией» – изменениями в качестве жизни, нарушающими механизмы устойчивости.

Вопросы устойчивости для экономического сообщества всегда были интересны и рассматривались исследователями на стыке разных наук: инженерно-технических, биологических, социологических, экономических, правовых и др. Особенно активировались научные поиски в кризисные и переходные периоды для экономических систем. Сегодня большой акцент все более делается на поиск факторов дополнительного роста, особенно при стремительной цифровой трансформации социально-экономических процессов.

Смысловая нагрузка обыденного понятия «устойчивость» содержит много синонимов. Оно может восприниматься как неизменный, стабильный, константный процесс и т.п. Чувство устойчивости любви или природного объекта, тоже могут иметь отношение к этой дефиниции.

Обращение к многочисленным словарям позволяет понять «устойчивость» как в прямом, так и в переносном смысле: стойкий или не подверженный колебаниям.

Методологический подход к выявлению смысловой нагрузки категории «устойчивость», заставляет нас не только исследовать, но и резюмировать словарный экскурс. Оказывается, «устойчивость» может отражать совершенно противоположные по внешнему проявлению процессы. Как справедливо отмечает О.В. Михалев [191, с. 10], с одной стороны, неизменность, с другой – приспособляемость через изменения. Даже англоязычный аналог «устойчивость», сформулированный на сессии ФАО в Риме (1996 г.), по смысловой нагрузке значимо отличается, а его перевод означает – способность поддерживать. А если невозможно определить понятие «устойчивость», как таковое, в самом широком смысле, все же возможно его определение в каком-либо контексте.

Для нашего методологического сравнения лучше рассматривать «устойчивость» как свойство и как состояние системы. Для свойства та же агроэкономическая система может обладать или не обладать определенным потенциалом устойчивости, а экономическое состояние почти всегда здесь бывает условно неустойчивым под влиянием внешних и внутренних факторов. Здесь нам импонирует вывод опять же О.В. Михалева, что «устойчивость – это не просто свойство и не просто состояние системы, а свойство, проявляющееся в состоянии системы, которое зависит от ее отношений с внешней средой» [191, с. 13-14]. Следовательно, несколько опрометчиво говорить об устойчивости развития агроэкономической системы (сельского хозяйства), если неустойчивой является вся экономическая макросистема и та среда, в которой она должна развиваться.

Быть может, даже утопично говорить о достижении устойчивости такой системы (сельского хозяйства) только на основе компенсаторных механизмов в системе государственного регулирования. Это хотя и видимая, но «ложная» устойчивость, которая может мгновенно разрушиться из-за недостатка средств финансирования при государственной поддержке агроэкономической системы. Но дальнейшие научные исследования все же необходимы, в том числе с обращением к достижениям классической теории устойчивости, где присутствует три ее основные формы: инертность (сопротивляемость), упругость (восстанавливаемость), пластичность (приспособляемость) [179]. В этой теории

зафиксировано, что принципы кибернетики устанавливают необходимость успешной адаптации той же экономической системы к изменениям внутренней и внешней среды: запас изменчивости предполагает его изменение с той же скоростью, что и среда. Подобные утверждения присутствуют и в системном анализе.

В методологическом плане концептуальная идея «устойчивое развитие» содержит стратегический замысел, что позволило в научной среде творчески ее интерпретировать. Вместе с тем, по нашим наблюдениям, это понятие заимствовано из теории систем, когда экономические объекты стали рассматриваться как сложные и многофункциональные хозяйственные системы.

Можно предположить, что при разработке концептуальных положений «устойчивого развития» было обращение к неоклассической экономической теории, где одной из причин неустойчивости в экономике назван такой экономический механизм, как деньги, особенно кредитные.

Известны исследователям и труды Дж. Р. Хикса [364] о рыночной неустойчивости, П. Самуэльсона [418] о функциях избыточного спроса, работы Г. Скафа [419] о том, что неустойчивость представляет собой не исключительное, а скорее, повсеместное явление.

Сегодня среди ученых продолжается научная дискуссия относительно устойчивости сельского хозяйства, в которой прослеживается два основных подхода: экоцентристский и техноцентристский. Первый основывается на необходимости развития органического и биодинамического земледелия, второй содержит обоснования государственной поддержки обновления экономической системы сельского хозяйства. Автор считает, что оптимальное совмещение предлагаемых подходов дает шанс на формирование многофункциональных сельскохозяйственных предприятий, где может присутствовать как производство сельскохозяйственной продукции, а вместе с тем и услуги, соразмерное участие товаропроизводителей в развитии сельских территорий.

Таким образом, сформировавшаяся на основе определений и наблюдений так называемая парадигма «устойчивого развития» стала воедино связывать

окружающую среду, общество и экономику. Центральное место в ней принадлежит человеку, а ключевыми целями являются сбалансированное развитие экономики и ответственное управление при бережном обращении с окружающей природной средой. «В соответствии с этим часто говорят о трех составляющих устойчивого развития: экономической, экологической и социальной устойчивости, каждая из которых одинаково важна» [223].

2.2. Кластерная интеграция как инструмент повышения эффективности организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы

Определяя сельское хозяйство в качестве сложной агроэкономической системы важно подчеркнуть ее системные свойства, которые могут быть усилены инструментами функционирования кластерных образований. Исследователи отмечают [362]:

– сельскому хозяйству как агроэкономической системе присуще признаки условной открытости;

– являясь порождением человека и основой ее деятельности, она характеризуется как искусственное и открытое явление, что дает основание относить эту агроэкономическую систему к искусственному образованию, которая развивается в условиях нелинейности;

– по причине зависимости от внутренних и внешних факторов она обладает свойствами органических систем;

– такая агроэкономическая система, помимо элементов экономики, содержит элементы влияния на социальную сферу на определенной территории.

При рассмотрении агроэкономической системы, ее свойства по способам порождения еще и как системы органической, затрагивают такую ее особенность, как способность к саморазвитию: не путем «складывания» целого из частей, а конструированием целого из своих собственных частей. Замечено, что части и элементы органической системы, способ (форма) их отношения не существует в

готовом виде, а формируются исторически. По аналогии из этого следует, что добровольное взаимодействие и стремление к саморазвитию присуще кластерным образованиям в контакте с другими производителями, которые заинтересованно включаются в единую цепочку создания добавленной стоимости.

Отечественные ученые рассматривают кластер как мотивированное добровольное объединение организаций, преимущество которого наиболее эффективно на уровне региональной экономики. Соединение усилий нескольких организаций, инновационных возможностей, специализированных видов информации позволяют увеличивать производительность труда, укреплять свои позиции на рынке, приобретать новые конкурентные преимущества. Вместе с тем, при анализе данных Европейской кластерной обсерватории действующих кластеров в АПК и других отраслях экономики некоторых стран Европы выявляется, что промышленных кластеров насчитывается более 2000, а в сфере АПК – 241, что составляет лишь 11,47%. Но они дают работу более чем 45 млн человек [184, с. 68-69].

Исследования свидетельствуют о сложившихся теоретических воззрениях на формирование и развитие кластеров, что позволяет проанализировать их методологию. Следует заметить, что развитие кластерных структур, соединяющих добровольное сотрудничество и конкуренцию, особенно в сельском хозяйстве, характеризуется неустойчивостью и нелинейностью. В социальных практиках это может привести не только к положительным, но и отрицательным результатам. Так конкуренция приобретает самые уродливые формы с преобладанием недобросовестных действий одной из сторон. Одобряемая властью кооперация фермерских хозяйств – производителей сельскохозяйственной продукции в малых объемах не может развиваться при доминировании крупных аграрных производств и торговых сетей [185, с. 194]. Между тем, именно нелинейность, неопределенность, рыночное неравновесие, запускают в действие скрытые потенциалы социальных систем, что означает, во-первых, многовариантность, альтернативность путей развития (эволюции) любых систем; во-вторых, возможность выбора одного из альтернативных путей

развития для повышения устойчивого развития системы; в-третьих, возможность влияния на темп эволюции (скорости развития процессов в среде), в-четвертых, необратимость процесса эволюционирования после выбора одного из вариантов [130].

Рассмотрение проблем эффективности организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы с учетом инструмента кластерной интеграции привело к созданию нескольких концептуальных положений кластеризации экономики в контексте реструктуризации крупных промышленных предприятий, а затем и других отраслей, включая сельское хозяйство.

Кластер как эффективная форма территориального размещения производства и повышения конкурентоспособности представлен: в научных исследованиях А. Маршалла [173], (теория промышленных районов); П. Бекарттини [398], (теория итальянских промышленных округов); теория социальной интеграции С. Бруско [400]; теория анализа региональной интеграции В. Изарда [111]; теория развития кластеров С. Розенфельда [416] и у других авторов.

В соответствии с данными теориями кластеры рассматриваются как «полюса роста», ускоряющие развитие конкретной территории за счет пространственной агломерации производства, специализации, диффузии инноваций и миграции рабочей силы.

Рассмотрение кластера, как современного института, сочетающего формализованные и неформализованные отношения участников взаимодействия и внешнего окружения, присутствует в теории трансакционных издержек Р. Коуза [403], в теории институциональных изменений Д. Норта [413], в теории оппортунистического поведения О. Уильямсона [424]. В них подробно рассмотрены мотивы взаимодействия субъектов кластера, в контексте применения методик минимизации трансакционных издержек, формирования агентских отношений и влияния на них распределения прав собственности, а

также роли институциональных отношений, возникающих в процессе кластеризации.

Исследователями признано, что кластер интересен как объект системно-эволюционного анализа с соответствующими системными свойствами, характеристиками, ориентированностью на инновации. Это присутствует в концепции национальных инновационных систем К. Фримана [405], в социально-институциональной концепции эволюции инновационных кластеров А. Скотта [420], теории инновационной среды Д. Майллата [412]. Эти и другие авторы за основу развития кластеров признавали инновации, их конкурентоспособность. Причем нет необходимости, считали они, одним из аргументов при создании кластеров признавать необходимость их территориальной близости. Лучше рассматривать эту проблему через продуктовый подход, через услуги.

Методологический подход, применяемый в нашем исследовании, с элементами системного анализа позволяет нам после краткой оценки концептуальных положений и теорий более детально рассмотреть сущность, структуру, функциональные элементы, определить типы связей, специфику организационно-экономического механизма проявляющихся в процессе кластеризации.

Затрагивая сущностную сторону кластеризации, отметим, что в подавляющем (доступном) числе научных публикаций указывается, что её эволюционные истоки связаны с Майклом Портером, который представил кластер, как группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующие в определенной сфере и взаимодополняющие друг друга.

Он определил набор функциональных элементов кластера, который практически универсален – это компании, органы государственной власти, организация (ассоциация) кластера, образовательные и научные учреждения. Исследователь отмечает, что определение составных частей кластера лучше начать с рассмотрения крупной фирмы или концентрации сходных фирм, а затем

выявить цепочку связанных с ними по вертикали и горизонтали фирм. Затем установить организации, обеспечивающие кластер специалистами, технологиями, информацией, капиталом, инфраструктурой. На завершающем этапе выявляются правительственные или другие регулирующие структуры, оказывающие существенное влияние на членов кластера [239].

При этом фирмы распространяют свое влияние на ближайшее окружение в лице поставщиков, потребителей и конкурентов. В свою очередь последние, приобретая определенные достижения, могут положительно взаимодействовать на возможность повышения конкурентоспособности этих фирм. Так формируется кластер, как объединение фирм, тесно связанных отраслей, взаимно способствующих укреплению своей конкурентоспособности [22].

Если проанализировать представленные в ряде публикаций определения кластера, то по своей сути они выражают мысли и слова его основателя. Одновременно в них присутствует ориентация в суждениях применительно к сельскому хозяйству как агроэкономической системы.

Авторы считают, что кластер:

1) локализованная, инновационно направленная интегрированная структура, основанная на соглашении о сотрудничестве независимых субъектов хозяйствования [22];

2) «территориально обоснованная, инновационно направленная квазинтеграционная структура, образованная по принципу технологической цепочки и реализующая общие экономические интересы участников, связанных определенными взаимоотношениями» [72];

3) «конкуренция географически соседствующих предприятий, связанных с ними организаций, сетей, высоко специализированных фирм частного и общественного сектора одной или нескольких отраслей, в которой участники формирования контролируют друг друга и способны производить и извлекать выгоду из совместного расположения не только на внутреннем, но и на внешнем рынках» [67];

4) «сравнительно однородные группы, в которых каждый кластер состоит из сложных объектов, а объекты различных кластеров значительно различны» [335];

5) «самоорганизующаяся и самоуправляющаяся хозяйственная система с синергетической целевой направленностью; кластер характеризуют такие понятия, как диссипативная структура, порядок, хаос, открытость, нелинейность, флуктуация, малые резонансные воздействия» [199];

6) «добровольное объединение организаций, которые функционируют на определенной территории и участвуют в выпуске, продвижении и реализации однородной и конкурентоспособной продукции в рамках одной продуктово-технологической цепочки, а взаимодействие между ними характеризуется одновременным наличием высокого уровня конкуренции, кооперации и инновационной активности» [202];

7) «сеть экономически независимых производственных и/или сервисных фирм, создателей технологий и ноу-хау, связывающая рыночную инфраструктуру и потребителей, взаимодействующих друг с другом в рамках единой цепочки создания потребительских стоимостей и имеющих географическую близость» [116];

8) «система географически сосредоточенных, взаимосвязанных, взаимодополняющих, независимых субъектов рынка различных отраслей, неформально объединяющихся для обеспечения социально-экономического развития, повышения уровня и количества жизни населения, развития сельских территорий, сохранения окружающей среды, роста эффективности и конкурентоспособности отрасли сельского хозяйства путем применения инновационных технологий, реализаций глобальной стратегии развития» (агропромышленный кластер) [408];

9) «группа территориально локализованных взаимосвязанных предприятий, поставщиков ресурсов, специализированных услуг и технологий, научно- исследовательских центров, институтов и других организаций, составляющих цепочку создания стоимости, действующих в смежных отраслях

или сферах и усиливающих конкурентные преимущества друг друга и кластера в целом» [131];

10) «объединение предприятий и организаций инфраструктуры по территориально-технологическому признаку в целях создания и укрепления конкурентных преимуществ каждого из участников и региона в целом» (региональный экономический кластер в сфере АПК)» [44, 196].

Анализируя эти формулировки, можно отметить в них следующие упущения:

1) отсутствует совокупность принципов кластеризации и механизм распределения получаемого дохода от синергетического эффекта между субъектами кластера, особенно в случае формирования крупных интеграционных структур кластерного типа;

2) не отражаются элементы механизма взаимоконтроля по действиям организаций кластера в условиях конкуренции и при функционировании их в разных моделях рынка;

3) весьма неубедительным является утверждение о том, что взаимодействие между организациями одной технологической цепочки кластера «характеризуется одновременным наличием высокого уровня конкуренции, кооперации и инновационной активности...». При высокой конкуренции происходит самоуничтожение субъектов «технологической цепочки» кластера, что противоречит принципам кооперации, снижая устойчивость функционирования всей интеграционной структуры.

В связи с этим можно было бы предложить следующий авторский вариант определения кластера в агроэкономической системе: «Кластер представляет собой технологически, организационно и территориально связанную совокупность организаций в агроэкономической системе, устойчивое функционирование которых обеспечивается на основе эффективного взаимодействия системообразующих отраслей-мультипликаторов («ядра») и обслуживающих их организаций («сателлитов»). Условия выполнения основных принципов кластеризации: эволюционность формирования и развития; добровольность

создания; эквивалентность доходов и затрат; юридическая самостоятельность; синергетическая эффективность; взаимный контроль действий для повышения конкурентоспособности производимых и поставляемых на рынок конечных видов продукции от сельскохозяйственной деятельности. При этом организации «ядра» кластера должны функционировать в одной модели рынка и в одной организационно правовой форме хозяйствования для обеспечения лучшей управляемости.

Если присутствует «центр» или «ядро» (большая компания или научное учреждение), то вокруг него образуется сеть малых обслуживающих фирм, начинаются совместные исследования и разработки, осуществляются другие формы взаимодействия. Разнообразие и относительная доступность внутри кластера различных источников технологических знаний и связей облегчает комбинирование факторов производства и становится предпосылкой развития инновационной деятельности. Так, П. Кругман выяснил, что компании, стремясь реализовать сравнительное преимущество, размещают свое производство ближе к «ядру», где сконцентрированы в пространстве инновации, капитал и специалисты. Сетевые взаимодействия в «ядре» ускоряют внедрение инноваций и приводят к развитию инновационных кластеров [410].

Попытка изложить сущностные аспекты кластеризации с позиции институционально-экономической природы кластеров, их инновационной направленности, была предпринята в научных публикациях на страницах журнала «Экономика регионов».

Так Д. Фроловым и Д. Грушевским представлена эволюция научных взглядов по проблеме развития кластеров. Приведены различные положения о их сущностной стороне. Ссылаясь на ряд публикаций, авторы статьи, к сожалению, не приводят собственную формулировку кластера, отмечая лишь роль кластерных технологий «точного инновационного роста» [358].

В другой публикации [305] излагается сложившаяся зарубежная практика постепенного присоединения к технологически связанным отраслям промышленности других организаций и научных учреждений, упуская из виду

агропромышленный комплекс, сферы которого тесно связаны со многими отраслями и видами предпринимательства.

Учитывая зарубежный опыт кластеризации, О. Романова и Ю. Лаврикова [278] приводят положения теории контрактных преимуществ М. Портера, концепции М. Энрайта, теории промышленных районов А. Маршала, предлагают осуществить переход на «многоаспектное» кластерное развитие, рассматривая кластер, как эффективную форму укрепления конкурентных позиций на рынке.

Следует отметить, что в научной печати появился также ряд публикаций по теме кластеризации в сельском хозяйстве. В некоторых из них неизбежно делается ссылка на исследования М. Портера который якобы, впервые представил идею о кластерах. Вероятно, это научно-практическое произведение автора послужило своеобразным стимулом к почти массовому научному увлечению кластерами и в сельском хозяйстве. Делается попытка представить агрокластеры как новое направление в решении продовольственной проблемы в стране, что явно преувеличено.

Однако если сравнить современные публикации по данной тематике с публикациями прошлых лет, то по содержанию они мало чем отличаются от интеграционных формирований, практически действующих ещё в дорыночный период в форме АПО, РАПО, научно-производственных систем и т.д. Эти формирования, как правомерно отмечает К. Панкова [228] появились еще за 12 лет до выхода «в свет» публикаций М. Портера. То есть, Россия еще в советское время имела практический опыт по использованию интеграционных формирований в АПК типа кластеров. Теперь они в виде схем и моделей представлены в ряде научных работ, но уже под другим названием. Вместе с тем, имеется существенная разница между интеграционными процессами в до – и – рыночном переходах, проявляющаяся в конкуренции, как движущей силе инновационного развития, на основе взаимовыгодного кооперирования (объединения) технологически и организационно взаимосвязанных предприятий, при условии демократизации управления, внедрения механизма преодоления неэквивалентных отношений в АПК.

В аграрном секторе России процесс кластеризации пока не нашел широкого практического применения, что, вероятно, связано с отсутствием соответствующего законодательства по кластерам. Хотя некоторые агрокластерные формирования, расположенные, в основном, в европейской части России, ориентируют кластеры под ассоциативные и кооперативные формы хозяйствования. При этом делаются попытки соблюдения условий, которые положены в основу создания кластера в агроэкономической системе: 1) наличие организаций или отрасли мультипликатора развития кластера, вовлекающие в него организационно-технологически и территориально связанные виды аграрной предпринимательской деятельности; 2) обеспечение долговременных устойчивых организационно-экономических связей между субъектами кластера; 3) наличие координирующее-управленческой структуры, обеспечивающей устойчивость этих связей в рамках юридически закрепленных договоров и совместных инновационно-инвестиционных проектов; 4) возможность достижения синергийного эффекта, снижения коммерческих расходов и расширения маркетинговой деятельности.

В научных публикациях рекомендательного характера в сфере АПК предлагается в основном следующая структура кластера:

1) ядро, включающее в основном промышленные организации, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье или производящие конечную продукцию [152, 252, 375];

2) технологически связанные с «ядром» предприятия, поставляющие его организациям продукцию для ее переработки [188];

3) организации-сателлиты, обеспечивающие материально-техническое снабжение организаций кластера... [385].

Существует несколько подходов к классификации кластеров:

1) эволюционный (Т. Андерсон, Й. Сервика), где разделение осуществляется по стадиям развития (агломерация, зарождение, развитие, трансформация) [385];

2) отраслевой (Р. Стоу и П. Арена), которые кластеры подразделяют по связям с добычей и обработкой природных ресурсов, промышленным производством и транспортом, предоставлением услуг [422];

3) на уровне предприятия (Д. Хини и Ж. Вейс), которые сформировались по признакам эффективности производства, контролю над сбытом, технологической совместимости и особым характеристикам компании;

4) по уровню промышленного охвата: национальный, рейтинговый, где осуществляются отраслевые, межотраслевые и межфирменные связи [408];

5) по размеру компаний и взаимодействию предприятий внутри кластера при наличии известных четырех типов индустриальных кластеров: кластеры Маршалла (малые и средние предприятия, функционирующие в сервисе и высоких технологиях); кластер «узла и спиц» («ядро» кластера включает одну или несколько крупных фирм с подключением к ним малых поставщиков, действующих в единой технологической цепочке; кластеры-спутники, в которых основная роль принадлежит независимому филиалу; госпредприятия, обслуживающие представительные структуры [169], [170];

6) по наличию комплексной типологии и кластеризации кластерных структур, базирующихся на системном подходе, с подразделением кластеров по их типам (объектный, средовой, процессный, проектный), по классам (функциональный, структурный, динамический), подклассам (воспроизводственный, интегрирующий, сферный, уровневый, отраслевой, по стадиям зрелости и развития), видам (инновационный, добывающий, развивающийся и т.д.), подвидам (аграрный, нефтяной, туристический, логистический, энергетический и т.д.) [411].

В публикациях некоторых отечественных ученых утверждается, что кластеры возникают искусственно и спонтанно в результате самоорганизации [368, 369].

Подобный подход к возникновению кластера, по мнению автора диссертации, не гарантирует устойчивого функционирования данной интеграционной структуры, поскольку остается размытой целевая установка, ради

которой следует объединение в ней различных организаций. Стихийности не свойственна эволюционность формирования и развития кластерной структуры, которая должна созревать внутри уже существующей интеграционной структуры, например, в агрохолдинге. На устойчивость ещё стихийно формирующегося кластера оказывают воздействие большое разнообразие внешних и внутренних факторов, особенно в случаях одновременного их воздействия на формирующуюся интеграционную структуру типа кластера. К таким факторам можно отнести, например, уровень современных моделей рынка, в которых функционируют эти структуры.

В анализируемых научных публикациях [69, 176, 177, 194, 277, 289] при всей их значимости, не представлен механизм перехода на кластеры. Между тем, в нем требуется, как минимум, предусмотреть: наличие географической локации (и не только на одной территории); общность производимой продукции, ресурсов, технологий; возможность налаживания тесных связей между участниками кластера. Сам же механизм перехода может рассматриваться как объединение видов деятельности, сосредоточенных вокруг определенных конечных продуктов или услуг с гибкой формой организации и сохранения конкурентоспособности внутри кластера.

В качестве начального элемента названного механизма можно, по нашему мнению, принять рекомендательные положения Р. Некрасова [202], в которых автор предлагает этапы формирования региональных кластеров. Схематично этапы представлены в следующем порядке:

1) определение значения отраслей рыночного АПК в национальном и межрегиональном масштабе;

2) анализ основных тенденций развития регионального АПК;

3) выявление базовых предприятий в каждой отрасли (ядро кластера) и анализ их географического расположения;

4) анализ горизонтальных и вертикальных взаимосвязей базовых предприятий кластера;

5) установление и отражение на карте границ кластера;

6) комплексный анализ конкурентных преимуществ потенциальных кластеров;

7) разработка мер по реализации стратегии кластерного развития (кластерных инициатив).

Данный перечень следует, по нашему мнению, дополнить еще тремя пунктами:

1) определение наиболее подходящей организационно-правовой формы хозяйствования, поскольку в законодательстве пока не существует кластерной;

2) формирование организационной структуры управления или координационного совета для практической реализации задачи по созданию аграрного кластера;

3) выявление через анкетный опрос намерения трудовых коллективов организаций будущего кластера относительно условий, при которых они пожелают войти в кластер. Если данную структуру будут создавать по команде «сверху», то нарушается один из основных принципов кластеризации – добровольность вступления.

Краткая характеристика публикаций с авторским комментарием по тематике кластеров и аграрных кластеров представлена в приложении 10.

В них присутствует общая заинтересованность авторов относительно кластерной интеграции. Она дает дополнительные возможности малым и средним предприятиям в сельскохозяйственном производстве максимально быстро приспосабливаться к интенсивным изменениям конкурентной среды и рыночного спроса, предлагать на основе новых появляющихся технологий продукты питания с оригинальными свойствами, выстраивать комбинации конкуренции и кооперации.

Методологические исследования ученых по созданию кластеров всегда востребованы и находят свое продолжение на практике. Их исследования представлены в Приложении 9.

В настоящее время, хотя и медленно, но идеи по созданию кластеров в сельском хозяйстве находят свое внедрение в ряде субъектов Российской

Федерации, что подтверждается конкретными примерами по результатам проведенного автором системного анализа.

1. В Пензенской области создан аграрный инфраструктурный парк, который может стать базовой структурой для развития регионального кластера малого предпринимательства. Автор проекта [160] в организационную структуру управления включает три департамента: административно хозяйственный, юридический и финансово-экономический с наделением их обоснованными функциями.

2. На основе кластерного подхода осуществлено распределение районов Воронежской области по однотипным показателям, что позволит оптимизировать специализацию территорий с учетом имеющихся аграрных ресурсов [335].

3. В этом же регионе кластеризация осуществлена по уровню концентрации производства на данной территории и транспортной доступности между участками кластера (не более одного перемещения между субъектами кластера) [390].

4. На основе рейтингового распределения территорий Воронежской области по группам с учетом ресурсного обеспечения заявлено, что они являются кластерами, с чем трудно согласиться [103].

5. Разработана модель социального кластера в условиях Белгородской области, с учетом использования принципов добровольности, ответственности, частного и государственного партнерства, балансов интересов, адаптивности, контроля и ориентации на результат [268].

6. А. Черняевым и Д. Сердобинцевым изложены мероприятия по формированию агропромышленных кластеров в условиях Саратовской области. Предложена ассоциативная организационно-правовая форма для центра (фонда) кластерного развития, в структуре которого действует обособленное подразделение, отвечающее за работу с организациями АПК, включая сателлитный пояс, со всей совокупностью имеющихся в регионе обслуживающих организации в системе АПК. Утверждается, что кластерная схема товародвижения эффективнее традиционной [185, С. 197].

Вызывает сомнение возможность долговременного финансового взаимодействия между многочисленными организациями агропромышленного кластера в рамках предлагаемой организационной схемы, тем более при сложившейся системе ценообразования. Негативную роль может сыграть и несовместимость организационно-правовых форм хозяйствования в системе «ядро кластера-сателлиты».

7. А. Трошиным, Е. Серебряковой и В. Деменко обоснована перспективность развития мясного кластера в условиях Белгородской области. Учтены способствующие этому характеристики и признаки предлагаемой интеграционной структуры (наличие конкурентоспособных предприятий, их конкурентные преимущества, географическая концентрация и близость участников кластера, большое количество участников, связи между участниками) [332].

Целесообразно было бы, по нашему мнению, представить механизм преодоления рисков, вызванных угрозами при развитии кластера. Особенно это касается недостатка в инвестиционных ресурсах для производства продукции и высокой конкуренции внутри кластера.

8. Т. Набиевым, для условий Республики Таджикистан предложена четырехэтапная модель формирования аграрного кластера, в которой представлены: 1) оценка стартовых предпосылок для формирования кластера по совокупности критериев (наличие конкурентных преимуществ, географическая концентрация предприятий, возможность взаимодействия); 2) обоснование оптимальной структуры кластера и периодичных направлений развития кластера; 3) оценка рисков и интеграционного эффекта проекта формирования регионального аграрного сектора [196].

Представленные в «главной» части такого «мегакластера» властные управленческие структуры, в лице Министерства сельского хозяйства, зависимость большинства участников интеграционной структуры от бюджетной господдержки, ориентирует данную интеграционную структуру на принудительное формирование.

Примерно такого же варианта развития кластеризации в стране придерживается А. Хухрин, [368, 369] предлагая резко сократить эволюционный период формирования агрокластеров до 2-х – 3-х лет. С такой стратегической установкой можно было бы согласиться, только при условии внедрения мощного мотивационного механизма управления ускоренным формированием кластеров в АПК.

К важным элементам такого механизма можно было бы отнести:

1) компенсацию потерь дохода сельскохозяйственного товаропроизводителям от ценового диспаритета, обеспечение равной нормы прибыли субъектам кластера;

2) удлинение срока реструктуризации кредитной задолженности до 1 года;

3) снижение ставки по ЕСХН до 2-3%;

4) расширение несвязанной господдержки;

5) введение гарантированного сбыта производимой агропродукции (госзаказа);

6) выделение субсидий на возмещение части процентов по кредитам;

7) введение льготного механизма страхования урожая (при гибели урожая, с которого начинаются страховые выплаты, не более 15%).

Действие элементов данного механизма распространяется только на субъекты сформировавшегося агропромышленного кластера и ослабляется по мере достаточной финансовой устойчивости всех основных структурных составляющих кластера.

Достаточность финансовой устойчивости выявляется по уровню рентабельности и значению ряда коэффициентов:

– автономии – финансовой независимости (указывает долю владельцев организаций в общей сумме средств, авансированных в ее деятельность, $К_А$=0,5 и более);

– инвестиционной активности (выражает инвестиционную активность и определяет объем средств, направленных на модернизацию и

усовершенствование собственности и на финансовые вложения в другие фонды развития организаций);

– капитализации (показывает уровень заемных средств, приходящихся на рубль собственных средств, вложенных в активы организаций);

– устойчивого финансирования (представляет, какая часть активов финансируется за счет устойчивых источников, выражает степень независимости (или зависимости) организации от краткосрочных заёмных источников покрытия).

Все показатели должны отвечать нормативным требованиям, что отслеживается ежегодно с использованием системы Интернет. Это позволит избежать коррупции в сфере контроля показателей, в случае использования, например, аудиторской структуры, либо спецслужбы госконтроля. Здесь важно отслеживать эффективность хозяйствования в «ядре» и сателлитах аграрного кластера, чтобы устанавливаемые льготы использовались с достаточной отдачей и в сохранении известных принципов кластеризации.

Продолжая тематику управления кластером, отметим, что он рассматривается как набор институциональных механизмов, обеспечивающих рост рыночной стоимости организаций. Управление кластером сводится к трем важным направлениям: координация взаимодействия с внешней средой; проведение согласованной финансово-экономической политики; координация производственно-хозяйственной деятельности участников кластера [391].

Существует мнение [188], что механизм управления кластером на уровне региона представляет собой совокупность методов, форм, средств, с помощью которых органы государственного и муниципального управления взаимодействуют на участников процесса кластеризации в целях повышения их конкурентоспособности и решения на этой основе первоочередных задач социально- экономического развития региона.

В другом источнике [227] рассматривается механизм управления развитием кластеров в региональной экономике, отличающийся тем, что участие в процессе управления принимают субъекты различных уровней, ориентирующие свои

интересы на обеспечение гармонизации действий региональных органов государственной власти, кластерной организации и компаний-участников кластеров. При этом указывается, что в данном механизме управления развития кластеров объектом управления является непосредственно кластер, как форма пространственной организации экономики, включающей участников различных уровней: компании ядра кластера, компании сопутствующего уровня кластера, а также компании социально-экономической институциональной среды кластера.

Получается, что кластером управляют представители каких-то субъектов различных уровней. При этом не учитывается, что кластер – это, в основном, самоуправляемая система, функционирование которой базируется на известных принципах кластеризации, где роль властных управленческих структур минимальна. Она, прежде всего, сводится к содействию в процессе формирования кластера, проявляющемся в оказании соответствующих мотивационных условий, которые были названы выше.

Основным же управленческим звеном в кластере, в данном случае, агропромышленном (или аграрном) кластере, является его ядро, как мультипликатор развития интеграционной структуры, вовлекающий в этот процесс все сопутствующие виды предпринимательской деятельности.

Автор считает, что главным условием эффективности организационно-экономических отношений в кластере является динамичное развитие механизма их функционирования. При формулировании сущности организационно-экономического механизма кластеров в научных исследованиях, в системе производственных отношений выделяются две подсистемы: социально-экономические и организационно-экономические отношения. Первая подсистема содержит в себе отношения собственности. Во второй представлены хозяйственные отношения, а именно: определенные формы организации производства и труда, внутренние связи между структурными подразделениями и систему управления.

Ю.Б. Иванов и А.Д. Олейник в этой связи утверждают, что «организационно-экономические отношения представляют собой структуру,

имеющую несколько уровней. Наиболее значимыми из них являются следующие: первый - отношения хозяйствования, прямо связанные с отношениями собственности; второй – господствующие в данном государстве виды организационно-экономических отношений; третий - выбор, обоснование и реализация таких отношений в пределах определенной региональной научно-производственной кластерной структуры. Исходя из этих положений, авторы делают вывод о том, что организационно-экономические отношения выступают в виде фундамента, на котором строится содержание организационно-экономического механизма» [110].

В их представлении такой механизм формирования кластерных структур можно представить в виде целостной системы, которая состоит из технологического, организационного, экономического и социального блоков, их элементов.

У других авторов, организационно-экономический механизм агропромышленного кластера - это самоорганизующаяся система хозяйствующих субъектов (предприятий, учреждений, крестьянский хозяйств, социальной сферой) с присущими им механизмами хозяйствования и присущими всей системе общественными хозяйственными институтами, регулирующими деятельность хозяйствующих субъектов [237].

Проблематике организационно-экономического механизма именно формирования региональных агропромышленных кластеров посвящен сборник тезисов 73-х научных сообщений исследователей. Общее, что их объединяет, так это обсуждение основных принципов организационно-экономического механизма кластерных образований [219].

С.Н. Новоселов и С.М. Смирнова делают вывод: «результаты научных исследований в области кластерной организации производства повлияли на реализуемую в последнее время методологию государственного регулирования. В настоящее время во многих странах поддерживается идея о том, что создание инновационных агропромышленных кластеров является основой промышленной политики, направленной на повышение конкурентоспособности и увеличение

возможностей выживания в условиях глобализации. Таким образом, в настоящее время на основе обобщения международного опыта считается признанным тот факт, что государство может стать инициатором создания инновационных агропромышленных кластеров на основе действующих отраслей сельского хозяйства и пищевой промышленности» [208]. Организационно-экономическим механизмом кластера авторы предлагают рассматривать интеграцию всех его элементов и подсистем с целью скоординированного функционирования и межэлементных связей внутри кластера.

В авторской трактовке организационно-экономический механизм управления агропромышленным (аграрным) кластером – это процесс организационно-экономического воздействия на элементы его структуры со стороны, в основном, коллективно избранного внутрикластерного управленческого совета, осуществляющего все основные функции управления в рамках соблюдения известных принципов кластеризации, при мотивационном участии государства в период ускоренного формирования кластера, при дальнейшем устойчивом развитии всех его субъектов при достижении ими достаточного уровня конкурентоспособности.

Организационная сторона воздействия проявляется, в основном, в процессе подбора субъектов кластера и координации их деятельности при решении ими своих предпринимательских задач. А экономическая сторона – при согласовании экономических интересов субъектов кластера в процессе осуществления функций управления, решения задачи по оптимизации распределения дохода между структурными подразделениями интеграционного формирования, получаемого от реализации конечных видов продукции, а также от синергийного эффекта.

Для ускоренного развития кластеризации в агроэкономической системе, что обусловлено необходимостью решения проблемы импортозамещения на инновационной основе, предлагается в организационно-экономическом механизме управления, по нашему мнению, предусмотреть возможность формирования кластера, исходя из следующих условий:

– комплексность территориального расположения субъектов кластера (не только на одной территории);

– объективное информационное обеспечение организаций кластера, включая результаты производительности труда;

– инновационную ориентацию развития, особенно «ядра» кластера;

– устойчивый характер производственно-сбытовой деятельности;

– гарантированное внедрение мотивационного механизма в процессе формирования аграрного кластера;

– отсутствие в «ядре» организации монополиста;

– функционирование большинства структурных подразделений кластера в одинаковой организационно-правовой форме хозяйствования, поскольку их несовместимость не позволит урегулировать коллективные интересы;

– наличие пропорциональности в технологической цепочке «ядра» кластера, позволяющей обеспечить синхронность взаимодействия производителей сельскохозяйственного сырья и его переработчиков.

Исходя из этих условий, автором диссертации разработана модель агропромышленного кластера региона, на примере птицепродуктового подкомплекса Свердловской области (рис. 5).

Следует согласиться с Т.А. Исаевой, что одно из важных условий формирования кластера, это наличие в составе кластера научного учреждения, способного активизировать инновационные решения в кластере [116].

В «ядре» кластера размещены системообразующие отрасли-мультипликаторы (птицефабрики, комбикормовые заводы и наиболее рентабельные зернопроизводящие хозяйства). Сырьевую основу представляют (W_c=12,8 тыс.т), колхоз «Урал» (W_c=12,7 тыс.т), СПК «Килачевский» (W_c=20 тыс.т), СПК «Пригородное» (W_c=17 тыс.т), ОАО «Каменское» (W_c=18 тыс.т), СПК «Птицесовхоз Скатинский» (W_c=16тыс.т), ООО «Вектор» (W_c=11,3 тыс.т), ООО «Белан» (W_c=10 тыс.т) и другиеОднако, гарантированный годовой объем

Рис. 5 – Модель механизма управления формированием и развитием агропромышленного кластера региона (на примере птицеводческого подкомплекса Свердловской области

производства фуражного зерна для обеспечения требуемой загрузки комбикормовых организаций (190-200 тыс.т) может быть достигнут при включении в кластер зернопроизводящих хозяйств, расположенных в следующих территориальных формированиях:

1) муниципальных районах формированиях:

–Камышловском (W_c=33 тыс.т фуражного зерна);

–Пышминском (W_c=30 тыс.т);

– Алапаевском (W_c=43 тыс.т);

– Байкаловском (W_c=45 тыс.т);

– Ирбитском (W_c=100 тыс.т);

2) городских округах:

– Сухоложском (W_c=25 тыс.т);

– Белоярском (W_c=22 тыс.т);

– Богдановическом (W_c=44 тыс.т);

– Каменском (W_c=46 тыс.т);

– Талицком (W_c=47 тыс.т);

Всего 465 тыс.т, что почти в 2,5 раза превышает суммарный объем производства комбикормов. Такой подход к расчету соотношения объемов производства сырья и его переработки не точен, поскольку между производством и реализацией зерна огромная разница. В регионе среднегодовой объем производства данной продукции составляет 638 тыс.т, а на реализацию, по разным причинам, поступает только 120 тонн. Поэтому возникает насущная необходимость в мотивационном воздействии на зернопроизводителей для активации их предпринимательской деятельности, которая может реализовываться в агропромышленном кластере.

Следующие субъекты «ядра» кластера – перерабатывающие организации – комбикормовые заводы: ОАО «Богдановический комбикормовый завод» (W_c=29 тыс.т), ОАО «Ирбитское хлебопредприятие» (W_c=30 тыс.т), ОАО «Свердловский комбинат хлебопродуктов» (W_c=130 тыс.т).

Птицеводческие организации мясного и яичного направления: ООО «Нижнетагильская птицефабрика» ($W_{см}$=22 тыс.т); ОАО «Птицефабрика Рефтинская» ($W_{см}$ = 50 тыс. т); ОАО «Птицефабрика Свердловская» ($W_{см}$=880 млн шт); ООО «Птицефабрика Ирбитская» ($W_{см}$=48 тыс.т), СПК «Птицесовхоз Скатинский» ($W_{см}$=19 тыс.т).

Выбор организаций по производству птицы осуществлялся по уровню устойчивости рентабельности производства мяса птицы и яиц. Низкорентабельные птицефабрики могут быть включены в ядро кластера только после приобретения ими более устойчивого функционирования. Для этого они могут взаимодействовать на рынке с организациями «ядра» кластера, получая возможность дальнейшего развития. Поэтапное (эволюционное) присоединение к кластеру аграрных организаций и обслуживающих предприятий позволит расширить рамки данной интеграционной структуры и повысить устойчивость развития аграрной сферы региона.

Управленческие функции осуществляются в основном коллегиальным органом – координационным советом кластера, руководствуясь следующими принципами: развитие в общих интересах всех участников интеграционного формирования; комплексность подхода к приоритетности его развития; соблюдение этики деловых отношений.

Оснащение субъектов кластера объективной информацией осуществляет региональная компьютеризированная информационная система, а торговые отношения, в основном, происходят через кооперативную оптово-розничную систему. Инновационные ориентиры развития агропромышленного кластера обеспечивает исследовательский центр, который целесообразно создать при Министерстве АПК и продовольствия Свердловской области.

В заключение данного раздела диссертационной работы отметим, что управление процессом формирования агропромышленных кластеров может иметь региональный оттенок. Если использовать известные, предлагаемые М. Портером ключевые свойства кластера (географическая локализация, взаимосвязь между фирмами и технологическая взаимосвязанность отраслей) к индустриальным

регионам, к каким, например, относится большинство отраслей индустриальных областей Уральского федерального округа, то вряд ли в них найдётся тесно связанная отраслевая структура. Сложно определить в интеграционной структуре экономики, где преобладают, в основном, обособленные отрасли тяжелого машиностроения, ориентируемые на ВПК, их тесную технологическую связь с легкой промышленностью, особенно связанную с АПК. Его сферы, финансирование по «остаточному принципу», фактически, являются оторванным от общей стратегии развития региона, поэтому неизбежно могут рассматриваться как «локализованная» часть его экономики. Чаще всего агроэкономическая система в регионе развивается в условиях отсутствия ресурсопоставляющих отраслей (сельхозмашиностроение, производство минеральных удобрений, запасных частей и т.д.). Поэтому данная система может получить кластерное развитие только внутри себя, выходя из локального уровня только в пределах межрегионального производственного взаимодействия. Поэтому одним из региональных вариантов развития кластеризации может быть поэтапное преобразование агрохолдинговых структур в крупные территориальные продовольственные кластеры, обеспечивающие экономически сбалансированное развитие агроэкономической системы региона и участвующие в развитии сельской местности.

2.3. Тенденции, проблемы и обоснования перспективного развития агроэкономической системы и сельских территорий

Любая тенденция отражает стремление к достижению определенной цели. Эмпирические свидетельства воздействия аграрной политики на качественное изменение ситуации в агроэкономической системе страны позволяют выявить проблемы и перспективы ее дальнейшего развития.

Постепенное внедрение концептуальных положений аграрной реформы последних лет осуществлялось на основе программных документов. К ним можно отнести:

– Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы, утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 г., №717 [81];

– Стратегию устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года [325].

Хотя следует признать, что до этого периода были ранее действовавшие аналогичные программы [78], [350].

К основным нормативным правовым актам, обеспечивающим правовую основу программным разработкам, относят:

– Федеральный закон Российской Федерации «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 №264-ФЗ [353];

– Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 15.10.2020 №330-ФЗ [351];

– Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (актуальная редакция – от 31.07.2020) от 28.06.2014 №172-ФЗ [352].

Помимо этих перспективных нормативных правовых актов принято более десяти законов, касающихся земельных отношений в условиях рыночной экономики и соответствующих постановлений Правительства РФ.

Не вызывает сомнений, что программные документы, федеральные законы и постановления Правительства необходимы, чтобы организационно-экономический механизм управления устойчивостью агроэкономической системы был эффективным. В этом плане остается аксиоматичным утверждение, что агроэкономическая система всегда была и остается важнейшим ресурсом государства, от состояния которого зависит поддержка природного, экономического, человеческого и этнокультурного потенциала страны.

Основные цели государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» – сохранение доли сельского населения в общей

численности населения России на уровне не менее 25,3%, достижение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 80%, повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населённых пунктах до 50%.

Государственная программа состоит из проектной и процессной части, которые содержат в себе пять ведомственных проектов и три ведомственные целевые программы. Важнейшее отличие между проектом и программой – это их масштаб. Программа включает несколько проектов, объединенных между собой одной целью. Ее результаты измеряются не количественно, а качественно. В этом случае, качественное изменение предполагает кардинальное улучшение состояния самих сельских территорий, вызванное реализацией запланированных задач.

Таким образом, программа содержит группу проектов, объединенных единой целью достижения, управлением и необходимыми ресурсами.

Проект предполагает взаимосвязанный набор мероприятий и процессов, основная цель которого – реализация масштабной задачи. Его атрибуты – сроки исполнения, ресурсы и предназначения.

Целевая программа имеет федеральное значение и предполагает комплекс мероприятий, обеспечивающих эффективное решение более узких задач, требующих государственной поддержки.

В проектную часть государственной программы включены пять ведомственных проектов: «Развитие жилищного строительства на сельских территориях и повышение уровня благоустройства домовладений»; «Содействие занятости сельского населения»; «Развитие инженерной инфраструктуры на сельских территориях»; «Развитие транспортной инфраструктуры на сельских территориях»; «Благоустройство сельских территорий».

К процессной части государственной программы отнесены три ведомственные целевые программы: «Обеспечение государственного мониторинга сельских территорий»; «Аналитическая и информационная поддержка комплексного развития сельских территорий»; «Современный облик сельских территорий».

В государственную программу включена задача опережающего развития приоритетных территорий – субъектов Федерации, входящих в Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа, Республики Крым, Севастополя, Калининградской области, субъектов Федерации, отдельных территории, которые входят в состав Арктической зоны России.

Общий объём финансирования госпрограммы в 2020-2025 годах – около 2,3 трлн. рублей, в том числе за счёт федерального бюджета – 1 трлн. рублей. Продление программы до 2030 года увеличивает эти расходы.

Тенденции по реализации развития агроэкономической системы представлены в научных публикациях и аналитических докладах Министерства сельского хозяйства РФ.

Несмотря на некоторый рост в агроэкономической системе в последние годы, результаты выполнения ее мероприятий остаются не всегда удовлетворительным. Авторы публикации «Исследование системы бюджетной поддержки аграрного сектора в России [387], фиксируют рост в показателях валовой продукции и по внешнеторговому балансу за 2019 год. В то же время остаются высокие трансакционные издержки при экспорте и импорте продукции.

По рейтингу Мирового банка Ease of doing business («Легкость ведения бизнеса») Россия занимает 31-ое место из 190 стран, однако в показатель «Легкость международной торговли» свидетельствует о последствиях санкций: у России здесь только 99-ое место (The World Bank, 2019). Такие факторы роста производительности, как повышение эффективности управления, сокращение неэффективного труда, привлечение инвестиций, почти исчерпаны. Для устойчивого роста, по мнению исследователей, необходим переход к инновационному развитию. Расходы на поддержку агроэкономической системы, безусловно, необходимы, но поддержка производителей напрямую путем субсидий и льгот приводит к вытеснению частных инвестиций, лишает стимулов к повышению конкурентоспособности. Переориентация бюджетных расходов с такого вида поддержки на поддержку общих услуг (инноваций, ветеринарных, фитосанитарных, стимулирования охраны природы и т.д.) может дать новый

импульс для устойчивого развития. Более того, стремление к самообеспеченности регионов остается неэффективной стратегией.

Исследование А.В. Петрикова содержит анализ и прогнозные расчеты, касающиеся влияния на агроэкономическую систему пандемии, вызванной COVID-19. В среднесрочной перспективе ожидается:

– уменьшение бюджетной поддержки сельского хозяйства и инвестиций в сектор в силу общеэкономического кризиса;

– снижение спроса на продовольствие в связи с сокращением реальных доходов населения;

– рост производственных издержек из-за роста цен на импортные средства производства и материалы.

Долгосрочное влияние на устойчивость агроэкономической системы будет выражено через некоторые прогнозные ожидания:

– усиление «зеленых трендов», биологизация земледелия и животноводства, использование ресурсо- и энергосберегающих технологий, в меньшей степени зависящих от внешних поставок ресурсов и материалов;

– повышение роли региональных и локальных систем продовольственного обеспечения, работающих вне глобальных рынков, а в связи с этим рост значения малого и среднего предпринимательства, сельскохозяйственной кооперации, малоформатной торговли, прямых связей между производителями и потребителями продовольствия;

– деурбанизация, более равномерное распределение населения по территории страны для снижения рисков эпидемий и других чрезвычайных ситуаций [232, с. 101].

Как известно, цели устойчивого управления в агроэкономической системе всегда относятся к двум категориям: развитие (совершенствование) и стабилизация (обеспечение устойчивости).

Для сокращения тенденций ее устойчивого развития после окончания пандемии через один-два года требуются в большей степени среднесрочные и

долгосрочные мероприятия. Поскольку в России остается большая зависимость от внешних поставок сельскохозяйственной техники, товаров микробиологической промышленности, ветеринарных препаратов, селекционных и семенных культур, а также племенных животных, здесь требуются дополнительные ассигнования для уменьшения имеющихся рисков.

А.В. Петриков утверждает, что в собственно аграрной сфере основное внимание должно быть уделено производству качественной продукции, как средства повышения иммунитета населения от неблагоприятных факторов внешней среды. Важно внимание к отраслям, по которым у нас еще не достигнуты критерии продовольственной независимости. Их список расширен в январе 2020 года в тексте второй редакции Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Это производство говядины, молока, овощей и фруктов. По этим отраслям еще существенна доля импорта [243, с. 104].

Много препятствий при развитии конкуренции через кооперативную торговлю, при освоении ресурсосберегающих технологий.

Агроэкономическая система всегда содержала в себе противоречивые ситуации, и это называют проблемой – сложной теоретической или практической преградой. Для ученых – это противоположные позиции в объяснении каких-либо явлений, а для сельскохозяйственной отрасли – преодоление отсталости, социальные проблемы сельских жителей и др.

Отечественная агроэкономическая система имеет комплекс проблем, препятствующих ее планомерному и устойчивому развитию: недостаток сельскохозяйственной техники и технологий переработки сельскохозяйственного сырья, степень износа техники, которая зачастую достигает 50%, а потери от собранного зерна и овощей от 30 до 40%.

Инвестиции в основной капитал агроэкономической системы для восстановления и обновления производственных средств не отвечают выдвигаемым задачам развития. И хотя есть тенденции их увеличения как на федеральном, так и на региональном уровнях, они не позволяют говорить об устойчивости инвестиционной деятельности. К примеру, по причине продления

продовольственного эмбарго, объявленного в августе 2014 года, поставлена стратегическая задача в два раза увеличить экспорт продовольствия к 2024 году и довести его до 45 млрд $. Для этого потребовалось решение по внедрению национального проекта «Экспорт продукции АПК».

Для решения этой задачи, которая является весьма сложной, на что справедливо указывает Л.Г. Набиева, требуется экспорт зерновых нарастить в 1,5 раза до 11,4 млрд $, масложировой продукции – в 2,8 раза до 8,6 млрд $, продукции пищевой и перерабатывающей продукции – в 2,5 раза до 8,6 млрд $, рыбы и морепродуктов – в 1,9 раза до 8,5 млрд $, мясной и молочной продукции – в 4,7 раза до 2,8 млрд $. Финансирование разработанного для достижения этой цели проекта «Экспорт продукции АПК» до 2024 года составит 406,8 млрд руб. [197].

Успешность достижения этих показателей, конечно же, зависит от государственной поддержки агроэкономической системе. Для сравнения, в России на сектор сельскохозяйственных угодий выделяется средств меньше чем в таких странах, как США в 6 раз, в Китае – в 10 раз, в ЕС – в 14 раз.

В научных статьях С.Н. Даниловой отмечается, что неудовлетворительной является и обеспеченность сельских территорий социальными услугами и инфраструктурой. Так, в целях сокращения затрат на содержание объектов социальной инфраструктуры на селе, долгое время проводилась политика по «оптимизации» сети учреждений социальной сферы, результатом которой стало массовое закрытие малокомплектных сельских школ, детсадов, медицинских и культурных учреждений, недостаточный ввод новых объектов, и уменьшение плотности их размещения.

Сельский жилищный фонд остается в основном неблагоустроенным. Всеми видами благоустройства оборудована только 30% общей площади, тогда как в городе – почти 80%, разница по отдельным видам благоустройства на селе и в городе достигает показателя – 2,5 раза. Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда на селе в 2 раза выше, чем в городе [88].

Это свидетельствует о крайне неравномерном развитии агроэкономической системы и сельских территорий.

К достаточно устойчивой проблеме относится довольно частое изменение российского законодательства в вопросе устойчивого развития аграрной сферы и сельских территорий. Особенно это касается Федеральной целевой программы (ФЦП) устойчивого развития сельских территорий. В исследованиях Д.А. Логиновой и А.С. Строкова по анализу регионального законодательства и задачам развития сельских территорий за 2013-2020 гг. отмечается, что отдельные плановые показатели не были достигнуты: по строительству на селе жилья; по вводу газовых сетей и локальных водопроводов; по строительству и организации деятельности общеобразовательных учреждений и учреждений культурно-досугового типа.

По наблюдениям Е.Д. Фудиной, отечественная агроэкономическая система сталкивается с проблемами неразвитого рынка сбыта сельскохозяйственной продукции, агрессивным поведением посредников, что приводит к многократному снижению доли производителей в розничной цене готового продукта [360].

Негативное влияние на экономику сельскохозяйственного производства и сбыта оказывает недостаточная социальная развитость сел и деревень, которые должны оставаться основными движителями для развития агроэкономической системы. Среди проблем, сдерживающих устойчивое развитие агроэкономической системы, называют недостаток человеческих ресурсов. Квалифицированные кадры не стремятся связывать свою жизнь с аграрной средой. Причин тому много: низкий уровень оплаты труда, сезонность работ на природе, доминирование ручного труда, пошатнувшаяся репутация сельской жизни и т.д. В настоящее время количество работников в агроэкономической системе варьируется в пределах 5074,5 тысяч человек (данные Росстата за 2017 год) [333]. За период с 2014 по 2020 годы число сельских населенных пунктов сократилось с 18,5 тысяч до 17,5 тысяч.

В настоящее время сельские территории России сталкиваются с такими серьезными проблемами как безработица и бедность. Согласно статистическим данным уровень безработицы по методологии МОТ в сельской местности почти в два раза выше, чем в городе (соответственно 8% и 4,4%). Заработная плата в сельском хозяйстве, которая является основным источником семейного бюджета, составляет около 60% от средней по экономике, тогда как в 1990 году она была практически на среднероссийском уровне (95,5%). Располагаемые ресурсы на одного сельского жителя, включающие все денежные и натуральные поступления, составляют 67% от городского уровня. В результате около 27% сельчан живет за чертой бедности, в то время как среди горожан доля населения с денежными доходами ниже черты бедности – 8% [14].

При наличии в региональных программах плавающих формулировок, поправок, различий форматов, а также условий постепенного занижения плановых показателей ожидать полноценной отдачи от них в некоторых регионах нет оснований.

Особое отношение сложилось к инициативам граждан и популяризации сельского образа жизни: на эти цели в программах по регионам было уделено меньше всего внимания. В то же время во многих регионах по самому прибыльному для банков и застройщиков мероприятию – по застройке, запланированные показатели были перевыполнены. Это говорит о том, что мероприятия Федеральной целевой программы направлены не на сельское развитие в том понимании, в каком его видят сельские жители, ученые, добросовестные исполнители, а на поддержание конкретных, притом несельскохозяйственных, отраслей.

Отражение мероприятий ФЦП на регулярном уровне не обеспечивает комплексности социально-инженерного обустройства сельских поселений, которые необходимы для перспективного и качественного изменения условий жизни на селе и преодолении его отставания от города по уровню и качеству жизни [161].

Термин «перспектива» предполагает возможность стремления к чему-либо значимому впереди (от лат. perspicto – ясно вижу).

Перспектива – это образ будущего. Для агроэкономической системы, в которой производится продовольствие для населения и сырье для промышленности, перспективы устойчивого развития всегда связаны с такими научными направлениями как агрономия, мелиорация, растениеводство, животноводство, лесоводство. В свою очередь, эффективность агроэкономической системы сказывается на сбалансированности национальной экономики. Она нуждается в государственном субсидировании, поскольку в условиях рыночных отношений неспособна конкурировать с другими отраслями. Помимо этого, требуются и другие мероприятия поддержки: сохранение фиксированных цен; регулирование рыночной цены для обеспечения рентабельности производства; компенсации; льготное кредитование; льготы по налогообложению; выделение финансовых средств на научные изыскания в части организации и улучшения агроэкономической системы; повышение инвестиционной привлекательности аграрной сферы; ирригация и рекультивация; нормативно-правовое обеспечение; создание условий для повышения качества жизни в сельской местности. По существу, это обязательства государства, ибо сельскохозяйственное производство находится в наиболее неблагополучных условиях.

Перспективы устойчивого развития агроэкономической системы и сельских территорий могут быть, по нашему мнению, рассмотрены в нескольких прогнозных сценариях: консервативный тренд; футурология; джокер; научный взгляд экономистов. Такой подход позволяет осуществить проведенный в нашем исследовании методологический анализ научных публикаций и авторские разработки по обозначенной проблематике.

В научной статье, которую опубликовал А. Чулок [381] постулируется, что за последние годы дискуссия о перспективах устойчивого развития агроэкономической системы и агропромышленного комплекса в целом заметно сместилась с финансовой повестки в сторону высоких технологий. По этой

причине автор представил свое видение этого процесса. Скорость технологических изменений такова, что появляются принципиально новые возможности для смены нескольких научных парадигм, каждая из которых может на порядок превосходить предыдущую. Что касается прогнозных сценариев, то исследователь называет консервативными те, которые будут происходить с высокой вероятностью. Для футурологических наступление событий возможно только при совпадении многих факторов. Отдельное место отводится джокерам – событиям с низкой вероятностью, но с масштабными потенциальными эффектами.

В прогнозных сценариях автора представлено четыре временных горизонта с 2020 по 2120 год.

2020-2030 годы

Консервативный тренд:

– приход IT-компаний, вытесняющих традиционные агрохолдинги;

– начало эры функционального питания, диет, составленных на базе многопараметрических тестов и еды как лекарства;

– рост по спросу на продукцию АПК со стороны химической и строительных отраслей, становящихся полностью «зелеными»;

– переход большинства стран на альтернативные источники энергии, что приводит к росту спроса на биотопливо. Объем мировой биоэкономики – 58 трлн.

Футурология:

– доминирование растительного мяса, генетически модифицированных продуктов;

– расширение доли «еды в таблетках»;

– традиционные конкурентные преимущества – плодородная почва, чистый воздух и др. отходят на второй план, уступая место высоким технологиям, оптимизирующим себестоимость производства.

Яркая черта: «АПК в смартфоне – цифровой, эффективный, устойчивый к климатическим изменениям из любой точки планеты».

Джокер:

– вирусы, распространяющиеся вне географических границ и контроля человека;

– успешные эксперименты стран с биологическим оружием и его применение.

2030-2050 годы

Консервативный тренд:

– к 2050 году население планеты составит 9,7 млрд, причем в возрасте 80 лет будут 426 млн человек – в три раза больше, чем сейчас;

– мировой АПК разделен между несколькими транснациональными корпорациями, контролирующими всю производственную цепочку;

– еда в ее изначальной роли уступает место функциональным продуктам или их суррогатам;

– передовые технологии и ответственное отношение к природе позволяет начать восстанавливать биоразнообразие.

Футурология:

– прорывы в области нанотехнологий позволяют ввести в эксплуатацию «нанофабрики», обеспечивающие сборку на молекулярном уровне;

– развитие технологий в сочетании с непрерывным давлением экологических и этических трендов приводят к тому, что из производственной цепочки начинают исключаться природные элементы – почва, растение или животное.

Яркая черта: любая еда по запросу – в зависимости от предпочтений, генетической предрасположенности и религии. Этот же тренд поделит мировое сообщество на касты и страты, некоторые – радикальные.

Джокер:

– глобальное потепление или похолодание приводит к кардинальному изменению агроклиматической карты мира;

– рост численности населения и увеличение доли бедных приводят к тому, что голодающих становится больше. Социальный коллапс.

2050-2070 годы

Консервативный тренд:

– активное освоение ранее труднодоступных и малопригодных для АПК мест позволяет получить иной класс технологий, отвечающих принципам эффективности, климато-независимости, бережного отношения к природе;

– технологии освоения космоса активно используются на Земле. Стоимость технологий существенно снижается;

– технологии глубоко проникают во все звенья производственной цепочки в АПК;

– угрозы биоразнообразия и истощения почв снижаются.

Футурология:

наступление «технологической сингулярности», которая даст старт цифровому бессмертию человека, превращению общества в технократический рай и освоению новых планет;

– активно развиваются т.н. «большие» междисциплинарные технологии, использующие конвергенцию знаний о новых материалах, life science, энергетике, построенных на платформе искусственного интеллекта. Илон Маск выполняет обещание основать колонию в миллион людей на Марсе, данное в 2020 году;

– АПК вступает в эпоху эко и терраформирования – возможности управлять ураганами, ливнями, засухами, миграцией насекомых, птиц, животных и рыб.

Яркая черта: в мире почти нет голодающих. Генетические, а также биотехнологии, нанотехнологии позволяют обеспечить каждого пищей (правда, практически не имеющей ничего общего с пищей органической)

Джокер:

– начавшийся в 2020-е годы тренд в виде биотехнологических экспериментов с собственным здоровьем приводит к появлению класса

биохакеров, использующих еду для получения радикальных конкурентных преимуществ перед остальными – скорости мысли, выносливости, приспосабливаемости, долголетии и т.д.

2070-2120 годы

Консервативный тренд:

– население планеты составит порядка 11 млрд человек;

– все технологические достижения направлены на восстановление «исходного» состояния планеты;

– в рамках терраформирования исправляются негативные последствия индустриальной революции прошлых веков;

– генетические технологии позволяют в полной мере вернуть биоразнообразие;

– АПК перестает быть сектором экономики.

Футурология:

– благодаря повсеместному развитию нейроинтерфейсов появляется человек «подключенный» - как часть природы, объединенной в одну информационную сеть;

– так как органического в человеке остается не более 10% (остальное – информационно-роботизированное), начинают применяться технологии, позволяющие человеку отказаться от еды полностью (например, путем «встроенного» в геном фотосинтеза).

Яркая черта: внешне АПК возвращается к своему первозданному состоянию, только на новой, управляемой человеком платформе – практически вся природа оснащена датчиками и сенсорами. Еда используется как элемент досуга или развлечения.

Джокер:

– природные экосистемы оказываются слишком сложными для управления. Точечное вмешательство человека в их отдельные звенья приводит к экологическим катастрофам планетарного характера.

Такие прогнозные построения могут казаться фантастичными, но ознакомление с ними дает возможность более требовательно относиться к стратегическому развитию агроэкономических систем и сельских территорий.

По результатам оценки ожидаемых результатов от многих федеральных проектов Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, постановлений Правительства РФ, на заседании Правительственной комиссии по вопросам агропромышленного комплекса и устойчивого развития сельских территорий было отмечено, что по агроэкономической системе государственная программа продлена до 2025 года, а на период 2019-2025 гг. из бюджета на развитие направляется 2,33 трлн рублей.

По расчетам Минсельхоза России [80], целями устойчивого развития остаются: обеспечение продовольственной независимости и безопасности; ускоренное импортозамещение; повышение конкурентоспособности и добавленной стоимости; обеспечение роста экспорта, а также инвестиций в основной капитал. К 2025 году значение производственной добавленной стоимости, создаваемой в сельском хозяйстве, должно достигнуть 5,8 млрд руб., против 3,7 млрд руб. в 2017 году, а индекс физического объема инвестиций в основной капитал – 121,8% к уровню 2017 года.

Производство продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах к 2025 году, как и указывал Минсельхоз, планируется нарастить на 16,3% к уровню 2017-го, в том числе: продукции растениеводства - на 18%; животноводства – на 11%; выпуск пищевых продуктов – почти на 30%. Производство продукции растениеводства на мелиорируемых землях в стране за восемь лет вырастет на 17%, в том числе: площадь введенных в эксплуатацию мелиорируемых земель в 2019 году предполагается увеличить на 90 тыс. га, в 2020 году – на 69 тыс. га; лесо- и фитомелиоративные мероприятия будут проводиться на 100 тыс. га ежегодно в течение двух ближайших лет. Экспорт продукции АПК в соответствии с указом президента должен достичь 45 млрд $. За счет регулирования рынков

сельхозпродукции доходность сельхозпроизводителей все эти годы планируется обеспечивать на уровне не менее 10%.

Между тем, по результатам проведенного нами методологического анализа, имеются риски, влияющие на выполнение плановых показателей. Росстат ежегодно фиксирует падение роста сельского хозяйства и экспорта продукции. Не во всех регионах упорядочен организационно-экономический механизм реализации проектов. Российская Федерация состоит из 85 субъектов, имеющих свои территориальные особенности агроэкономической системы, а потому региональные программы развития аграрной сферы находят свое продолжение в муниципальных программах, но возможности бюджетов муниципальных районов весьма ограничены. Проявляются и другие трудности, препятствующие достижению программных показателей.

Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» рассчитана на 2020-2025 гг., продлена до 2030 года. Субъекты РФ уже предоставили на конкурентный отбор более тысячи проектов, совокупный объем финансирования которых составит более 120 млрд руб. Изменения по финансированию уже до 2030 года пока неизвестны, поскольку на 2021 и 2022 года вносились коррективы по уменьшению бюджетных ассигнований. Тем не менее, первый год реализации программы оказался успешным.

Одной из прорывных мер стала сельская ипотека с льготной ставкой до 3%. По итогам 2020 года выдано 45 тыс. льготных ипотечных кредитов по заявкам заемщиков на сумму 87,3 млрд руб. На реализацию сельской ипотеки в 2021 году предусмотрено более 4 млрд руб. Кроме того правительство выделило дополнительное финансирование в объеме более 1 млрд руб. на поддержку программы. По прогнозу Минсельхоза России, количество выданных ипотечных кредитов составит не менее 40 тыс. на общую сумму кредитования около 80 млрд руб. Вместе с тем, повышение Центробанком РФ ключевой ставки рефинансирования до 8,5% в 2021 году, потребует изменений и по сумме сельской ипотеки.

Наш вывод из этого – требуется синхронизация мероприятий государственных программ, а также целевых индикаторов развития сельских агломераций.

Перспективы развития сельских территорий в научных публикациях и программных документах рассматриваются в контексте пространственных изменений, поскольку они занимают почти 90% площади Российской Федерации. Правительство РФ утвердило 2 февраля 2015 года Распоряжением № 151-р Стратегию их устойчивого развития. В ней определили вполне конкретные цели, 15 задач для их достижения и 18 показателей результативности. Безусловно, что все они важны и могут быть реализованы: в случае постоянного финансирования и достижения обязательного сокращения разницы в доходах между городским и сельским населением; повышения уровня занятости и доступности к социальным благам; создания более комфортных условий проживания в сельской местности.

Разделы Стратегии сориентированы на решение этих задач по следующим направлениям: демографическая политика и создание условий для переселения в сельскую местность; диверсификация сельской экономики; политика повышения занятости и доходов сельского населения; улучшение жилищных условий сельского населения; развитие социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры; политика сельского расселения; экологическая политика; особенности комплексного развития поселений, где занимаются рыбоводством и ловлей рыбы. Определены и организационно-экономические механизмы реализации таких политик развития.

Методологически и практически чрезвычайно важно подчеркнуть, что если перспективные проекты не будут реализованы, сельская местность постепенно потеряет свою культуру жизнедеятельности, свой характер взаимодействия с урбанизированными городами, что негативно отразится не только на экономике, но и на тенденциях устойчивого развития государства.

Многочисленные научные публикации по исследуемой проблематике содержат справедливые выводы: программы развития сельской местности требуют не только изложения государственной политики, но и глубокой

модернизации существующих организационно-экономических механизмов реализации исключительно важного и социально значимого формирования нового облика социальной сферы отечественного села, качества жизни и благосостояния населения.

Мы можем сделать вывод: в случае достижения положительных показателей социальных и экономических условий жизни в сельской местности возникает новый тренд гарантированного увеличения числа жителей и непрерывности процесса устойчивого развития на селе.

Любая научно-исследовательская деятельность всегда направлена на получение объективно нового результата, на приращение нового знания. Именно поэтому научные исследования экономистов о сущности, природе и последствиях достижения устойчивости агроэкономической системы и сельских территорий выступают как сила, революционизирующая организационно-экономические механизмы в этой сфере деятельности. В этой связи для достижения поставленной цели в нашем исследовании, наряду с концептуальным рассмотрением теории устойчивого развития, необходимо опираться на описание как определенного идеала устойчивого развития (нормативная методология), так и на обобщение научных исследований по данной проблематике (позитивная методология) с целью аргументации наиболее приемлемых предложений и рекомендаций.

Как уже отмечалось, достижению целей устойчивого развития агроэкономической системы в России посвящены государственные программы, но по ряду показателей многие мероприятия из них не были реализованы. Объективная оценка таких срывов была дана академиком РАН А.И. Алтуховым, назвавшим их основную причину – «несовершенство организационно-экономического механизма». Это касается Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия до 2020 года, а затем продленной до 2025 года.

Среди причин, оказавших отрицательное воздействие на результаты достижения по направлениям (подпрограммам), автор рассматривает следующие из них: 1) недостаточная государственная поддержка сельского хозяйства;

2) большое число «контролируемых плановых показателей и распоряжений, что, в конечном итоге, создаёт трудности в управлении процессом реализации программы; 3) низкая доходность и высокая закредитованность аграрных хозяйств; 4) «переток субсидий из сельского хозяйства в смежные с ним сферы деятельности»; 5) девальвация рубля и рост цен на материально-технические ресурсы с высокой долей в них зарубежной техники, при возрастающем уровне таможенных пошлин; 6) снижение инвестиционной активности в отрасли, не позволяющей осуществить импортозамещение на продовольственном рынке; 7) сокращение бюджетного финансирования, вызывающего снижение спроса на инвестиции и влияющего на удорожание инвестиционных проектов, увеличение импорта технико-технологических средств производства; 8) ограниченность доступа к кредитам для большинства сельскохозяйственных организаций; 9) замедление роста производства с тенденциями сокращения темпов развития; 10) почти двукратное превышение темпов роста цен на технические ресурсы над уровнем повышения цен на сельскохозяйственную продукцию; 11) несовершенная система сельскохозяйственного страхования, при которой осуществляется страхование только «критических рисков» (более 30% гибели урожая).

Для преодоления названных причин А.И. Алтухов предлагает осуществить следующие меры:

1) повышение государственной поддержки сельскому хозяйству до уровня, позволяющего ему осуществлять переход на расширенное воспроизводство, на импортозамещение, упростив, при этом, процедуру получения субсидий, введя систему гарантированных минимальных цен на реализуемую агропродукцию и систему закупочных интервенций;

2) ускорение ориентации развития сельского хозяйства на инновационной основе: через рост инвестиционной активности в сельском хозяйстве на принципах: «повышения экономической доступности кредитных ресурсов; совершенствования механизма предоставления субсидий на возмещение части

затрат по инвестиционным проектам; снижения налогооблагаемой базы; развития системы сельскохозяйственной кооперации сельских территорий»;

3) «совершенствование организационно-экономического механизма размещения и специализации агропромышленного производства» на основе реализации программно-целевого метода, при условии эффективного использования агроресурсов. Формирование специализированных зон и программ производства сельхозпродукции на основе дифференцированного подхода к финансированию таких программ, оказания адресной государственной поддержки. Разработка «общероссийской схемы развития и размещения агропромышленного производства» на основе рационального планирования его «территориальной организации»;

4) реформирование «налогового режима» для сельхозтоваропроизводителей на основе: продления срока дополнительной отсрочки погашения задолженности; установление условий проведения повторной реструктуризации; удлинение до 180 дней срока реструктуризации задолженности; усовершенствования налогового режима в соотношении применения единого сельскохозяйственного налога и НДС;

5) введение «рациональной системы сельскохозяйственного страхования» через изменение порядка предоставления субсидий (снижение доли урожая сельхозкультур до 7-10%, при которой выделяется господдержка по страхованию) и закрепление этого на законодательном уровне;

6) введение государственной поддержки экспорта агропродукции по её расширенному ассортименту (мясо, молокопродукты, зерно [11].

Изложенные научные положения, несомненно, являются методологической основой для совершенствования организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы в регионах.

Вместе с тем, по нашему мнению, в предложенных научных рекомендациях не прописан такой важный элемент рассмотренного организационно-экономического механизма управления устойчивым развитием данной сферы, как организация процесса информационного обеспечения о состоянии агроресурсного

потенциала сельских территорий, особенно земельных, трудовых и материально-технических. В этом плане агроэкономическая система весьма зависима от сельских территорий и происходящих процессов концентрации земель сельскохозяйственного назначения. После деградации социальной инфраструктуры малых сел и деревень, остаются неиспользуемыми сотни тысяч гектар земель, которые сегодня превратились в маргинальные земли.

Этот термин – «маргинальная земля» первоначально обозначал земельные участки, не имеющие потенциала для получения прибыли по причине плохой почвы, засушливого климата. В современном звучании он синонимичен землям пустующим, невостребованным сельскохозяйственным угодьям (пастбища для скота, сенокоса), заброшенным.

В 2019 году вопрос о возвращении в оборот таких земель обсуждался на заседании Госсовета РФ. По данным Росреестра, за организациями и гражданами числится 193,2 млн га сельхозугодий, при том, что в России таких земель 222 млн га. Получается, что не используется многие из них. Но эти расчеты, основанные на данных 2016 года, давно не проверяли. По нашему мнению, такой процесс свидетельствует о серьезных ошибках при определении ресурсной базы для устойчивого развития агроэкономической системы.

Для вовлечения земель в сельскохозяйственное использование требуется создать условия, как для крупных агрохолдингов, так и для малого предпринимательства. Это относится к проведению дорогостоящей рекультивации за государственный счет, доступа к субсидиям, низким тарифам, арендной плате, строительству дорог и каналам сбыта новых объемов сельскохозяйственной продукции.

В изложенных рекомендациях академика РАН А.И. Алтухова определена позиция автора на необходимость нового перехода по развитию кооперации в агропромышленном производстве. Для этого, по нашему мнению, дополнительно потребуется переориентировать почти всю потребительскую деятельность с мелкооптового рынка на крупную оптово-розничную схему, что требует особого внимания со стороны Правительства РФ.

Научные публикации, содержащие предложения по устойчивому развитию агроэкономической системы и сельских территорий, отражают беспокойство авторов относительно неэффективности отдельных аспектов государственного регулирования, которое диктуется объективными причинами. Во-первых, государство призвано компенсировать агроэкономической системе потери от изъянов рынка. Во-вторых, неограниченное действие рыночных механизмов приводит к социальной поляризации, безработице на сельских территориях. В-третьих, в государственном регулировании необходимы макроэкономические регуляторы для экономической стабильности и сдерживанию гиперинфляции. Это отражено в публикациях О.А. Фроловой и С.Ю. Васильевой [359], В.В. Сташевского [322], Н.А. Новичихиной [207], В.И. Набокова [198], Э.М. Лубковой [162], других авторов, а также в мониторингах реализации государственных программ [193].

Ученые предлагают различные методики оценки государственного регулирования в отношении агроэкономической системы с надеждой на их внедрение. Одна из методик была предложена и в Стратегии устойчивого развития сельских территорий [324], которая, по мнению диссертанта, не лишена недостатков.

Во-первых, сравнивая фактические значения с плановыми, последние должны быть объективно рассчитаны и действовать в течение короткого периода времени из-за изменчивости рыночной конъюнктуры и действий Правительства; во-вторых, количество показателей ещё не означает объективность оценки, здесь главное – конечный результат; в-третьих, объективность контролируемых показателей должна обеспечиваться своевременностью их отслеживания в режиме мониторинга; в-четвертых, каждому уровню управления (макро-мезо-микро) должна быть подобрана соответствующая ему совокупность показателей по принципу: чем выше уровень, тем меньше показателей.

В публикации Р. Адухова и Р. Захарова [8] допущена ошибка при названии статьи и предлагаемых формулировках в ней относительно государственного управления в агроэкономической системе. Государственное управление, по

мнению диссертанта, выступает как акт государственного вмешательства. Оно вмешивается в общественную жизнь, хозяйственную деятельность и само определяется общественными отношениями, как в материальном плане, так и в социальном. В государственном управлении присутствует важная социальная функция по упорядочению процессов развития в интересах общества, которая, наряду с другими функциями, реализуется через властные управленческие воздействия.

Государственное регулирование тоже является частью управления, одной из ее функций. Но ее природа не содержит властных и строго обязательных управленческих влияний. Значение государственного регулирования в налаживании, упорядочении, поддержке развития, в установлении определенного порядка, взаимодействия, создания условий совместной работы. В административно-правовом аспекте оно проявляется как нормативное регулирование, в том числе в процессе оценки достижения оценочных показателей. В условиях рыночных отношений государство не управляет аграрным сектором, а регулирует процессы устойчивого развития через Минсельхоз России, которое, в свою очередь, остается органом исполнительной власти. Тем не менее, названные авторы предложили свою методику оценки эффективности агроэкономической системы в контексте управленческих воздействий государства.

В ней заложена совокупность 64 оценочных показателей, позволяющих, по мнению авторов, оценивать эффективность по каждой реализуемой функции применительно к сельским поселениям.

Диссертант считает, что такое нагромождение оценочных показателей потребует большего объема информации, которая не всегда объективна, а также значительных затрат времени на ее сбор и обработку. Тем более что периодичность некоторых отслеживаемых показателей должна осуществляться в течение разных временных периодов.

При рассмотрении метода сценарных прогнозов в экономике, Д.А. Сурская предлагает осуществлять оценку эффективности управления на уровне

сельскохозяйственной организации с применением методики самооценки в контексте устойчивого развития.

Она отличается от существующих методик тем, что основывается на компонентах (достижение результата, соответствие требованиям, удовлетворенность потребителей), которые определяются без задержки и позволяют принимать оперативные управленческие решения.

Оценка функционирования механизма управления предложено определять по следующей формуле:

$$I = \frac{1}{W}\left(\sum_{i=1}^{m} \alpha_i \cdot A_i + \sum_{j=1}^{t} \beta_j \cdot B_j + \sum_{k=1}^{l} \gamma_k \cdot C_k\right) (1)$$

где I – интегрированный показатель самооценки;

W – количество оцениваемых компонентов;

$\alpha_£$ – вес оценки достижения результата;

$i=1...m$ – элементы, используемые для оценки достижения результата;

A_i – оценка достижения результата. Определяется специалистами специализированной службы управления по сто-балльной шкале;

p_j - вес оценки соответствия требованиям документации;

$j=1...t$ – элементы, используемые для оценки соответствия требованиям документации;

B_j – оценка соответствия требованиям документации. Определяется по числу проведенных мероприятий по исправлению выявленных несоответствий в ходе внутренних проверок;

y_k – вес оценки удовлетворенности потребителей.

$k=1...l$ – элементы, используемые для оценки удовлетворенности потребителей;

$C_к$ – оценка удовлетворенности потребителей. Определяется путем опросов потребителей ЭМ управления по сто-балльной шкале.

Сумма весов каждого компонента:

$$\sum_{i=1}^{m} \alpha_i = 1; \sum_{j=1}^{t} \beta_j = 1; \sum_{k=1}^{l} \gamma_k = 1, \quad (2)$$

Оценка соответствия требованиям документации:

$$B_j = 100 - \frac{n_j}{N_j} \cdot 100, \quad (3)$$

где n_j – число проведенных мероприятий по исправлению выявленных несоответствий j-го элемента ОЭМ;

N_j – число мероприятий j-го элемента ОЭМ, прописанных в требованиях документаций.

Утверждается, что данная методика самооценки позволяет привести несовместимые виды управленческой деятельности к единому интегральному показателю и может использоваться в системе мотивации руководителей сельскохозяйственной организации. Между тем, определение результата от управленческой деятельности по уровню удовлетворённости потребителей требует дополнительных исследований, что усложняет использование данной методики в практической деятельности сельскохозяйственных организаций.

Поэтому оценку управленческой деятельности, по мнению автора диссертации, целесообразнее осуществлять по конечным результатам производства и изменению в состоянии социальной инфраструктуры по всем уровням управления (от сельскохозяйственной организации до региона). Для этого диссертантом предлагается универсальное (пригодное для всех уровней управления) следующее математическое выражение:

$$K_{yi} = \sqrt[n]{J_w \cdot J_p \cdot J_t \cdot J_b \cdot J_c} = \sqrt[5]{\frac{Q_i}{\overline{Q}} \cdot \frac{W_i}{\overline{W}} \cdot \frac{q_{ic}}{\overline{q_c}} \cdot \frac{d_i}{\overline{d}} \cdot \frac{\varphi_i}{\overline{\varphi}}}, \quad (4)$$

где J_w, J_p, J_t, J_b, J_c – индексы соответственно производственный, трудовой, товарный, занятости (безработицы), социальный;

Q_i, Q – объем производства валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах соответственно в конечном (оценочном) году и в среднем за последние 5 лет, млн руб.;

$W, \overline{W}$ – производительность труда соответственно в i-ом (оценочном) году и в среднем за последние 5 лет, тыс. руб.;

$q_{tc}, \overline{q}$ – средний уровень товарности производимых (конечных) видов агропродукции соответственно в i-ом (оценочном) году и в среднем за последние 5 лет, %;

$d_t, \bar{d}$ – доля безработных соответственно в i-ом (оценочном) году и в среднем за последние 5 лет, %;

ϕ_i, ϕ – уровень текучести кадров основных работников, %.

В другой публикации Г. Баклаженко и А. Сёмкина предложена, в виде совокупности задач, модель системы управления и развития АПК на мезоуровне, включающая: «разработку и реализацию комплексных целевых федеральных и региональных программ, организацию научных исследований, подготовку и переподготовку кадров; осуществление аграрных и земельных преобразований развития предпринимательства, рыночных отношений и агропромышленной интеграции; руководство федеральной составляющей в АПК, осуществление госконтроля качества продукции, использование земельных ресурсов, организации ветеринарного обслуживания; усиление государственного участия в сфере АПК за счет внедрения механизмов аграрного производства в отрасли» [28].

Следует заметить, что все названные меры изложены во многих научных публикациях. Здесь же они представлены простым перечислением с несоблюдением обоснованной приоритетности выполнения с учетом региональных условий. Если рассматривать данную проблему со стороны приоритетов, то, вероятно, в базе должна быть заложена институциональная основа, особенно её законодательно-нормативная составляющая, в которую вносятся соответствующие коррективы. Особенно это касается земельных отношений, управления земельными ресурсами, в частности, введения ограничений на концентрацию земель сельскохозяйственного назначения и режимы их использования. Несвоевременность решения данной проблемы в

пользу аграриев может обернуться социальным взрывом, что подтверждает исторический опыт.

Г. Баклаженко и А. Сёмкин проблему внедрения моделей системы управления АПК рассматривают на региональном и местном уровне, качественно обогащая её трансформацией отраслевых функций управления, от сельскохозяйственных организаций по «вертикали» до регионального уровня, на основе которой создаются органы и структура управления по уровням «иерархии». Основное преимущество предлагаемого механизма моделирования состоит в том, что разработанная авторами модель позволяет оптимизировать государственные и хозяйственные функции управления, что позволяет повысить эффективность производства [28].

Одной из весьма трудоемких работ при выполнении отраслевой функции управления является нормирование управленческого труда [342]. Основная проблема – оптимизация нагрузки на персонал управления в зависимости от объемов производства, числа работающих в трудовом коллективе, уровня их квалификации и психологического «климата» в трудовом коллективе. По мнению диссертанта, хотя и сама отраслевая функция управления не изменяется, но при взаимодействии её с меняющимся объемом задействованных в производственном процессе ресурсов (земельных, трудовых и т.д.), неизбежно придется вносить коррективы в нормативную базу их расходов и норм труда. Причем необходимость в нормировании трудовых, производственных процессов будет возрастать с увеличением объемов государственной поддержки сельскохозяйственным товаропроизводителям.

Требует совершенствования механизм управления на микроуровне, непосредственно в сельскохозяйственных организациях, как основном ядре агроэкономической системы, где непосредственно производится сельскохозяйственная продукция. Учитывая, в основном, коллективный характер труда сельских хозяйств, возникает необходимость в поиске более совершенных вариантов управления деятельностью трудовых коллективов.

С. Буторин и Н. Светлакова предлагают применить апробированную в условиях Пермского края модель модульно-конкурентной структуры управления сельскохозяйственными организациями, основанную на соединении административно-функционального управления с хозрасчетно-финансовым. По мнению авторов, такая модель управления позволяет более рационально распределить функции управления между специалистами и целесообразнее организовать работу трудовых коллективов на основе хозрасчетных отношений [53].

Жизненность модульно-конкурентной структуры управления очевидна, однако здесь, по мнению диссертанта, возникает еще немало нерешенных задач, связанных с разработкой: методики расчёта нормативов расхода ресурсов; с обоснованием периодичности их корректировки с учетом темпов старения техники и компактности полей в землепользовании хозяйства; с учетом технологии содержания животных и транспортной доступности рынков реализации сельскохозяйственной продукции; существования методики определения оптимальной (нормативной) нагрузки на руководящих специалистов по функциям управления и количественному составу работников в руководимых ими подразделениях (модулях); применение методики расчета объективных хозрасчетных претензий, в случае отклонения от условий договора или снижения качества промежуточных видов продукции, например, кормов, заготавливаемых растениеводческими подразделениями.

Для выявления типов моделей социально-экономического развития сельских территорий в публикации группы авторов предлагается использовать математическое моделирование, что позволяет, по мнению авторов, целенаправленнее решать проблему устойчивого развития названных территории [345].

Важность этих научных разработок сомнения не вызывает, однако было бы целесообразным изложенные задачи предоставить в приоритетной последовательности их исполнения. Например, предоставление кредитов предприятиям района для сельского строительства, следует после задачи

«развитие строительной отрасли и обеспечения притока высококвалифицированных специалистов», хотя их следовало бы поменять местами.

Новым направлением в решении проблемы развития сельских территорий можно считать систему социального партнерства, основанную на слаженном межведомственном взаимодействии между структурами администрации, общественными организациями, индивидуальными предпринимателями, руководителями ведущих предприятий, общественными организациями, действия которых направлены на решение социальных проблем на селе [27, 178].

Реальность осуществления межведомственного взаимодействия, по мнению автора диссертации, доступна не для каждого района. По нашим исследованиям, выполненным на основе метода интервьюирования руководящих работников ряда сельских районов Свердловской области, выяснилось, что для развития социального партнерства необходимы три условия: 1) авторитет и целеустремленность главы администрации района; 2) возможности бюджета района для организации культурно-массовых мероприятий; 3) мотивационное стремление руководителей к взаимодействию с другими организациями.

В концептуальных документах и программах, а также в других официальных документах, названных в диссертации и касающихся устойчивого развития сельских территорий, для положительного решения излагаемых проблем были выдвинуты несколько условий, при соблюдении которых Программа может быть реально осуществима.

При этом, в качестве актуальной задачи ставилось преодоление ведомственной разобщенности в управлении сельской местностью и усиление координации в обеспеченности сельского развития между: федеральными министерствами и ведомствами; федеральными, региональными и местными органами власти; органами государственной и муниципальной власти, общественными и коммерческими организациями, объектами предпринимательства и населением. Их можно конкретизировать, чтобы важнейшими условиями, по мнению диссертанта, можно было назвать

следующие: 1) стабильность политической системы, исключающей некомпетентное вмешательство властных управленческих структур в программы развития агроэкономической системы и сельских территорий на федеральном и региональном уровнях, разрабатываемые ведущими учеными-аграрниками страны; 2) устойчивый и преемственный характер институциональной базы, особенно законодательного блока, которые относятся к управлению агроэкономической системой; 3) наличие законодательно закрепленного механизма ответственности руководящих работников соответствующих министерств и государственных служб всех уровней за реальность выполнения программ развития агроэкономической системы и сельских территорий, особенно при распределении выделяемых селу ресурсов; 4) наличие эффективного (гарантированного) государственного заказа на сельскохозяйственную продукцию и сырье для промышленности, распределение которых находится под общественным контролем.

Не вызывает сомнения, что невозможность принятия и последующего выполнения этих и других условий, разработка региональных программ развития аграрных хозяйств и сельских территорий, теряет практический замысел.

Для выражения авторского взгляда на результативность программных разработок целесообразно было бы придерживаться следующих установок:

1) обоснованность целей и задач для достижения устойчивого развития агроэкономической системы и сельских территорий, согласуемых с изменчивостью институциональных параметров, что справедливо потребовало разработки и принятия двух программ;

2) возможность государственного воздействия на темпы и уровни концентрации капитала в агроэкономической системе с целью достижения оптимальной ее структурной перестройки в рыночных условиях хозяйствования;

3) согласованность намечаемых сроков реализации программ с технико-технологическими циклами и в целом с цикличностью развития социально-экономических систем по стране;

4) реальность объемов финансирования для достижения поставленных целей и отдачи вкладываемых средств;

5) обоснованность приоритетности развития сельских территорий с учетом уровня отдачи агроресурсного потенциала.

К сожалению, в программах эти условия не прописаны.

Прежде всего, ощущается слабая увязка целей и задач устойчивого развития агроэкономической системы и сельских территорий, как взаимосвязанных направлений. Также не обоснована зависимость возможного достижения устойчивого развития с аналогичным «поведением» институциональной сферы, особенно законодательства по земельным рыночным отношениям.

Представленный в программах перечень основных целей целесообразно, по мнению диссертанта, дополнить еще одной очень важной целевой установкой – мотивационным стимулированием молодежи для участия в агропредпринимательской деятельности с оседлостью проживания на селе, включая и увольняющихся в запас после воинской службы граждан.

В государственной программе по развитию сельского хозяйства, как уже отмечалось, особо отмечена деятельность, связанная с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции.

На наш взгляд, «преобладание деятельности, связанной с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции» еще не означает, что муниципальное образование можно отнести к сельским территориям. Есть малонаселенные сельские поселения, на территории которых имеются солидные площади неиспользуемых сельскохозяйственных земель, потенциально пригодных для производства сельскохозяйственной продукции. Поэтому в данное определение следовало бы внести эти дополнения. Ведь только за последнее десятилетие, как отмечают ученые, количество населенных пунктов в РФ сократилось на 9 тысяч сел и деревень, 19,4 тысячи населенных пунктов не имеют проживающего населения, число малонаселенных сельских поселений (до 10 человек) составляет 23,7 процента [49].

Рассмотренные подходы к формированию и реализации программ затрагивают лишь уровень сбалансированности бюджетных расходов, механизм перераспределения средств федерального бюджета между бюджетами субъектов Российской Федерации, не затрагивая ущербности для аграриев процесса капитализации деревни, происходящего по причине концентрации сельскохозяйственных земель.

Относительно комфортных условий жизнедеятельности можно заметить, что главное здесь, по нашему мнению, не только жилье и социальная структура на селе, но и материальное положение сельчан. Можно жить в ранее построенных коттеджах, но не иметь достатка по причинам безработицы и удорожания жизни в сельской местности, удовлетворения потребностей в пище, одежде, возможности обучения детей в вузах, которое в настоящее время, в основном, платное. Кстати, уровень жизни сельского населения не значится и в целевых индикаторах программ. Отсутствует и такой важный показатель, как уровень достижения поставленных целей. Но прописано, что «досрочное прекращение реализации Программы осуществляется в соответствии с законодательством РФ, решение об этом принимается в случае отсутствия финансирования мероприятий программ, а также наличия иных факторов, связанных с невозможностью достижения заявленных целей.

Следует отметить, что включение городских поселений в понятие «сельская местность», даже если в них есть сельскохозяйственное производство, на наш взгляд, нецелесообразно. Такой вывод можно сделать, исходя из механизма распределения субсидий на внутрирегиональном уровне. Не вызывает сомнения, что в этом случае, как и при командно-административной системе «советского» периода, субсидии преимущественно будут сориентированы на городские и прилегающие к ним территории в ущерб периферийным сельским поселениям. Тем более что в региональных целевых программах устойчивого развития сельских территорий, на основе которых регионам выделяются государственные субсидии, за короткий период вряд ли можно объективно расставить приоритеты развития сельских территорий в регионе.

Вызывает сомнение и объективность самого механизма распределения государственных субсидий между субъектами РФ. В основе механизма – формула, на базе которой рекомендуется определять объем субсидий бюджету одного субъекта РФ. Формула по сути проста: общий объем выделяемых регионам субсидий умножается на «индекс» в них. Однако «четырехэтажность» представленной символики не согласуется с традиционным оформлением формул и вызывает определенные трудности в процессе практического её использования.

Но сложности не столько в самой формуле, сколько в содержании ее символов, особенно это относится к выявлению доли молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий в сельской местности и состоящих на учете в качестве таковых. Факты таковы, что нуждающихся в улучшении жилищных условий сельчан, особенно в периферийных муниципальных образованиях, гораздо больше тех, которые зафиксированы в списках. Такое искажение в информации приводит к необъективности при обосновании потребности регионов в субсидиях, выделяемых на решение жилищной проблемы на селе.

В Программе по развитию сельских территорий указывается, что проекты комплексной застройки в них должны реализовываться в местах ускоренного развития агроэкономической системы во взаимодействии с органами АПК (всего запланировано 132 населенных пункта). К сожалению, эти пункты в программе конкретно не указываются, поэтому проанализировать возможность создания, хотя бы одного из них в исследуемом регионе, пока невозможно. По мнению диссертанта, во-первых, возникает необходимость в обосновании выбора именно тех «мест», где проявляется ускоренное развитие не в ущерб другим территориям. Во-вторых, концентрация управленческих действий со стороны региональных властных структур, выбранные ими «маяки» могут отвлечь их от решения задачи развития аграрных хозяйств и сельских территорий в других муниципальных формированиях. В-третьих, не исключено проявление коррупции при выборе мест комплексной застройки в сельских территориях, не исключая и «целевого выбора» непосредственных исполнителей – строительных организаций.

Если обратиться к запланированному уровню «реализации» намеченных мер по улучшению качества жизни на селе, то возникают сомнения в отношении их реального осуществления, о чем свидетельствуют выполненные автором расчеты (таблица 2). Количественная оценка выделяемых селу субсидий в удельных показателях, представлена как результат объема данного ресурса на число сельских населенных пунктов.

Таблица 2 – Целевые индикаторы и показатели федеральной целевой Программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2020 годы (фрагмент)» [1)]

№ п/п	Наименование мероприятия	Выделяется за 2014-2020 гг.	Сельские поселения (20777 ед.) на единицу
1.	Ввод (приобретение) жилья, тыс. $м^2$	5438,8	293,6 $м^2$
2.	Количество ученических мест в общеобразовательных школах, тыс.	22,3	1,2 ед.
3.	Ввод в действие фельдшерско-акушерских пунктов, шт.	858	0,046 ед.
4.	Ввод в действие учреждений культуры, тыс. мест	9,9	0,53 мест
5.	Ввод в действие распределительных газовых сетей, тыс. км	18,2	0,98 км
6.	Ввод в действие локальных водопроводов, тыс. км	12,9	0,7 км
7.	Создание новых рабочих мест на селе, тыс.	31,8	1,72 места
8.	Общий объем финансирования программы, млн. руб.: - в т.ч. из федерального бюджета, млн руб.; - средства внебюджетных источников, млн руб	299167,4 90415 58140,2	16,2 тыс.руб. 4,9 тыс.руб. 3,2 тыс.руб.
9.	Расширение общей площади жилых помещений в сельской местности, млн $м^2$	54	2,92 $м^2$

[1)] Из федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года»

На 20777 сельских районных муниципалитетов страны в Программе развития сельских территорий запланировано ввести 5438,8 тыс. $м^2$ жилья или по 261,7 $м^2$ в среднем на каждый район, по 1 ученическому месту

общеобразовательных школ, 1,53 новых рабочих места и т.д., при объеме финансирования 4,35 млн руб. на район.

При таких значениях показателей, вряд ли можно достичь поставленной цели устойчивого развития сельских территорий. Хотя, если будет продолжаться концентрация сельского населения в крупных поселениях, опустошая малые с заброшенными землями, то значений вышеназванных показателей может быть достаточно для того, чтобы компенсировать ими темпы деградации социальной инфраструктуры в крупных населенных пунктах.

Уплотняя сельское население, страна несет потери в производстве сельскохозяйственной продукции, так как удаленные земли сельскохозяйственного назначения возле малых сельских поселений не обрабатываются из-за их удаленности.

Такой шаблонный подход к реализации политики перенаселения, вряд ли оправдает себя. Здесь, по нашему мнению, необходимо расставить приоритеты, суть которых сводится к поэтапному решению данной проблемы. На первом этапе в диссертации предлагается решить следующие задачи:

1. Законодательное закрепление действий властных структур в принятии ими решений о дальнейшей судьбе граждан, проживающих в малых поселениях, в соответствии с требуемыми в законодательном акте положениями (целесообразность, принципы, механизм действия).

2. Оценка агроресурсного потенциала малых сельских территорий (сельскохозяйственных земель, зданий, сооружений, техники, жилых помещений.

3. Экономическая оценка агроресурсного потенциала сельских территорий с расположенными в них крупными населенными пунктами (земельных, трудовых, лесных, водных, фондовых ресурсов) и на основе полученных результатов определение возможности «уплотнения» населения в крупных населенных пунктах.

4. Выявление приоритетности «релокации» населения из «неперспективных» поселений в укрупняемые.

5. Выполнение социально-экономического обоснования возможности и целесообразности концентрации населения в одном из малых поселений, укрупняя его жителями из аналогичных, но менее перспективных сел и деревень.

На следующем этапе (экспериментальном) целесообразно решить задачи в основном социально-экономического характера:

1. Выбор экспериментального региона, желательно с учетом проживающих с одним религиозным укладом, и осуществление последних четырех действий первого этапа.

2. Решение задач юридического характера: переоформление земельных долей и участков (при необходимости); оценка недвижимости (собственности) каждого переселенца с последующей ее продажей муниципалитетам или, при наличии желающих, другим частным лицам; оформление нового места регистрации; возмещение возможного материального ущерба, нанесенного гражданам в процессе их переселения.

3. Предоставление переселенцам временного жилья до перевозки дома, оставленного в прежнем месте проживания, или до периода, построенного вновь за счет беспроцентного государственного кредита.

4. Обоснование возможных вариантов переселения не только внутри каждого сельского района, но и в смежные районы конкретного субъекта РФ, а также концентрации жителей в одном из более крупных сел (из числа малых), природно-ресурсный потенциал в которых наиболее благоприятен для ведения сельского хозяйства. Сюда можно отнести и транспортную доступность с учетом качества дорог.

На завершающем этапе проводится анализ результатов эксперимента, делаются соответствующие выводы о целесообразности/нецелесообразности распространения полученного опыта на другие регионы. Здесь главное - не превратить данный процесс, в «великое переселение народов», чтобы избежать социальной напряженности в обществе. Хотя такие социальные отклонения России не угрожают, поскольку происходит сокращение сельского населения, которое непосредственно не связано с технической модернизацией

сельскохозяйственных организаций. Наоборот, численность населения во многих сельских территориях сокращается одновременно с деградацией технического потенциала в аграрном секторе. Темпы старения, особенно мобильной техники, почти в 1,5 раза превышают темпы ее обновления. Находясь в условиях почти двухтриллионной кредиторской задолженности, сельскохозяйственные организации вряд ли могут ускорить процесс технического обновления за счет собственных средств.

Следует заметить, что процесс сокращения численности сельского населения в стране происходил и в «советский» период, в среднем на 1,3% в год, на Урале – 1,5%. Аналогичная тенденция характерна и для современного периода, когда это сокращение в основном происходит за счет молодежи.

Это подтверждается на политическом уровне, так и в многочисленных научных публикациях [135, 117, 148, 235, 189, 241, 64, 4, 75, 399].

В целом низкий уровень жизни, слабая государственная поддержка аграрных хозяйств – основные причины оттока сельского населения, предотвратить который нереальные программные установки не в состоянии. Выполнение программ связывается, в основном, с бюджетом территорий – «доноров», которые ещё и перечисляют в госбюджет солидные суммы денежных средств.

Сложившийся механизм их распределения между субъектами Российской Федерации в качестве господдержки, не прозрачен и, по всей вероятности, не имеет оптимизационно-приоритетной основы для аграрной сферы.

Осуществление автором диссертации анализа тенденций, проблем и перспектив устойчивого развития агроэкономической системы и сельских территорий на основе методологического подхода, дает основание утверждать, что анализируемая система пока не в полной мере выполняет свои производственные функции, а достигнутый уровень рентабельности сдерживает ее устойчивое развитие. Уровень экономики в агроэкономической системе, безусловно, отражается на социально-экономических показателях сельских территорий и качестве жизни граждан. Тем не менее, сценарии устойчивого

развития, предлагаемые исследователями и сформулированные в программных документах, дают некоторые основания полагать, что по мере достижения запланированных показателей и темпов государственной бюджетной поддержки количественные и качественные изменения в аграрной сфере экономики будут происходить.

ГЛАВА III. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ СОВОКУПНОСТИ МЕТОДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ПРИ УПРАВЛЕНИИ ПРОЦЕССАМИ ДИНАМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АГРОЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

3.1. Современное состояние организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономических систем в Уральском федеральном округе: методы оценки

Исследование изменений в организационно-экономическом механизме управления устойчивостью агроэкономической системы в методологическом плане позволило в диссертационном исследовании определить объект, предмет анализа, задачи и сформулировать представление о последовательности развития этого механизма. Такой методологический подход выявил методы и приемы, имеющие общие основания для такого развития: системный, комплексный, междисциплинарный. Не менее важным было обращение к интерпретации и аргументации. Следующим шагом в исследовании стал сравнительный анализ методик оценки эффективности организационно-экономического механизма управления устойчивостью, как элемента агроэкономической системы, так и всего этого сложнейшего образования.

Важно отметить, что агроэкономическая система сегодня характеризуется как самая быстрорастущая отрасль экономики. Об этом свидетельствуют данные, приводимые академиком РАН А.Г. Аганбегяном [2]. После глубокого финансового и социально-экономического кризиса в 2009 году и продолжающимся до настоящего времени структурным кризисом, только агроэкономическая система (сельское хозяйство) показывает прирост ВВП на 4-5%, что почти наполовину обеспечивает экономический рост в стране. На основе сельскохозяйственного сырья работает пищевая и часть легкой промышленности.

Хотя в сравнении с развивающимися странами такой прирост в объеме ВВП небольшой: там он колеблется от 20 до 35%. Развитые страны по данным, представленным на официальном сайте статистической базы данных Европейской экономической комиссии ООН за период 2016-2018 гг. достигли доли сельского хозяйства ВВП только от 0,6% до 2,2%. Это с учетом того, что в них последние годы наблюдается тенденция увеличения совокупной государственной поддержки этой отрасли экономики. В странах ЕС – от 97,4 до 98,8 млрд долл.

Россия по уровню зрелости агробизнеса остается на базовом уровне, в то время как многие страны Европы на передовых бизнес-практиках, а США в формате цифрового сельского хозяйства [65, 133].

По результатам анализа статистических данных очевидно, что глобальный кризис новой природы с неэкономическими причинами в 2020-2021 гг. оказал сильное воздействие на эффективность организационно-экономического механизма управления устойчивостью развития агроэкономической системы и сельских территорий. Есть основания полагать, что обострение социально-экономических проблем, связанных с коронавирусной инфекцией продолжится еще на неопределенное время, а потому остаются и угрозы устойчивому развитию и производственным трансформациям.

В анализируемом Уральском федеральном округе за этот период наибольшее снижение продемонстрировали производство пищевых продуктов, уменьшилось поголовье крупного рогатого скота, свиней, коз, овец, снизились объемы производства яиц, хотя количество посевных площадей осталось на прежнем уровне. Положительной тенденцией можно считать рост объемов производства молока.

Уральский федеральный округ (УрФО) представляет собой масштабный по площади комплекс, включающий в себя Свердловскую, Курганскую, Тюменскую (с автономными округами – Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким) и Челябинскую области. Каждый из регионов, входящий в состав округа, имеет свои особенности, которые определяют разницу в значениях основных показателей их социально-экономического развития.

Применительно к исследуемой теме, УрФО демонстрирует стремление к взаимовыгодному сотрудничеству между территориями даже в условиях того, что агроэкономическая система не является ведущей отраслью, а средняя численность сельского хозяйства в регионах округа составляет 20%, тогда как в целом по России – 26%. Площадь сельскохозяйственных угодий составляет 13,9 млн га или около 8% от общероссийской. Но за счет объединения различных видов ресурсов УрФО получил достаточно высокий потенциал развития сельскохозяйственного производства – около 20% всех залежных земель РФ, которые в перспективе могут составить основу развития.

Формы управленческих воздействий в УрФО позволяют, по нашему мнению, достигать синергийных эффектов в некоторых видах экономически выгодного сотрудничества. Это один из важных факторов организационно-экономического механизма.

Синергийные эффекты основываются на том, что качественные характеристики совокупных свойств организованного целого существенно выходят за пределы арифметической суммы свойств его элементов. У современных руководителей все чаще появляется осознание того, что абсолютная устойчивость, равновесное состояние их структуры – утопия. За короткий период времени организации сливаются, реструктурируются, поглощаются, исчезают, возникают в новых формах. Это напоминает формы биологической эволюции, генетические мутации, постоянный гомеостаз с изменениями. Парадокс состоит в том, что любая организация, с одной стороны, стремится к устойчивости, стабильности, самовоспроизводству, а с другой – при изменении условий внешней среды вынуждена быть адаптивной, приспособляемой к новым правилам [185].

Применительно к агроэкономическим системам субъектов РФ, относящихся к сфере управленческих отношений с УрФО, возникает необходимость «сборки новых» методологических посылок, в которых бы содержались объяснения, прогнозы и технологии применения сценариев совершенствования организационно-экономического механизма управления устойчивостью. Главный

элемент такой возможной методологической посылки – люди. Они объединяют организационную культуру с ее ценностями, социальные и экономические взаимодействия, стиль управления, формируют стратегию и миссию – этакую синергетическую картину взаимодействия.

Автор считает, что такой подход в УрФО перспективен при создании межрегиональных кластеров, характеристику которым в свое время дал М. Портер [238]. В современном звучании – это группа географически соседствующих взаимосвязанных организаций агроэкономических систем (сельскохозяйственные товаропроизводители, органы государственного и муниципального управления, инфраструктурные компании, образовательные организации), действующие в определенных сферах и дополняющие взаимный интерес.

Таким образом, обращение к теории и практике синергии в масштабе отдельного федерального округа – это возрастание эффективности функционирования организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономических систем, с применением форм интеграции, образования кластеров, синергетических технологий слияния отдельных частей в единую систему за счет, так называемого системного эффекта, который еще называют эффектом синергийным, где 2+2=5.

При внимании к синергетическому и кластерному подходам, агроэкономические системы в УрФО имеют определенные преимущества, особенно находящиеся в южных областях (Курганская область, частично Тюменская область), находящиеся на территории «зернового пояса» России.

Агроэкономические системы УрФО производят 8% от всего объема продукции животноводства в России и около 4% продукции растениеводства. Основу животноводства составляет птицеводство. В Федеральном округе сосредоточено около 10% всего поголовья птицы в России и 7% поголовья свиней.

Лидерами в производстве сельскохозяйственной продукции являются Челябинская, Свердловская и Тюменская области.

Аналитики Международного независимого института аграрной политики [297] на основании данных Росстата, порталов органов исполнительной власти УрФО, данных экспертов подтверждают наши выводы о возможности активного образования межрегиональных кластеров в любых климатических условиях.

Например, Тюменская область выделяется высокой эффективностью сельского хозяйства. В ней производство сельскохозяйственной продукции на душу населения в 1,8 раза больше, чем в УрФО и в 1,3 раза больше по среднегодовой яйценоскости кур-несушек (очень часто это первые и вторые места в России), по надоям молока на одну корову, по урожайности зерновых культур и овощей. Область на 90% обеспечивает потребности жителей в овощах, на 97% - в мясе и молочных продуктах, а потребности в хлебопродуктах, картофеле и яйце перекрываются в два-три раза. Основные направления инвестиций в животноводство, овощеводство закрытого грунта, промышленное растениеводство.

Значительным потенциалом развития обладает Курганская область, расположенная на юге федерального округа. В области большие запасы залежных земель и высокая доля сельского населения (38%). Важным преимуществом области является хорошо развитое элитное семеноводство, что позволяет обеспечить посевным материалом еще и соседние регионы.

Север УрФО – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа – это зона тундры, где ведение сельского хозяйства малоэффективно, кроме традиционных видов деятельности - оленеводство и табунное коневодство.

В ЯНАО сосредоточено около половины поголовья северных оленей в России – 774 тыс. голов из 1 606 тыс. Ямало-Ненецкий округ – один из крупнейших поставщиков оленины на мировой рынок.

Кроме того, северные территории УрФО эффективно используют для развития сельского хозяйства свое географическое положение по нескольким направлениям:

– рыболовство и рыбоводство: чистые северные реки, уникальные местные породы рыбы – все это создает отличную базу для развития отрасли;

– сбор дикоросов – огромные незаселенные площади и чистая северная природа как важные преимущества региона;

– производство тепличных овощей – современные технологии, источники дешевого тепла (утилизация попутного газа при разработке месторождений) и большой и труднодоступный для других поставщиков рынок;

– производство пушнины, для которого северный климат является наиболее благоприятным.

Лидером в отраслях животноводства, где находится половина поголовья свиней и птицы остается Челябинская область, а объем заявленных инвестиционных проектов достигает более 15 млрд рублей, в том числе по производству шампиньонов.

В Свердловской области продолжается развитие животноводства и сохранение урожайных сельскохозяйственных земель.

Особый интерес в контексте устойчивости агроэкономических систем в УрФО проявлен к технологиям искусственного интеллекта.

Исследователи провели анкетирование 246 хозяйств, то есть 22,4% от их количества по области по определению перспектив применения искусственного интеллекта.

Организации, принявшие участие в исследовании, в основном специализируются на производстве молочной продукции (от 50 до 85% в структуре товарной продукции), что обуславливает полученные результаты. Так, наибольшее количество (26,0%) ответов респондентов связано с применением технологий искусственного интеллекта для формирования рациона животных и для прогнозирования продуктивности скота. Существенный интерес (18,5%) вызвали технологии искусственного интеллекта по идентификации животных и классификации их поведения (определению физиологического состояния, эструса). Можно предположить, что в регионах, специализирующихся на производстве зерновых, овощей или фруктов, наибольший интерес могут вызвать технологии искусственного интеллекта по диагностике болезней растений,

обнаружению сорняков и т.п., а в засушливых регионах – по управлению водными ресурсами. Данные вопросы требуют соответствующих исследований. Применение технологий искусственного интеллекта является одним из доминирующих факторов увеличения производительности труда и улучшения экономического положения организаций. Вместе с тем, по мнению исследователей, существуют и завышенные ожидания от внедрения подобных технологий [308].

Как уже отмечалось в исследовании, основной целью организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономических систем является повышение их конкурентоспособности, удовлетворение потребностей населения качественной продукцией, а промышленности сельскохозяйственным сырьем, достижение величины издержек ниже рыночной цены, достаточно уверенный сбыт.

Вместе с тем, достижение устойчивого развития всех агроэкономических систем в федеральном округе недостижимо. Где-то могут быть устойчивыми валовые сборы тех же зерновых и зернобобовых культур, элитное семеноводство, животноводство или растениеводство. Все зависит от плодородия посевных площадей, климата, урожайности, ресурсов и других факторов.

Важным элементом организационно-экономического механизма управления устойчивостью развития агроэкономических систем на территориях федерального округа являются те стартовые условия, на базе которых возникает возможность реализации данного процесса на уровне конкретной территории. В качестве таких условий выступают результаты оценки уровня устойчивости одного из основных факторов – объема производства сельскохозяйственной продукции. Именно данный показатель не учитывается в ряде региональных программ социально-экономического развития аграрных хозяйств и сельских территорий. Как правило, за «стартовый» период прогнозирования принимаются последние 2-3 года, что не отражает фактически сложившийся уровень устойчивости сельскохозяйственного производства региона.

Научная статья А.И. Алтухова содержит утверждения, что уровень производства зерна, например, сравнивается с 1913 годом и средними показателями за годы пятилеток советского периода [12].

По нашему мнению, как короткие, так и излишне длительные периоды вряд ли могут быть объективным информативным показателем, поскольку они ограничены сложившимся технологическим укладом, оказывающим существенное влияние на результаты хозяйствования, выражаемые через устойчивость объемов производства продукта.

В связи с этим динамика изменения данного показателя может рассматриваться за период, соответствующий продолжительности технико-технологического цикла, который, как известно, составляет 4-5 лет. Хотя для агроэкономической системы он может превысить этот уровень из-за медленного технико-технологического обновления и доведён до 10-15 и более лет.

Попытка определения уровня устойчивости функционирования агроэкономических систем в основном в сфере продовольственного обеспечения, была осуществлена рядом исследователей [10], [51], [68], [254], [255], в примерно однотипном методическом подходе, суть которого сводится к следующим математическим выражениям:

$$К_у = \left[1 - \frac{\sum_{i=1}^{n} \frac{1}{N}(Q_{iф}^{к} - Q_{iф}^{б})/t}{\sum_{i=1}^{n} \cdot \Delta W_{iн}}\right] \cdot И_{рр} \quad , \quad (5)$$

или

$$К_у = \left[1 - \frac{\frac{1}{N}(Q_{iф}^{к} - Q_{iф}^{б})/t}{\sum_{i=1}^{n} \cdot \Delta W_{iн}}\right] \cdot \frac{\Delta Ф_{фj}}{\Delta Ф_{нj}} \quad , \quad (6)$$

где $К_у$ – коэффициент устойчивости продовольственного обеспечения региона;

$(Q_{iф}^{к} - Q_{iф}^{б})$ – фактический объем производства i-ой агропродукции в регионе, соответственно в конечном и базовом периоде;

N – численность населения в регионе;

t – число разностей значения показателя за рассчитываемый период;

$\sum_{i=1}^{n} \cdot \Delta W_{iн}$ – сумма значений нормативов питания, в расчете на 1 человека;

$И_{рр}$ – индекс расхода ресурсов;

$\Delta Ф_{фj}$, $\Delta Ф_{нj}$ – удельное значение расхода j-го вида ресурса при выполнении j-ой операции.

В данную формулу, по нашему мнению, необходимо внести определенные изменения:

1) в случае повышения объема производства i-ой сельхозпродукции в базовом периоде, что чаще встречается во многих показателях, в связи с проявлением кризисных ситуаций в сельском хозяйстве, значение указанной в числителе разности будет отрицательным, что искажает точность расчетов;

2) разность значения i-го показателя только для двух лет (периодов) еще не отражает уровень его устойчивости, так как неизвестен характер проявления динамики его изменения внутри временного ряда

3) стала сомнительна роль цифры «1» в объективности расчета, если из нее вычесть результат вычитаемой части формулы;

4) требует уточнения реальность определения нормативного расхода ресурсов ($\Delta Ф_{нj}$) в условиях меняющихся на них рыночных цен.

Ранее предлагался методический подход к определению уровня колеблемости i-го показателя (V,) в динамическом ряду с использованием следующей формулы:

$$V = \frac{\Sigma_{i=1}^{n}(Q_t^{t+1} - Q_i^t)}{\Sigma_{i=1}^{n} \cdot Q_i / t_n}, \quad (7)$$

где Q_t^{t+1}, Q_i^t – значение i-го показателя соответственно в следующем (t+1) и предыдущем (t) году;

$\sum_{i=1}^{n}, Q_i$ – сумма значений i-го показателя за период t_n (за 5 лет).

Совокупная доля колеблемости по всем показателям j-го периода сельского района (V_c) определяется как разность между суммой положительных значений

прироста по всем показателям (Q^{t+1}) и отрицательных (убывающих с годами) значений $\sum_{i=1}^{n} Q_{\bar{i}}$,то есть:

$$V_{cj} = \sum_{i=1}^{n} Q_i^{+} - \sum_{i=1}^{n} Q_{\bar{i}}, \quad (8)$$

В процессе исследования автором была сделана попытка апробации формулы (11) на примере оценки уровня колебаний при производстве мяса в динамическом ряду по Белоярскому району Свердловской области. Используя известные статистические данные, числитель данного выражения был представлен следующим образом:

$[(2353_т - 2823_т)+(2373_т - 2353_т)+(2883 - 2473)+(2256 - 28883)] :4=$

$= -567 : 4 = -141,75$

Среднее значение за пятилетие:

$(2823_т + 2353_т + 2473_т + 2883_т + 2256_т) : 5 = 2558_х$

$$V_i = \frac{-141,75_т}{2558_т} = -0,055 \text{ или } -5,5\%$$

То есть, колеблемость данного показателя в динамическом ряду составляет -5,5%. Минус означает снижение показателя в нем.

Следует отметить, что в ряде случаев числитель данной формулы получается равным нулю, что сводит к аналогичной величине результаты расчетов.

По рекомендациям М. Минасова [167] устойчивость развития АПК предлагается рассчитывать по коэффициентам факторов социально-экономического развития, которые определяются по следующей формуле:

$$К_{с/хi} = \frac{V_{с/хi}}{N_{с/[i}} : \frac{V_{pi}}{N_{pi}}, \quad (9)$$

где $V_{с/хi}$ – объем сельскохозяйственного производства предприятия;

V_{Pi} – объем сельскохозяйственного производства района;

$N_{с/хi}$, N_Pi – число занятых соответственно на предприятии в сельскохозяйственном производстве района;

i – отчетный год анализируемого периода.

При этом утверждается, что темпы роста (падения) агропромышленного производства на n-ом предприятии могут быть определены отношением коэффициентов i-го года к i-первому году с использованием следующей формулы:

$$\Delta f = \frac{V_{ni}}{N_{ni}} : \frac{V_{ni-1}}{N_{ni-1}}, \quad (10)$$

где Δf – темпы роста или падения агропроизводства.

По сути, отношение объема производства к численности работающих в сельском хозяйстве означает производительность труда, поэтому по приведенным формулам можно определить лишь изменение данного показателя за исследуемый период. Поскольку производительность труда зависит от нескольких факторов, например, от изменения численности работников, то объективная оценка устойчивости сельскохозяйственного производства, по нашему мнению, невозможна.

Л.В. Прохоровой была предложена методика определения устойчивости социально-экономического развития сельских районов Челябинской области на основе использования интегрального критерия. Последний рассчитывался как отношение разностей между наилучшим значением j-го показателя среди всех объектов и фактическим его значением для i-го объекта к разнице первого показателя к наихудшему значению j-го показателя среди всех объектов. Всего было использовано 17 факторов, каждый из которых имел расчётное значение коэффициента приоритетности. Окончательная оценка устойчивости социально-экономического развития рассматриваемых сельских районов осуществлялась по интегральному (совокупному) показателю, как суммы значений по всем критериям.

Наиболее уязвимой стороной данного методического подхода, по нашему мнению, является определение приоритетности предложенной совокупности показателей.

Учитывая основное предназначение агроэкономической системы по продовольственному самообеспечению населения страны, позволяющей

выдерживать его на уровне научно обоснованных норм питания, мы попытались рассчитать уровень устойчивости производства и потребления (реализации) по основным видам агропродуктов в расчете на душу населения.

При этом, по нашему мнению, можно использовать два методических подхода, содержание которых отражают следующие математические выражения:

$$1)\ К_у = \left(1 - \frac{\sum_{e=1}^{т} \cdot V_{it} - \overline{V_{it}}}{V_{i\,max} - V_{i\,min}}\right), \quad (11)$$

где $V_{it}, \overline{V_{it}}$ – объемы соответственно производства или потребления i-го вида продукции в конкретном году (t) и в среднем за период «Т», в расчете на душу населения;

$V_{i\,max}, V_{i\,min}$ – объемы производства или потребления i-ой продукции за рассматриваемый период «Т» соответственно максимальный и минимальный;

K_y – коэффициент устойчивости производства (потребления) i-ой агропродукции в течение рассматриваемого периода, в долях единиц.

$$2)\ К_у = \frac{\sum_{i=1}^{т} V_i / t}{V_{i\ max}} = \frac{\overline{V_i}}{V_{i\ max}}, \quad (12)$$

где V_i , $V_{i\ max}$ – объемы производства или потребления (реализации) i-ой агропродукции за период «Т» в расчете на душу населения соответственно средний и максимальный.

Представленные методические подходы были апробированы на примере устойчивости потребления картофеля населением Челябинской области за период с 2010 г. по 2014 г. с учетом следующих статистических данных [291]: 2010 г. – 133 кг, 2011 г. – 141 кг, 2012 г. – 138 кг, 2013 г. – 130 кг, 2014 г. – 118 кг.

Анализ по этим годам был проведен при начале диссертационного исследования.

$\overline{V}$ = (133 + 141 + 138 + 130+ 118)/5 -132 кг

$\sum_{i=1}^{т} V_i - \overline{V_i}$: (133-132)+(141-132)+(138-132)+(130-132)+(118-132) =

=+1 + 9 + 6- 2 - 14 = 0

По второму варианту:

$$К_у = \frac{\overline{V_i}}{V_{i\ max}} = \frac{132}{141} = 0{,}936$$

Для более точного расчета по первому варианту целесообразно в числителе формулы 14 ввести корректирующий коэффициент, учитывающий в рассматриваемом динамическом ряду годы с максимальным и минимальным значением показателя.

Максимальное значение корректирующий коэффициент будет иметь для случая, когда минимальное значение показателя приходится на первый (базовый) год, а максимальное - на последний, в данном случае 2014-ый год.

Результаты расчетов, выполненные диссертантом, по второму варианту показали, что в целом уровень производства и потребления основных видов агропродукции в расчете на душу населения рассматриваемого региона имеет устойчивый характер (таблица 3).

Однако по некоторым видам продукции и субъектам региона уровень устойчивости, особенно в производстве низкий. Это характерно для производства хлебопродуктов и картофеля. Самая низкая устойчивость производства картофеля в Челябинской области ($К_у$=0,72) и Курганской ($К_у$=0,72), а более высокая – в Тюменской (0,93). Хотя самое высокое значение данного показателя (446 кг/чел.) отмечалось в 2011 г. в Курганской области, а самое низкое (119 кг/чел.) в 2010 г. в Свердловской области. В среднем по региону коэффициент устойчивости производства картофеля составил 0,805 при стабильно устойчивом его потреблении ($К_у$=0,962). Ни в одном из субъектов УрФО не отмечается заметного снижения потребления данного продукта.

По первому методическому подходу, на примере устойчивости потребления картофеля среди населения Челябинской области, был проведен еще один расчет за период 2015-2019 гг. Но уже на основе новых статистических данных: 2015 г. – 120 кг, 2016 г. – 132 кг, 2017 г. – 138 кг, 2018 г. – 130 кг, 2019 – 127 кг. Средний показатель потребления картофеля составил 130 кг на человека.

Результаты расчетов подтвердили правильность применения расчета по

Таблица 3 - Соотношение уровней устойчивости производства и реализации (потребления) основных продуктовых товаров в субъектах Уральского федерального округа за период 2010-2015 годов (в расчете на душу населения [1)]

Субъекты УрФО (области)	Значение коэффициентов устойчивости производства ($К_{уп}$) и реализации (потребления) - $К_{ур}$ агропродуктов											
	мяса и мясо-продуктов		молока и молоко-продуктов		яиц и яйце-продуктов		хлебопродуктов		картофеля		овощей	
	$К_{уп}$	$К_{ур}$	$К_{уп}$	$К_{ур}$	$К_{уп}$	$К_{ур}$	$К_{уп}$	$К_{ур}$	$К_{уп}$	$К_{ур}$	$К_{уп}$	$К_{ур}$
Курганская	0,9	0,97	0,95	0,98	0,91	0,89	0,57	0,95	0,72	0,96	0,88	0,95
Свердловская	0,91	0,97	0,91	1,00	0,96	0,99	0,81	0,95	0,85	0,98	0,89	0,95
Челябинская	0,79	0,97	0,90	0,95	0,94	0,99	0,52	0,95	0,72	0,94	0,89	0,99
Тюменская	0,97	0,93	0,95	0,95	0,99	0,94	0,74	0,99	0,93	0,97	0,81	0,96
В среднем по региону	0,893	0,960	0,928	0,970	0,950	0,952	0,660	0,975	0,805	0,962	0,868	0,962

[1)] Составлено автором на основе статистических данных

первому варианту, а изучение более подробной статистической информации за 2015-2020 гг. позволяет сделать следующие выводы:

– с учетом норм потребления пищевых продуктов Института питания РАМН, медицинская норма потребления картофеля – 118 кг в год, Челябинская область, в основном обеспечивает продовольственный рынок картофелем;

– для более устойчивого развития этого сегмента все же требуется устранить дефицит собственного картофеля на 61,9 тыс. тонн. В остальных регионах УрФО объемы производства превышают объемы потребления [279];

– объем картофеля, включенного в потребительскую корзину для основных демографических групп населения в Челябинской области составляет на одного человека: по трудоспособному населению – 87,8 кг, по пенсионерам – 70 кг, по детям – 85,5 кг [102], что свидетельствует о несоответствии медицинским нормам [123];

– площади картофеля промышленного выращивания (данные по сельхозорганизациям и крестьянско-фермерским хозяйствам без учета хозяйств населения) к 2020 году возросло на 11,8% (на 1,0 тыс.га). Валовые сборы в промышленном секторе по отношению к 2014 году выросли на 36,7%;

– основным устойчивым производителем картофеля остаются хозяйства населения, в то время как крупные специализированные сельскохозяйственные организации и фермерские хозяйства производят около 10-20% этого вида продукции.

Наиболее низкая устойчивость производства и высокая – потребления, характерна для хлебопродуктов. В разрезе областей данное соотношение (производство – потребление) выглядит следующим образом: для Курганской $К_{уп}$=0,57, $К_{ур}$=0,98; для Свердловской – соответственно 0,81-0,96 (это самое высокое значение по производству; для Челябинской – 0,52-0,95; для Тюменской – 0,74-0,99. В среднем по региону $К_{уп}$=0,66, $К_{ур}$=0,975.

По остальным видам агропродуктов уровень устойчивости производства и потребления высокий, хотя вышеназванное соотношение по областям имеет

некоторое отличие. Наиболее устойчивое соотношение по молокопродуктам, которое в среднем по региону составляет 0,928 и 0,97, что свидетельствует о высокой востребованности на рынке данной продукции и устойчивому уровню самообеспечения ею в каждом субъекте УрФО. Такой вывод подтверждается тем, что молоко и молокопродукты, как малотранспортабельные имеют низкую долю импорта и производятся преимущественно внутри региона.

Следует заметить, что полученные значения коэффициента устойчивости производства агропродукции отражают лишь выбранный период исследования (2010-2014 гг.). Достаточно изменить годы, как результаты будут другими, что подтверждают данные таблицы, полученные на основе использования второго варианта расчёта (таблица 4). Здесь рассмотрен период 2010-2015 гг. с введением двух дополняющих лет (2000 г. и 2005 г.) и двух форм хозяйствования: сельскохозяйственные организации (СХО) и хозяйства населения (ХН).

Анализ статистических данных в последующие 2016-2020 гг. подтверждает наши выводы на основе использования второго варианта расчета. Например, объемы производства молока по всем видам хозяйств по индексу производства продукции в Челябинской области изменились в сторону увеличения. В 2014 гору они были на уровне 0,88%, а в 2020 уже 0,98%, что свидетельствует о повышении уровня устойчивости молочных продуктов. В сельскохозяйственных организациях этот индекс в сравнении с 2014 годом тоже увеличился с 0,82% до 105,6% [225].

Аналогичные индексы по объемам производства молока в Тюменской области. Если в 2014 году они по сельскохозяйственным организациям составляли в среднем 0,87%, то в 2020 году уже 104%. Надои молока на одну корову (без субъектов малого предпринимательства) составили к концу 2020 года 7010 килограммов, в то время как в конце 2019 года только 6731 килограмм [317]. Это зависело от дополнительной инвестиционной поддержки и государственной поддержки агроэкономической системы. Для исчисления агрегированного индекса производства продукции в сельском хозяйстве используется показатель ее объема в сопоставимых ценах каждого предыдущего год.

Таблица 4 – Расчёт уровня устойчивости производства сельскохозяйственной продукции в сельхозорганизациях и хозяйствах населения в субъектах УрФО

Годы	Категории хозяйств	Объемы производства основных агропродуктов в субъектах УрФО															
		Курганская				Свердловская				Челябинская				Тюменская			
		мясо-продукты	молоко-продукты	карто-фель	овощи	мясо-продукты	молоко-продукты	карто-фель	овощи	мясо-продукты	молоко-продукты	карто-фель	овощи	мясо-продукты	молоко-продукты	карто-фель	овощи
2000	СХО	37,4	103,9	7,8	7,8	69,7	382,2	94,2	80,1	27,7	214,5	42,6	41,5	42,9	215,2	40,7	48,2
	ХН	47,1	286,0	384	122,2	45,6	228	730,8	152,5	55,4	379,2	369,1	100,3	41,4	298,5	515	76,7
2005	СХО	19,8	82,1	22,9	17,6	87,5	377	91	23	65	190,9	114,9	48,9	48,4	203,6	72,8	65,5
	ХН	38,7	242,5	267,3	118	44	234	509	64	51,8	330,6	840,6	207,8	39,7	271,7	596	144,2
2010	СХО	19,6	87,6	23,2	17,2	121	399	65,8	37,2	155,5	194,5	52,5	51,9	58,6	281	118	52
	ХН	44,5	269,2	163,3	114,8	30	125,3	400,4	105,6	55,2	372,2	488,8	202,5	48,9	288,9	474,3	131,6
2011	СХО	17,8	84,4	43,5	32,3	129,4	420	140,4	54,4	177,4	188	94,9	80,6	62,3	284,4	180,6	81,7
	ХН	47,6	274,3	'332	146,3	27,5	120,8	591	110,8	51,4	348,8	875	203,3	47,9	286,4	480,7	132,7
2012	СХО	18,9	82,7	40,6	15,2	130,8	453,3	126,1	38,9 ,	210,4	182,2	65,6	55,2	66,3	281,5	162	48,4
	ХН	48,6	263,4	133	107,3	27,4	103	467,7	114,8	49,9	327	456,5	192	46,6	282,4	475,5	130,1
2013	СХО	20,8	79,9	42,7	22	148	457,4	131,2	42,5	243,9	165,1	68,1	84	70,6	269,5	176,2	44,1
	ХН	48,5	255,6	241,4	148,1	28,1	127,7	491,7	129,7	47,6	313,8	623,6	180,7	44,6	269,1	476,1	129,3
2014	СХО	22,5	72	36,7	14,9	152,9	535,9	155,6	36,6	291,4	164,8	65,1	76,9	71	267,4	176,1	41,1
	ХН	51,2	221	268,4	146,6	29,6	127,8	532,5	114,1	45,9	303	701,7	173,9	42,9	258,8	468,3	127,4
2015	СХО	14,5	63,9	44,2	23,0	156,6	440	127,3	27,4	292,4	168,2	66,4	77,3	68,4	275,4	159,2	53,2
	ХН	29,4	163,2	268	153	30,2	133	529,8	115,2	47,7	308	518,7	171,4	41,5	244,7	462,4	129,9
$K_y=Q_i$ Q_{max}	СХО	0,573	0,79	0,74	0,58	0,79	0,81	0,75	0,53	0,625	0,823	0,62	0,768	0,86	0,872	0,754	0,67
	ХН	0,868	0,86	0,67	0,86	0,719	0,64	0,73	0,745	0,91	0,88	0,69	0,86	0,903	0,92	0,83	0,865

Рассчитано автором с использованием данных официальной статистики и ресурса Интернет

По результатам рейтингования АПК в 2020 году среди регионов-лидеров в сфере сельского хозяйства названа Курганская область, которая за период 2015-2020 гг. по многим показателям производства сельскохозяйственной продукции достигла 30% уровня рентабельности [272]. О возможностях ресурсного потенциала сельскохозяйственных организаций и хозяйств населения УрФО отмечается и в научных аналитических исследованиях [382], а также в данных Федеральной службы государственной статистики [349].

Тем не менее, в контексте устойчивости агроэкономической системы в целом на УрФО, по состоянию на 2020 год, остаются проблемы самообеспеченности сельского населения молоком (к нормативу 325 кг). Если по Российской Федерации этот показатель составляет 87,6%, то по УрФО он – 83,6%, в том числе: Курганская область – 110,0%, Свердловская область – 50,3%, Тюменская область – 80,3%, Челябинская область – 109,6% [315].

Посевные площади под картофелем в УрФО в 2020 году по сравнению с предыдущими пятью годами уменьшились в сельскохозяйственных организациях почти на 7%, но остались без изменений в хозяйствах всех категорий. Хотя доля производства картофеля остается высокой в хозяйствах населения по причине своевременной замены сортов семенного фонда.

По результатам соотношения уровней устойчивости производства и реализации (потребления) основных продуктовых товаров (таблица 3), расчета уровня устойчивости производства сельскохозяйственной продукции в УрФО (таблица 4), аналитических сравнений за последующие годы, в диссертации представлены сводные результаты расчетов в таблице 5 по сельскохозяйственным организациям и хозяйствам населения.

По мнению диссертанта, эти расчёты являются более реальными, поскольку получены на основе удлинённого периода. Наиболее устойчивый характер в производстве основных видов сельхозпродукции отмечается у хозяйств населения, за исключением Свердловской области, где среднее значение $К_у$ немного выше у СХО (0,745 против 0,708).

Во всех субъектах УрФО наиболее устойчиво производство овощей. Более значительная разница в уровне устойчивости производства агропродуктов между СХО и ХН, отмечается по мясу: в Курганской области ($К_у$=0,573/0,868), Челябинской ($К_у$=0,625/0,41), Тюменской ($К_у$=0,86/0,903); по молоку: в Курганской ($К_у$=0,79/0,86), Свердловской $К_у$=(0,91/0,64) и Тюменской ($К_у$=0,872/0,92); по картофелю: в Курганской ($К_у$=0,74/0,67) и Тюменской ($К_у$=0,754/0,83). Естественно на результаты расчёта $К_у$ влияют и погодные условия, складывающиеся в годы, входящие в избранный период.

Одним из самых уязвимых от погодных условий является производство зерна, являющегося основным продуктом, характеризующим уровень продовольственной безопасности страны и продовольственной самообеспеченности регионов.

Чтобы этот уровень был достаточным в пределах известного норматива, годовой объем производства зерна, с учетом нужд животноводства, должен составлять 1 т на человека.

Таблица 5 – Сводные результаты расчёта коэффициентов устойчивости производства основных видов агропродукции в сельхозорганизациях и хозяйствах населения субъектов УрФО [1)]

Виды продукции	Категории хозяйств	Значения коэффициента устойчивости ($К_у$)			
		Курганская	Свердловская	Челябинская	Тюменская
Мясопродукты	СХО	0,573	0,79	0,625	0,86
	ХН	0,868	0,72	0,41	0,903
Молокопродукты	СХО	0,79	0,91	0,823	0,872
	ХН	0,86	0.64	0,88	0,92
Картофель	СХО	0,74	0,75	0,62	0,754
	ХН	0,67	0,73	0,69	0,83
Овощи	СХО	0,58	0,53	0,768	0,67
	ХН	0,76	0,745	0,86	0,865
В среднем по продуктам ($К_{ус}$)	СХО	0,671	0,745	0,709	0,789
	ХН	0,788	0,708	0,71	0,879

[1)] Составлено автором на основе расчётных данных таблицы 7; СХО и ХН - соответственно сельхозорганизации и хозяйства населения

На таком уровне его производство отмечается в Курганской области (таблица 6).

Таблица 6 – Динамика производства зерна на душу населения в сельском хозяйстве субъектов УрФО, кг [1)]

Субъекты (области) УрФО	Объемы производства зерна, кг					2015	В среднем за период	2015 г. к 2010 г., в %	$К_у$
	2010	2011	2012	2013	2014				
Курганская	949	2661	1047	1525	1451	1880	1585	198	0,596
Свердловская	128	177	121	141	153	145	144	113	0,814
Челябинская	199	638	198	296	326,0	485	357	244	0,56
Тюменская	364	559	364	378	416	369,8	353	102	0,639
В среднем по УрФО	410	1008,7	432,5	585	586,5	720	610	164	0,652

1) Составлено автором на основе известных статданных. Источники Федерального статистического учета и ресурса Интернет

Несмотря на рост, объемы производства зерна в регионе ниже нормативного уровня, кроме Курганской области.

Следует отметить, что уровень устойчивости производства и потребления агропродуктов в расчете на душу населения, хотя и позволяет выявить их соотношение и определить тенденции в степени их взаимодействия на уровне спроса и предложения, однако не выражает характер изменения самообеспеченности. Если проанализировать данный показатель, например, по Свердловской области, то единственным продуктом, по которому самообеспеченность можно считать полной, является картофель. К такому же уровню приближаются и яйцепродукты (таблица 7).

Однако остается низким самообеспечение населения данной области по мясу и мясопродуктам, молоку и молокопродуктам, по овощам, фруктам и ягодам. Аналогичная картина наблюдается и в остальных индустриальных областях региона. Хотя и заметен их устойчивый рост, особенно по молоку и молокопродуктам, мясу и мясопродуктам.

Таблица 7 – Динамика уровня самообеспечения населения Свердловской области основными продуктами питания (в %) [1)]

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2010 г., %	$К_у$
Мясо и мясопродукты	48,5	48,2	52,0	55,3	62,1	128	0,85
Молоко и молокопродукты	53,0	55,8	56,7	60,3	45,7	86,2	0,9
Яйца и яйцепродукты	94,9	95,0	98,5	99,7	330	112,8	0,93
Картофель	121,9	95,5	102,6	112,8			
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	48,8	37,6	42,9	39,2	28,0	57,4	0,81
Фрукты и ягоды	18,8	12,2	23,6	12,9	12,0	63,8	0,67

[1)] Составлено автором на основе известных статистических данных. Источники и ресурс Интернет

Целесообразность применения авторского методического подхода при анализе показателей по уровню самообеспеченности населения основными продуктами питания по Свердловской области за период 2011-2015 гг. было подтверждено при оценке структуры производства сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств в 2015-2020 гг.

В частности, подтвердился вывод о низком самообеспечении населения по мясу и мясопродуктам. В убойном весе за эти годы этот показатель оставался в объеме 195-197 тысяч тонн. На уровне 76-78% остался объем производства молока в сельскохозяйственных организациях и снизился с 18,7% до 15,2% в хозяйствах населения. Наибольший рост объема овощей с 21,5% до 28,7% наблюдался в сельскохозяйственных организациях. В хозяйствах населения он вырос с 67,5% в 2015 году до 71,3% в 2018 г., но снизился к 2020 году до 64,2% [285].

Значительное влияние на формирование продовольственных ресурсов оказывают объемы ввозимых агропродовольственных товаров. Так, например, в 2014 году в область было ввезено 52% мяса и мясопродуктов, 41% молока и молокопродуктов, 81% фруктов и ягод, 32% яиц и яйцепродуктов, 2% картофеля.

В целом, с учетом объемов ввоза, потребление основных видов продуктов на душу населения Свердловской области составило: мяса и мясопродуктов 78 кг; молока и молокопродуктов – 240 кг; хлебных продуктов – 115 кг, овощей – 93; картофеля – 95; фруктов и ягод – 79; сахара – 38; растительного масла – 17,1 кг; яиц и яйцепродуктов – 296 шт.

По уровню среднегодового потребления основных продуктов Свердловская область в 2014 году среди других субъектов УрФО заняла первое место по потреблению мяса и мясопродуктов, фруктов и ягод; второе – по растительному маслу; третье – по сахару, яйцам и яйцепродуктам; четвёртое – по овощам и продовольственным бахчевым культурам, молоку и молочным продуктам, а также по картофелю и хлебным продуктам.

По результатам определения рейтинга стоимостей продуктовых потребительских корзин при котором используется показатель – минимальная стоимость набора продуктов питания, к 2020 году Свердловская область не находилась на лидирующих позициях, занимая 24 место среди субъектов РФ. По сравнению с 2014 годом стоимость потребительской корзины здесь увеличилась с 3320 руб. до 4389 руб. (средний показатель по России был соответственно 3111 руб. в 2014 году и 4165 руб. к 2020 году [13]. Ассортимент основных продуктов питания особых изменений не претерпел.

При оценке динамики уровня самообеспечения основными продуктами питания конкретной территории, целесообразнее исходить из баланса продовольственных ресурсов, а не из общего объема производства, который несколько искажает этот уровень. Можно исходить из емкости рынка, однако он не учитывает ту часть агропродукции, которая поступает на рынок от хозяйств населения (ХН) и которая остается там на внутреннее потребление.

В связи с этим наиболее объективной базой для оценки данного показателя, по нашему мнению, необходимо считать баланс продовольственных ресурсов, представленного совокупностью показателей, выражающих не только источники формирования ресурсов, но и основные виды и каналы их использования.

Учитывая известные рекомендации, названный блок можно представить в следующем порядке:

1) запасы i-ой агропродукции в сельском хозяйстве, перерабатывающей промышленности, оптовой и розничной торговле на начало периода

2) объем производства i-ой продукции за период «t»;

3) объем импорта (для страны) и ввоза (для субъектов РФ) i-ой агропродукции;

4) объем производственного потребления в агрохозяйствах на внутрихозяйственные нужды;

5) объем переработки на пищевые цели;

6) объем потерь i-ой агропродукции;

7) объем экспорта i-ой продукции (для страны в целом);

8) объем личного потребления i-ой продукции;

9) запасы i-ой агропродукции в сельском хозяйстве, перерабатывающей промышленности, оптовой и розничной торговле на конец года.

Объем запасов агропродукции на начало года позволяет скорректировать ее производство с учетом ожидаемых погодных ситуаций и оптимизировать размещение на территории региона при использовании целевой функции – минимум производственных затрат (второй пункт представленной схемы). Это позволяет также оптимизировать объем импорта (ввоза) продовольственных товаров в текущем году. В противном случае расходы на повышение самообеспечения региона «любой ценой» в несколько раз превысят объем дотируемых средств. Поэтому производство сельхозпродукции необходимо сконцентрировать на ограниченных, более ресурсно-богатых площадях, решив одновременно проблему занятости работников сельских хозяйств, где оно ограничено, на основе развития диверсификации агропредпринимательства.

На основе баланса можно определить важный показатель – уровень самообеспечения основными видами сельскохозяйственной продукции, то есть, на сколько собственное производство позволяет удовлетворить внутреннее потребление региона и входящих в него субъектов.

Если довериться статистическим данным по объемам ввоза в УрФО указанных в таблице 8 сельскохозяйственных продуктов, то его доля в производстве с учетом вывоза, составит: по мясу и мясопродуктам 23,7% (377,4-211,3)/698*100; по молоку и молокопродуктам -37,8%, (1066-311,3)/1998,2*100; по яйцепродуктам – минус 11,3%, (1743,4-2243,8)/4419,8*100; картофелю – минус 0,06%, (65,2-48,1)/2612,7*100; по овощам и продовольственным бахчевым культурам – 59,8%, (474,3-13,5)/770,5*100; по фруктам и ягодам – 448,7%, (668,4- 0,7)/148,8*100.

По результатам статистических данных экспорта и импорта России, к 2020 году доля продовольственных товаров в товарной структуре импорта составила 12%, в то время как в 2015 году она составила 15%. Поставки масла сливочного увеличились на 27,2%, сыров и творога – на 7,1%, молока и сливок – на 25,7%, рыбы свежей и мороженой – на 8,2%. При этом снизились физические объемы мяса свежего и мороженного – на 22,8%. В основном, эти объемы поставок осуществлялись из стран СНГ.

Продовольственные товары и сырье для их производства при ввозе в УрФО составили только 2,6% из общего объема всех ввозимых товаров [327].

В опубликованным исследованиям [216] по объемам экспорта и рынку молочных продуктов в УрФО по состоянию на январь 2021 года отмечается, что на протяжении 2015-2020 гг. в УрФО наблюдается подъем производства молока, кроме сырого. Но даже при объеме в 532,891 тонн молока, произведенного в 2020 году, его дефицит остается в пределах 25-30% [282].

С начала 2020 года курс рубля снизился на 28%, что привело к удорожанию основных составляющих себестоимости сельскохозяйственного производства, особенно по мясу и мясопродуктам, куда входит и мясо птицы. Тем не менее, в УрФО некоторые регионы уменьшили объемы ввоза сельскохозяйственных продуктов. Это относится к Тюменской области, где закупочные цены на молоко, с учетом объемов и видов государственной поддержки, приведены в соответствие с его качеством.

Таблица 8 – Баланс ресурсов и использования основных видов агропродуктов в Уральском федеральном округе

(на примере наиболее устойчивого 2015 года после введения санкций и внедрения государственной программы от 14.07.2012 №717), (тыс. тонн) [1)]

Показатели	Значение показателя по видам продукции					
	мясопродукты	молоко-продукты	яйца и яйцепродукты	картофель	овощи и продовольственные бахчевые культуры	фрукты и ягоды
Ресурсы:						
1. Запасы на начало года	78,4	131,7	121,4	1293,9	339,7	59,4
2. Производство	698,0	1998,2	4419,8	2612,7	770,5	148,8
3. Ввоз	377,4	1066,0	1743,4	65,2	474,3	668,4
Итого:	1153,8	3195,9	6284,6	3971,8	1584,5	876,6
Использование:						
4. Производственное потребление	0,6	149,3	385,6	939,6	76,8	0,1
5. Потери	1,5	6,7	1-3,3	248,6	55,7	2,3
6. Вывоз	211,3	311,3	2243,8	48,1	13,5	0,7
7. Личное потребление	867,0	2585,1	3541,2	1284,6	1101,1	820,8
8. Запасы на конец года	73,2	143,5	100,7	1450,9	337,4	52,7
Итого:	1153,8	3105,8	6284,6	3971,8	1548,5	876,6

[1)] Составлено автором на основе известных статистических данных

Продукция агроэкономической системы отправляется на рынки других регионов: 70% яиц, половина молочной продукции, четверть мяса и мясопродуктов, картофеля и овощей. Но по мясу и мясопродуктам лишь на 57,5% обеспечивает себя Свердловская область. Курганская область производит 99% овощей открытого грунта. В Челябинской области закрыта потребность в мясе птицы (на 160%), по овощам закрытого грунта на 128% [106]. Получается, что на основе балансового метода, можно определить уровень самообеспечения основными видами сельскохозяйственной продукции, объемы ее ввоза со стороны, а затем прогнозировать не только темпы развития, но и определение основных инвестиционных проектов, как это произошло при строительстве мощных птицефабрик и свинокомплексов в 2014-2019 гг. на Южном Урале.

Учитывая, что уровень устойчивости ввоза в течение десятилетия фактически постоянен, а объемы производства сельхозпродукции изменчивы из-за нестабильных погодных условий, то в отдельные годы (примерно 2-3 года в десятилетие), ввоз может значительно превышать вывоз, что снижает устойчивость продовольственного самообеспечения региона. Другая негативная сторона превышения - возрастание безработицы на селе и увеличение бедности.

Снижение устойчивости агропроизводства и увеличение ввоза сельскохозяйственной продукции, рост безработицы вызваны также сокращением использования земель сельскохозяйственного назначения, особенно посевных площадей. Данный вывод подтверждается экстенсивностью использования земель, поскольку интенсивный путь при недостатке необходимых ресурсов (техники, удобрений и т.д.) невозможен.

Оценка уровня устойчивости объемов посевной площади в субъектах УрФО (таблица 9) свидетельствует о том, что значения коэффициентов устойчивости неоднозначны.

Достаточно стабильными оставались площади посева в Курганской области, и даже происходило их увеличение с 2011 года. Свердловская область не снижала, а даже несколько увеличивала площади посевов с 2013 года. В Челябинской области по годам отмечалась некоторая цикличность проявления

данного показателя (максимальное значение составило 2,07 млн га, минимальное – 1,97 млн га).

Таблица 9 – Динамика изменения посевной площади сельскохозяйственных культур в субъектах Уральского федерального округа, тыс. гектаров [1)]

Субъекты (области) УрФО	Значение показателя по годам периода							
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	В среднем за период	Коэффициент устойчивости, $К_у$
1. Курганская область	1373,9	1398,3	1396,5	1411,1	1411,4	1412,3	1400,6	0,99
2. Свердловская область	851,9	847,1	839,2	856,8	862,4	866,4	854	0,985
3. Челябинская область	2074,4	2042,5	1970,6	2028,8	1988,9	1990	2015,9	0,972
4. Тюменская область	1091,2	1104,2	1114,2	1107,4	1111,0	1112,5	1106,7	0,99
Всего по региону	5391,4	5392,1	5320,5	5404,1	5373,9	5381,2	5377,2	0,997

[1)] Составлено и рассчитано автором на основе статистических данных. Источник: (Курганская, Свердловская, Челябинская, Тюменская области в цифрах 2010-2015 гг.).

Причем повышение происходило в середине периода, а понижение в его начале и конце, что объясняется неравномерностью оформления земельных долей в земельные участки (при 220 тысячах желающих фактически в год оформляется только 30 тысяч).

Тюменская область оставалась устойчивой, хотя в 2015 году несколько сократила количество посевных площадей.

Повторный анализ оценки уровня устойчивости объемов посевных площадей в субъектах УрФО был проведен автором за последующие годы – с 2015 по 2019 гг. В таблице 10 приведено значение показателя по этим годам.

По результатам оценки уровня устойчивости объемов посевных площадей по УрФО наблюдается повсеместное снижение их объемов, кроме Свердловской области.

Таблица 10 – Динамика изменения посевной площади сельскохозяйственных культур в субъектах Уральского федерального округа в 2015-2019 гг., тыс. гектаров [156, 286, 220, 334]

Субъекты (области) УрФО	Значение показателя по годам периода						
	2015	2016	2017	2018	2019	В среднем за период	Коэффициент устойчивости, $К_у$
1. Курганская область	1412,3	1362,2	1361,4	1938,3	1332,6	1361,3	0,96
2. Свердловская область	866,4	847,3	835,9	818,0	810,9	835,7	0,975
3. Челябинская область	1990,0	1858,6	1895,2	1918,0	1949,8	1922,3	0,870
4. Тюменская область	1112,5	868,3	858,8	862,5	830,8	906,5	0,972 (без 2015 г.)
Всего по региону	5381,5	4936,9	4951,2	4936,8	4924,2	5025,8	0,755

Эта тревожная тенденция связана с тем, что в 2008-2017 гг. государство дискриминировало агроэкономическую систему (сельское хозяйство), сокращая его долю в инвестициях (с 4,1 до 3,7%), не обновляя основные фонды (4% против 4,3% по народному хозяйству); промышленные и потребительские цены повышались быстрее, чем сельскохозяйственные (за 2008-2016 гг. цены на сельхозпродукцию выросли на 61%, промышленные – на 89%, а потребительские – даже на 113%), так что доля сельского хозяйства в конечной цене продовольствия существенно снизилась. Практически стагнировало и без того минимальное обеспечение сельского хозяйства удобрениями, которые направлялись на экспорт.

Недостаточное внимание уделялось обеспечению сельского хозяйства современной техникой, селу приходилось все больше и намного дороже закупать зарубежную.

Недостаточной была и денежная поддержка со стороны государства – меньше, чем в развитых странах (всего 3% от объема сельскохозяйственного производства). В программе до 2020 г. на поддержку сельского хозяйства

выделено 1,2 трлн. руб., а на оборонные цели – 20 трлн. руб. По мнению специалистов, минимальная господдержка должна составить 2,8 трлн. руб. [2].

В последующие 3-4 года новых источников роста не было найдено, а численность занятых в сельскохозяйственном производстве неуклонно снижается. Чтобы ежегодно увеличивать объем посевных площадей требуется, как минимум, повысить в 1,5 раза производительность труда с фактическим уменьшением численности занятых в этой сфере почти на 1 млн человек.

В конце февраля 2021 года проходил XXXII Съезд Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов (АККОР), на котором отмечалось, что малые формы хозяйств производят более половины сельскохозяйственной продукции, но увеличить объемы производства и расширять посевные площади они не могут по целому ряду причин [366].

Кризис во всех сферах жизни по причине пандемии коронавируса, отрицательные тенденции в экономике не позволяют следовать запланированным стратегиям. На борьбу с пандемией государство потратило 2,9 трлн. рублей. Секвестр расходов коснулся и агроэкономической системы, что повлияло на устойчивость ее развития.

Минсельхоз РФ в июне 2020 года уменьшил плановые значения индексов производства продукции животноводства, сельского хозяйства и некоторых других параметров, закрепленных в Постановлении Правительства РФ от 14.07.2012 №717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». Финансирование программы сокращается: в 2019 году это было 318 млрд рублей (кассовое исполнение 98,0%), в 2020 – 272 (исполнение 99,8%), на 2021 – определено 260 млрд рублей, уже подвергшихся за этот период 25%-й девальвации. Механизм господдержки АПК меняется каждый год, корректируются контрольные цифры и объемы финансирования, что делает трудным даже краткосрочное планирование устойчивого развития отрасли.

Во время пандемии в условиях стагфляции продуктовая инфляция опережает средние темпы, которые пока оцениваются на текущий год близкими к

10%. Меры по государственному регулированию и сдерживанию цен не эффективны, негативно влияют на доходы агропроизводителей и развитие отрасли. У хозяйств возникает необходимость сокращать растущие издержки, в том числе и уменьшить площади посевов.

Сокращение посевных площадей при отсутствии интенсивного использования земель сельскохозяйственного назначения приводит к снижению производства валовой продукции сельского хозяйства, уровня продовольственного самообеспечения региона и производительности труда. Низкая производительность труда в сельском хозяйстве УрФО подтверждает вывод об отсутствии интенсивного использования сельскохозяйственных земель. Этому, к сожалению, не способствует и концентрация населения, работников сельского хозяйства в крупных сельских поселениях, не обеспечивая и повышение производительности труда. Особенно при производстве таких важных сельхозпродуктов, как мясо, молоко, картофель, овощи, зерно.

Ведь именно эти продукты составляют наибольшую долю в валовой продукции сельского хозяйства региона, находясь в определенной корреляционной зависимости, что подтверждается значимостью коэффициента множественной корреляции и нижеследующим регрессионным уравнением:

$$y = -2495+0,0596x1+0,514x2+0,868x_3+0,925x4, \quad (13)$$

где y – валовая продукция сельского хозяйства региона с учетом инфляции, млрд руб.;

x_1, x_2, x_3, x_4 – факторные признаки, выражающие объемы производства соответственно картофеля, овощей, мяса, молока в регионе (УрФО), тыс.т.

Регрессионная модель была получена с использованием компьютерной программы «Корреляционный анализ» на основе данных расчётной матрицы (таблица 11). Расчёт представлен в приложении 2.

Значимость регрессивной модели подтверждается также высоким значением коэффициента детерминации и превышением. $F_{табл}$ над $F_{крит}$. Сравнивая коэффициенты значимости по абсолютной величине можно отметить, что

результативный признак «Валовая продукция сельского хозяйства региона» более всего чувствителен к изменению факторного признака «Производство молока». Следовательно, данный показатель в основном будет оказывать влияние на устойчивость агропроизводства в регионе.

Таблица 11 – Матрица для расчета множественного уравнения регрессии, выражающего зависимость валовой продукции сельского хозяйства региона (У) от изменения объемов производства: картофеля – $V_к$ (X_1), овощей – $V_{ов}$ (X_2), мяса – $У_{мя}$ (X_3), молока – $V_{мо}$ (X_4) [1)]

Годы	Валовая продукция сельского хозяйства с учетом инфляции, млн руб.	$V_к$, тыс.т	$V_{ов}$, тыс.т	$V_{мя}$, ТЫС.Т	$V_{мо}$,тыс.т
	Y	X_1	X_2	X_3	X_4
2014	198,4	2723,7	844,9	345,2	2293,4
2015	173,6	1895,8	752,1	524,9	2096,2
2016	210,2	2965,9	920,0	551,4	2086,6
2017	186,1	2088,7	723,3	589,1	2077,9
2018	212,7	2441,5	825,5	642,0	2023,0
2019	228,9	2612,7	770,0	698,0	2029,8

[1)] Составлено автором с использованием данных официальной статистики.

Кроме того, автором за более чем десяти лет работы над диссертацией были оценены и другие показатели, влияющие на устойчивость агроэкономических систем в УрФО. К ним относятся: соотношение числа родившихся и умерших в субъектах УрФО; уровень отдачи от государственной поддержки аграрного сектора экономики в исследуемом регионе; расчеты коэффициента производительности труда; расчеты коэффициента землеотдачи; расчет коэффициента структурной специализации; расчет коэффициента сочетания отраслей между объемами производства продукции растениеводства и животноводства; сводные данные из паспортов населенных пунктов одного из городских округов Свердловской области; динамика сокращения сельских населенных пунктов. Они представлены в Приложениях 3-8,10.

Сокращение площади сельскохозяйственных земель в регионе происходит не только по причине ее неиспользования, но и продажи их другим несельскохозяйственным организациям, по результатам перевода земель в другие категории. Такая тенденция характерна в основном для сельскохозяйственных организаций, расположенных в непосредственной близости к городам, вокруг которых происходит массированная коттеджная застройка. А.Г. Светлаков, исследуя криминальную сторону АПК, подчёркивает, что незаконный оборот земель сельскохозяйственного назначения способствует, в первую очередь, возможности приобретения или безвозмездного получения недооцененной сельскохозяйственной земли и высоких прибылей при перепродаже земли для иных целей [287].

Таким образом, эффективность организационно-экономического механизма управления устойчивостью развития агроэкономических систем и сельских территорий в Уральском федеральном округе во-многом зависит от системного подхода применения названного механизма: он формируется на всех уровнях управления – от федерального до конкретной сельскохозяйственной организации; его действие зависит от конкретных условий сельскохозяйственной деятельности; его «запуск» требует аналитических оценок по видам деятельности и производимому продукту; присутствие в нем совокупности экономических, правовых, управленческих форм и способов воздействия напрямую влияет на устойчивое развитие; его целевая ориентация – создание защитных барьеров от воздействия отрицательных факторов при изменении конъюнктуры и конкуренции агропродовольственного рынка.

Организационно-экономический механизм управления устойчивостью агроэкономической системы на уровне региона (субъекта РФ, федерального округа) не может быть эффективным без реализации принципов государственного регулирования, государственной, а также иной поддержки, саморегулирования в условиях кластерной интеграции, применения методологических и методических подходов при раскрытии и оценке его содержательных элементов.

3.2. Методика оценки устойчивости функциональных, базовых и системообразующих подотраслей – мультипликаторов, как ядра агроэкономической системы региона

В агроэкономической системе как совокупности взаимозависимых и взаимосвязанных элементов и подсистем (земля, растения, животные, человек, техника, технологии, материальные ресурсы, финансы, системы управления, правовые нормы, правила и др.) всегда происходит процесс их объединения через комплекс социально-экономических отношений. Ее развитие возможно только в определенных природных, институциональных и социальных условиях, которые, как отмечают авторы одного из научных исследований [258], в большинстве регионов в настоящее время отсутствуют. Они же понимали устойчивость агроэкономической системы как способность основных ее элементов, в лице сельских хозяйств всех видов собственности и всех взаимодействующих в интеграционных формированиях ее отраслей, сохранять достаточную конкурентоспособность с импортируемой агропродукцией на основе инновационной ориентации развития аграрного производства.

Ранее, по их мнению, одним из элементов такой системы могли бы рассматриваться и сельские территории [259]. Статья содержит вывод о том, что призывы к инновационным преобразованиям в агроэкономической системе, как важнейшего элемента интенсификации, в условиях санкционного противостояния пока нереальны в силу ряда причин. Но даже в этих условиях требуются научные исследования, а потому новое терминологическое толкование устойчивости агроэкономической системы авторами представлено в следующей редакции: «Устойчивость функционирования агроэкономической системы – взаимосвязанная совокупность подотраслей и хозяйств всех действующих организационно-правовых форм, способных долговременно, не менее продолжительности срока реализации государственных программ, относящихся к решению задачи повышения устойчивости аграрных организаций и сельских территорий, функционировать в режиме расширенного воспроизводства,

ориентируя свою предпринимательскую деятельность на инновационную модель развития» [259].

При использовании методики оценки устойчивости, в диссертационной работе в качестве наиболее важных элементов агроэкономической системы выделены три базовых подотрасли: птицеводство, зернопроизводство, молочное животноводство.

При этом системообразующим фактором агроэкономической системы региона, можно назвать собственное зернопроизводство, без которого невозможно решить такую задачу, как продовольственное самообеспечение региона.

Системообразующая сторона зернопроизводства, по нашему мнению, состоит в том, что данная подотрасль, являясь «ядром» агроэкономической системы региона, тесно взаимодействуя с другими ее элементами, способна, при благоприятных к интеграции условиях, с высокой механизированной основой производства зерна, дает определенные гарантии для достижения устойчивого функционирования всей агроэкономической системы региона.

В свою очередь, интеграция зернопроизводства с птицеводческой подотраслью способна вовлечь в процесс развития и других потенциально возможных участников агроэкономической системы региона, то есть стать своеобразным мультипликатором – ядром её развития. В качестве одного из элементов можно назвать производство комбикормов, которое не может работать без зерна, а птицеводство – без комбикормов.

Мультипликатор в агроэкономической системе считается ядром, в качестве которого могут выступать наиболее устойчиво функционирующие подотрасли или агропредприятия, региональные объединения сельхозтоваропроизводителей, кластеры, расположенные на территории конкретного субъекта РФ или в масштабах федерального округа, в отдельных сельских территориях [259].

Проанализируем состояние устойчивости функционирования базовых подотраслей УрФО на предмет их готовности выступить в качестве мультипликаторов развития агроэкономической системы региона.

Птицеводство рассматривается как наиболее восприимчивая к нововведениям подотрасль агроэкономической системы, в которой индустриализация, интенсификация производства под влиянием научно-технических достижений дают мощный экономический эффект. Достаточно выполнить внедрение искусственной инкубации яиц, строительство крупных птицефабрик, внедрение кроссов яичного и мясного направления, корма, селекция и генетика сельскохозяйственной птицы, способы ее содержания. Это все элементы устойчивости птицеводства.

Дадим оценку устойчивости функционирования птицеводческой подотрасли по основным видам продукции из птицы на федеральном, общерегиональном и областном уровнях за 10 лет (с 2005 по 2014 гг.) (таблица 12, 13, 14) и приведем данные об основных изменениях анализируемых показателей в 2015-2019 гг.

Таблица 12 – Динамика изменения объемов производства основных видов продукций птицеводства в Российской Федерации

Годы	Объем производства (Q)	
	мяса птицы, тыс.т	яиц, млрд/ шт.
2005	1388	37,8
2006	1632	38,2
2007	1925	38,2
2008	2217	38,1
2009	2555	39,4
2010	2678	40,8
2011	2897	41,1
2012	3318	41,2
2013	3832	41,3
2014	4088	41,3
$\overline{Q} = \sum_{i=1}^{n} Q_i / t$	2653	39,7
$К_у = Q/Q_{max}$	0,65	0,96

Рассчитано автором на основе официальных статданных. Источники: О ситуации на рынке птицепродукции 2005-2014 гг. - М.: Росптицесоюз, 2015; Информационные бюллетени Росптицесоюза (№ 80-88). - М.: Росптицесоюз.

Несмотря на стабильное нарастание объемов производства мяса птицы, коэффициент устойчивости по данной продукции ниже, чем яиц, что вызвано неравномерностью прироста данной продукции. Например, с 2009 г. по 2010 г. прирост составил 123 тыс.т, а с 2012 г. по 2013 г. – 514 тыс.т, что и свидетельствует о занижении данного показателя, тем более, что резкое возрастание объемов производства не согласуется со снижением платежеспособного спроса населения и низким экспортом.

За период 2015-2020 годов заметна положительная динамика производства мяса птицы: 2015 – 6039 тыс. тонн; 2016 – 6191 тыс. тонн; 2017 – 6618 тыс. тонн; 2018 – 8671 тыс. тонн; 2019 – 6708 тыс. тонн. Возросло и производство мяса птицы на душу населения с 31 кг в 2015 году, до 34,1 кг в 2020 году.

Несмотря на стабильное нарастание объемов производства мяса птицы, коэффициент устойчивости по данной продукции ниже, чем яиц, что вызвано неравномерностью прироста данной продукции. Например, с 2009 г. по 2010 г. прирост составил 123 тыс.т, а с 2012 г. по 2013 г. – 514 тыс.т, что и свидетельствует о занижении данного показателя, тем более, что резкое возрастание объемов производства не согласуется со снижением платежеспособного спроса населения и низким экспортом.

За период 2015-2020 годов заметна положительная динамика производства мяса птицы: 2015 – 6039 тыс. тонн; 2016 – 6191 тыс. тонн; 2017 – 6618 тыс. тонн; 2018 – 8671 тыс. тонн; 2019 – 6708 тыс. тонн. Возросло и производство мяса птицы на душу населения с 31 кг в 2015 году, до 34,1 кг в 2020 году.

Удельный вес производства мяса птицы в Уральском федеральном округе составил 577,8 тыс. тонн, или 6,8% от объемов производства мяса птицы в живом весе по России.

Среди лидеров по объемам прироста производства мяса птицы на убой в живом весе с 2015 года оставалась Тюменская область (без автономных округов).

Объемы производства яйца за период 2015-2019 гг. (в млрд шт.) соответственно составили: 2015 – 42510; 2016 – 43514; 2017 – 44829; 2018 – 44901; 2019 – 44861.

Симптомы снижения объемов обнаружились еще в 2018 году и продолжилось в 2019 году. Факторы, оказавшие отрицательное влияние на подотрасль агроэкономической системы: снижение покупательской способности населения; рост стоимости кормов и других ресурсов. Это привело к дефициту оборотных средств и к снижению рентабельности хозяйств.

Повышение объемов производства мяса птицы способствовали инновации, которые начали внедряться с 2017 года в Государственной программе по созданию конкурентоспособного отечественного мясного кросса кур бройлерного типа. В ней заложено внедрение девяти новых технологий: биобезопасности; инкубации; питания; содержания; селекции и генетики; биоколлекции исходных линий кур; переработки; получения функциональных продуктов птицеводства; энерго- и ресурсосбережения [210].

Это свидетельствует о том, что подотрасль птицеводства в агроэкономической системе Российской Федерации имеет устойчивые тенденции. Вместе с тем остаются задачи, которые пока в полной мере не решены: обращение с отходами птицеводства и рост объемов экспорта продукции.

Отсутствие закона, касающегося использование птичьего помета, не дает возможности рассматривать его как побочный продукт жизнедеятельности птицы или как ценное вторичное сырье для получения органических удобрений после глубокой переработки. Пока он считается отходами производства.

Хотя следует заметить, что олигополистический характер рынка продукции птицеводства и нарастание сбыта ее крупным торговым сетям постепенно стабилизирует не только объемы реализации, но и ценовые соотношения между отечественными организациями по производству птицы.

Несмотря на устойчивый рост показателей за период 2000-2015 гг. По собственному рынку продукции птицеводства, следует принять во внимание, что в конце 2014 года начинается санкционное противостояние между странами по причинам политического характера, что повлияло на изменение рынка импортной продукции (мяса птицы) и перераспределение логических потоков по яйцу.

При анализе производства мяса птицы в убойном весе и яйца в Российской Федерации и в Уральском федеральном округе с учетом коэффициента устойчивости (таблица 13), можно наблюдать положительную их динамику. Но имелось снижение объемов производства по яйцу в 2014-2015 гг. По Курганской области, по мясу птицы – в Свердловской области.

Таблица 13 – Динамика производства продукции птицеводства в РФ и УрФО с расчетом коэффициента устойчивости [1)]

Годы	РФ		Курганская		Свердловская		Челябинская		Тюменская	
	мясо в уб. весе, тыс. т	яйца, млн шт.	мясо в уб. весе, тыс. т	яйца, млн шт.	мясо в уб. весе, тыс. т	яйца, млн шт.	мясо в уб. весе, тыс. т	яйца, млн шт.	мясо в уб. весе, тыс. т	яйца, млн шт.
2000	1035	34085	7,9	167,5	67	1381,6	64	945,1	18,9	1031,3
2001	1098	35242	8,2	225,7	70	1344	67	987	21,4	1058
2002	1118	36378	9,6	215,5	72	1379	69	1034	22,8	1109,2
2003	1104	36625	10,9	248,3	75	1395	71	1108	23,7	1173,5
2004	1350	35901	10,1	233,3	78	1375	76	1139	24,6	1196,5
2005	1388	37140	9,7	192,3	80	1379	88,5	1187,7	26	1255,8
2006	1632	38216	9,4	119	83	1312	91,4	1213	27	1268
2007	1925	38208	10,8	120,1	89	1201	110,7	1284	27,5	1246
2008	2217	38058	10,5	120,9	96	1237	122,2	1315	26,9	1281
2009	2555	39429	10,5	126,3	101	1259	138,7	1361,1	27,1	1323,2
2010	2830	40600	12,5	119,§	105	1278	159,8	1305,6	29	1359,3
2011	3204,2	41113	12,7	127,9	110	1293	173,5	1322,2	31,2	1398,7
2012	3624,8	42033	12,7	132	112	1321	196,5	1354,9	33	1414,9
2013	3817	41286	12,9	113,8	114	1387,9	220,3	1403,9	33,2	1425,9
2014	4217	41860	11,1	107	106	1387,5	234,3	1477	34,5	1445,1
2015	4535,5	42571,7	12,2	102	108	1442,9	277,5	1498	31,9	1458,3
В среднем	2345,5	38673,2	10,73	154,4	91,6	1249,4	135	1254,8	27,4	1277,8
$К_у$	0,517	0,908	0,83	0,622	0,81	0,866	0,486	0,83	0,794	0,87

[1)] Составлено и рассчитано автором с использованием данных официальной статистики (Источники: Информационные бюллетени № 81-88. - М.: Росптицесоюз (2010-2015 гг.); Регионы УФО: итоги социально-экономического развития. - Екатеринбург: Территориальный орган федеральной службы госстатистики по Свердловской области, 2010.

В структуре производства яиц в России в 2015 году Уральский федеральный округ занимал 10,8%: четвертое место среди всех округов.

К 2019 году в Курганской области продолжилось падение объемов

производства яйца до 93,4 млн штук. В результате дефицит яйца в ней составил 39%. Уменьшилось и производство мяса птицы до 97,3%. Свердловская область несколько увеличила производство яйца, заняв третье место в УрФО, и осталась по производству мяса птицы на уровне 2015 года. Челябинская область лидирует в 2019 году по производству мяса птицы (315,5 тыс. тонн), обеспеченность по яйцу составляет 181,5%. В Тюменской области при увеличении объемов мяса птицы на убой до 61,4 тыс. тонн, производство яйца остается стабильным с 2015 года.

Таким образом, коэффициенты устойчивости при производстве мяса птицы и яйца к 2019 году имеют увеличение, кроме Курганской области.

Возможности развития птицеводства и производства яйца вполне позитивные, а мясо птицы и яйцо остаются стратегическими продуктами питания. Но появились и новые проблемы, которые могут повлиять на производство мяса птицы предприятий в 2021 и последующие годы, не имеющих собственных репродукторов, что вынуждает закупать импортные инкубационные яйца. Их стоимость возросла в 2021 году с 16-17 рублей до 30 рублей за штуку.

Устранить проблему может только субсидирование их производства в России. Среднеквартальный прирост импорта в 2009 г. составил: 55,6 тыс. тонн, в 2010 г. – 86 тыс. тонн, в 2019 г. – 200 тыс. тонн, что свидетельствует о постоянном увеличении данного показателя.

При анализе экспортно-импортного потенциала принималось во внимание, что стабилизация рынка продукции птицеводства создает возможности роста объема экспорта. Для определения коэффициента устойчивости по мясу птицы и яйцу были взяты 2013 и 2014 года, по которым был зарегистрирован значительный рост по стране: 3817 и 4217 тыс. тонн мяса в убойном весе; 41286 и 41860 млн шт. яйца. Это отразилось и на приросте импорта.

В общем объеме экспорта мяса, по мнению академика РАН В. Фисинина [352], доля поставок в страны СНГ составляет 64%, а по яйцу экспортируется 82-85% от общего объема. Птицефабрика «Свердловская» остается в числе основных поставщиков пищевого яйца.

Тенденции таковы, что будет и далее снижаться объем импорта мяса птицы, особенно бройлеров из стран Европейского экономического союза. Это было заметно уже в 2013-2014 гг., что отмечено в таблице 14.

Таблица 14 – Динамика поквартального изменения производственно-экспортно-импортных элементов на рынке птицепродукции в 2013-2014 годах

Годы и периоды	Мясо			Яйца		
	произ-водство, тыс.т	импорт, тыс.т	экспорт, тыс.т	произ-водство, млрд шт.	импорт, млрд шт.	экспорт, млрд шт.
2013 г. Всего:	3831,6	550,2	53,8	41286,0	8292,0	290,0
в т.ч. I кв.	903,7	109,0	10,6	9795,4	163,7	50,3
II кв.	918,8	131,6	13,5	11217,2	388,9	72,4
III кв.	934,7	153,2	13,9	10607,4	223,6	84,0
IV кв.	1074,4	156,4	15,8	9666,0	216,7	83,3
Ку	0,89	0,88	0,85	0,92	0,63	0,86
2014 г. Всего:	4088,0	467,2	61,8	41263,3	915,2	185,0
в т.ч. I кв.	936,1	88,3	15,6	9547,6	242,2	44,2
II кв.	980,5	137,1	15,9	10900,9	228,9	52,8
III кв.	998,8	107,6	15,0	10933,8	219,1	56,5
IV кв.	1172,6	134,2	16,3	9881,0	225,0	31,5
$К_{у}$	0,87	0,85	0,96	0,94	0,95	0,82
Средний $К_{у}$	0,88	0,865	0,905	0,93	0,79	0,84

[1)] Коэффициент устойчивости рассчитан на основе динамики изменения показателей, представленных в известных статистических данных, электронный ресурс: web-сайт: www.specagro.ru:e -mail:info@specagro.ru

Но следует принимать во внимание появление новых рисков. К концу 2019 года в России на семи птицефабриках и на 82 пунктах производства и переработки мяса птицы зарегистрированы вспышки высокопатогенного гриппа птиц. Это повлияло на незапланированный забой большого количества птицы. Одна из причин гриппа – переход через территорию страны трех миграционных потоков птиц. Незамедлительные меры по биобезопасности птицеводческих комплексов должны обезопасить предприятия от заноса возбудителей заразных болезней.

Об этом отмечает В. Фисинин, президент Росптицесоюза. По оценке его

экспертов, устойчивый рост производства продуктов отечественного птицеводства в 2015-2019 гг. позволил увеличить поставки за рубеж, которые в 2018 году составили более 36 тыс. тонн мяса птицы и на 126 млн шт. яиц больше, начиная с 2017 года. Чуть более, на 3 тыс. тонн мяса и на 2 млн шт. яиц было поставлено за рубеж и в 2019 году.

Принимая во внимание продуктовые эмбарго, Россия поменяла рынки сбыта из Европейских государств на такие страны, как Объединенные Арабские Эмираты (55%), Монголия (34%), Катар (4,2%), Абхазия, Бахрейн, Корея и др.

В процессе оценки показателей устойчивости отечественного птицеводства, важно отслеживать тенденции его развития в мире. По данным ФАО в 2017 году (по другим годам таких расчетов не опубликовано) в мире произвели 334193,4 тыс. тонн мяса всех видов, в том числе мяса буйволов, лошадей, верблюдов, ослов, мулов и даже мяса грызунов и улиток. При этом на долю мяса птицы приходилось свыше 122 млн тонн (36,5%), свинины – 119,8 млн тонн (35,8%), говядины – 66,2 млн тонн (19,8%), баранины – 9,5 млн тонн (2,8%).

В мире производят в среднем 16,2 кг мяса птицы на человека в год, свинины – 15,9 кг, говядины – 8,8 кг, баранины – 1,3 кг. Например, в Израиле в 2017 г. на душу населения произвели 75,6 кг мяса птицы, в Бразилии – 67,8 кг, в США – 67,5 кг, в Нидерландах – 65,6 кг, в Польше – 61,6 кг, в России – 33,7 кг. Наибольший прирост объемов производства мяса птицы зафиксирован в нашей стране в 2017 году (+ 535,8% к уровню 2000 г.), а также в Польше (+ 302,6%), в Бразилии (94,3%) и в Малайзии (77%). В мире средний показатель достиг 42,1%. В мировом рейтинге по производству мяса птицы Россия занимает четвертое место.

В 2017 г. в мире было произведено 1526,4 млрд яиц. Признанными лидерами стали Китай (621,8 млрд яиц, или 40,7%), США (106,7 млрд, или 7%), Индия (88,1 млрд, или 5,8%), Мексика (55,4 млрд, или 3,6%), Бразилия (54,4 млрд, или 3,6%) и Россия (44,9 млрд, или 2,9%) [251].

Улучшение необходимых показателей устойчивости будет зависеть от своевременной оценки с участием ученых и внедрения современных технологий.

Проанализируем характер изменения отпускных цен на продукцию птицеводства. Чтобы выборка была более убедительной, для оценки был взят период 2010-2015 гг. (таблица 15) и данные за 2015-219 годы.

Таблица 15 – Динамика изменения отпускных цен на птицепродукцию в УрФО за 2010-2015 годы [1)]

Продукция	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	В среднем за 2010-2015 гг.	$К_у$	2015 г. к 2010 г., %
Мясо птицы	85,8	89,2	92,0	91,2	90,6	108,7	92,9	0,854	126,7
Яйца	30,4	27,6	33,8	33,1	40,1	48,0	33,5	0,74	157,9

[1)] Составлено автором с использованием известных статистических данных. Источник: электронный ресурс электронный ресурс: web-сайт: www.specagro.ru; e-mail:info@specagro.ru

Результаты анализа убедительно свидетельствуют о неуклонном росте отпускных цен с 2010 года как на мясо птицы, так и на яйцо. Причин тому, по мнению диссертанта, несколько: даже при насыщении внутреннего рынка этими продуктами, покупательная способность населения падала, менялся продуктовый набор для семьи; стоимость кормов, пищевых добавок для роста птицы росла; дефицит оборотных средств стал влиять на снижение уровня рентабельности хозяйств.

Тенденция увеличения средней отпускной цены с учетом увеличения себестоимости мяса птицы на 22-25% продолжалась в УрФО за период 2015-2018 гг. К началу 2019 года средняя отпускная цена на мясо птицы составляла уже 97,8 руб. за 1 кг, в то время как в 2015 году – составляла 48,0 руб. за 1 кг. Среднегодовая цена на яйцо составляла в 2015 году 48,0 руб. за десять штук, а к 2019 году уже 49-51 руб.

Таким образом, увеличение расходов на материально-технические ресурсы, комбикорма, логистику, снижение стабильности в получении доходов, заставляют птицеводческие предприятия искать другие формы компенсации потерь от хозяйствования, в том числе через диверсификацию производственной деятельности, занимаясь животноводством и зернопроизводством. Это

происходит не повсеместно, поскольку в каждом субъекте Российской Федерации складывается свой уровень цен, зависящий от таких показателей, как состояние конкуренции на рынке продукции птицеводства, объем реализованной продукции в крупных супермаркетах и небольших торговых точках, количества посредников, платежеспособности населения, изменения предпочтений в питании, природно-климатических условий и др.

Анализ экономических показателей, выполненный автором диссертации, на примере деятельности птицеводческих организаций РФ, показывает, что они все же функционируют на низком уровне рентабельности. Это объясняется высокой себестоимостью производства продукции птицеводства и низкой отпускной ценой ее реализации, что связано с конкуренцией на продовольственном рынке. То есть, между рентабельностью производства птицепродукции, ценой и себестоимостью существует определенная зависимость, которая представлена в разработанных автором группировках (таблицы 16 и 17).

Таблица 16 – Группировка зависимости рентабельности, от полной себестоимости производства мяса птицы и отпускной цены, проявляющейся на птицефабриках Российской Федерации в 2014 году [1)]

Группы по уровню рентабельности, %	Середина интервала	Количество птице-организаций	Среднее из квартальных значений	
			себестоимости, руб./кг	отпускной цены, руб./кг
R		*n*	*C*	*P*
Менее 3	3	4	102,4	105,3
3,1-5,0	4	5	90,4	93,1
5,1-7,0	6	5	85,6	90,7
7,1-9,0	8,5	5	82,3	88,8
9,1-11,0	10	3	79,4	87,3
Более 11	11	2	66,5	81,7
В среднем и количество		24	84,4	91,25

[1)] Рассчитано автором с использованием известных статистических данных. Источник: Производственно-экономические показатели по ряду мясных и яичных предприятий. М.: Росптицесоюз, 2014. 19 с.

Таблица 17 – Группировка зависимости рентабельности от полной себестоимости производства яиц и отпускной цены (по данным 2014 г. по РФ) [1)]

Группы по рентабельности, %	Середина интервала	Количество птице-организаций	Среднее из квартальных значений	
			себестоимости	отпускной цены
R		*n*	*C*	*P*
Менее 5	5	4	36,5	37,1
5-10	7,5	8	33,0	35,3
10,1-15,0	12,5	7	33,4	34,8
15,1-20,0	17,5	3	30,1	34,8
Более 20	20	2	29,0	34,8
В среднем и количество		24	31,8	35,36

[1)] Рассчитано автором с использованием известных статистических данных. Источник: Производственно-экономические показатели по ряду мясных и яичных предприятий. - М.: Росптицесоюз, 2014. 19 с.

Квартальные значения всех трех показателей определялись по данным их изменений за каждый месяц наиболее устойчивого 2014 года, что позволило дать более объективную оценку взаимосвязи и зависимости уровня рентабельности от себестоимости и отпускных (закупочных) цен.

На каждый процент изменения рентабельности приходится 1,18 руб./кг себестоимости и 1,86 руб./кг цены (по яйцу). По мясу это соотношение составит соответственно 5,65 руб./кг и 8,24 руб./кг.

В квартальных отрезках времени наиболее устойчивыми были цены на мясо птицы до октября 2013 года, что отмечалось резкими спадами и подъемами цен на данную продукцию. Коэффициент устойчивости по ней составляет 0,784, а по фуражной пшенице – 0,736, что согласуется с характером изменения цен на данные виды продукции.

В 2019 году и в течение 2020 года в рентабельности птицеводческих предприятий произошли изменения: она упала до 3-5%, а себестоимость повысилась на 15-20%. Среди причин повышения себестоимости удорожание на 23% инкубационного яйца и от 20 до 25% стоимости кормов. За период 2015-2019 гг. росли цены на фуражное зерно, достигнув к 2019 году роста на 35-40%,

на 40% по соевому шпроту и на 3% по ветеринарным препаратам. Если коэффициент устойчивости в 2014 году по мясу птицы был определен как 0,784, а по фуражной пшенице – 0,736, то к 2020 году они понизились до 0,634 и 0,710 соответственно.

Для повышения себестоимости мяса птицы желательно увеличивать экспорт до 700 тыс. тонн. Тот же Китай и другие страны Юго-Восточной Азии заинтересованы в повышении объемов закупок куриных лапок.

Хотя для расширения рынков экспортного сбыта есть своя специфика. Например, при экспорте в Японию мясо птицы проверяют примерно по 600 показателям.

Есть основания и к тому, что по причине удорожания ресурсов, будет подниматься и цена на яйцо. Некоторую помощь здесь могут оказать государственные субсидии, но это могут быть только формы целевой помощи.

Следующая базовая подотрасль – зернопроизводство, которая чаще всего имеет неустойчивый характер из-за нестабильной урожайности, непосредственно зависящей от природно-климатических условий (таблица 18). Одни регионы страдают от засухи, другие – от избыточного увлажнения, а нередко от засушливости в период вегетации растений и увлажнения в уборку.

По среднестатистическим данным и по результатам исследований ряда ученых, особенно «дорыночного» периода, биологические технологические и «техногенные» потери зерна составляют 15-20 млн тонн [61, 76, 108, 124, 371, [376].

Например, в результате затянувшейся в 2015 г. дождливой погоды в уборочный период в Свердловской области осталось неубранной около 30% зерновых культур, часть из которых осталась под снегом [299].

Высокая сезонная нагрузка по уборочной площади на зерновой комбайн и другие причины не позволяют завершить уборочный процесс в течение рекомендуемой наукой и практикой срока в 10-12 дней. За каждые последующие за названным сроком сутки, потери нарастают почти в геометрической прогрессии.

Таблица 18 – Динамика изменения площади посева под зерновыми культурами, урожайности и валового сбора зерна (после доработки) в Российской Федерации и Уральском федеральном округе [1)]

Годы	Российская Федерация			Уральский федеральный округ (УрФО)			Доля УрФО в РФ по		
	посевная площадь под зерновыми, тыс.га	урожай-ность, ц/га	валовый сбор зерна, млн т (после доработки)	посевная площадь под зерновыми, тыс.га	урожай-ность, ц/га	валовый сбор зерна, тыс. т (после доработки)	площади посева, %	урожай-ность, %	валовому сбору, %
2001	47241	19,4	85,1	4507	14,7	5239,2	9,5	0,757	6,1
2002	47470	19,6	86,5	4318	13,9	4380,2	9,1	0,71	5,1
2003	42195	17,8	66,9	4240	13,8	4125,2	10,0	0,77	6,2
3004	43745	18,8	77,8	4119	12,1	3253,8	9,4	0,64	4,2
2005	43765	18,5	77,8	3908	14,6	4809,4	8,9	0,79	6,2
2006	43174	18,9	78,2	3813	15,8	5615,1	8,8	0,84	7,2
2007	42265	19,8	81,5	3755	15,4	5257,3	8,8	0,77	6,5
2008	46742	23,8	108,2	3688	14,6	5151,8	7,9	0,62	4,8
2009	47553	22,7	97,1	3606	15,0	5327,4	11,2	0,66	5,5
2010	43194	18,3	61,0	3500	12,6	3969,0	7,6	0,68	5,5
2011	43575	22,4	94,2	3506	20,2	7302,4	8,1	0,92	7,7
2012	44439	18,3	70,9	3428	12,0	3411,9	7,7	0,65	4,8
2013	45812	22,0	92,4	3505	13,4	4319,0	7,2	0,61	4,6
2014	45705	24,1	105,3	3315	15,1	4549,3	7,3	0,63	4,3
2015	44067	23,7	104,8	3376,0	16,6	504	7,7	0,7	4,8
Среднее значение	44729	20,5	85,7	3775	14,7	4781,7	8,6	0,72	5,6
$К_у$	0,94	0,85	0,79	0,84	0,73	0,65	0,7	0,78	0,72

Составлено автором на основе известных официальных статистических данных. Источник [Национальный доклад о ходе и результатах программы реализации и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. №717 «О государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы»].

Таблица 19 - Динамика производства зерна в хозяйствах всех категорий в субъектах УрФО с расчетом коэффициента устойчивости [1)]

Годы	Значение показателей по субъектам УрФО			
	Курганская область	Свердловская область	Челябинская область	Тюменская область

	F, тыс./га	Y, т/га	Q, тыс.т	F, тыс./га	Y, т/га	Q, тыс.т	F, тыс./га	Y, т/га	Q, тыс.т	F, тыс./га	Y, т/га	Q, тыс.т
2000	1138,4	1,8	1084,5	508	1,21	604	1251,5	0,85	1051	683,2	1,74	1168
2001	1105,7	1,48	1434,5	507	1,63	802	1229	1,32	1600	696,4	2,41	1608
2002	1050,6	1,38	1141,5	500	1,66	800	1219	1,2	1405	659	2,1	1202
2003	820,3	1,32	914,8	492	1,54	705	1215	1,3	1433	581,1	2,03	1129
2004	917,5	1,28	786,6	480	1,24	548	1209	1,45	1585	612,6	1,93	1163
2005	937,3	1,38	1277,2	473	1,33	603	1207	1,33	1476	644,6	2,11	1330
2006	946.9	1,51	1426	455	1,63	720	1300	1,71	2120	665,4	2,09	1346
2007	1028,6	1,5	4522	448	1,36	586	1350	1,4	1886	612,6	2,08	1264
2008	1094,8	1,47	1595	431,3	1,47	630	1379	1,2	1588	689,1	1,96	1238
2009	1194	1,41	1673	397,2	1,71	676	1408	1,35	1880	719,9	2,2	1525
2010	1119,1	1,03	866	350,3	1,68	549	1471	0,55	692	707,7	1,78	1232
2011	1150	2,18	2402	363,9	2,12	763	1441	1,56	2219	715,5	2,7	1920
2012	1164,2	0.8	800	341,3	1,54	520	1409,4	0,54	689	697,2	1,85	1269
2013	1168,1	1,1	1140	350	1,75	611	1413,2	0,72	1032	692,9	1,94	1333
2014	1157,3	1,49	1267	347,2	2,3	661	1381,2	0,83	1140	694,9	2,16	1482
2015	1096,4	1,51	1620	342,5	1,87	630	1267	1,38	1698	692,1	1,95	1337
В среднем	1068	1,37	1309,4	424,2	1,61	650,5	1322	1,17	1424,6	672,7	2,06	1346,6
K_v	089	0,63	0,545	0,83	0,75	0,812	0,897	0,683	0,66	0,935	0,76	0,701

[1)] Составлено и рассчитано автором. Источники: [[1] (...), [2] (...), [3] (...), [4] (...); F - площадь посева, Y - урожайность, Q - объём производства после доработки]

[1] Курганская область в цифрах / Стат. сборник. Курган: территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Курганской области, 2015.

[2] Свердловская область в 2007-2011 годах / Стат. сборник. Екатеринбург: территориальный орган Федеральной службы статистики по Свердловской области, 2012.

[3] Челябинская область в 2011-2015 годах / Стат.сборник. Челябинск: Территориальный орган Федеральной службы гос.статистики по Челябинской области. 2015

[4] Тюменская область в цифрах / Стат.сборник. Тюмень. 2015

В связи с этим создается значительная разница даже между биологической урожайностью зерновых культур и «бункерным» весом обмолоченных хлебов [55], [301, 324, 395].

Проанализируем устойчивость динамики основных показателей производства зерна в стране и Уральском федеральном округе за период (2001-2014 гг.). 15 лет и определим изменение этих показателей в 2015-2019 годы.

Выполненный по доступным статистическим данным (табл. 18, 19) расчет коэффициента устойчивости показывает, что по посевной площади, урожайности и валовому сбору зерна его значения по России превышают «уральские» и составляют: по посевной площади $К_у$=0,94; урожайности $К_у$=0,85; валовому сбору зерна $К_у$=0,79. По УрФО соответственно 0,845; 0,718 и 0,646.

Определив уровень устойчивости производства зерна по названным показателям для всех зернопроизводящих регионов страны, можно воспользоваться этими данными при выборе приоритетов в размещении производства зернопродуктов, оценить изменения в последующие пять лет.

Однако решить данную задачу можно, по нашему мнению, лишь в соответствующих институциональных условиях, особенно при гарантированном государственном заказе и при достаточном субсидировании зернопроизводителей.

При этом крупные частные зернопроизводящие организации могут и не быть в приоритетах по господдержке при низкой устойчивости динамики основных экономических показателей и отказе их от развития сельских территорий, где они располагаются.

Однако, как показывает практика, немалая государственная поддержка оказывается именно крупным зернопроизводителям, независимо от отдачи вложенных средств и состояния входящих в их состав сельских поселений. А потому, важно знать, при каких вложениях по господдержке обеспечивается высокая рентабельность и производительность труда при производстве зерна не только в каждом зернопроизводящем регионе, но и в крупных сельскохозяйственных структурах.

Автором диссертации сделана попытка решить данную задачу в условиях Свердловской области. На основе группировки выявлена зависимость между уровнем господдержки, рентабельностью, производительностью труда и фондоотдачей (таблица 20).

Таблица 20 – Группировка, выявляющая зависимость основных показателей рентабельности (производительности труда и фондоотдачи) от уровня государственной поддержки сельхозорганизаций, производящих зерно в условиях Свердловской области [1)]

Группы по уровню государственно-региональной поддержки, тыс.руб.	Середина интервала	Число организаций, ед.	Уровень рентабельности производства зерна, %	Производительность труда, тыс. руб./чел.	Фондоотдача, руб.
До 1500	750	10	6,8	138,4	0,73
1501-3000	2250	8	8,7	151,7	0,82
3001-4500	3750	6	12,0	165,3	0,9
4501-6000	5250	4	15,6	183,2	0,95
Более 6000	>6000	3	14,0	179,6	0,95
В среднем по агроорганизациям	-	всего 31	11,42	163,6	0,87

[1)] Составлено автором по годовым отчетам агроорганизаций, в структуре производства которых зерновые составляют не менее 25%

При возрастании господдержки на 1500 тыс. руб., рентабельность производства зерна увеличивается на 2,6%, производительность труда – на 8,2 тыс.руб./чел., фондоотдача – на 0,46 руб.

Расчетные показатели свидетельствуют о том, что наиболее высокий уровень рентабельности у тех сельскохозяйственных организаций, которые получают государственную поддержку на развитие зернопроизводства на уровне 4,5-6 млн руб. ежегодно. Однако здесь следует учитывать еще и природно-климатические зоны, отличающиеся уровнем качества почв, агроландшафтными показателями, степенью технической оснащенности и обеспеченностью квалифицированными кадрами работников основных профессий и специалистами

в сфере управления. Именно эти условия повлияли на хозяйства пятой группы, уровень господдержки которых превышает рубеж в 4,5-6,0 млн рублей.

Рентабельность зернопроизводства тесно связана с урожайностью и уровнем товарности зерна. Разработанная автором группировка по выявлению зависимости между этими показателями в хозяйствах Курганской области (таблица 21), позволяет определить количественную зависимость уровня рентабельности от двух названных факторов. Хотя степень влияния на рентабельность урожайности происходит в основном через товарность. В противном случае агропредпринимательская деятельность не имеет практического смысла.

Таблица 21 – Группировка, выявляющая зависимость рентабельности зернопроизводящих организаций Курганской области от урожайности зерна и уровня его товарности по среднемноголетним значениям [1)]

Группы по уровню рентабельности, %	Середина интервала	Количество агроорганизаций, ед.	Урожайность, ц/га	Уровень товарности, %
	У		X_1	X_2
До 10	ДО 10	8	12,9	28
10,1-20	15	10	14,6	32
20,1-30	25	7	16,9	39
30,1-40	35	5	18,4	44
40,1 -50	45	3	22,2	56
Более 50	более 50	2	25,3	65
В среднем	-	Всего: 35		

1) Составлено автором по отчетным материалам сельскохозяйственных организаций, функционирующих с положительной рентабельностью при производстве зерна.

Корреляционно-регрессионным анализом подтверждается такая зависимость уровня рентабельности от урожайности и товарности. В результате выполненного автором расчета (приложение 2) с более развернутыми данными по компьютерной программе «Корреляционно-регрессионный анализ» было получено следующее уравнение регрессии:

$$У=24,4+1,061\ X_1+0,53\ X_2 \quad (14)$$

Данная модель является значимой, так как коэффициент корреляции по X_1 равен 0,99403, а по X_2 – 0,9797. Коэффициент детерминации (R^2) по многофакторной модели составил 0,9961.

Значит, 99,61% общей вариации результативного признака объясняется вариацией факторных признаков.

На основе сравнения коэффициента эластичности по абсолютной величине, признак «рентабельность» более всего чувствителен к изменению факторного признака «товарность». Наибольшее влияние на результативный признак оказывает фактор «урожайность».

Дальнейший анализ за 2015-2019 гг. по уровню государственной региональной поддержки в Свердловской области сельскохозяйственных организаций, занимающихся производством зерна показал, что объем сельскохозяйственных угодий в целом уменьшился только на 0,4% (с 2578,5 тыс.га до 2570,9 тыс.га). Значительно уменьшилась убыль сельского населения: с 4786 чел. до 736 чел., что позволило при внедрении комплекса мероприятий за пять лет сохранить количество рабочих мест. Увеличился валовый сбор зерна (в весе после доработки) с 630 до 708 тыс. тонн, а также его урожайность с 18,7 до 22,3 центнеров с гектара убранной площади.

На основе реализации 7 основных программных документов развитие Свердловской области до 2024 года, после 2018 года заметно снизилась государственная поддержка сельскохозяйственного производства и социального развития села с 5583,7 млн руб. до 4249,8 млн руб. Но как уже отмечалось в диссертационном исследовании, приоритет в оказании государственной поддержке отдавался крупным, а иногда и средним сельскохозяйственным организациям (5169,7 млн руб. в 2019 году), в том числе производящим зерно.

Всего в Свердловской области зерновые культуры выращивают 118 организаций, которые в основном специализируются на зерне фуражном. За период 2015-2019 гг. его объемы увеличились на 12% и есть тенденции к устойчивости в пределах существующих показателей.

Следующая системообразующая подсистема агроэкономической системы региона – молочное животноводство, которое по производству молока и молокопродуктов в регионе составляет в среднем 6,4% от общероссийского уровня. Динамика объемов производства молока в регионе и стране довольно устойчива, $К_у$ = 0,912 (в РФ – 0,95), в разрезе областей УрФО $К_у$ составил: 0,784 – Курганская область; 0,934 – Свердловская область; 0,879 – Челябинская область; 0,91 – Тюменская области. Расчет данного коэффициента представлен в приложениях 4 и 5.

Результаты расчёта $К_у$ по системообразующим подотраслям даны в таблице 22.

Таблица 22 – Значения коэффициента устойчивости производства продукции системообразующих подотраслей в хозяйствах всех категорий субъектов УрФО [1)]

Вид продукции	Объекты для расчёта $К_у$	Значение $К_у$ по субъектам УрФО			
		Курганская область	Свердловская область	Челябинская область	Тюменская область
Зерно	Посевная площадь	0,89	0,83	0,897	0,935
	Урожайность	0,63	0,75	0,683	0,76
	Объем производства	0,545	0,812	0,66	0,701
Молоко	Объем производства	0,784	0,934	0,879	0,91
Мясо птицы	Объем производства	0,83	0,81	0,486	0,794
Яйца	Объем производства	0,622	0,866	0,83	0,87

[1)] Составлено автором из рассчитанных им результатов, изложенных в приложениях.

Следует заметить, что представленные выше системообразующие подотрасли (птицеводство, зернопроизводство и молочное животноводство) непосредственно связаны с производством комбикормов, поэтому и эту подотрасль можно подключить к системообразующим. Однако, неустойчивость экономических отношений в системе «зерно-комбикорма» является сдерживающим фактором в подключении данной подотрасли к мультипликатору развития других подотраслей, особенно к зернопроизводству.

Неустойчивость ценовых соотношений между зерно- и производителями комбикормов вынуждает сельскохозяйственные организации производить комбикорма на собственных ресурсах. Такая тенденция характерна, например, для Свердловской области, где её комбикормовые заводы используют в качестве сырья свое фуражное зерно и сельских хозяйств Оренбургской и Курганской областей. Основная причина – несогласие свердловских зернопроизводителей поставлять зерно комбикормовым заводам по заниженной цене.

Наличие ценовых разногласий можно пояснить разными моделями рынка, в которых находятся «зерновики» и производители комбикормов. Первые функционирую в модели близкой к совершенной конкуренции, а вторые – к олигополии.

Например, в Свердловской области действует четыре организации производящие комбикорма: ОАО «Богдановический комбикормовый завод» (годовой объем производства 30 тыс. тонн с долей внутриобластного рынка 14%); ООО «Кольцовский комбикормовый завод» (объём производства 18 тыс. тонн, с долей рынка 8,5%); ОАО «Ирбитское хлебопредприятие» (объём производства 30 тыс. тонн, доля рынка 14,3%); ОАО «Свердловский комбинат хлебопродуктов» (объем производства 6 тыс. тонн с долей рынка 5,2%) [260].

При ежегодном производстве с 2015 до 2019 годов комбикормов в Свердловской области в пределах 64000-65000 тыс. тонн, их не хватает для устойчивого обеспечения кормовой базы, что заставляет приобретать корма в других регионах [249].

Определенная зависимость проявляется и между изменчивостью цен на птицепродукцию и цен на фуражную пшеницу, используемой при производстве комбикормов (приложение 3).

Общая ситуация в России по комбикормам, которых в 2020 году произведено 30,8 млн тонн, при средней цене 16609 руб. за тонну, достаточно сложная. Из-за приостановления работы китайских производителей кормов на фоне распространения COVID-19, возник дефицит, а потому по многим компонентам цена увеличится в среднем на 30%.

Отечественное производство кормов значительно зависит от импорта, поскольку 90% кормовых добавок в России не производится, особенно витамины, аминокислоты, антибиотики, премиксы. Требуются срочные меры государственной и региональной поддержки в рамках реализации Доктрины продовольственной безопасности и проекта развития агроэкспорта. Следует понимать, что кормопроизводство как мультипликатор, определяет состояние мясного и молочного животноводства.

Анализ научной и методической литературы показывает, что в настоящее время не существует универсальных методов определения степени устойчивости развития подотраслей агроэкономической системы региона. Приведенная в диссертационном исследовании методика оценки устойчивости базовых, системообразующих подотраслей агроэкономической системы региона, выступающих в роли мультипликаторов, создающих «ядро» развития, может служить основанием анализа и оценки агроэкономической системы регионального уровня.

Концептуально устойчивость каждого мультипликатора (подотрасли) в нашем понимании остается неотъемлемым качественным производственным процессом, проявлением качества элемента действующего организационно-экономического механизма. При таком подходе можно оценить двойственную природу устойчивости: с одной стороны, это саморегулирование, самосохранение, а с другой – адаптация с формами государственного регулирования, государственной поддержки, кооперации и кластерного сотрудничества. Для государственного регулирования важны инструменты индикативного планирования, представляющие собой систему государственного партнерства. Государственная поддержка вбирает в себя программы развития агроэкономической системы, сельских территорий, трансферты, субсидии, льготное налогообложение и кредитование. Кооперация расширяет взаимовыгодное партнерство, а кластерная интеграция становится условием инновационного сотрудничества. Для устойчивого развития птицеводства, производства зерна и молочного производства, конечно же, нужны

инновационные процессы, в том числе при создании кластеров. С их помощью можно внедрять изменения, которые пока еще носят точечный характер, но в дальнейшем позволяют перевести постепенно все в систему качественных преобразований. Сдерживает этот процесс нехватка собственных средств, ограниченность инвестиций, ограниченный доступ к кредитным ресурсам.

При выборе путей развития каждый мультипликатор, как «ядро» для действий системного характера, может сделать выбор как по виду, так и по типу устойчивости. Виды известны: организационная, производственная и финансовая. Для выбора типа устойчивости важно оценить финансовые возможности.

В нашем анализе исключительно перспективными для абсолютной устойчивости агроэкономической системы региона подходят подотрасли птицеводства и молочного животноводства с технологиями глубокой переработки молока. Абсолютная устойчивость позволяет применять высокие и интенсивные технологии, иметь условия для расширенного воспроизводства.

Оптимальная устойчивость важна для производства зерна. Уральский федеральный округ по природно-климатическим условиям не относится к «зерновым житницам» страны, но его агроэкономические системы могут стабильно оставаться производителями фуражного зерна. Если произойдет увеличение посевных площадей, то этот ресурс, при государственной поддержке, может быть увеличен, без потери уже достигнутой устойчивости.

Суть мультипликаторного развития в многолетних исследованиях ученых [261], состоит в том, что вкладывая инвестиции в наиболее доходные под отрасли и виды предпринимательской деятельности, с которыми тесно взаимодействуют другие сферы АПК и отдельные малодоходные подотрасли аграрного направления, включаемые в интеграцию с отраслью мультипликатором.

3.3 Методика оценки состояния социально-трудовой сферы сельских территорий региона

Социально-трудовая сфера – особая область научной и практической деятельности на всех уровнях экономики, имеющая цель создания условий для повышения эффективности труда и социального развития. Вместе с тем, это специфическая область взаимосвязей и правоотношений, по поводу воспроизводства, развития и сохранения социально-трудового потенциала в целях устойчивого социально-экономического развития.

Социально-трудовая сфера включает в себя городскую и сельскую территорию, а системообразующим фактором для них является все население, проживающее в них. Социально-трудовая сфера сельской местности – это единство и взаимообусловленность трудовых и социальных отношений населения, проживающего вне городских агломераций. Она достаточно полно отражает все фазы воспроизводства рабочей силы на селе и его социальное сопровождение.

Социально-трудовая сфера, структурно имеет несколько взаимосвязанных элементов: социальная сфера с отраслями социального и культурного свойства; рынок труда, включающий службы занятости и переподготовку кадров; мотивационные ресурсы производительного труда (системы оплаты труда, социальная и материальная поддержка и т.п.); воспроизводство рабочей силы и условия взаимодействия работника со средствами и предметами труда (социальная защита, социальное обеспечение, социальное страхование, социальное партнерство, охрана труда и т.д.).

При исследовании функционирования социально-трудовой сферы сельских территорий, были выявлены различные подходы к этой проблематике ученых и практиков, которые, тем не менее, единодушны в том, что при оценке уровня экономического развития отдельно взятой страны, не обойтись без анализа уровня жизни граждан, проживающих в сельских поселениях, присутствия в них малых форм предпринимательства, взаимодействия хозяйствующих субъектов с другими сферами производства и потребления.

Одни авторы предлагают такую оценку осуществлять на основе совокупности показателей, выражающих уровень жизни населения: заработная

плата, темпы увеличения прожиточного минимума, занятость уровень безработицы, дифференциация населения по уровню доходов [55, 262, 270, 314, 373].

Другие авторы связывают оценочные процедуры с необходимостью достижения показателей уровня жизни граждан, проживающих в сельской местности, поскольку их доход заметно отличается от городских поселений, а интенсивность вовлечения в трудовой процесс примерно одинакова [29].

Исследователи предлагают оценивать обеспеченность социально-трудовой сферы объектами социальной инфраструктуры, которые влияют на воспроизводство рабочей силы, на удовлетворенность от социальных и культурно-бытовых услуг, улучшения демографических показателей [244, 17, 21, 155, 327].

В анализируемых публикациях выражена обеспокоенность продолжающимся оттоком населения в крупные города, несмотря на многочисленные попытки федеральной власти выровнять показатель уровня жизни жителей сел и городов [73, 66, 330].

В связи с этим исследование проблем устойчивого развития сельских территории и нахождение путей их решения остается важной задачей государства для его дальнейшего существования в условиях рыночной экономики и может рассматриваться как национальный проект.

По мнению диссертанта, необходимо различать уровень жизни как комплекс характеризующих его показателей, как уровень удовлетворения населения в материальных и духовных благах, с одной стороны, и условия, обеспечивающие устойчивость достигнутого уровня жизни – с другой. К основному условию можно отнести степень устойчивости функционирования и развития социальной инфраструктуры сельских территорий, обеспечиваемую уровнем устойчивости экономики расположенных на них агроэкономической системы. В определенной мере, уровень личного потребления будет определяться состоянием агропредпринимательской деятельности в ее воспроизводственной и мотивационной функциях. С другой стороны, устойчивость данной деятельности

будет зависеть: от достигнутого социально-экономического уровня развития страны и ее регионов; от состояния агропродовольственной политики и институциональной сферы; от установленных правил «игры» на продовольственном рынке; от самого «человеческого потенциала» (человеческого капитала) – важнейшего условия достижения конкурентоспособности аграрных хозяйств.

Во многих публикациях, касающихся данного понятия на различных уровнях, в нем непременными составляющими являются труд и оплата труда.

В многочисленных публикациях, начиная с Т. Мена, У. Петти, А. Смита, К. Маркса, У. Томпсона и других представителей прошлых столетий, непременно присутствуют труд и его оплата. Авторы последующих научных изысканий, повторяя высказывания основоположников, вносили свои дополнения в более широкое понятие – «человеческий капитал», уделяя внимание не только обоснованию его сущности, но и методическим подходам к определению количественных показателей.

Среди известных форм человеческого капитала, сущность которого традиционно представляется, как накопленные затраты на общее образование, специальную подготовку, здравоохранение и перемещение рабочей силы, наиболее приемлемым для агроэкономической системы является человеческий капитал территории (региона или муниципального образования), формирующийся в условиях низкого уровня жизни сельского населения.

Автором разработаны условия и факторы, влияющие на повышение уровня жизни населения сельских территорий с учетом сохранения и развития объектов социальной инфраструктуры. Они представлены на рис. 6 с демонстрацией трех уровней: экономического, социального и социально-экономического (агрегированного, смешанного), хотя почти в каждом экономическом факторе присутствует элемент социального.

В пункте 1.1. содержится непосредственно свобода в выборе вида предпринимательской деятельности, приносящая предпринимателю определенное удовлетворение.

Рис. 6 – Условия и факторы, обеспечивающие повышение уровня жизни населения сельских территорий объектами социальной инфраструктуры

Деятельность представителей малых форм предпринимательства позволяет, насколько это возможно, сохранить исторически сложившиеся агроландшафты и сельскохозяйственные угодья.

В п.1.2. указана оплата труда, как мотивационный элемент повышения его производительности. В п.1.3. – сельскохозяйственная кооперация рассматривается своеобразным защитником социально-экономических интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей, что подтверждается зарубежным опытом.

В п.1.4. – устойчивое развитие аграрных организаций способствует наполнению бюджетов муниципалитетов, повышающих гарантию поддержания ими социальной инфраструктуры сельского района, в которых расположены эти хозяйства.

В п. 1.5. – преодоление ценового диспаритета позволит укрепить экономику сельскохозяйственных организаций, что будет являться гарантией повышения уровня заработной платы их работников.

Можно заметить, что и в социальных элементах, и в факторах содержится экономическая составляющая. Так сохранность социальной инфраструктуры в сельских населенных пунктах (п.2.1.) обеспечит закрепление профессиональных кадров основных работников и специалистов, что укрепит экономику сельскохозяйственных организаций и повысит их конкурентоспособность.

В этом же направлении «работают» и пункты 2.2., 2.3. и 2.4. В п.2.5. (возможность повышения квалификации) экономическая составляющая состоит в том, что данный процесс затрагивает мотивационную сторону - оплату труда, непосредственно зависящую от уровня квалификации работников, а также возможный карьерный рост.

Составляющая п.2.6. (сохранность сельского образа жизни) связана с п.3.4. – сохранностью малых сельских поселений, сокращение которых в России происходит уже на протяжении нескольких десятилетий.

Проанализируем состояние некоторых важных показателей социально-трудовой сферы села, связанных с оплатой труда, демографической ситуацией в

исследуемом регионе, занятостью сельского населения, обеспеченностью трудовыми ресурсами.

При изучении уровня доходов и заработной платы целесообразно учитывать не только общие характеристики уровня и качества жизни в регионе, но и их дифференциацию по социально-демографическим, профессиональным и доходным группам населения с использованием для измерения соответствующих показателей системы индикаторов (интегральных и частных, натуральных и стоимостных). Об этом в разное время утверждали отечественные исследователи [33, 42, 168, 283, 19].

Одно из важных направлений повышения уровня и качества жизни - рост занятости, усиление социальной защищенности населения и преодоление бедности. Причем в качество жизни включается не только уровень потребления товаров и услуг, но и комплекс других характеристик: уровень заболеваемости, обеспечение прав человека, средняя продолжительность жизни, условия труда, степень социальной защищенности населения, свобода выбора места работы, улучшение социальной среды и другие [283].

Оплата труда – основа мотивационного воздействия на трудовые коллективы с целью повышения производительности труда. Однако по каноническим представлениям уровень заработной платы не должен опережать темпы производительности труда, что в современных условиях, по нашему мнению, сдерживает развитие аграрного сектора экономики, состояние которого в регионе было проанализировано в предыдущих разделах диссертационной работы. Сложилось, как в шахматах, «патовая» ситуация: повышение заработной платы невозможно из-за низкой производительности, а рост производительности невозможен без повышения заработной платы. Где же выход? Очевидно, что необходимо на системной основе мотивировать работника на производительный труд, повысив ему заработную плату до такого уровня, который реально позволит повысить производительность, при необходимых технологических изменениях.

Однако для этого в управленческой деятельности сельскохозяйственной организации необходимо предусмотреть соответствующий регулирующий

механизм мониторинга данного соотношения, а также ответственности за выполнение» договора о трудовых отношениях между управляющей структурой трудовыми коллективами сельскохозяйственных организаций.

Поскольку работа над диссертационным исследованием велась более десяти лет, будет методически целесообразным проанализировать динамику показателей, выражающих соотношение производительности и оплаты труда в аграрной сфере РФ, УрФО и его субъектах, на основе которой можно определить соотношение темпов их прироста за 2010-2014 годы, а затем сравнить их с достигнутыми к 2020 году.

Расчет, результаты которого представлены в таблице 23, выполняем по следующему, предлагаемому диссертантом, математическому выражению:

$$\Delta ПТ = \left[\frac{\frac{ВП_к}{N_к} \Big/ \frac{ВП_б}{N_б}}{t} \right] \cdot 100.\% \quad , \quad (15)$$

$$\Delta ПТ = \left[\frac{\frac{ЗП_к}{ЗП_б}}{t} \right] \cdot 100.\%. \quad (16)$$

где ΔПТ, ΔЗП – среднегодовой прирост соответственно производительности и оплаты труда, %;

$ВП_К$, $ВП_б$ – валовая продукция сельского хозяйства соответственно в конце и начале рассматриваемого периода, млн руб.;

$ЗП_К$, $ЗП_б$ – заработная плата в сельском хозяйстве соответственно в начале и конце периода, руб.;

$N_К$, $N_б$ – численность работающего в сельском хозяйстве населения, чел.;

t – период рассматриваемой динамики, лет

Предварительный расчет показывает, что темпы прироста производительности труда за период 2010-2014 гг. опережают темпы нарастания его оплаты: в РФ на 23,7% (43,34: 39,88), в УрФО – на 4,2% (35,1: 38,74); в

Свердловской области – на 14,1%, по Курганской – отстают в два раза, в Тюменской прирост составляет 14,2%, по Челябинской – (+22,6%).

Однако представленные результаты требуют уточнения, что связано с инфляцией и снижением численности работающего в сельском хозяйстве населения.

Если принять, что ежегодный рост отпускных цен на продукты в среднем составляет 7%, то за пятилетие (2010-2014 гг.) увеличение составило 35%. Именно на такую величину следует, по нашему мнению, снизить стоимость валовой продукции сельского хозяйства на всех рассматриваемых территориальных уровнях. Тогда ни в одном из рассматриваемых регионов темпы прироста производительности труда не превысят данный показатель по заработной плате. В этом случае наибольшее значение данного соотношения будет в среднем по стране и составит 8,3%, (23,7х0,35), что можно принять за ежегодный норматив повышения заработной платы, прирост которого не превысит производительность труда. По другим территориям данный норматив составит: для Свердловской области – 4,93%, Тюменской – 4,97%, Челябинской - 7,91%. В Курганской области прирост возможен только в случае снижения совокупного риска сельскохозяйственного производства и повышения государственной поддержки.

Фактический ежегодный прирост заработной платы превышает расчетный и составляет: по стране 13,8%, по УрФО – 14%, по Свердловской области – 11%, Курганской – 13,8%, Тюменской – 12,5% и Челябинской – 18,2%.

Учитывая, что реальная заработная плата ниже номинальной, а темпы прироста рыночных цен на конечные виды продовольствия превышают уровень прироста оплаты труда в сельском хозяйстве, целесообразно скорректировать их соотношение приростом государственной поддержки агроэкономическим системам.

Таблица 23 – Расчет соотношения темпов роста производительности и оплаты труда в Российской Федерации, Уральском федеральном округе и в его субъектах за период 2010-2014 гг. [1)]

Территории	Валовая продукция сельского хозяйства, млн руб.		Население (работники сельского хозяйства), чел.		Производительность труда, тыс.руб. на 1 работника		Заработная плата, руб./месяц		Рост за период 2010-2014 гг., %		Среднегодовой прирост, %	
	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.
Российская Федерация	2507751	4825560	1709524	136093	1467	3180	10125	17150	216,7	169,4	43,34	33,88
Уральский федеральный округ (УрФО)	173700	254400	104075	86694	1669	2934	11177	18858	175,8	168,7	35,16	33,74
Субъекты УрФО (области):												
Свердловская	44500	65900	31762	27048	1401	2436	13003	19747	179,8	152,0	34,7	30,4
Курганская	20800	33400	15693	11423	3325	2924	7898	14099	88,0	178,5	17,6	35,7
Тюменская	45200	66700	25655	21001	1462	3344	12492	19945	228,7	199,5	45,7	40,0
Челябинская	60,2	88,4	30965	27822	1944	4621	9875	19133	237,7	193,7	47,5	38,74

[1)] Рассчитано автором на основе известных данных. Источники: 1) Статсборник «Свердловская область в 2010-2014 годах». Территориальный орган Федеральной службы госстатистики по Свердловской области. - Екатеринбург, 2015.; 2) Статсборник «Регионы Уральского федерального округа: итоги экономического и социального развития в 2010-2014 годах». Территор. орган Федерал, службы госстатистики по Свердловской области. - Екатеринбург, 2015.; 3) Статсборник «Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Свердловской области». Территор. орган Федерал, службы госстатистики по Свердловской области. - Екатеринбург, 2015.; 4) Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2013 г. «Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее реализации. - М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2014.

Темпы ее ежегодного приращения не должны быть ниже инфляционного роста розничных цен на сельхозпродукты. Однако, в начале необходимо компенсировать почти двухтриллионную кредиторскую задолженность сельскохозяйственных организаций.

Возникает необходимость в предотвращении нежелательного для аграрных хозяйств и сельских территорий миграционных процессов, связывающих переток рабочей силы из одних агрохозяйств и районов в другие. Это приводит к нарушению производственных процессов и снижению инвестиционной привлекательности сельских территорий.

Поэтому возникает необходимость в сглаживании неравенства в уровнях жизни населения в разных регионах путем сопоставления фактических его показателей с нормативными, то есть по степени удовлетворения потребностей населения в жизненных благах и различного рода услугах.

Положительное решение данной задачи просматривается через сбалансированность социально-экономического развития регионов, в котором важное место занимают трудовые ресурсы, мотивационное «завлечение» которых в другие районы, как и прежде, происходит по уровню заработной платы.

Производительность труда остается количественным показателем результативности трудовой деятельности не только конкретного работника, но и предприятия, отрасли в целом, агроэкономической системы в частности. Она выражается двумя показателями: выработкой одного работника и трудоемкостью единицы продукции.

К 2020 году индекс производительности труда в Российской Федерации составил 102,6%, в то время как в 2014 году он составлял 100,8%. В УрФО такие изменения выглядят следующим образом: Курганская область: 2014 г. – 99,2%, 2019 г. – 104,8%; Свердловская область: 2014 г. – 102,3%, 2019 г. – 101,0%; Тюменская область (вместе с ХМАО и ЯНАО): 2014 г. – 98,0%, 2019 г. – 101,3%; Челябинская область: 2014 г. – 103,8%, 2019 г. – 98,5% [113].

Индекс производительности труда по экономике региона в целом рассчитывается как частное от деления индексов физического объема ВРП и

изменения совокупных затрат труда. Индекс физического объема ВРП рассчитывается исходя из абсолютных значений этого показателя в постоянных ценах. Эти расчеты осуществляются на основе методики, утвержденной приказом Росстата №374 от 28.04.2018 г. Снижение показателей наблюдается по Свердловской и Челябинской областям, что свидетельствует об увеличении количества неэффективных рабочих мест, отставании в автоматизации производства и сокращении инвестиций.

Следует заметить, что за период с 2015 года произошло уменьшение значительного количества публикаций по статистическим данным, что не позволяет проводить и далее подробные расчеты в научных исследованиях.

Изменения индекса производительности труда в УрФО зависит от взаимных изменений двух его составляющих параметров – объемов производства продукции и среднегодовой численности занятых в агроэкономической системе.

Применяя факторный анализ, можно заметить, что по ряду регионов снижение численности занятых влияет на рост производительности труда. Вместе с тем, рост производительности зависит и от увеличения масштабов производства, укрупнения хозяйств. Эта проблематика может быть предметом дополнительного исследования, но ясно и другое: стремление к росту производительности труда должно подкрепляться занятостью населения, проживающему в конкретной сельской местности.

Тем не менее, анализ материалов статистического сборника «Сельское хозяйство России 2019» свидетельствует о том, что в нем вообще не содержится сведений по оплате труда в агроэкономической системе страны, кроме некоторых цифр в структуре затрат.

В соответствии со статьей 8 Федерального закона «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» Правительства Российской Федерации Постановлением от 27.12.2012 №1404, в редакции от 22.04.2015 №381 утвердило Положение об условиях предоставления первичных статистических данных. Многие из них переведены в разряд данных конфиденциального характера [241].

В структуре затрат на производство и продажу продукции (товаров, работ, услуг) организаций, осуществляющих деятельность в области растениеводства, животноводства, охоты и предоставления соответствующих услуг в этих областях, указано, что затраты на оплату труда с 2014 года стабильно снижаются. В 2014 году по стране (в процентах к итогу) они составляли 15,6%, в 2015 году – 14,6%, в 2016 году – 13,2%, в 2017 году – 13,7%, в 2018 году – 13,6%, в 2019 году – 13,3%. Эти данные без субъектов малого предпринимательства.

Вместе с тем возросла суммарная просроченная задолженность: с 22,1 млрд руб. в 2014 году до 144,1 млрд руб. к началу 2020 года.

Соответственно, увеличилось и число организаций, имеющих просроченную кредиторскую задолженность с 1,0 в 2014 году до 23,9 к началу 2020 года.

Если удельный вес прибыльных организаций в агроэкономической системе в 2014 году составлял 26,4 тысяч, то к началу 2020 года уже 50,7 тысяч [294].

Министерство экономического развития РФ опубликовало пресс-релиз о деловой активности в стране на декабрь 2019 года [120]. При увеличении показателей деловой активности (ВВП) в агроэкономической системе (сельском хозяйстве), до 4,1% к началу 2020 года, по сравнению с 2,3% в 2014 году, аналитических данных по оплате труда в нем тоже нет.

Ученым остается интересным для исследования Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2019 году программы развития сельского хозяйства [265], но в нем показатели по оплате труда тоже отсутствуют.

По нашим расчетам в таблице 26, заработная плата по УрФО в 2014 году составляла 18858 руб./месяц. В 2019 году размер среднемесячной зарплаты работников сельского хозяйства назван в размере 28608 руб. (без учета субъектов малого предпринимательства), а в процентах к средней по сельскому хозяйству в РФ – 98,9% Прирост по стране составил 13,7%, а по УрФО – 26,5% (рассчитано в данным ЕМИСС).

Во многом на это увеличение размера заработной платы повлиял вступивший в силу Федеральный закон от 07.03.2018 №41-ФЗ «О внесении

изменения в статью 1 Федерального закона». О минимальном размере оплаты труда, согласно которому минимальный размер оплаты труда вырос до 100% прожиточного минимума трудоспособного населения. До 2018 года минимальный размер оплаты труда был равен 7800 руб. С января 2018 года его повышение составило на 1689 руб. (до 9489 руб.). Для трудоспособного населения в УрФО его величина в 2021 году колеблется от 11516 руб. в Курганской области до 12376 руб. в Тюменской области (без ЯНАО и ХМАО). Однако в агроэкономической системе отставание в доходности аграрного труда остается социально и экономически несправедливым. По мнению С.В. Дульзона [98], это не позволяет оплате труда выполнять свою воспроизводственную функцию. Увеличение фонда оплаты труда маловероятно осуществить в ближайшее время, поскольку необходимы высокие показатели роста прибыльности.

Следовательно, за анализируемый период экономический закон с нормой, что повышение заработной платы должно сопровождаться опережающим ростом производительности труда в агроэкономических системах УрФО не выдерживается.

Для науки всегда существенной задачей остается поиск вариантов устранения проблемы и разработка предложений, даже если возникла преграда, связанная с недоступностью многих подробных статистических данных с 2015 года (остались только агрегированные). А потому дальнейший анализ и сравнение по ранее апробированным методам стало невозможным. Тем не менее, проанализируем в разрезе субъектов РФ соотношение среднемесячной заработной платы в агроэкономической системе (сельском хозяйстве) с аналогичным показателем по экономике страны и рассчитаем долю повышения господдержки, выделяемой регионам на выравнивание уровня оплаты труда между субъектами (таблица 24).

Таблица 24 - Расчет доли повышения государственной поддержки сельского хозяйства в субъектах РФ, выделяемой для выравнивания их по уровню оплаты труда [1)]

Федеральные округа / Показатели	Центральный ФО	Северо-западный ФО	Южный ФО	Северо-Кавказский ФО	Приволжский ФО	Уральский ФО	Сибирский ФО	Дальне-Восточный ФО	В среднем:
Соотношение зарплаты в сельском хозяйстве и в экономике, %	49,2	63,1	70,4	66,4	57	48,3	53,5	55,0	57,8
Количество субъектов	18	12	6	7	14	4	12	9	
Соотношение доли зарплаты в сельском хозяйстве к среднему по округам,%	85,1	109,2	122,0	114,8	98,6	83,5	92,5	95,0	100
Отклонение от средней величины, %	27,3	51,4	64,2	58,6	40,8	25,7	34,7	37,2	42,5
Предлагаемый рост господдержки на повышение оплаты труда, % ($К_п$)	72,7	45,6	35,8	41,4	59,2	74,3	65,3	62,8	57,1

[1)] Рассчитано автором на основе официальных статистических данных.

Выравнивание соотношения доли оплаты труда в сельском хозяйстве между субъектами РФ на основе дополнительной господдержки предлагается осуществлять через коэффициент, рассчитываемый по предлагаемому диссертантом математическому выражению:

$$к_п = 100 - \left(\frac{З_п}{\sum_{i=1}^{n} ЗП_i / n} - \overline{ЗП} \right), \quad (17)$$

где $К_п$ – распределительный коэффициент по господдержке, %;

$ЗП_i$ – соотношение заработной платы в сельском хозяйстве и в экономике в целом в i-ом федеральном округе РФ, %;

$\overline{ЗП}$ – среднее значение этого же показателя, %;

n – количество федеральных округов.

Выравнивание уровней оплаты труда по данному коэффициенту позволит создать примерно одинаковые мотивационные условия в регионах и стабилизировать миграционный процесс.

В условиях исследуемого региона, по расчетам диссертанта, $К_п$ составил: для аграрных хозяйств Свердловской области 51,6; Курганской – 38,4; Тюменской – 93,0, Челябинской – 47,2.

Анализируя состояние социально-трудовой сферы села, диссертант при наличии подробных стратегических данных дал оценку характеру соотношения производительности труда и изменениям в численности работников сельского хозяйства. Данное соотношение позволяет проследить уровень проявления инновационных процессов в аграрном секторе конкретного региона на основе технической модернизации.

Для наглядности данное соотношение представлено в виде таблицы (таблица 25).

Сопоставляя темпы изменения (роста) производительности труда и численности работников сельского хозяйства субъектов УрФО, рассчитанных на основе данных официальной статистики, можно сделать вывод о превышении роста первого показателя над вторым, что можно считать явлением положительным. В лучшем положении по данному соотношению находились Тюменская и Челябинская области.

Таблица 25 – Расчет соотношения темпов роста производительности труда в сельском хозяйстве субъектов УрФО и сокращения работающих в нем [1)]

Субъекты УрФО (области)		Значение показателей				
		2010	2014	ΔПТ, %	ΔN, %	ΔПТ / ΔN
Свердловская	ПТ [2)]	490	734	49,8	-	в 3,3раза
	N	31762	27048	-	14,8	
Курганская	ПТ	1339	1023	23,1	-	на 0,86%
	N	15693	11423	-	27,2	
Тюменская	ПТ	512	1170	128,5	-	в 7,1 раза
	N	25655	21001	-	18,1	
Челябинская	ПТ	681	1112	63,3	-	в 5,3 раза
	N	30965	27222	-	12,1	

[1)] Рассчитано автором на основе известных официальных данных из статсборников. Источники: Статсборник «Сельское хозяйство, охота и лесоводство в Свердловской области». - Екатеринбург, 2015; Статсборник «Регионы Уральского федерального округа: итоги экономического и социального развития в 2010-2014 годах». - Екатеринбург, 2015.

[2)] Условная производительность труда (ПТ), руб./чел.

N - число работающих в сельском хозяйстве, чел.;
AN, ДПТ - уровень изменения показателей, %.

В Курганской области соотношение этих показателей находилось примерно на одном уровне, что свидетельствует о нарастающей деградации аграрного сектора данного региона. Данный вывод подтверждают и снижение основных экономических показателей деятельности его сельскохозяйственных организации. В среднем за пятилетний период происходило снижение производства валовой продукции на 100 га сельхозугодий на 34,8%, урожайности зерновых – на 12,8%, урожайности картофеля – на 15,3%, фондоотдачи – на 51%, производительности труда – на 23,6%. Но, наиболее ущемленным показателем являлись инвестиции в основном капитал, которые за пятилетие (2010-2014 гг.) увеличились с 25,6 млрд руб. до 32,2 млрд руб., в неустойчивом варианте (рост и снижение).

То есть, объем инвестиций в основной капитал в Курганской области был ниже, чем в других субъектах УрФО в 23,4 раза [(370+1690,3+229)/3].

За период 2014-2020 гг. в Курганской области индексы производства продукции сельского хозяйства по специализированным организациям (без хозяйств населения) уменьшились от 115,4% до 98,0%. Произошло сокращение посевных площадей (2014 г. – 856,7 тыс. га, в 2020 г. – 794,4 тыс. га) особенно под зерновыми и зернобобовыми культурами.

Снижение производства валовой продукции на 100 га сельхозугодий на 10%, урожайность картофеля на 20%. Продолжается уменьшение поголовья крупного рогатого скота (2014 г. – 40,3 тыс. голов, 2020 г. – 38,6 тыс. голов). Численность постоянного населения за эти годы в Курганской области уменьшилась на 3473 чел., что естественно повлияло и на число работников в сельскохозяйственных организациях [250]. Инвестиции в основной капитал увеличились только на 3,2 млрд руб. Если учесть, что в 2014 г. производство продукции сельского хозяйства Курганской области в фактических ценах составило 40,6 млрд руб. (40-е место в рейтинге регионов страны, то к 2020 году, эта цифра увеличилась на 2,2 млрд руб. в основном за счет повышения цен на продукты питания.

В Свердловской области за названный период инвестиции возросли с 264,5 млрд руб. до 370 млрд руб., в Тюменской – с 1049,7 млрд руб. до 1690,3 млрд руб., в Челябинской – со 151 до 229 млрд руб.

Еще одна особенность Курганской области в том, что эта территория оказалась слишком затратной для поддержки из федерального бюджета по причинам экологического неблагополучия.

В Курганской области в течение всего рассматриваемого периода уровень смертности превышал уровень рождаемости (приложение 4), что можно объяснить следующими причинами:

– как дотационный субъект РФ господдержка его аграрного сектора осуществлялась по «остаточному принципу», то есть в меньших объемах, чем в других областях УрФО;

– в условиях «дотационности» и низкого уровня поступающих в бюджет региона средств от налогообложения организаций предпринимательства, явно недостаточно для содержания объектов социальной инфраструктуры сельских территорий, особенно медицинских учреждений в малых и средних поселениях, которых в Курганской области около 38%;

– сказывается экологическое неблагополучие в данной области, сложившееся в результате «Восточно-Уральского радиационного следа», начавшегося в Челябинской области и охватившего часть территории Свердловской, Челябинской и Курганской областей. Особенно пострадали от повышенной техногенной нагрузки районы, прилегающие к р. Теча, берущей начало из озера Карачай в Челябинской области, которое в настоящее время покрыто бетоном. В таких техногенных условиях сложно было приостановить уровень смертности населения фактически во всех субъектах УрФО.

Дальнейшие аналитические сравнения показали, что Свердловская область с 2014 года потеряла 8000 га сельскохозяйственных угодий (с 2578,5 до 2570,9 тыс. га), а также 25 тыс. чел. из числа сельского населения. Сельский жилищный фонд с 2014 по 2020 гг. претерпел изменения в худшую сторону по всем

показателям: обеспечение водоснабжением, водоотведением (канализаций), отоплением, ваннами (душем), газом, горячей водой и электрическими плитами [293].

Условная производительность труда увеличилась, но незначительно. Число работающих в сельском хозяйстве снизилось на 5%.

По данным имеющимся в Информационно-аналитических материалах [115], с 2000 до 1573 уменьшилось количество зарегистрированных крестьянских фермерских хозяйств. Инвестиции возросли на 5,2 млрд руб. (в 2014 г. их было 370 млрд руб.).

Но большой проблемой для агроэкономической системы Свердловской области является низкая техническая оснащенность производства. Энергообеспеченность в расчете на 100 га пашни, по расчетам Правительства области, составляет к 2020 году 105 лошадиных сил, а для выполнения сельскохозяйственных работ в оптимальные агротехнические сроки, она должна составлять не менее 300 лошадиных сил на 100 га. Подводя итог, аналитики отмечают, что агроэкономическая система Свердловской области в значительной мере исчерпала экстенсивные варианты своего развития и его перспективы во многом зависят от завершения перехода к интенсивному производству, что требует значительных инвестиций [295].

Анализ доступных статистических данных по Челябинской области дает основания утверждать, что даже в условиях достаточно стабильной государственной поддержки [222], рассчитанный автором распределительный коэффициент такой поддержки на уровне 47,2%, снизился на 5,1%. Объем произведенной продукции агроэкономической системы (сельского хозяйства) к 2020 году снижался весь пятилетний период. К примеру, в 2020 году он составил 112,6 млрд руб., что на 10,7% (в сопоставимых ценах) меньше, чем в 2019 году. Уменьшился валовый сбор зерна на 43,3%, производство картофеля, поголовье крупного рогатого скота. Значительно меньше произведено скота и птицы на убой.

Но очень важно заметить, что даже в условиях пандемии, уменьшения количества работников в сельскохозяйственных организациях, среди общего объема инвестиций в сельское хозяйство, охоту, рыболовство и рыбоводство в период 2014-2020 гг. направлялось от 1,2 до 1,9% инвестиций из их общего объема 220 млрд рублей ежегодного поступления в Челябинскую область.

Если к началу 2015 года Челябинская область обеспечила объем производства сельскохозяйственной продукции на 120,2 млрд руб. [294], то к 2020 году эта цифра составила лишь 112,6 млрд руб. Чтобы положение дел было лучше, в области надеются на дополнительную государственную поддержку по федеральным программам.

Но общая тенденция с 2014 года до 2020 года такова: объемы валовой продукции сельского хозяйства снизились с 105,0% до 89,3%. Гранты и субсидии малым формам предпринимательской деятельности от 65 до 84 млн руб. оказывают государственную поддержку только 250-300 чел. в год.

Как своевременно отмечают Л.А. Головина и М.М. Кислицкий [74] для любой агроэкономической системы «экономическое взаимодействие организаций АПК посредством цифровых технологий», является в России перспективным инструментом ввиду отсутствия у большинства организаций средств для модернизации производства и внедрения новых технологий. По данным Минсельхоза России, около 85% сельскохозяйственных организаций имеют невысокую производительность труда, рентабельность ниже показателя расширенного воспроизводства.

Тюменская область в рейтинге регионов по уровню развития агроэкономической системы находится на 44 месте, Курганская – на 53, Свердловская – на 34, Челябинская на 24 месте [277].

Названные регионы УрФО не отмечаются высокими объемами кредитования сельскохозяйственных производств, равно как и темпами создания кластерных образований.

К 2015 году сельское хозяйство Тюменской области по данным Росстата обеспечила объем производства продукции на сумму в 83,6 млрд руб. Структура

посевных площадей тогда составляла 1102,7 тыс. га. На долю отраслей животноводства приходилось 51,2%, растениеводства – 48,8% [296]. Число работников в сельском хозяйстве составляло 21001 тыс. чел.

В начале 2020 года по Тюменской области структура посевных площадей осталась в прежних объемах. Показатели производительности труда в агроэкономической системе региона не отражены ни в одном статистическом сборнике. Численность работников в сельском хозяйстве уменьшилась на 10% [321].

В 2020 году в Тюменской области был объявлен «Год сельского предпринимательства», а на развитие животноводства из региональной казны выделено 2,7 млрд руб. (больше 40% всех трат на АПК). На 2021-2023 гг. запланировано еще около 6 млрд руб. Такое внимание к развитию животноводства объясняется пониманием того, что трудно назвать другую отрасль хозяйства, которая оказывала бы такое многообразное воздействие на экономику, социальные отношения и состояние окружающей среды.

Сохраняющаяся низкая производительность труда в агроэкономической системе Российской Федерации – ахиллесова пята отрасли. Диссертант считает, что соотношение производительности труда и изменения в численности работников сельскохозяйственных организаций, действительно дают основания для выводов: низкая производительность труда увеличивает отток работников с технически отсталых производств, а отсутствие надежных источников финансирования на инновационные преобразования выявляют не только причинно-следственные связи этих явлений, но необходимость новых решений по преодолению технико-технологического отставания от других государств.

В.А. Богдановский утверждает, что по данным Росстата и Всемирного банка, в 2014 г. производительность труда в отечественной агроэкономической системе составляла 17 тыс. долл. продукции в среднем на одного занятого, а в США – 635 тыс. долл., т.е. в 6,4 раза больше. Почти так же высока производительность труда в сельском хозяйстве Бразилии. В Белоруссии она выше в 1,7 раза, в Польше – в 2,7 раза [37].

К 2019 году Россия по сведениям из вышеназванных источников достигла 17,7 тыс. долл. продукции в среднем на одного занятого в этой отрасли [318]. По этим и другим причинам для экономической науки каждый шаг вперед в разработке теории и методологии совершенствования инструментальной базы управленческого воздействия на повышение производительности труда в агроэкономической системе чрезвычайно важен.

Например, на 1 января 2011 г., в расчете на 1 жителя страны количество земли составило 29,7 га и 34 га на 1.01.2015 г. Такое возрастание данного показателя вызвано сокращением лиц, занимающихся сельскохозяйственным производством (с 2421 тыс. чел. в 2011 г. до 2342 тыс. чел. в начале 2015 г.).

Если рассмотреть динамику соотношения посевной площади и среднесписочной численности работников сельского хозяйства, то данный показатель в УрФО выглядит следующим образом: 51,8 га (в 2010 г.) и 62 га (в 2015 г.), при снижении посевной площади с 5373,9 тыс. га и численности работников сельского хозяйства с 104075 чел. (в 2010 г.) до 86694 чел. (в 2014 г.), то есть на 17381 чел. Снижение посевных площадей и численности населения продолжилась и в последующие 2016-2020 гг.

Наиболее высокая «нагрузка» по площади посева на одного работника сельского хозяйства приходится в Курганской области: 87,6 га в 2010 г. и 123,5 га; в Свердловской – соответственно 26,8 га и 31,8 га; в Тюменской – 42,5 га и 52,6 га; в Челябинской – 67 га и 73 га.

Для наглядности, названные расчетные значения представлены на рис. 7.

По данным официальной статистики общая площадь земель в виде залежей, многолетних насаждений, пастбищ, пашни и сенокоса насчитывает в 2020 году 221955 тыс.га. По УрФО, при общей площади округа в 181849,7 тыс.га, сельхозугодия занимают 8,99% или 16356,5 тыс.га. Площадь сельхозугодий по регионам такова: Курганская область – 4458,1 тыс.га; Свердловская область – 2570,9 тыс.га; Тюменская область – 3379,4 тыс.га; Челябинская область – 5094,3 тыс.га; ХМАО – 630,1 тыс.га; ЯНАО – 223,7 тыс.га. Таким образом УрФО имеет

только 7,37% от всех сельхозугодий России, а в долях от площади округов 8,99% [320].

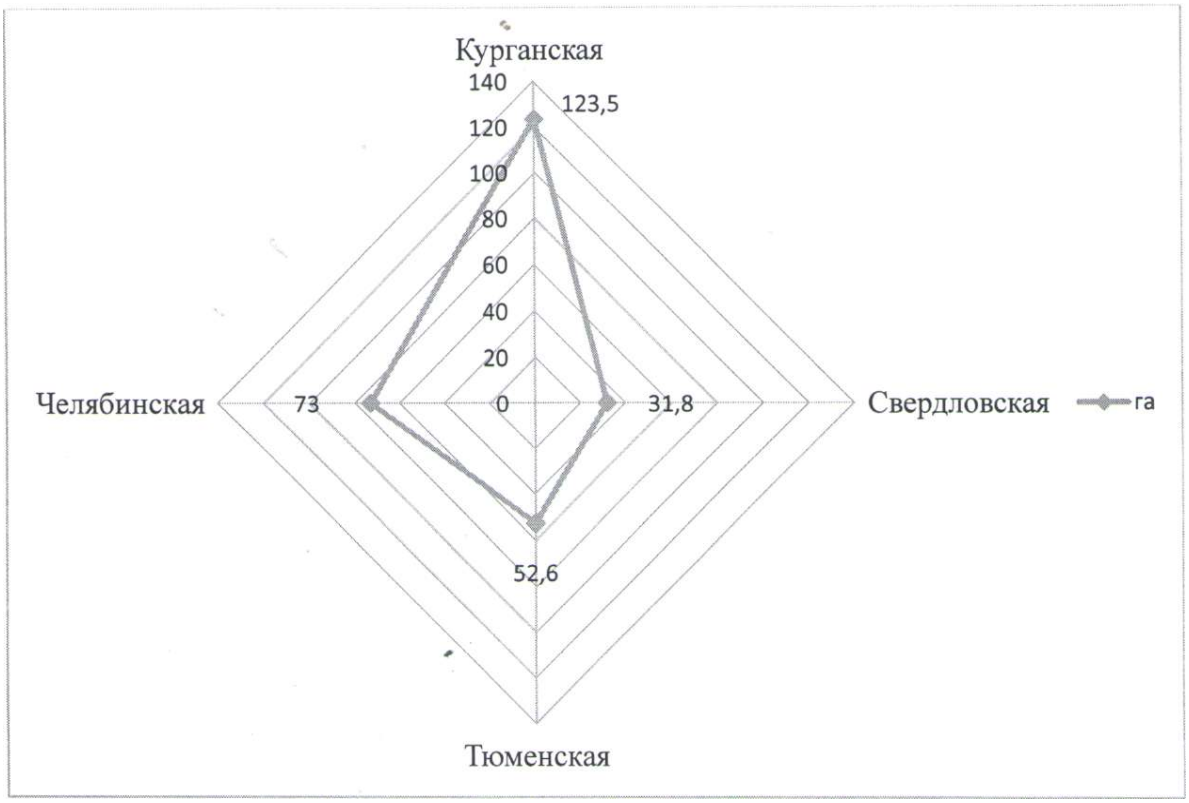

Рис. 7 - Посевная площадь сельскохозяйственных земель, приходящаяся на одного работника сельского хозяйства в субъектах Уральского федерального округа

Общая посевная площадь под сельхозкультуры в стране составила в 2020 году 80,257 млн га, в том числе под зерновые – 47,328 млн га [240].

Когда начиналась работа над диссертационным исследованием, наличие земель, используемых предприятиями, организациями и гражданами, занимающимися сельскохозяйственным производством в 2011 году в стране находилось в пределах 522,3 млн га, в 2014 году – 520,8 млн га. В расчете на одного сельского жителя это составило соответственно 13,87 га и 13,7 га. К 2020 году площадь земель сельскохозяйственного назначения составила 381,7 млн га. Уменьшение составило почти 140 млн.га, а в расчете на одного сельского жителя на 35%. В УрФО наличие таких земель осталось в прежних объемах.

Не вызывает сомнения, что вовлечение в оборот земель сельскохозяйственного назначения – это задача государственной важности.

Минсельхоз России планирует выделить на ее решение 13,6 млрд руб. в период 2021-2030 гг.

Особое значение земельных ресурсов в том, что текущее десятилетие все же характеризуется ростом агропромышленного производства, который согласно Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2025 гг. [83] к 2025 г. должен составить 11,6% к уровню 2017 г.

Следует отметить, что в секторе растениеводства эти прогнозные показатели имеют вполне реальную основу – валовой сбор зерновых и зернобобовых продуктов по стране в целом в текущем десятилетии устойчиво растет.

В Госпрограмме развития сельского хозяйства подчеркивается, что экспорт сельскохозяйственной продукции должен увеличиться к 2025 г. более чем в 2 раза. Основные риски, препятствующие решению этой задачи, определены Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации [94]. Это риск снижения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности отечественной экономики и зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры; риск применения мер государственного протекционизма в других странах, а также технологические и иные риски: например, ограниченная пропускная способность экспортных транспортных коридоров.

На это указывает С.А. Липски, характеризуя две точки зрения на пригодные в сельскохозяйственном отношении земли [159].

Первая утверждает необходимость их максимального вовлечения в сельскохозяйственный оборот и не допускает использования таких земель не по их назначению. Она основывается на принципах неоклассической экономической теории, ведь земля является редким, исключительно полезным и незаменимым ресурсом. И даже если при существующих технологиях использование каких-то земель экономически неоправданно (маргинальные земли), то их все равно следует сохранять (консервировать) для возможного сельскохозяйственного применения в дальнейшем.

Вторая точка зрения допускает свободное использование и рыночный оборот этих и других земель исходя из текущей экономической конъюнктуры: вопрос о выращивании на них сельскохозяйственной продукции, или застройке их жильем, или размещении на них промышленных, офисных, торговых либо транспортных объектов решается на основе закона равновесия спроса и предложения.

Диссертант считает, что решение задач вовлечения в оборот сельскохозяйственных угодий должно иметь не только комплексный, но и системный характер: анализ причин сложившегося положения, определение мер правового и экономического характера; государственная поддержка; мотивация граждан к сельскохозяйственному производству.

Размер посевной площади, приходящейся на одного работника сельского хозяйства, косвенно оказывает влияние на социально-трудовую сферу сельских территорий. С одной стороны, с увеличением площади посева появляется возможность больше производить сельхозпродукции в благоприятных для этого природно-климатических условиях. С другой стороны, требуются экономические и энергетические ресурсы.

Если принять, что в настоящее время первое условие имеется, то в отношении энергетических ресурсов возникают сомнения, поскольку, не имея соответствующей высокопроизводительной, энергонасыщенной техники, увеличение площади сельскохозяйственных земель вряд ли позволит получить желаемый социально-экономический эффект. В этом случае определенное значение имеет, например, сезонная нагрузка на технику, особенно на тракторы и комбайны. При их высокой сезонной нагрузке удлиняются сроки выполнения полевых механизированных и уборочных работ, что отрицательно влияет на сохранность урожая, его качественные показатели, а в конечном итоге, на экономические результаты хозяйствования.

Такая общая взаимосвязь социально-трудовых факторов может быть представлена в виде следующей схемы (рис.8):

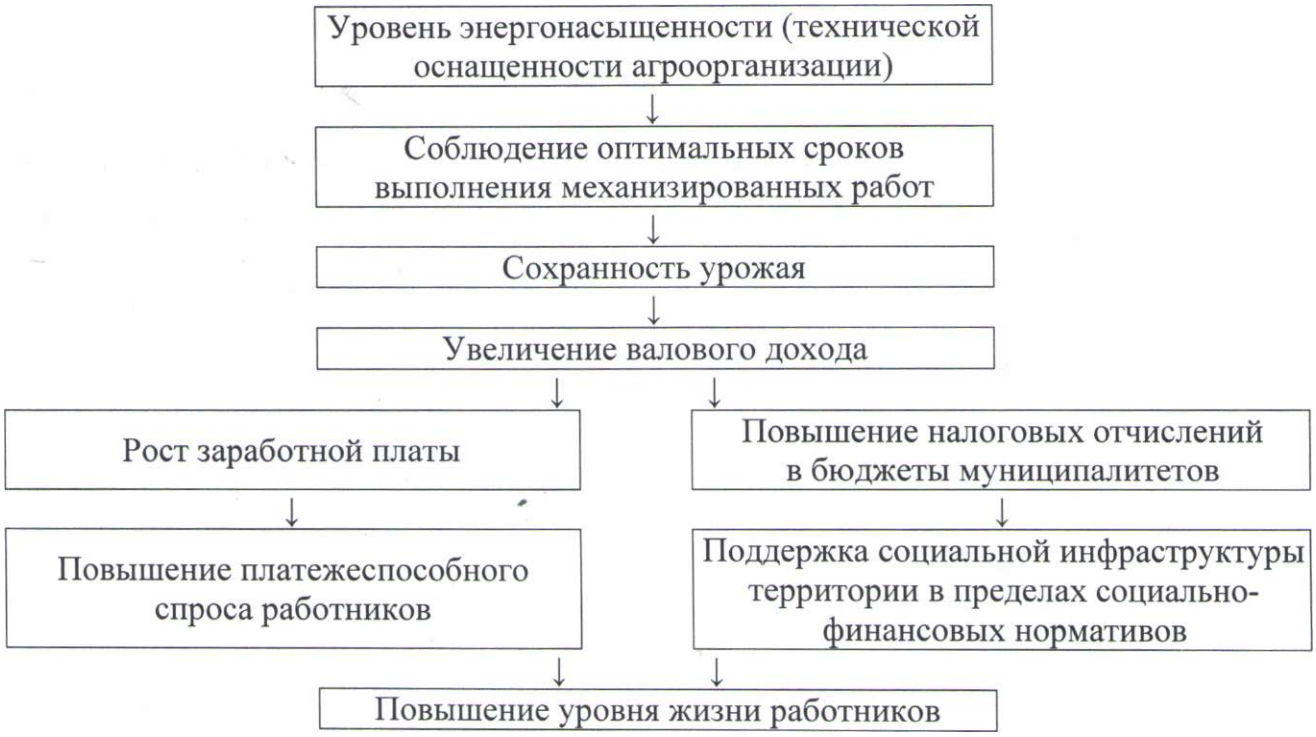

Рис. 8 - Схематичное представление взаимодействия социально-трудовых факторов, способствующих развитию сельских территорий

Если рассмотреть уровень технической оснащенности сельского хозяйства субъектов УрФО, то можно отметить, что в большинстве аграрных хозяйств сезонная нагрузка на энергомашины (тракторы, комбайны) возрастает быстрее, чем повышаются их мощности и производительность. Почти 70% энергомашин отработали амортизационный срок службы, что приводит к росту эксплуатационных затрат, а в конечном итоге, повышению себестоимости производства сельхозпродукции и снижению его рентабельности. Далее задачи решаются в представленной на рисунке 8 последовательности.

Если рассмотреть уровень технической оснащенности сельского хозяйства субъектов УрФО, то можно отметить, что в большинстве аграрных хозяйств сезонная нагрузка нана энергомашины (тракторы, комбайны) возрастает быстрее, чем повышаются их мощности и производительность. Почти 70% энергомашин отработали амортизационный срок службы, что приводит к росту эксплуатационных затрат, а в конечном итоге, повышению себестоимости

производства сельхозпродукции и снижению его рентабельности. Далее задачи решаются в представленной на рисунке 8 последовательности.

Характер таких изменений можно оценить по показателям о состоянии социальной сферы Свердловской области за период 2015-2020 гг. по средним темпам их повышения (+) или снижения (-):

1) доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (-2,8%);
2) коэффициент Джинни (индекс дифференциации доходов) (+1,7%);
3) число санаторно-курортных организаций (+1,6%);
4) число общеобразовательных учреждений:
– вечерних (-0,6%);
– профобразовательных (+1,1%);
– вузов (без университетов) (-0,2%);
5) число библиотек (-0,6%);
6) число детских оздоровительных учреждений (-2,3%);
7) ввод в действие жилых домов на 1000 чел. населения (+0,8%);
8) уровень безработицы (+0,9%).

Наиболее высокий процент безработицы отмечается в следующих городских округах и муниципальных районах: Алапаевский, Верхне-Туринский, Гаринский, Красноуфимский, Серовский, Слободо-Туринский, Таборинский.

Однако усиление кризисных проявлений не гарантирует нарастание безработицы и в других сельских районах, поэтому возникает острая необходимость в развитии диверсификации предпринимательства с учетом имеющихся ресурсных возможностей, особенно природного характера.

Одной из основных проблем остается судьба малых и средних сельских поселений, что вызвано нагнетанием необоснованной концентрации сельского населения в крупных муниципальных образованиях. Именно концентрация производства, осуществляемая агрохолдинговыми структурами, ведёт к увеличению неиспользуемых сельскохозяйственных земель, особенно удаленных от центральных усадеб этих крупных сельскохозяйственных организаций.

Оставленная земля не используется, ускоряя процесс опустошения сельских поселений, стирая черты сельского образа жизни.

Поэтому концентрацию агропроизводства целесообразно рассматривать с позиции не только экономической, но и социальной эффективности.

По данным Института экономики УрО РАН, в котором формируется аналитический бюллетень УрФО, необходимые ресурсы для развития социально-трудовой сферы на сельских территориях и повышения эффективности организационно-экономического механизма управления устойчивостью в регионе имеются, но требуются постоянный научный анализ их вовлечения в расширенное воспроизводство, формирование прогнозов [338].

Несмотря на то, что за период 2011-2020 гг. практически на всех территориях УрФО наблюдаются неустойчивые тенденции развития агроэкономических систем, целевые государственные программы развития сельского хозяйства и сельских территорий до 2030 года вселяют некоторую надежду на улучшение ситуации, а предлагаемый методический аппарат, позволяет детализировать, расширять списки влияющих факторов, проводить учет латентных (скрытых) характеристик и временных лагов при построении динамических моделей устойчивого развития.

Современная методология анализа потенциального эффекта, в том числе применительно к агроэкономическим системам, имеет в своей основе зарубежный подход под обобщающим названием efficiency analysis. Его содержание состоит в изменении экономической эффективности путем сопоставления наблюдаемых производственных и коммерческих результатов с результатами, которых в принципе можно достичь при имеющейся ресурсной базе, но уже с передовыми технико-технологическими решениями. В экономической теории такой подход называют эффектом масштаба, а трактуется он как экономия, обусловленная увеличением масштабов производства. Проявляется она как снижение долгосрочных издержек производства на единицу продукции.

При рассмотрении диссертантом состояния социально-трудовой сферы в сельских местностях УрФО отмечено, что главным фактором, влияющим на

неустойчивость развития агроэкономических систем, являются трудовые ресурсы сельскохозяйственных показателей.

Уменьшить их дефицит в краткосрочном периоде может только увеличение оплаты труда, положительно отражаясь и на его производительности. Отсутствие средств для простого воспроизводства в сельскохозяйственных организациях может быт восполнено только в случае государственной поддержки по целевым программам. Увеличение за счет этого объемов производства для получения постоянного эффекта масштаба и сокращения дефицита пашни и пастбищ, увеличение выручки, ориентирует на внедрение инноваций. В свою очередь, за счет снижения дефицитности ресурсной базы, появляется возможность закрепления кадров, повышения их квалификации, достижения более высоких результатов по качеству жизни в сельской местности.

ГЛАВА IV. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ АГРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНА

4.1. Концепция нелинейного развития и динамики развития агроэкономических систем в контексте их стратегического планирования в движении к устойчивости

Достижение устойчивого развития агроэкономической системы в стране и подобных систем в регионах, предполагает учет комплекса факторов, на основе которых целесообразно совершенствовать организационно-экономический механизм управления устойчивостью, а также инструменты, позволяющие осуществлять количественные и качественные преобразования в экономике, в социуме, по месту жительства. Факторы развития в экономической науке рассматриваются как параметры, определяющие характер и результативность протекания экономических процессов, влияющих на количество и качество экономического продукта. Среди таких факторов, которые могут наиболее последовательно влиять на устойчивое развитие агроэкономической системы исследователями признаются: состояние природной среды; плодородие почв и урожайность; социально-экономическая политика государства в отношении сельскохозяйственного производства; правовое обеспечение функционирования агроэкономической системы; финансовое обеспечение; технико-технологическая оснащенность; количественный и качественный состав земельных ресурсов; обеспеченность рабочими кадрами и персоналом управления; качество жизни населения в сельской местности.

Если эти параметры возможны для достижения, а не просто теоретически обоснованы, в этом случае задействуются резервы развития агроэкономической системы, рассчитываются индикаторы устойчивого развития, количественная

оценка которых отражает уровень такой устойчивости. Все это осуществляется на основе глубоких научных разработок и результатов практической деятельности.

По мнению диссертанта, в этой работе должен присутствовать аналитический подход и плановое начало с учетом изменяющейся обстановки. Идея устойчивого развития содержит концепты не только сохранения агроэкономических систем, но еще их ренессанс на основе технологического обновления. Образно говоря, каждому теленку – индивидуальный дневник здоровья, каждому агроному – нейросеть для постановки диагноза растению.

Здесь мы согласны с профессором Н.А. Потехиным и его коллегами [242], что внедрение субъективно-договорных теорий, методологий и практик в агроэкономические системы страны на протяжении многих лет не вывели эти системы на новый уровень развития, а где-то даже подтолкнули к невосполнимым потерям. Об этом свидетельствуют публикации Е.М. Примакова [245, 246, 247]. Ученые обеспокоены отсутствием научно-обоснованной стратегической концепции по устойчивому развитию агроэкономической системы страны на длительную перспективу [304].

Совершенствование организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы может быть осуществимо на основе предлагаемой авторской Концепции нелинейного развития.

В первой главе диссертационного исследования нами предложено определение такого организационно-экономического механизма. Это необходимый элемент любой организационной системы управления для достижения поставленных целей, качественной реализации функций в создаваемой организационной структуре, содержащий устойчивые комплексы правовых норм и различные экономические инструменты, сориентированные на развитие организации.

Но при обращении к эволюции глобальной экономической теории выясняется, что развитие любой системы можно рассматривать как по линейной, так и по нелинейной модели. Примерами линейной модели являются теории индустриализации, модернизации, догоняющего развития, «золотого века» и др. В

мировой практике они внедрялись при осуществлении программ развития экономически отсталых государств. И когда та же Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, принятая в 2010 году, по мнению ученых, практиков, руководителей Минсельхоза, через несколько лет устарела [336], есть большая вероятность того, что она готовилась по лекалам линейной модели развития.

Проведенный анализ современных экономических процессов, состояния агроэкономической системы в стране и в регионах показывает, что они не находятся в состоянии строгой детерминированности, четкой определенности, саморегуляции, самоорганизации. А потому линейные модели развития становятся не актуальными, малоэффективными, они не учитывают неустойчивость, неопределенность, неравномерность, нестабильность внешней экономической, социальной и политической среды. Линейные принципы стимулирования развития агроэкономических систем (сельского хозяйства) не работают на устойчивое развитие этой сферы экономики.

Эти изменения ученые рассматривают с двух позиций: положительной – как появление новых благоприятных условий развития; отрицательной – усиление неопределенности и резкое повышение конкуренции [205]. Однако для получения устойчивого развития то и другое хорошо. Нелинейность требует повышенной реакции на появление новых факторов, а при планировании развития агроэкономических систем учета трансформации, эволюции, регресса, поступательности, прогноза рисков и последствий.

Еще З. Боуман в свое время отмечал, что линейность связана с жесткостью социального порядка, социальных структур и форм, препятствующей их доминированию и развитию в соответствии с вызовами современности. Нелинейность же означает движение (мгновенное, легкое, «жизнерадостное»), неопределенность и непредсказуемость, гибкость и одноразовость [45].

В агроэкономической системе автор рассматривает нелинейность как необходимость «сборки» новых методологических посылок для многовариантного поведения системы, стремящейся к адаптивности,

приспособленности к новым правилам, к устойчивому состоянию в условиях неопределенности, непредсказуемости.

Анализ эмпирических данных, приведенных в работах А. Миддлтона, позволяет сделать вывод, что человечество прошло линейный период своего развития в последней четверти XX века, что повлияло на изменение взглядов и определению целей, принципов и самой сущности стратегического и устойчивого развития организаций.

В исследованиях В.В. Николаевского и О.Г. Рудковской [206] имеются подтверждения этого тезиса на основе метода Гири-Хамиса, который предложил международный доллар – вымышленную валютную единицу для определения паритета покупательной способности в разных странах.

Авторы рассчитали рост численных значений предложенного ими коэффициента нелинейности K_{nL}, определяемого как отношение приращения величины мирового ВВП к временному интервалу этого приращения, нормированного по длительности наблюдаемого периода:

$$K_{nL} = \frac{\left(\Delta V_n / T_n\right)}{T_N}, \forall n \in 1, N \quad ,$$

где $\Delta V_n = V_n - V_{n-1}$;

$\Delta T_n = T_n - T_{n-1}$. (18)

где T_N – нормирующий коэффициент, определяемый длительностью интервала наблюдения

N – определено как последний период выборки наблюдения или прогнозирования.

Данные расчетов, по размерности имеющие смысл ускорения развития социально-экономической системы, приобрели следующий вид:

Динамика коэффициента нелинейности

Годы	1000	1500	1600	1700	1850	1900	1950	2000	2030
K_{nL}	0%	0%	0%	0%	0%	1%	2%	15%	39%

Это дает нам основания сделать концептуальный вывод о необходимости разработки программ стратегического развития на основе законов нелинейной динамики, когда совокупность изменений следует планировать в контексте множества комбинаций, факторов внутренней и внешней среды, приводящих к качественному изменению состояния сельскохозяйственной организации. Отсюда появляется возможность формирования и множества сценариев развития, которые могут носить разнонаправленный характер.

В этом случае организационно-экономический механизм управления устойчивостью агроэкономической системы будет содержать новые инструменты: сценарное планирование; создание проектов; управление проектами; целевые ориентиры развития и финансового обеспечения; методы системного анализа как инструменты уточнения понятийного аппарата.

При таком принципиально новом методологическом концептуальном подходе между агроэкономическими системами, как внутри регионов, так и между регионами могут возникать кооперативные явления, основанные не только на информационных взаимодействиях, но и на условиях кластерной интеграции.

Сама же идея устойчивого развития не вступает в противоречие с нелинейными процессами в организации экономической деятельности, поскольку предполагает значительные качественные изменения во многих сферах жизни.

Концептуальные обоснования многих реформ в сельском хозяйстве России содержали идеи развития агроэкономической системы как системного процесса с универсальными стадиями и общими закономерностями. Однако любая агроэкономическая система (равно, как и все экономические системы) сложна, и нелинейна в развитии. Управление в ней имеет системный характер, в нем присутствует не только большое число элементов, но и многочисленные связи между ними, что и определяет ее сложность. В простых системах (например, система водопровода) существует только одна причинно-следственная связь, в сложных же системах причины часто отделены от следствия как во времени, так и в пространстве. Нелинейность в агроэкономической системе проявляется во всех ее процессах - создании, существовании, трансформации, эволюции, деградации,

в производстве, распределении, обмене, потреблении, регулировании, управлении.

Если в ней осуществляется воспроизводство экстенсивного типа, то агроэкономическая система функционирует в затратном режиме. Она бесперспективна, а формы государственной поддержки лишь держат ее в состоянии «искусственной комы» на короткий срок.

При интенсивном типе воспроизводства экономика этой системы эффективно использует эндогенные факторы и запасы, ее прогресс основан на росте производительности труда, а ориентир – формирование нового качества, приращение своего потенциала, прогрессивное и устойчивое развитие на длительный период. Организационно-экономический механизм в этом случае сориентирован на стратегические ориентиры и приоритеты.

Нелинейность в агроэкономических системах связывается с нестабильной экономической средой, нарастающей глобализацией, развитием сетевых форм экономических отношений информационно-коммуникационных технологий, новыми способами ведения предпринимательства, изменениями в конкуренции и др. Например, те же климатические и биологические риски требуют прогнозирования и расчетов по динамике развития.

Для внедрения такого подхода имеется хорошая методологическая база: «Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории» В.-Б. Занга; «Нелинейная экономическая динамика» Т. Пу; «Хаос и порядок на рынках капитала. Новый аналитический взгляд на циклы, цены и изменчивость рынка» Э. Петерса; теории равновесия в экономике (статистическая экономика); динамические теории роста в экономике (Самуэльсон, Солоу, Моришма, Хикс, Леонтьев и др.); экономические циклы – уравнение Ван дер Поля; модель «хищник-жертва» в нелинейной теории колебаний; хаос в модели международной экономики (сценарий Ньюхауса-Рюэля-Такенса) и др. Все их объединяет аргументация в пользу значимости нелинейного развития организаций. В отличие от линейной эволюции, осуществляющей переход системы в новое качество через постепенное накопление изменений (благодаря

чему возможны замедления и возвратное движение), нелинейное развитие порождает принципиально новое состояние через мгновенный скачок, исключающий возврат к прежним состояниям. Такая темпоральность (мгновенность) может быть замечена при стремительном превращении птичьей стаи в организованный «косяк». Именно такая уникальность процессов необходима для отечественной агроэкономической системы и агроэкономических систем в регионах. Очевидность такого подхода еще и в том, что мы живем в нелинейной окружающей среде, особенно в нелинейности социального мира.

По мнению диссертанта, любая агроэкономическая система, как открытая и одновременно нелинейная, функционирует на основе фундаментального принципа – периодического чередования стадий эволюции и инволюции, усиления активности и процессов ее затухания. В этом плане существуют аналогии с циклами Н.Д. Кондратьева, колебательными ритмами Д.К. Гэбрэйта, этноритмами Л.Н. Гумилева, динамикой исторического процесса А.Л. Чижевского.

Следует заметить, что проблема выбора приоритетных подходов и форм организации сельскохозяйственного производства сложна, а потому остается в центре внимания ученых много лет. До событий 1917 года присутствовали научные дискуссии о роли помещиков и крестьян в обеспечении страны продовольствием. В годы советской власти научные воззрения содержали доводы как в пользу колхозов, так и совхозов. Аграрная реформа 90-х гг. XX века, содержала идею о многоукладности форм хозяйствования. Сегодня агрохолдинги и крупные агропромышленные компании стали преобладать над крестьянскими (фермерскими) хозяйствами. Имеются и хозяйства населения на селе, которые юридически определяются как личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Но могут ли такие институциональные изменения обеспечить устойчивое развитие агроэкономических систем, или для этого необходима интеграция с малыми формами хозяйствования? Однозначных теоретических концепций по этой проблематике пока не предложено.

Механизм государственной поддержки, реализующийся через систему формальных правил, работает в пользу крупных сельхозорганизаций при выделении сумм от 100 млнр. и выше (около 220 организаций из 2860 по стране). Вместе с государственной поддержкой они получают и колоссальные преимущества. По мнению исследователей [386], чем больше на территории региона доля сельхозорганизаций, включенных в агрохолдинги, тем быстрее сокращается сельское население и сельскохозяйственная занятость, увеличивается бедность, ухудшается качество жизни населения.

Планирование с ориентацией на нелинейность – развитие агроэкономической системы может рассматриваться как комплексный процесс, который может принимать различные формы. Его можно рассматривать как систематическое выявление потребности и последующий выбор наилучшего способа удовлетворить эту потребность в стратегических рамках, позволяющих расставить приоритеты и определить порядок работы. В какой-то мере планирование как процесс означает понимание будущего с целью его приближения.

Вместе с тем, планирование – функция, с помощью которой определяются цели деятельности, необходимые для этого средства, разрабатываются наиболее эффективные в конкретных условиях методы, перерабатывается информация, учитывающая сложившиеся виды поведения и необходимые в будущем действия. Функция планирования тесно связана с плановыми предположениями (прогнозами). Прогнозирование в этом случае рассматривается как процесс, облегчающий планирование и принятие решений, а также как инструмент оценки и контроля [186].

Основными видами планирования являются: стратегическое, техническое и проектное.

Стратегическое планирование, не менее чем на 5 лет, в контексте нелинейности развития, но с ориентирами на устойчивость агроэкономической системы – сложнейшая задача. Вместе с тем, ее решение позволяет:

– проанализировать обстановку и выявить наиболее значимые проблемы, к преодолению (устранению) которых сельскохозяйственная организация считает себя подготовленной;

– оценить существующую систему ценностей, изменения в которой будут предложены работникам;

– сформулировать критерии деятельности в предлагаемых новых условиях;

– проанализировать сильные, слабые стороны, возможности и угрозы, которые могут оказаться на изменениях (SWOT-анализ и PEST-анализ);

– расставить приоритеты и определить оптимальные варианты достижения целей;

– выбрать оптимальную организационную структуру управления.

Тактическое планирование будет содержать конкретные мероприятия для реализации (дорожная карта).

Проектное планирование требует органической связи с сельскохозяйственной организацией, а сам проект не может рассматриваться как некая самостоятельная, автономная архитектура.

Наиболее трудной задачей планирования устойчивого развития агроэкономической системы в России остается финансирование. Например, в структуре расходов на сельское хозяйство в Европе, свыше 2/3 составляют расходы на осуществление прямой поддержки фермеров через программы фермерских платежей, около 1/4 расходов осуществляется в целях обеспечения устойчивости сельских территорий [3]. Примерно половина всей расходной части бюджета ЕС идет на сельское хозяйство и на рынок продовольствия.

На 2021 год по государственной программе развития сельского хозяйства выделено 256,2 млрд руб., на 2022 г. запланировано 279,7 млрд руб., на 2023 г. – 295,5 млрд руб. [355].

Для сравнения, бюджет Европейского союза на 2021 год – 330 млрд евро.

Поддержка в России составляет 5,3 тыс. долларов на квадратный километр при 23 тыс. долларов в США и 58 – в ЕС. На сельского жителя России приходится

310 долларов поддержки, в ЕС – 851 доллар, в США – 1604 доллара на человека. Однако уровень поддержки в процентах к ВВП, показатель, показывающий нагрузку на экономику, в результате поддержки сельского хозяйства в России (0,8%) превышает показатели ЕС и США (0,5% and 0,6%) [269]. Тем не менее, эти показатели в России не соответствуют паспортному значению, поскольку объем финансирования в среднесрочной перспективе планировалось увеличить до 5% расходной части федерального бюджета.

В целях приведения планирования развития агроэкономической системы региона, автором разработана Концепция системного регионального планирования с применением инструмента «Региональная матрица стратегического планирования в движении к устойчивости агроэкономической системы» (таблица 26).

Таблица 26 – Региональная матрица стратегического планирования в движении к устойчивости агроэкономической системы

Наднациональный уровень	Плато 1. Существующие трансформации	Плато 2. Цифровизация экономики и риски	Плато 3. Глобальные тренды и угрозы	Плато 4. Конфликт ценностей	Плато 5. Ключевые риски и ограничения по достижению устойчивого развития
Национальный уровень	Плато 6. Императивы (безусловные требования) социально-экономического и научно-технического развития страны	Плато 7. Государственная программа развития человеческих ресурсов	Плато 8. Государственная программа развития сельских территорий и угрозы ее реализации	Плато 9. Федеральная программа научно-технического развития сельского хозяйства	Плато 10. Законодательное обеспечение государственных программ
Региональный уровень	Плато 11. Региональные детерминанты и закономерности развития экономики	Плато 12. Факторы замедления развития агро-экономической системы	Плато 13. Проектная архитектура достижения стратегических целей	Плато 14. Флагманские проекты	Плато 15. Организационно-экономическое воздействие через механизм управления развитием

При ее использовании важно заметить, что существуют определенные методологические ограничения при разработке стратегий регионального масштаба. Во-первых, устойчивое развитие невозможно в масштабе отдельно взятого региона без учета действительного состояния социально-экономического развития страны. Во-вторых, стратегия развития агроэкономической системы региона невозможна без стратегических ориентиров развития экономики региона. В-третьих, достижение показателей движения к устойчивому развитию агроэкономической системы зависит от социально-экономического развития конкретного субъекта РФ.

Если рассматривать агроэкономическую систему в формате «приростного типа», предлагаемая матрица дает возможность «придумать», «предугадать» будущее развитие с достаточной степенью точности без сомнения, что при построении матрицы всегда присутствуют трудности учета рыночных отношений, изменяющаяся аграрная политика и объемы государственной поддержки, рост числа факторов, а также их последующее измерение, субъективные оценки руководителей. Не последнюю роль в определении показателей оценки играет доступность / недоступность данных, информации, возможности последующего анализа. Но это все характерно для нелинейного динамического развития.

Планирование с применением предлагаемой матрицы не может быть эффективным без системного анализа и логических приемов описания социально-экономического состояния конкретного субъекта РФ, его перспективных и прогрессивных направлений развития.

В составе матрицы возможно и необходимо иметь проекты стратегического характера, что может рассматриваться как рефлексия широкого круга исследователей и специалистов.

Каждая матричная плата может быть наполнена конкретными стратегическими задачами с учетом нелинейности развития. Определенная часть из них после глубоких методологических исследований государственных программ, аналитических материалов, рекомендаций законодателям изложена автором в разделах матрицы. Эти методологические аспекты позволяют

обсуждать и создавать локальные точки движения к устойчивому развитию агроэкономической системы. Ограничения и риски, реалистичность многих проектов, выдвижение на первые роли общечеловеческих, социальных, духовных ценностей, а затем уже материальных, ориентируют на безусловное применение предлагаемой матрицы в практике планирования стратегий (Приложение 12).

Постановка задач стратегического замысла всегда сопровождается детальными расчетами по отдельным, частным направлениям развития агроэкономической системы.

Очевидно, что зачастую выполняемые различными организациями и отдельными учеными расчеты по необходимым объемам государственных субсидий селу, не учитывают отдельную приоритетность, что значительно сужает их отдачу. Поэтому для ее повышения в процессе планирования целесообразно, по нашему мнению, решать задачи по обоснованию достаточного уровня продовольственного самообеспечения каждого региона при оптимальном распределении между ними таких субсидий, с учетом уровня эффективной интенсивности и устойчивости производства основных видов сельскохозяйственной продукции (зерно, картофель, овощи, мясо, молоко, яйца). То есть, в процессе планирования, особенно по размещению производства и отраслей, которое целесообразно начинать «снизу», с учетом возможности эффективного, менее затратного использования имеющегося в каждой конкретной сельхозорганизации агроресурсного потенциала, возникает необходимость и в управлении технологическими процессами.

Планирование развития агроэкономической системы в регионе чаще всего происходит при использовании программно-целевого метода. Однако это требует дополнительной информации о состоянии агроресурсного потенциала. Особенно это касается достижения уровня устойчивости продовольственного обеспечения.

Для оценки территориальной организации агроэкономической системы академик РАН А.А. Черняев и Д.В. Сердобинцев предлагают использовать коэффициент эффективности интенсификации или управления технологией возделывания сельхозкультур, определяемый отношением индекса урожайности

(продуктивности) по сравнению со средней по совокупности хозяйств к индексу затрат на 1 га (на 1 голову в животноводстве). По величине данного коэффициента, как определителя эффективности интенсификации, по утверждению автора публикации, может быть определена конкурентоспособность сельхозорганизаций, что подтверждается уровнем затратности производства [375].

Мы считаем, что для повышения значимости (достоверности) получаемых при использовании данного метода расчета результатов, целесообразно было бы применить еще такие коэффициенты, как емкость земли и обеспеченность землей. Первый рассчитывается отношением площади сельскохозяйственных земель к товарной валовой продукции сельскохозяйственной организации, второй – отношением этой площади к работоспособному количеству работников данной организации.

Если названные соотношения сопоставить по размерности, то коэффициент эффективности интенсификации будет означать трудоемкость производства товарной продукции, скорректированную на индекс соотношения урожайностей. Данный показатель может быть использован, например, в процессе размещения агропроизводства между муниципальными формированиями региона, или между регионами на уровне страны, с учетом возможности государственных субсидий.

Распределение их объемов может быть выполнено с учетом полученных результатов приоритетного размещения производства агропродукции между регионами. При этом в основе рекомендательного размещения производства и государственных субсидий должен быть госзаказ на сельхозпродукты, как это практикуется в ряде цивилизованных стран. Значимость этого подхода отражена в матрице.

Известно, что практическое использование экономико-математических моделей (ЭММ) в процессе планирования сдерживается по следующим причинам:

1) невозможность моделирования экономических процессов и явлений с учетом производственных отношений (поведения людей, их интересов и т.д.);

2) несовместимость ЭММ с существующей системой планирования и информационного обеспечения;

3) трудности проверки в решении новых социально-экономических задач [394].

Кроме того, в процессе применения ЭММ неизбежно потребуется определенные допущения (ограничения), даже при использовании нелинейной оптимизации. Например, при ее использовании в публикации А.А. Черняева и других авторов [374], было использовано допущение, что реализация овощной продукции происходит «в том же периоде, что и производство», а ее цена принята за среднегодовую. При изменении платежеспособного спроса, что характерно для нестабильного продовольственного рынка, цена может резко измениться и все расчеты будут искажены и приближены к результатам линейного программирования.

Задача по оптимизации размещения агропроизводства на региональном уровне может быть решена с минимальным социальным ущербом, если существующее размещение скорректировать через рейтинговые коэффициенты инвестиционной привлекательности сельских территорий региона при максимальной занятости их населения за счет развития диверсификационных видов предпринимательской деятельности.

Другой предлагаемый нами вариант решения задачи по оптимизации размещения агропроизводства в регионе связан с двойственной задачей линейного программирования.

Первая задача связана с определением производства основных видов сельскохозяйственной продукции в каждом территориальном формировании по каждому виду агрохозяйств.

Функция цели:

$$\sum_{i=1}^{m}\sum_{j=1}^{ni}\sum_{l=1}^{ai}\sum_{t=1}^{bi}\sum_{k=1}^{s}\left(d_{ijltk}\cdot W_{ijltk}\right)\rightarrow \max, \quad (19)$$

где: i= 1...2…m – количество рассматриваемых территорий;

j=1...2…n_i – количество сельскохозяйственных организаций в i-ой территории;

t=1...2...a_i – количество фермерских хозяйств в i-ой территории;

t=l.. .2...b_i – количество хозяйств населения в i-ой территории;

k=1...2...8 – количество основных видов агропродукции (зерно, картофель, овощи, молоко, говядина, свинина, овцы и козы, птица);

W_{ijltk} – объем производства k-го вида агропродукции в i-ой территории разными хозяйствами;

b_{ijltk} – цена реализации k-ой сельскохозяйственной продукции производимой в i-ой территории соответственно сельскохозяйственными организациями, фермерскими хозяйствами, хозяйствами населения.

1. По земельным угодьям в каждой i-ой территории:

$$\sum_{j=1}^{ni}\sum_{l=1}^{ai}\sum_{t=1}^{bi}\sum_{k=1}^{8}\left\{(NS)_{ijltk}\cdot W_{ijltk}\right\}\le SR_iSR_i \quad , \quad (20)$$

где: $(NS)_{ijltk}$ – норматив по земле для производства единицы k-ой сельскохозяйственной продукции;

SR_i – используемая (задействованная в производстве) земельная площадь в i-ой территории.

2. По государственной поддержке:

$$\sum_{j=1}^{ni}\sum_{l=1}^{ai}\sum_{t=1}^{bi}\sum_{k=1}^{8}\left\{(NGP)_{ijltk}\cdot W_{ijltk}\right\}\le GP_i \quad , \quad (21)$$

где: $(NGP)_{шодtk}$ – норматив по государственной поддержке для производства единицы k-ой сельскохозяйственной продукции;

GP_j – максимально возможный объем господдержки агрохозяйств i-ой территории.

3. По трудовым ресурсам:

$$\sum_{j=1}^{ni}\sum_{l=1}^{ai}\sum_{t=1}^{bi}\sum_{k=1}^{8}\left\{(NTR)_{ijltk}\cdot W_{ijltk}\right\}\le TR_i \quad , \quad (22)$$

где: $(NTR)_{ijltk}$ – норматив и предельное значение трудозатрат на производство единицы k-ой агропродукции в i-ой территории.

4. По кормам:

$$\sum_{j=1}^{ni}\sum_{l=1}^{ai}\sum_{t=1}^{bi}\sum_{k=1}^{s}\left\{(NKOR)_{ijltk}\cdot W_{ijltk}\right\}\le KOR_i \quad , \quad (23)$$

где: $(NKOR)_{ijltk}$, KOR_i – нормативное и предельное значения расхода кормов (в кормовых единицах) для производства k-ой сельхозпродукции.

Вторая задача - необходимо определить минимальную государственную поддержку для того чтобы была выполнена программа продовольственного самообеспечения территории (региона и его субъектов).

Функции цели:

$$\sum_{j=1}^{ni}\sum_{l=1}^{ai}\sum_{t=1}^{bi}\sum_{k=1}^{s}\left(GP_{ijltk}\right)\rightarrow min \quad , \quad (24)$$

где: GP_{ilitk} – государственная поддержка в i-ой территории в соответствующем виде хозяйства для производства k-го вида сельскохозяйственной продукции.

Ограничения:

$$\sum_{j=1}^{ni}\sum_{l=1}^{ai}\sum_{t=1}^{bi}\sum_{k=1}^{s}\Delta_{ijltk}GP_{ijltk}\ge\Delta W_k \quad , \quad (25)$$

K=1, 2...8

где: Δ_{ijltk} – коэффициент, характеризующий дополнительное производство k-ой сельскохозяйственной поддержки соответственно в i-ой территории в соответствующем хозяйстве;

ΔW_k – необходимое дополнительное приращение k-ой сельскохозяйственной продукции для обеспечения продовольственного самообеспечения.

Под нормативным значением показателя принимаем его среднюю за последние три года величину, а за предельный уровень – максимальное значение за последние 5 лет.

$$Q_{j2} = Q_{j1} \cdot \sqrt[5]{К_{гп} \cdot К_{пт} \cdot К_{зо} \cdot К_{со} \cdot К_{сс}} = Q_{j1} \cdot K_c \quad (26)$$

где Q_{j1}, Q_{j2} – объем производства валовой продукции сельского хозяйства в j-ом субъекте региона соответственно в базовом и расчетном периодах, млн руб.;

K_c – совокупный (комплексный) коэффициент.

Данное выражение в развернутом виде может быть представлено следующей символикой:

$$Q_{j2} = Q_{j1} \sqrt[5]{\left(\frac{G_j}{\bar{Q}} \cdot \frac{N_j}{\bar{N}} \cdot \frac{F_j}{\bar{F}} \cdot \frac{Z_j}{\bar{Z}}\right)\left(\frac{\gamma_м}{\gamma_б} \cdot \frac{Q_{pj}}{Q_{жj}}\right)} \quad (27)$$

где G_j, N_j, F_j, Z_j – значения показателей для j-го региона соответственно объема господдержки, количества работников сельского хозяйства, посевной площади, землеотдачи, валового регионального продукта;

$\bar{Q}, \bar{N}, \bar{F}, \bar{Z}$ – среднее для региона значение представленных в формуле соотношений соответственно по господдержке, числу работников, посевной площади и валовому региональному продукту;

$\gamma_м$, $\gamma_б$ – значения соответственно малой (38%) и большей (62%) доли «золотой пропорции» (38:62=0,613);

Q_{pj}, $Q_{жj}$ – валовая продукция j-го субъекта региона соответственно растениеводства и животноводства.

Расчеты коэффициентов представлены в приложениях 5,6,7,8,9.

Расчеты по оптимальному распределению объемов производства валовой продукции сельского хозяйства даны в таблице 27. Совокупный коэффициент определяется по средней геометрической, например, для Челябинской области имеем:

$$К_с = \sqrt[5]{1{,}61 \cdot 1{,}11 \cdot 0{,}87 \cdot 1{,}21 \cdot 1{,}86} = 1{,}281 \quad (28)$$

В результате расчетов, выполненных с учетом отдачи господдержки, уровня производительности труда, землеотдачи, рациональности сочетания основных отраслей и роли сельского хозяйства в экономике каждого субъекта Уральского федерального округа, агропроизводство целесообразно на 10%(45,2-35,2) увеличить в Челябинской и на 1,2% - в Свердловской областях.

В соответствии с этим изменяются и объемы годовой господдержки сельского хозяйства: их целесообразно увеличить с 3840 млн руб. до 6182,4 млн руб. (3840 млн руб. х 1,61), снизив её для других областей УрФО из-за низкой отдачи государственных субсидий. Механизм такого перераспределения должен быть предложен федеральному центру.

Перераспределение объемов производства конкретных (основных) видов агропродукции между субъектами УрФО нами выполнено с учетом коэффициента устойчивости их производства за период достаточно трудных для сельскохозяйственного производства 2010-2015 гг.

При этом за базовые объемы приняты средние их значения за указанное время. Результаты расчета представлены в таблице 28.

Основные выводы:

1. Учитывая существенную колеблемость в динамических рядах значений показателей, коэффициенты устойчивости для некоторых видов продукции оказались низкими, что привело к снижению объемов их производства, в отличие от средних значений. Особенно это характерно для зерна, устойчивое производство которого во всех субъектах УрФО невозможно из-за резко меняющихся погодных условий (повышенное увлажнение в уборочные периоды на среднем Урале и засухи в вегетационный период в Челябинской и Курганской областях). По аналогичной причине уровень производства предполагается и по картофелю и овощам.

2. Незначительное снижение от средних многолетних значений объемов производства отмечается и по основным видам животноводческой продукции, одной из причин сокращения также являются природно-климатические условия и низкоэффективное управление технологическими процессами в заготовке кормов.

Таблица 27 – Оптимальное распределение объемов производства валовой продукции сельского хозяйства в УрФО между его субъектами [1)]

Субъекты УрФО (области)	ВПСХ, млн руб., Q_1	Значение корректирующих коэффициентов											Расчетный объем ВПСХ, млн руб., Q_2	Доля субъекта в УрФО,%	
		Отдачи гос-поддержки		Производительность труда		Землеотдачи		Сочетания отраслей «золотая пропорция»		Структурной специализации		Совокупный корректирующий коэффициент		до оптимизации	после оптимизации
		$К_{гп}$	место	$К_{пт}$	место	$К_{зо}$	место	$К_{со}$	место	$К_{сс}$	место	$К_{с}$ [2)]			
Курганская	40640,7	0,66	4	1,078	2	0,51	4	0,766	3	0,945	3	0,761	30927,5	14,4	10,9
Свердловская	75004,4	0,96	2	0,84	4	1,55	1	1,041	2	0,95	2	1,043	78229,6	26,50	27,7
Челябинская	99499	1,61	1	1,11	1	0,87	3	1,21	1	1,86	1	1,281	127458,2	35,2	45,2
Тюменская	67134,6	0,773	3	0,97	3	1,073	2	0,677	4	0,25	4	0,68	45651,5	23,8	16,2
Всего или в среднем по региону	282278	0,997		0,995		1,00		0,814		1,0			282266,8 =282,3 млрдруб.	100	100

1) Рассчитано автором с использованием полученных им результатов расчетов, изложенных в приложениях 5, 6, 7, 8, 9

Совокупный коэффициент определялся на основе средней геометрической

Таблица 28 – Прогнозируемые объемы производства основных видов сельхозпродуктов в субъектах Уральского федерального округа с учетом коэффициента устойчивости [1)]

Области УрФО	Скорректированные на коэффициент устойчивости объемы производства основных видов агропродукции в субъектах УрФО [3)]																	
	Зерно			Картофель			Овощи			Мясо			Молоко			Яйца		
	$\overline{W_з}$, тыс. т	$К_у$ [4)]	$W_з$, тыс. т	$\overline{W_к}$, тыс. т	$К_у$	$W_к$, тыс. т	$\overline{W_о}$, тыс. т	$К_у$	$W_о$, тыс. т	$\overline{W_{мя}}$, тыс. т	$К_у$	$W_{мя}$, тыс. т	$\overline{W_{мо}}$, тыс. т	$К_у$	$W_{мо}$, тыс. т	$\overline{W_я}$, млн шт.	$К_у$	$W_я$, млн шт.
Курганская	1405,6	0,6	843,36	281,9	0,70	197,3	135	0,85	114,75	64	0,8	51,2	319,5	0,9	287,6	115,4	0,91	105,0
Свердловская	622,6	0,7	435,82	626,6	0,85	532,6	159,1	0,8	127,3	168,6	0,91	153,4	573,9	0,91	522,2	1354	0,96	1299,8
Челябинская	1244,7	0,66	821,5	679,5	0,72	496,0	258,3	0,73	214,4	278,1	0,79	219,7	505,9	0,9	455,3	1405	0,94	1320,7
Тюменская	1428,6	0,74[4]	1057,2	634,9	0,93	590,5	183,4	0,81	148,6	111,6	0,97	108,3	548,2	0,95	520,8	1394	0,98	1366,1
Всего по УрФО	4701,5		3157,9	2222,9		1816,4	735,8		605,1	622,3		532,6	1947,5		1785,9	4269		4091,6
В среднем по УрФО [2)]	1175,4		789,5	555,7		454,1	483,9		151,3	155,6		133,2	486,9		446,5	1067		1022,9

[1)] Рассчитано автором

[2)] Без фермерских хозяйств

[3)] База 2010-2015 гг.

[4)] $К_у$ - коэффициенты устойчивости, определяемые по формуле (из III главы диссертации)

В подтверждение необходимости использования такого варианта решения проблемы импортозамещения свидетельствуют выполненные автором диссертации результаты расчетов, представленных в таблице 29.

Таблица 29 – Результаты расчетов прогнозных объемов производства основных видов сельхозпродукции в субъектах УрФО по формам хозяйствования [1)]

Области УрФО и формы хозяйствования	Скорректированные на коэффициент устойчивости объемы производства основных видов сельхозпродукции на период 2017-2018 гг., тыс. т			
	мясо	молоко	картофель	овощи
Курганская	52,9	284,5	191,6	134,5
СХО	13,7	62,7	28,5	16,2
ХН	39,2	221,8	163,1	118,3
Свердловская	150,9	514,4	542,7	130,6
СХО	124,4	401,3	105,7	34,0
ХН	26,5	113,1	437	96,6
Челябинская	202,7	461,5	511,3	169,5
СХО	157,6	155,8	47,5	49,7
ХН	45,1	305,7	464,1	179,8
Тюменская	102,8	520,7	593,7	167,3
СХО	61,5	259,9	135	43,8
ХН	41,3	260,8	458,7	123,5
Всего по УрФО	509,3	1781,1	1839,6	661,9
СХО	397,2	879,7	316,7	143,7
ХН	152,1	901,4	1522,9	518,2

[1)] Рассчитано автором

По всем рассматриваемым видам и объемам сельхозпродукции преобладают хозяйства населения (ХН) Курганской области, что свидетельствует о неспособности ее сельскохозяйственных предприятий в сложившейся экономической ситуации решить проблему продовольственного самообеспечения и импортозамещения.

Наиболее сильные позиции ХН имеют по производству картофеля и овощей в Свердловской и Тюменской областях. Хотя ХН полностью уступают сельскохозяйственным организациям по производству зерна и птицы. Как отрасли мультипликаторы, они должны дотироваться по максимальному, с учетом их ресурсных возможностей.

По всем рассматриваемым видам и объемам сельхозпродукции преобладают хозяйства населения (ХН) Курганской области, что свидетельствует о неспособности ее сельскохозяйственных предприятий в сложившейся экономической ситуации решить проблему продовольственного самообеспечения и импортозамещения.

Наиболее сильные позиции ХН имеют по производству картофеля и овощей в Свердловской и Тюменской областях. Хотя ХН полностью уступают сельскохозяйственным организациям по производству зерна и птицы. Как отрасли мультипликаторы, они должны дотироваться по максимальному, с учетом их ресурсных возможностей.

Что же касается других видов сельхозпродукции, особенно картофеля и овощей, которые в основном производят хозяйства населения, то их поддержка, как сельхозпредприятий, по мнению диссертанта, должна осуществляться с учетом уровня их товарности и землеемкости. То есть, дотируется только та часть произведенной продукции, которая реализуется на рынке и меньше расходует земельной площади производства.

Расчетное перераспределение объемов производства картофеля и овощей представлено в таблице 30 с использованием следующей авторской формулы:

$$W^{l}_{ijt} = \left(\frac{F_{ijt}}{W_{ijt} \cdot \bar{P}_{ijt}} \Big/ K_{vijt} \right) \cdot K_{Tijt}, \quad (29)$$

где W^{l}_{ijt}, W_{ijt} – объемы производства i-ой сельхозпродукции в j-ом субъекте региона t-ой формой хозяйствования соответственно расчетный и базовый, тыс.т;

F_{ijt} – фактически используемая в базовом периоде земельная площадь для производства i-ой продукции в j-ом субъекте региона t-ой формой хозяйствования, тыс. га;

P_{ijt} – средняя отпускная цена1-ой продукции в j-ом субъекте региона t-ой формой хозяйствования, тыс. руб./т;

K_{vijt}, K_{Tijt} – коэффициент соответственно землеемкости и товарности при производстве i-ой продукции в j-ом субъекте региона t-ой формой хозяйствования.

При этом $K_{vijt} = V_{ijt} / \bar{V}_{it}$, (30)

где V_{ijt}, V_{it} – значения землеемкости соответственно при производстве i-ой продукции в j-ом субъекте региона t-ой формой хозяйствования и среднее значение данного показателя по региону;

Коэффициент:

$$K_{Tijt} = 0{,}1\frac{W_{ijt}}{W_{ijt}^{P}}, \quad (31)$$

где показатель в числителе объем произведенной продукции, в знаменателе – реализованной.

Используемые в таблице и не отмеченные выше символы:

Q_{kjt}, Q_{ojt} – стоимость соответственно картофеля и овощей, произведенных в j-ом субъекте УФО t-ми формами хозяйствования, млн руб.;

СХО – сельскохозяйственные организации;

ХН – хозяйства населения.

За овощную продукцию приняты наиболее распространенные в регионе ее виды (капуста, морковь, свекла, лук репчатый).

Полученные результаты расчета объемов производства, для которых целесообразно оказывать государственную поддержку в виде, например, гарантированного государственного (регионального) заказа (закупок), действуют максимум в течение одного года. Это связано с изменчивостью отпускных цен, базового объема агропродукции и используемой посевной площади.

Однако представленная методика расчета может быть использована в процессе краткосрочного планирования объема господдержки и госзаказа на товарную сельхозпродукцию, как сельскохозяйственными предприятиями, так и хозяйствами населения.

Таблица 30 – Результаты корректировки объемов производства картофеля и овощей в субъектах УрФО по формам хозяйствования с учетом землеемкости и товарности [1)]

Области УрФО и формы хозяйствования	Скорректированные значения объемов производства картофеля и овощей [2)]															
	картофель								овощи							
	W_{kjt}, тыс.т	$\overline{P}_{ijt}$, тыс. руб./т	Q_{kjt}, млн руб.	F_{kjt}, тыс. га	V_{kjt}	K_{vkjt}	K_{tkjt}	W^{l}_{kjt}, тыс.т	W_{kjt}, тыс.т	$\overline{P}_{ijt}$, тыс. руб./т	Q_{kjt}, млн руб.	F_{kjt}, тыс. га	V_{kjt}	K_{vkjt}	K_{tkjt}	W^{l}_{kjt}, тыс.т
Курганская																
СХО	44,2	7,7	340,3	2,3	0,0067	0,67	0,56	36,9	23,0	18,3	421	0,6	0,0014	0,93	0,7	17,3
ХН	269	9,7	2609	26,9	0,0103	1,54	0,18	31,4	153	20,2	3090,6	6,2	0,002	0,95	0,3	
Свердловская																
СХО	127,3	9,0	1145,7	8,2	0,0071	0,71	0,52	93,2	27,4	19,5	535,3	1,0	0,0018	1,2	0,61	13,9
ХН	529,8	11,4	6040	35,5	0,0058	0,86	0,20	123,2	115,2	18,7	2154,2	4,2	0,0019	0,9	0,2	25,6
Челябинская																
СХО	66,4	8,6	571	11,9	0,021	2,1	0,53	16,7	77,3	19,0	1468,7	3,3	0,0022	1,46	0,63	33,35
ХН	518,7	10,6	5498	35,4	0,0064	0,95	0,22	120,1	171,4	19,4	3325	9,8	0,003	1,43	0,22	26,4
Тюменская																
СХО	159,2	8,8	1401	7,6	0,0054	0,54	0,6	176,8	53,2	21,5	1143,8	1,1	0,0009	0,6	0,75	66,5
ХН	462,4	11,7	5410	24,7	0,0045	0,67	0,24	165,6	128,9	22,0	2835,8	4,5	0,0016	0,76	0,21	35,6
Всего по УрФО																
СХО	257,1	-	1345,8	30	-	-	-	323,6	180,9	-	3567,8	6,0	-	-	-	131,05
ХН	1779,9	-	19557	98,5	-	-	-	440,3	568,5	-	11405,6	24,7	-	-	-	110,32
В среднем по УрФО																
СХО	64,3	-	3364,5	7,5	0,01	-	0,55	80,9	45,2	19,6	891,9	1,5	0,0015	-	0,67	32,76
ХН	444,9	-	4889	24,6	0,0067	-	0,21	110,1	142,1	20,1	2851,4	6,2	0,0021	-	0,23	27,6

1) Рассчитано автором с использованием известных источников

2) Базовые значения объёмов производства приняты за 2018г.

Управление процессом планирования в рамках данного методического подхода может быть осуществлено региональной организационно-управленческой структурой, выполняющей координационные функции в торговых отношениях в сфере продовольственного самообеспечения субъектов УрФО, на основе рационального размещения производства сельхозпродукции, особенно растениеводческой, включая и корма.

Это, по мнению диссертанта, позволяет оптимизировать объемы господдержки скооперированных СХО и ХН и повысить отдачу земельных ресурсов. При таком варианте межсубъектного производственно-торгового взаимодействия и управления развитием аграрной сферы данного региона могут снизиться риски, связанные с трудностями реализации растениеводческой продукции.

Таким образом, программно-целевое планирование развития нелинейной агроэкономической системы на уровне региона во многом недооценено. Современная рыночная экономика не отменяет необходимость планирования, требует стратегического замысла, определения темпов реагирования организационно-экономического механизма при регулировании, координации из единого центра. Планомерность и организованность в этом случае хорошо вписываются в такую более сложную экономическую систему рыночных отношений, по сравнению с централизованной распределительной. Рынок сельскохозяйственной продукции не в полной мере эффективен только от воздействия спроса, предложения и конкуренции. Требуются профессионально подготовленные руководители, принимающие решения с учетом научно-обоснованного планирования. В основе новых принципов планирования закрепились государственно-частное партнерство, обеспечение долгосрочной конкурентоспособности, базисом остается методология планирования с использованием комплексного, программного, нормативного, динамического, прогнозного и других методологических подходов.

4.2. Формирование «интеллектуальных» агрокластеров в регионе на принципах цифровой экономики

Затрагивая сущностную сторону кластерной интеграции в агроэкономической системе, отметим, что их формирование постепенно становится одним из главных инструментов ее развития и стимулирования инновационной деятельности. Традиционно кластеры рассматривали как образования, связанные с определенной территорией. Такая локация территориальной близости позволяла получить экономическую эффективность от использования общих ресурсов, транспортной доступности, обмена знаниями и технологиями. Цифровая экономика предложила принципиально иной, чем прежде, формат объединений хозяйствующих организаций, перенося основные транзакции в цифровую виртуальную среду, которые могут быть определены с помощью понятия «интеллектуальный кластер».

В диссертационном исследовании уже анализировалась идея кластерной интеграции, которую в разное время предлагали классики экономической мысли и ученые современности, такие как А. Маршалл [172], Г. Фриман [406], Ф. Перру [231], М. Портер [238], А. Бабкин, А. Новиков [23], С. Чупров [383], Ю. Лапыгин [158] и др. Многие из авторов отмечают нелинейный характер трансформаций в любых хозяйственных системах, что влияет на возрастание теоретических и практических исследований природы экономической эволюции в региональных экономических системах. В современных условиях научная новизна таких исследований заключается в уточнении определения нового вида кластера, появление которого стало возможным благодаря развитию цифровой экономики.

Она, как хозяйственная деятельность по созданию, распространению и внедрению цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг, уже влияет на фундаментальные преобразования каждой сферы жизнедеятельности человека. Меняется абсолютно все: социализация, рынок труда, сфера здравоохранения, образование, коммуникации. В ней не существует границ

между производителем, продавцом и потребителем, ибо виртуальная среда объединяет их на основе автоматизации и искусственного интеллекта.

Среди основных принципов цифровой экономики называют: глобальный доступ к ресурсам без посредников; предоставление ресурсов в аренду; использование волонтерской модели; продажи по требованию через глобальные системы. Ресурсы, которые при этом используются: человеческие, вычислительно коммуникационная инфраструктура; технологии; IP блоки; бизнес-модели; интеллектуальное онлайн производство; финансы через сети.

Для агроэкономической системы принципы цифровой экономики важно заложить до написания концептуальных документов развития. Их несколько: достижение эффективности использования ресурсов; постоянно действующая программа цифровизации с обеспечением перехода к объективно-точным методам управления после планирования; внедрение в систему управления цифровой модели; программа самой цифровизации и создание различных сервисов; внедрение цифровых индикаторов программы и показателей результативности по объемам производства, затратам и потерь в денежном, стоимостном и энергическом эквивалентами. О важности этих индикаторов особо отмечает в своей публикации А. Краснова [143].

Одним из важных принципов является необходимость капитализации нематериальных активов по каждому мероприятию цифровизации. Источники финансирования определяются особо, требуют длительного переговорного процесса, равно как и режимы оценки решения каждой задачи и формы ответственности участников. В любом случае включение в сферу цифровой экономики любой организации требует качественной модернизации большинства функций управления.

Поскольку цифровая экономика направлена, прежде всего, на создание новых моделей экономического поведения участников рынка, представляющий собой своеобразный обмен товарами и услугами на основе цифровых технологий, автор выдвигает идею создания в регионе «интеллектуального агрокластера» на основе коммерческой цифровой платформы.

При его создании формируется онлайн-платформа, соединяющая двух агентов – продавца и покупателя. Доступ к платформе можно получить с компьютера, планшета или смартфона. Функционирование платформы осуществляется за счет комиссий от транзакций между двумя сторонами или за счет размещаемой рекламы.

Понятие «интеллектуальный агрокластер» предлагается диссертантом впервые и понимается как совокупность сельскохозяйственных организаций, устойчивое функционирование и взаимодействие которых осуществляется на основе цифровых коммуникационных технологий, производящих интеллектуальные и другие услуги, социальные инновации.

Интеллектуальной услугой признают деятельность, основанную на высококвалифицированном труде высокообразованных работников, результат которого неосязаем.

Социальная инновация – это новые идеи, стратегии, технологии, способствующие решению социально-значимых задач, вызывающих социальные изменения в обществе. В данном случае, технологии цифровой экономики, преобразующие все сферы человеческой деятельности.

Устойчивость функционирования в этом случае предполагает, что будет положено четкое взаимодействие системообразующих отраслей-мультипликаторов («ядра») и обслуживающих их организаций («сателлитов»).

На соответствующей цифровой платформе должна присутствовать необходимая бухгалтерская и технологическая информация.

В научной литературе присутствует понятие «виртуальный инновационный кластер», где автор [139] говорит про объединение в виртуальном пространстве организаций, участвующих в инновационном пространстве.

Еще один термин «виртуальная площадка» рассматривается в контексте дополнения к агрокластеру с применением некоторых информационных технологий. «Интеллектуальный агрокластер», по нашему мнению, использует максимально весь спектр сервисов на основе одной или нескольких цифровых платформ, объединяет по согласию других субъектов агроэкономических систем

независимо от их географической локации. Он остается самоорганизующейся и самоуправляющейся структурой, созданной на добровольных принципах объединения, в ней принимается четкая целевая установка – применение информационно-коммуникационных технологий с их дополнением по мере обновления.

Цель «интеллектуального кластера» – интегрировать сельскохозяйственные организации, расположенные не только на территории конкретного региона, но и вне его, предложив им оптимизацию операционных и трансакционных издержек на основе цифровой платформы. Отличие «интеллектуального агрокластера» от обычного агропромышленного в том, что преобладающая часть стоимости сельскохозяйственной и другой продукции, товаров, работ и услуг создается с использованием интеллектуальных ресурсов. Происходит интеллектуализация профессий ранее не требовавших знаний и умений для коммуникаций в виртуальном пространстве, владения компьютерной техникой, изучения правил экономического поведения участников рынка, овладения навыками дистанционного обучения, переподготовки и повышения квалификации.

«Интеллектуальный агрокластер» предполагает, в свою очередь, «цифровую логистику», которая вбирает в себя множество логистических задач: создание регламентов транспортировки и логистических центров, доступности и качества логистических услуг, цифрового автотранспорта и железной дороги и др. Экономическая составляющая такого «интеллектуального кластера» раскрывается через его влияние на воспроизводственные процессы в агроэкономической системе, формирование новых видов конкуренции, увеличение доли умственного труда и сокращение объемов труда физического, увеличением доли роботизации сельскохозяйственного производства.

Привлечение в «интеллектуальный агрокластер» даже конкурирующих агроорганизаций становится взаимовыгодным, особенно если они поддерживаются региональными властями как финансово, так и при координации деятельности основных субъектов кластера. Включение в такой кластер не только местных, но и сторонних организаций повышает его конкурентоспособность.

Одна из наиболее важных функций предлагаемого агрокластера – формирование и расширение рыночных каналов реализации сельскохозяйственной продукции через механизм прямой электронной торговли, создания единого электронного рынка сельскохозяйственной продукции в регионе и электронного портала.

Своеобразным маркером перспективности прямой электронной торговли сельскохозяйственной продукции стало увеличение числа ее пользователей в период пандемии COVID-19. Такой торговлей могут считаться только различные продажи, в которых покупатель осуществляет выбор по каталогам, размещаемых на web-сайте и делает заказ через Интернет, хотя этот спрос может меняться от мелких продаж к более крупным для крупных торговых сетей. Следовательно, здесь возможно дополнение к онлайн продажам еще и офлайн-продаж. В этой связи можно утверждать, что такая тенденция значительно повлияла на укрепление таких сервисов на длительный период, что меняет стратегию продаж по всей цепочке продовольственных товаров. Задача органов государственной власти обеспечить безопасность таких продаж, законодательно закрепить такие формы для агроэкономической системы. С одной стороны, это увеличит занятость населения в сельской местности, а с другой – увеличит доходы населения, построить систему доставки заказов малообеспеченным гражданам, пожилым людям. Приобретения через электронную торговлю значительно дешевле, нежели чем продукты в обычных магазинах и торговых сетях.

Имеющаяся нормативно-правовая база требует в этом случае значительного обновления, а помимо служб доставки создать бесконтактные посылочные автоматы, расширить формы таких смежных сервисов, как логистика и почтовые услуги, широкополосную связь в сельских и отдаленных районах, обучение навыкам электронной торговли сельского населения, защиту потребителей от недобросовестных продавцов и небезопасных продуктов.

В регионе потребуется создать Правила ведения такой торговли, маркировки товаров с перспективой превращения их в элемент законодательства.

«Интеллектуальный агрокластер» может стать экспертным и научным центром для аналитической работы, экспертиз и выработки дальнейших инициатив совместно с учеными Уральского государственного аграрного университета.

В середине февраля 2021 года аналитики Infoline обнародовали рейтинг крупнейших в России продавцов продуктов питания через интернет по итогам 2020 года. Первое место заняла X5 Retail Group с оборотом 21,9 млрд рублей, а в топ-3 лидеров рынка онлайн-продаж продовольствия вошли «Сбермаркет» (20,7 млрд рублей) и «Утконос» (16,4 млрд рублей). На четвёртой позиции расположился «Вкусвилл» с оборотом 14,9 млрд рублей. По оценкам Infoline, доля десяти крупнейших компаний составила порядка 80% против 70% в 2019 году. Всего на пятёрку лидеров приходится 86,5 млрд оборота – более 55% рынка онлайн-продаж продуктов питания в России в 2020 году.

Онлайн-продажи продуктов питания в России по итогам 2020 года взлетели на 314% относительно 2019-го – с 43 млрд до 135 млрд рублей. Об этом сообщается в исследовании компании InfoLine.

Россияне стали чаще покупать еду через интернет из-за пандемии коронавируса COVID-19, которая привела к тому, что люди стали гораздо больше времени проводить дома.

Стремительно развиваются сервисы экспресс-доставки продуктов [114].

Электронную торговлю называют еще E-commerce, которая может объединить в регионе через «Интеллектуальный агрокластер» все площадки и сервисы, где оплата происходит онлайн.

С ростом цифровизации и массовым переходом в онлайн E-commerce стала драйвером ключевых изменений в мировой экономике. Доступ к электронной коммерции сегодня возможен с любого смарт-устройства: на конец 2020 года в мире насчитывалось почти 10 млрд смартфонов, компьютеров и планшетов, подключенных к интернету. Это уже превышает население Земли (почти 8 млрд человек).

Главные цифры:

- В 2021 году, согласно прогнозам, число онлайн-покупателей в мире достигнет 2,14 млрд человек. В 2019 их было 2,05 млрд, а в 2018 – 1,79 млрд;
- Всего на электронную торговлю в 2021 году будет приходится 18,1% от всех розничных продаж в мире, а в 2023-м – 22%;
- Объем интернет-продаж в 2021-м составит почти 5 трлн долларов;
- Среди главных причин, по которым люди заказывают товары онлайн – бесплатная доставка (53%), акции и скидки (41%), возможность прочитать отзывы (35%), простота возврата (33%) и скорость оформления заказа (30%);
- 33,6% клиентов перед покупкой сравнивают цены на товары в онлайн-приложении и обычном магазине, 81% подробно изучают информацию в Сети перед крупными покупками.

Самые успешные кейсы E-commerce: Alibaba, JD.com, Amazon, eBay, среди российских онлайн-ритейлеров ASOS, Wildberries, Ozon, Яндекс.Маркет [380].

В частности, «Яндекс.Маркет» имеет несколько моделей сотрудничества: отгрузка и доставка товаров собственными силами; со склада; со склада продавца; часть со склада продавца, часть со своего склада. Но это без индивидуальной доставки покупателю в розницу. Между тем в мире появилось еще несколько трендов: осознанное потребление, невидимые платежи и оплата по лицу, голосовые помощники.

Создание и функционирование «Интеллектуального агрокластера» задача сложная, но выполнимая на уровне региона. Во многих научных публикациях утверждается, что кластеры возникают искусственно и спонтанно.

Подобный подход к возникновению кластера, по мнению автора диссертации, не гарантирует устойчивого функционирования данной интеграционной структуры, поскольку остается размытой целевая установка, ради которой следует объединение в ней различных организаций. Стихийности не свойственна эволюционность формирования и развития кластерной структуры, которая должна созревать внутри уже существующей интеграционной структуры, например, в агрохолдинге. На устойчивость ещё стихийно формирующегося кластера оказывают воздействие большое разнообразие внешних и внутренних

факторов, особенно в случаях одновременного их воздействия на формирующуюся интеграционную структуру типа кластера. К таким факторам можно отнести, например, уровень современности моделей рынка, в которых функционируют эти структуры.

При рассмотрении концепции «Интеллектуальный агрокластер» в агроэкономических системах УрФО важно предусмотреть исследование создания не только теоретических основ, но и практики создания тех же цифровых кластеров, создающих принципиально новую систему социально-экономических отношений, реализуемых на основе цифровой платформы. Не будет лишним изучение практики проектирования агропромышленных кластеров в ряде субъектов Российской Федерации.

Концептуальная модель развития региональных кластеров при переходе к цифровой экономике, а также механизм взаимодействия участников кластера представлен в научной работе О.Г. Чарыковой и Е.С. Марковой [370]. Представленный подход интересен, как и методика с использованием метода Difference indifference (DiD), но в нем отсутствуют предложения по преимуществам применения цифровых платформ.

Инновационный Балтымский животноводческий агрокластер с элементами цифровых технологий строится вблизи г. Екатеринбурга стоимостью в несколько миллиардов рублей с государственной поддержкой малого и среднего бизнеса Свердловской области.

По состоянию на конец 2020 года в Российской Федерации создано 59 промышленных кластеров. В УрФО только 6 [288]. Количество агрокластеров колеблется от 8 до 12.

Ни один из действующих агрокластеров не имеет специализированной коммерческой цифровой платформы. Наиболее цифровизирован агрокластер с логистическим центром по торговле плодовоовощной продукцией в г. Екатеринбурге «Кольцовский» с поставкой сезонной продукции местных производителей и привозной из зарубежных стран.

Предложенный в диссертационном исследовании «Интеллектуальный агрокластер» в регионе перспективен при достижении в агроэкономической системе высокого уровня инноваций, внедрения эффективных биотехнологий, когда производители интегрируют цепочки производства и сбыта, особенно новых сортов и видов сельскохозяйственной продукции. В условиях цифровой динамики предлагаемый агрокластер становится центром с интенсивным ростом данных, системой и основой цифровой трансформации.

Автором предлагается модель структуры «Интеллектуальный агрокластер» для Уральского федерального округа с территориальным размещением в одной из областей этого региона.

Под системой подразумевается цифровая платформа. Наиболее наглядно такая модель представлена на рисунке 9.

Приобретение той или иной цифровой платформы осуществляется на рынке программных и цифровых услуг в соответствии с техническим заданием и с учетом основных положений государственной программы «Цифровая экономика». В нашем случае это может быть прикладная цифровая платформа, используемая для обработки информации о заключении и выполнении сделок между несколькими экономическими субъектами-поставщиками, а также операторами и регуляторами.

Вместе с тем, более продвинутыми считаются инфраструктурные цифровые платформы, связанные с аграрно-экономическими системами в рынке, на которые выводятся ИТ-сервисы, использующие сквозные цифровые технологии работы с данными и доступ к источникам информации. К платформе такого типа относят General Electric Predix, ESRi, Arc GIS, ECUA, «CoBrain-Аналитика», ЭРА-ГЛОНАСС (партнерская программа).

Как и любой другой вид кластера «Интеллектуальный агрокластер» требует соответствующего мотивационного механизма управления и достижения финансовой устойчивости.

Рис. 9 – Модель структуры «Интеллектуального агрокластера» в регионе

Она выявляется по уровню рентабельности и значению ряда коэффициентов:

– автономии – финансовой независимости (указывает долю владельцев организаций в общей сумме средств, авансированных в ее деятельность, $К_А$=0,5 и более);

– инвестиционной активности (выражает инвестиционную активность и определяет объем средств, направленных на модернизацию и усовершенствование собственности и на финансовые вложения в другие фонды развития организаций);

–капитализации (показывает уровень заемных средств, приходящихся на рубль собственных средств, вложенных в активы организаций);

–устойчивого финансирования (представляет, какая часть активов финансируется за счет устойчивых источников, выражает степень независимости (или зависимости) организации от краткосрочных заёмных источников покрытия).

Все показатели должны отвечать нормативным требованиям, что отслеживается ежегодно с использованием цифровой платформы. Это позволит избежать коррупции в сфере контроля показателей, в случае использования, например, аудиторской структуры. Здесь важно отслеживать эффективность хозяйствования в «ядре» агрокластера, чтобы устанавливаемые льготы использовались с достаточной отдачей и в сохранении известных принципов кластеризации.

Продолжая тематику управления кластером, отметим, что она рассматривается как набор институциональных механизмов, обеспечивающих рост рыночной стоимости организаций. Управление кластером сводится к трем важным направлениям: координация взаимодействия с внешней средой; проведение согласованной финансово-экономической политики; координация производственно-хозяйственной деятельности участников кластера.

Ядро «Интеллектуального агрокластера» является основным управленческим звеном, а все субплатформы на цифровых технологиях придают динамику развития этому мультипликатору.

В авторской трактовке механизм управления «Интеллектуальным агрокластером» можно представить как процесс организационно-экономического воздействия на элементы его структуры со стороны коллективно избранного внутрикластерного управленческого совета, осуществляющего все основные функции управления, в рамках соблюдения известных принципов кластеризации, при мотивационном участии государственных органов в период ускоренного формирования агрокластера, дальнейшего устойчивого развития всех его субъектов, при деятельности по достижению ими достаточного уровня конкурентоспособности.

Организационная сторона воздействия проявляется, в основном, в процессе подбора субъектов кластера и координации их деятельности при решении ими своих предпринимательских задач. А экономическая – при согласовании экономических интересов субъектов агрокластера в процессе осуществления функций управления и решении задачи по оптимизации распределения дохода между структурными подразделениями интеграционного формирования, получаемого от реализации конечных видов продукции, а также от синергетического эффекта.

Синергийные эффекты основаны на том, что качественные характеристики совокупных свойств организованного целого существенно выходят за пределы арифметической суммы свойств его элементов. В социальных практиках этот эффект может привести не только к положительным, но и отрицательным последствиям. Так конкуренция приобретает самые уродливые формы с преобладанием недобросовестных действий одной из сторон. В агроэкономических системах, это одобряемая, но не поддерживаемая властью кооперация, формирование агрокластеров при доминировании крупных агрохолдингов и торговых сетей [185].

«Интеллектуальных агрокластеров» по причине больших инвестиций в их создание, в федеральном округе может быть не более двух, но агропромышленные кластеры могут и должны развиваться на условиях комплексного территориального расположения. Они всегда могут быть составными элементами ядра «Интеллектуального кластера», располагающего современной цифровой платформой с неограниченными возможностями.

Автором разработана модель механизма управления формированием и развитием такого агропромышленного кластера региона, на примере птицепродуктового комплекса Свердловской области (рис.10).

В «ядре» кластера размещены системообразующие отрасли мультипликатора (птицефабрики, комбикормовые заводы и наиболее рентабельные зернопроизводящие хозяйства). Сырьевую основу представляют (W_c=12,8 тыс.т), колхоз «Урал» (W_c=12,7 тыс.т), СПК «Килачевский» (W_c=20 тыс.т), СПК «Пригородное» (W_c=17 тыс.т), ОАО «Каменское» (W_c=18 тыс.т), СПК «Птицесовхоз Скатинский» (W_c=16 тыс.т), ООО «Вектор» (W_c=11,3 тыс.т), ООО «Белан» (W_c=10 тыс.т) и другие.

Однако, гарантированный годовой объем производства фуражного зерна для обеспечения требуемой загрузки комбикормовых организаций (190-200 тыс.т) может быть достигнут при включении в кластер зернопроизводящих хозяйств, расположенных в следующих территориальных формированиях:

1) муниципальных районах формированиях:

– Камышловском (W_c=33 тыс.т фуражного зерна);
– Пышминском (W_c=30 тыс.т);
– Алапаевском (W_c=43 тыс.т);
– Байкаловском (W_c=45 тыс.т);
– Ирбитском (W_c=100 тыс.т);

2) городских округах:

– Сухоложском (W_c=25 тыс.т);
– Белоярском (W_c=22 тыс.т);
– Богдановическом (W_c=44 тыс.т);

– Каменском (W_c=46 тыс.т);

– Талицком (W_c=47 тыс.т).

Всего 465 тыс.т, что почти в 2,5 раза превышает суммарный объем производства комбикормов. Такой подход к расчету соотношения объемов производства сырья и его переработки не точен, поскольку между производством и реализацией зерна огромная разница. В регионе среднегодовой объем производства данной продукции составляет 638 тыс.т, а на реализацию, по разным причинам, поступает только 120 тонн. Поэтому возникает насущная необходимость в мотивационном воздействии на зернопроизводителей для активации их предпринимательской деятельности, которая может реализовываться в агропромышленном кластере.

Следующие субъекты «ядра» кластера - перерабатывающие организации – комбикормовые заводы: ОАО «Богдановический комбикормовый завод» (W_c=29 тыс.т), ОАО «Ирбитское хлебопредприятие» (W_c=30 тыс.т), ОАО «Свердловский комбинат хлебопродуктов» (W_c=130 тыс.т).

Птицеводческие организации мясного и яичного направления: ООО «Нижнетагильская птицефабрика» ($W_{см}^1$=22 тыс.т); ОАО «Птицефабрика Рефтинская» ($W_{см}$= 50 тыс. т); ОАО «Птицефабрика Свердловская» ($W_{ся}^3$= 880 млн шт.); ОАО «Птицефабрика Среднеуральская» ($W_{СМ}$ =15 тыс.т); ООО «Птицефабрика Ирбитская» ($W_{см}$=48 тыс.т), СПК «Птицесовхоз Скатинский» ($W_{см}$=19 тыс.т).

Выбор птицеводческих организаций осуществлялся по результатам оценки уровня устойчивости той же рентабельности производства мяса птицы и яиц за 2015-2020 гг. Низкорентабельные птицефабрики могут быть включены в ядро кластера только после приобретения ими более устойчивого функционирования. Для этого они могут взаимодействовать на рынке с организациями «ядра» кластера, получая возможность дальнейшего развития.

Поэтапное (эволюционное) присоединение к кластеру сельскохозяйственных организаций и обслуживающих предприятий позволит

Рис. 10 – Модель механизма управления формированием и развитием агропромышленного кластера региона (на примере птицеводческого подкомплекса Свердловской области

расширить рамки данной интеграционной структуры и повысить устойчивость развития аграрной сферы региона.

Управленческие функции осуществляются, в основном, коллегиальным органом - координационным советом кластера, руководствуясь следующими принципами: развитие в общих интересах всех участников интеграционного формирования; комплексность подхода к приоритетности его развития; соблюдение этики деловых отношений.

Оснащение субъектов кластера объективной информацией осуществляет региональная компьютеризированная информационная система в АПК, или предлагаемый нами «Интеллектуальный агрокластер»; торговые отношения, в основном, происходят через кооперативную оптово- розничную систему, а инновационные ориентиры развития агропромышленного кластера обеспечивает исследовательский центр, который целесообразно создать при Министерстве АПК и потребительского рынка Свердловской области.

Подавляющее большинство научно-технологических достижений последних лет достигнуто на стыке информационных технологий и технологий физического мира. В этом тренде уже находятся и агроэкономические системы. Он перспективен в плане развития биотехнологий и синтетической биологии, дальнейшего совершенствования онлайн-сервисов, которые могут обеспечивать полный цикл обслуживания клиентов сегмента сельскохозяйственного производства и продуктов питания. В этой связи сегодня назрела необходимость реформирования не только реального производства сельскохозяйственной продукции, но и теоретических взглядов на источники его цифровизации. Отсутствие опоры на принцип системности в этой проблематике становится основным препятствием интеллектуализации агроэкономической системы. Поскольку экономическое развитие имеет нелинейный характер, цифровая трансформация в агроэкономической системе порождает качественные преобразования, а вместе с ними новые явления в развитии.

Стремительно растет рынок органической сельскохозяйственной продукции с применением так называемого точного хозяйства. Цифровые технологии устойчиво закрепляются в отечественном сельскохозяйственном производстве: дроны по изучению состояния почв и посевов, телеметрические датчики, робототехника, гидропонные фермы, технологии генной инженерии, технологии блокчейн, снижающие затраты на логистику и транспортировку, особенно скоропортящейся продукции, карты посевных площадей по данным, со спутников. Функционирование в стране «Электронного правительства» позволяет государству более эффективно осуществлять процессы регулирования агроэкономической системы путем создания нормативной базы, регулирующей экономическую деятельность субъектов.

Экономическая и социальная целесообразность применения информационных технологий не только на уровне регионального «Интеллектуального агрокластера», но и в агропромышленных кластерах в целом по аграрной сфере экономики, заключается в том, что такие технологии становятся главным двигателем не только в сфере производства, но и расширения электронной торговли, повышения уровня жизни, качества знаний сельского населения. Все чаще данные Росстата подтверждают тесную корреляцию уровня цифровизации с экономическим благополучием региона. По оценкам экспертов Россия имеет значительный резерв повышения эффективности аграрного производства (примерно в 3-5 раз) и потенциал роста оборота за счет внедрения цифровых процессов и технологий. Что касается цифровой экономики, то она остается исключительно перспективной экономической деятельностью с применением технологий, связанных с электронной коммерцией, электронными товарами и услугами, которые производятся и продаются.

4.3. Преимущества организационно-экономического механизма управления при достижении динамики стабильного развития сельских территорий региона

Дефиниция относительно устойчивого развития сельских территорий официально закреплена в Стратегии их устойчивого развития на период до 2030 года «Устойчивое развитие сельских территорий – стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышении эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель» [324].

По существу, в этом определении заложено решение шести сложнейших задач, выполнение которых и потребовало обращения к программно-целевому методу. Однако, по мнению Т.М. Ярковой, действующий в России программно-целевой подход нуждается в своем совершенствовании [398].

Вместе с тем, по результатам проведенного нами анализа выясняется, что при сравнении ранее действующей Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года» [136] и названной стратегии, в последней отсутствуют некоторые целевые ориентиры, которые были названы в Федеральной целевой программе.

Речь идет: о необходимости стимулирования инвестиционной активности и создании благоприятных инфраструктурных условий в сельской местности; о содействии созданию высокотехнологических рабочих мест на селе; об активизации участия граждан, проживающих в сельской местности, в реализации общественно-значимых проектов; о формировании позитивного отношения к сельской местности и сельскому образу жизни. Вероятнее всего это связано с более реалистичным взглядом на развитие сельских территорий, поскольку часть задач не может быть решена по причине финансовой неустойчивости в стране, а также расхождением взглядов на сложившуюся социальную действительность между населением и представителями власти.

Появление Стратегии устойчивого развития сельских территорий до 2030 года предшествовали инициативы органов государственной власти, законодателей, обеспокоенных состоянием этого стратегического ресурса, а

порой архаичными условиями существования сельского населения. По этим и другим причинам были приняты нормативные правовые акты, регулирующие экономические и социальные отношения в этой сфере:

– Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2020 года» утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации №858 от 3 декабря 2002 г. [316];

– Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации №2126-Р от 30 ноября 2010 г. [214];

– Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2014 годы и на период до 2020 года» утвержденная постановлением Правительства Российской федерации №598 15 июля 2013 г. [212].

Концепция федеральной целевой программы и Стратегия устойчивого развития сельских территорий до 2030 года названы ранее. Как отмечают исследователи [63], реализацией этих нормативных правовых актов обязаны заниматься органы государственной исполнительной власти. Значительна роль здесь органов местного самоуправления, которые непосредственно связаны с сельскими территориями в соответствии с Федеральным законом №131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [213]. В ежегодном докладе «О состоянии сельских территорий в Российской Федерации» [2011] отмечается, что имплицитно сельское развитие привязано к развитию аграрного производства, следовательно, поддержка сельского хозяйства содействует и сельскому развитию, аграрная политика остается неотъемлемой частью политики сельского развития.

Что примечательно, впервые за многие годы, авторы доклада выступили не в пользу централизованного планирования, считая необходимым усилить роль населения сельских территорий в процессах их модернизации и развития.

Целесообразно изменение в подходах к сельскому развитию – преодоление сложившейся презумпции знания федеральным центром потребностей населения. До настоящего времени все программы строились на так называемых «коробочных решениях», разработанных в федеральных ведомствах. В странах ОЭСР подход к проблеме кардинально иной – там центральные органы отбирают и софинансируют местные инициативы. Такой подход является главным механизмом сельского развития. Во-первых, население устанавливает приоритеты в развитии своего населенного пункта. Во-вторых, участие в разработке проекта и готовность его, хотя бы отчасти финансировать свидетельствуют о наличии более или менее активной социально-экономической жизни на территории, а значит, может служить обоснованием участия государства в развитии этой территории. В-третьих, данный подход содействует развитию гражданской активности населения, преодолению патерналистских настроений.

Иными словами, вся концепция государственной политики в сфере сельского развития должна основываться на местных проектах, представленных гражданами (причем как сельскими, так и городскими), муниципальными образованиями, частным сектором, некоммерческими организациями или объединениями всех поименованных. Это гарантия того, что государственная поддержка пойдёт в наиболее эффективные точки и с точки зрения направлений развития территорий.

Анализ разделов доклада и других информационных источников из Росреестра позволяет утверждать, что по результатам реализации нескольких государственных программ с 2002 года в России выявляются как положительные, так и отрицательные тенденции, касающиеся развития сельских территорий.

Из семи категорий земельного фонда в объеме 1712,5 млн га Российской Федерации, подразделяющихся в зависимости от целевого назначения земель, за период 2014-2018 гг. общая площадь земель сельскохозяйственного назначения сократилась на 3,3 млн га (0,9%). Доля сельскохозяйственных

угодий, которые подлежат особой охране и имеют приоритет в использовании, не изменилась. В частной собственности находится 7,8% земельного фонда, которые являются природным ресурсом сельских территорий.

Площадь земель лесного фонда и земель иных категорий, на которых расположены леса почти не изменилась и составляет 1187,7 млн га.

Общая площадь государственных природных заповедников и национальных парков за эти годы увеличилась на 12,1%, достигнув 237,7 млн га. На них осуществляется эколого-просветительская и туристическая деятельность, что увеличивает долю занятости сельского населения.

Общее количество сельских поселений, которую обозначают как поселенческую сеть за 2014-2018 гг. продолжает сокращаться. Прекратили существование 1076 сельских поселений или 5,8%. В УрФО было 1065, осталось 1036 (-2,7%) [377]. Очевидной тенденцией остается постепенное измельчание сельских поселений, когда возрастают небольшие поселения (до 500 чел.) и увеличивается количество жителей в крупных поселениях (более 5 тыс. чел.). При этом в крупных поселениях проживает 13,9% всего сельского населения (4482,2 тыс. чел.). Средний размер сельского поселения в УрФО остался прежним – 1560 чел.

В целом по России отмечается сокращение численности сельского населения не только по причине отрицательного естественного прироста, но и в силу переезда молодежи в городе (миграционный отток). Общая численность сельских жителей составила к 2019 году 37 млн 327 тыс. человек, что на 226 тыс. (на 0,6%) меньше, чем на 1 января 2018 года. Для областей УрФО это сокращение составляет только за эти годы почти 19 тыс. человек, равно как нет прироста в удельном весе населения. В 2015 году он составлял 19,1%, а в 2019 уже 18,5% (-0,6%). Соответственно происходит рост численности сельского населения старше трудоспособного возраста с 23,1% до 26,8%.

Общий коэффициент смертности в целом по городской и сельской местности продолжает снижаться с 2006 года, что является положительной тенденцией, но в сельской местности он остается выше, чем в городе (13,6

против 12 смертей на 1000 жителей) [378]. Средняя продолжительность жизни в УрФО немного увеличилась с 2015 года: с 67,8 – до 69,7 лет в 2019 году.

Анализ численности и динамики рабочей силы в сельской местности показывает сокращение работников в возрасте 15-72 лет на 151 тыс. человек, хотя заметно некоторое увеличение уровня занятости на 0,4%, но только среди трудоспособных групп населения. Субъекты УрФО находятся в устойчивых группах (вторая и третья) по уровню занятости [264].

Как свидетельствуют данные Росстата и выборочные исследования по индексам потребительских цен на товары и услуги, с 2011 года среднедушевые доходы сельского населения и располагаемые ресурсы сельских домохозяйств выросли к 2019 году номинально на 63,4%, но с учетом инфляции всего на 1,7% [97, 112]. Это подтверждает наши выводы в диссертационном исследовании об устойчивом дефиците денежных средств для улучшения качества жизни на селе.

Что касается средних расходов на конечное потребление и доли расходов на питание в сельской местности, то они существенно выше, чем в городе, что тоже может выступать индикатором уровня жизни семей, а точнее бедности. И если количество пенсионеров в целом по стране с 2012 по 2020 годы продолжает увеличиваться в среднем на 1,3%, то в сельской местности, по официальной статистике, сокращается с колебаниями по годам: в 2011 году их было 11845 тыс.чел., в а 2019 году уже 11423 тыс.чел. (-2,4%) [266].

При сравнении удельных объемов продовольствия выявляется, что недостаточность денежных средств повлияла на структуру питания сельских жителей. За период с 2011 по 2020 годы увеличилось на 25,7% потребление хлеба, на 20,2% сахара, на 19,3% картофеля. Потребление фруктов сократилось на 10,2%, мяса – на 9,4% [240, 243].

Отрадно, что по статистическим данным устойчиво растет сельский жилищный фонд. В 2011 году он составлял около 900 млнм^2, а к 2019 году уже 1004,2 млнм^2. Обеспеченность сельского населения общей площадью к 2019 году составила 26,9 м^2 на человека против 24,4 м^2 в городе. В УрФО этот рост

наблюдался постоянно. На селе показатель обеспеченности общей площадью жилых помещений составляет 27,7 м^2, в городе 24,9 м^2, хотя степень износа жилых площадей здесь более 70%, в 4 раза больше, чем в городе.

За последние годы падение темпов ввода жилья в сельской местности наблюдается повсеместно. УрФО не является исключением.

Общим выводом по результатам сравнительного сопоставления имеющихся статистических данных может быть утверждение, что государственная стратегия по достижению устойчивого развития сельских территорий до 2030 года не в полной мере отвечает тем устремлениям населения в сельской местности, которые связаны с их коренными изменениями в качестве жизни.

В Отчете о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ влияния мероприятий по развитию жилищного строительства и инженерной инфраструктуры на уровень развития сельских территорий, реализуемых в 2018-2019 годах и истекшем периоде 2020 года» в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и Государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» [224], Счетная палата Российской Федерации провела анализ реализации мер комплексного развития сельских территорий и отметила их низкую результативность и недостаточное влияние на качество жизни на селе.

За 2018-2020 годы (проверяемый период) общий объем финансового обеспечения указанных мероприятий составил 41,1 млрд рублей. Свыше половины указанной суммы было направлено на улучшение жилищных условий сельского населения и развитие инженерной инфраструктуры. Однако влияние мероприятий по созданию комфортной среды проживания составила 0,46% от целевого показателя. Уровень жизни на селе к 2021 году, по-прежнему отстает от городского. Уровень газификации остался на уровне 60,7%, обеспеченности населения сел питьевой водой 67,9%. Получается, что требуется не только провести инвентаризацию незавершенных объектов их

подключения к сетевому газоснабжению, но и пересмотр состава мер государственной поддержки (объема финансирования) в часть улучшения жилищных условий.

Первые выводы Счетной палаты РФ: отсутствие жилья, слабая инфраструктура препятствует привлечению кадров, что усугубляет проблемы уровня жизни в сельской местности. На 1 января 2020 г. уровень газификации остается в пределах 60,2%, безработица в два раза выше, чем в городе, заработная плата на 35,1% ниже в целом по отраслям экономики.

Но выявляется один внешний аспект: Минсельхоз по данным, представляемым в Счетную палату РФ, дает данные, что показатели по устойчивому развитию сельских территорий ежегодно перевыполняются, за исключением показателя ввода в действие общеобразовательных организаций, однако достоверность ведомственной отчетности вызвала у аудиторов дополнительные вопросы, что свидетельствует о недостатках в системе учета и отчетности по агроэкономической системе страны, отсутствует выверка предоставляемых данных.

Среди общих выводов Счетной палаты РФ названы отсутствие дифференцированного подхода к социально-экономическому и устойчивому развитию сельских территорий, а также требований и стандартов, связанных с повышением уровня и качества жизни сельского населения. Эта государственная структура только анализирует и фиксирует действительное состояние выполненных государственных программ по развитию сельских территорий, но научный анализ дает основание утверждать, что это государственная программа, как и ранее действующие, свидетельствуют об отсутствии преемственности взятых государством обязательств.

Автор позволяет себе такой осторожный вывод после ознакомления с аналитическими материалами данных и сравнения статистических данных в целом по стране.

Современная теория и практика развития сельских территорий выявляет определенные противоречия. С одной стороны, отечественная

агроэкономическая система (сельское хозяйство) демонстрирует развитие в отдельных областях деятельности, особенно по результатам работы крупных агрохолдингов, а с другой – население сельских территорий стремительно сокращается, в том числе и миграция трудоспособных граждан в города. И если не рассматривать эволюцию агроэкономической системы в целом по России, то нельзя будет обнаружить ее тенденции и в отдельно взятом регионе. В методологическом плане не только объемы сельскохозяйственного производства определяют устойчивость нахождения граждан в сельской местности, но и культурные, семейные, традиционно сложившиеся формы жизни, социальные, экономические контакты и обыденные потребности человека. К сожалению, не всегда прозрачная, часто меняющая свои целевые установки аграрная политика, отчуждает трудоспособное население от занятия сельскохозяйственной деятельностью, «гонит» его в города или в среду сетевых экономических отношений через Интернет.

Исследователи развития сельских территорий в Уральском федеральном округе представили научному сообществу аналитический материал с применением статистических методов при изучении динамики численности сельского населения, «мягких данных», полученных в ходе интервью с жителями сел и деревень, руководителями сельскохозяйственных организаций, представителями районных администраций, глав сельских поселений и местными депутатами. Данные дают описание структурных изменений в агроэкономических системах всех областей, входящих в УрФО [87].

Ознакомление с динамикой численности населения в Тюменской области (вместе с ЯНАО и ХМАО – Югра) позволяет увидеть хотя и медленное, но все же увеличение числа жителей, начиная с 1991 года до настоящего времени. Это, по нашему мнению, происходит как по причине устойчивого развития этих нефтеносных территорий, так и по высокому уровню доходов.

В отличие от Тюменской области, по данным ученых, тенденция постоянного уменьшения численности населения наблюдается опять же с 1991 года по Курганской и Челябинской областям. Свердловская область имеет

динамику приращения численности: от 590 тыс. чел. в начале изучаемого периода и 650 тыс. чел. в конце его.

Для развития сельских территорий важна устойчивость сельскохозяйственного производства. Увеличив инвестиции в производство птицы, коз, овец, Челябинская область стала достигать прибыльности этой продукции. Положительная динамика по производству скота и птицы на убой наблюдается за исследуемый период только в Свердловской области.

Таким образом, на лидирующих позициях остаются только Челябинская и Свердловская области.

Расчеты и оценки, результаты полевых исследований по схемам глубинных интервью и кейсам, привели автора к некоторым выводам:

- местное самоуправление испытывает жесткий бюрократический контроль и сверхцентрализацию в условиях хронического дефицита финансовых и других ресурсов на развитие территорий;
- надежды на массовую модернизацию (за счет государства) инфраструктуры сельских территорий вряд ли оправданы;
- маргинальность села подтверждается фактом демографического опустынивания сельских территорий, визуально – в деградации социальной среды;
- социальный тип и образ крестьянства раздробился и фрагментизировался в отдельные производственные практики с единственной целью – чтобы просто выжить;
- особых перспектив достижения устойчивого развития сельских территорий в УрФО не просматривается.

Во многом такие наблюдения совпадают с научными обобщениями и рекомендациями академика РАН И.Г. Ушачева [347] и академика РАН А.В. Петрикова [233], высказанными на 454 заседании Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации 13 марта 2019 года.

Причины не достижения определенных показателей в стратегии устойчивого развития сельских территорий могут быть разные, среди которых,

по нашему мнению, недостаточно эффективный организационно-экономический механизм управления.

В первой главе диссертационного исследования было предложено авторское определение организационно-экономического управления устойчивым развитием, у которого могут быть различные объекты влияния. Применительно к сельским территориям – это необходимый элемент системы управления сельской территории, содержащий для достижения устойчивости комплекс правовых норм, различных экономических инструментов, ориентированных на ее развитие. Рассматривая организационно-экономический механизм управления развитием сельских территорий как систему, мы видим в ней совокупность принципов, функций, методов, организационных структур, воздействующих на развитие мотивации к участию в предпринимательской, инновационной деятельности с целью повышения уровня жизни и поддержание социальных, культурных традиций сельского образа жизни.

В основе данного механизма, по мнению диссертанта, находятся целевые установки, принципы, условия, требования, задачи и региональные возможности их решения. При этом каждый из названных элементов теоретико-методологической базы данного механизма может быть логически представлен в приоритетной последовательности их исполнения в процессе достижения целевых установок, как это изложено таблице 31.

Среди целевых установок важнейшим можно считать сохранение и дальнейшее развитие сельских территорий на основе продуманной аграрной политики, нацеленной на положительное решение следующей по приоритетности исполнения целевой установки – повышение уровня жизни каждого сельского жителя, предоставление всех необходимых условий для творческого созидательного труда в рыночных условиях.

К сожалению, основа предпринимательства в сельской местности – действующий механизм продовольственного рынка, в настоящее время не мотивирует аграриев к развитию творческой инициативы, поскольку данный

Таблица 31 – Целевые установки, принципы, условия и требования, задачи и приоритетность их исполнения, учитываемые, в процессе формирования организационно-экономического механизма развития сельских территорий [1)]

Целевые установки и приоритетность их исполнения	Приоритетность исполнения		
	Принципы	Принципы	Принципы
1. Ориентация аграрной политики на сохранение и развитие сельских территорий. 2. Повышение уровня качества жизни сельского населений. 3. Повышение конкурентоспособности сельских территорий на основе совершенствования рыночных механизмов.	1. Системность [61]. 2. Комплексность[90]. 3. Институциональность. 4. Информационность. 5. Многофункциональность. 6. Мотивационность. 7. Сбалансированность. 8. Синергетичность. 9. Самоуправление.	1. Равновесие системы [99] 2. Доминирование экономки над политикой. 3. Сокращение деградации агроресурсного потенциала без превышения критического уровня. 4. Наличие системообразующих отраслей-мультипликаторов 5. Объективность информации. 6. Учёт региональных особенностей при' выборе сценариев развития территории. 7. Наличие стимулов к инновационной деятельности. 8. Наличие оптимальной институциональной среды, особенно кредита, страхования рисков, господдержки, налогообложения.	1. Разработка сценариев развития сельских территорий с учетом возможных вариантов воздействия на него институциональной среды. 2. Разработка социально-финансовых нормативов для выявления потребности в инвестиционных ресурсах на развитие сельских территорий. 3. Повышение занятости сельского населения на основе развития диверсификационного предпринимательства. 4. Совершенствование управления в сфере государственной поддержки региональных программ развития сельских территорий. 5. Управление процессом сохранения малых сельских поселений и сельского образа жизни (начальный этап).

[1)] Разработано автором диссертации

рынок принадлежит крупным торговым сетям частного агробизнеса, подчиняющих сельчан своим экономическим интересам, игнорируя их социальные потребности. Поэтому следующей по приоритетности целевой установкой предложена такая: совершенствование рыночных механизмов, обеспечивающих достижение конкурентных преимуществ сельхозтоваропроизводителям на продовольственном, других рынках в пределах конкретной сельской территории, что, как известно, обеспечивается за счёт создания цивилизованных форм кооперации и агропромышленной интеграции.

Именно эти организационно-правовые формы позволяют не только повысить конкурентоспособность внутритерриториальных рынков, но и избежать нежелательно высокой конкурентной борьбы на них между товаропроизводителями региона, ослабляя его конкурентные позиции.

Системный и комплексный характер организационно-экономического механизма управления развитием сельских территорий проявляется в принципиальных положениях, а также изложенных в приоритетной последовательности условиях, требованиях, задачах и региональных возможностях их реализации, которые изложены в предыдущих разделах диссертационной работы.

Рассмотрение данного организационно-экономического механизма, с обращением к принципу комплексности, неизбежно связывает его с междисциплинарным подходом при исследовании сельских территорий, связанным с таким дисциплинами: социология, (изучение социальных процессов на селе), экономика (сбалансированное развитие социальной и производительной инфраструктуры), психология (изучение психологии современного крестьянина, подбор управленческого персонала), философия (диалектический подход к исследованию процесса управления, при всестороннем его рассмотрении, как специфической области социальной деятельности).

Представленную приоритетность воздействия принципов на организационно-экономический механизм управления развитием сельских территорий, очевидно, не следует рассматривать в статике, поскольку под

воздействием возможных изменений в аграрной политике и в институциональной сфере, а также в региональных социально-экономических условиях, указанная приоритетность может изменяться.

Возможно взаимодействие и взаимосвязанность принципов, например, «институциональность» и «самоуправление», занимающие по приоритетности исполнения разные места. Последний принцип размещён в конце представленного перечня, что можно объяснить постепенностью (эволюционностью) перехода на самоуправление, целесообразность которого вызвана возникновением периода подготовки сельского населения перехода к нему в форме общественных объединений.

Известно, что в сельской местности жители на своей территории могут осуществлять местное самоуправление по трём направлениям: в форме местного самоуправления (Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»); в форме некоммерческих организаций (Федеральный закон «О некоммерческих организациях») и в форме общественных объединений (Федеральный закон «Об общественных объединениях») [26, 27, 79].

К наиболее значимой для села форме можно отнести самоуправление в виде общественного объединения, как наиболее устойчивой к вмешательству в управленческий процесс командных (неэффективных) «сверху» указаний. Данный вывод подтверждается добровольным имущественно-паевом объединением жителей села и даже юридических лиц на территориальной основе с целью сохранения и развития сельского поселения, а также выборностью управленческого (исполнительного) органа.

Было бы целесообразнее в соответствующих учредительных документах прописать разграничение функций управления между общественным объединением и государственными властными структурами. К наиболее важным функциям управленческого характера, которые должен приоритетно определять выборный управленческий орган общественного объединения, можно было бы отнести следующие:

1) осуществление контроля за процессом перераспределения земель сельхозназначения (в случаях их перевода администрацией муниципалитетов в другие категории);

2) повышение занятости и доходов сельского населения на основе развития диверсификационных видов аграрного предпринимательства при эффективном взаимодействии с органами государственной власти;

3) поддержка малых форм хозяйствования и оказание им помощи в продвижении их продукции на рынок;

4) непосредственное участие в разработке программы социально-экономического развития территорий;

5) осуществление контроля за уровнем обеспеченности населения сельской территории социальными услугами и другие функции.

В диссертационной работе Е.П. Афанасьева [21] еще в 2008 году отмечалось, а затем неоднократно аргументировалось в научных публикациях, что основой развития сельской местности может стать потребительская кооперация, а в качестве её инструмента – государственно-частное партнёрство. Рассматривая институциональную сторону развития сельских территорий, авторы особо важное значение придают решению проблемы совершенствования организационно-экономических механизмов институтов социального развития села, реализуемых на основе межбюджетного взаимодействия. Указывается, что успешность управления развитием сельских территорий в основном зависит от эффективности функционирования института местных сообществ. Однако здесь же утверждается, что совершенствование мер и механизмов развития сельских территорий «возможно только на базе органов федеральной власти». Но данное противоречие, на наш взгляд, снимается, если окончательное решение о приоритетах развития конкретных сельских территорий будет за институтом местного самоуправления.

Такой подход к механизму управления развитием сельской местности исключает проявление коррупции, неизбежно возникающей, особенно при реализации государственных проектов комплексной застройки сельских

поселений. Орган местного самоуправления, который может быть назван, например, гражданским советом территорий, исполняет не только разрешительную, но и контрольную функцию, что как показывает практика, не в состоянии осуществить без нарушений даже непосредственно названная контролирующая организация.

Далее за институциональностью, являющейся основой дальнейших управленческих действий по развитию сельских территорий, следует принцип «информационности», обеспечивающий возможность осуществления коммуникации и доступа к информационным ресурсам на оптимальном уровне.

Среди условий и требований наиболее приоритетным представлено «равновесие системы», предполагающее соблюдение принципа преемственности в принимаемых управленческих решениях. То есть, организационно-экономический механизм управления, как система, должен обладать достаточным уровнем устойчивости к принятию руководителями этих решений в рамках законодательства и установленных нормативных, правовых норм.

Следующее условие (требование) предусматривает преобладание экономики над политикой, сдерживающей отрицательное влияние властных структур на процесс социально-экономического развития и обеспечивающее эффективность управления. Данный вывод подтверждается практикой управления аграрным сектором экономики, когда каждая политическая элита, пришедшая к власти, пыталась внедрить свой «особый» вариант развития сельского хозяйства. И ни одной из них так и не удалось решить проблему эффективного развития сельской местности и агроэкономической системы в стране [253]. Не решена главная задача – социальная направленность управления, с ее экономическим блоком – рационального государственного регулирования рыночных отношений, способствующего формированию конкурентной среды на продовольственном рынке, что отвечает экономическим интересам участникам сельскохозяйственного производства.

Важное условие, требующее соблюдения и в настоящее время, не допускать достижения критического уровня деградации агроресурсного потенциала, который в разных регионах может иметь свои параметры.

Если рассматривать микроуровень – сельские населённые пункты или их совокупность, то за критические состояния деградации трудовых и земельных ресурсов можно было бы принять рекомендуемое академиком РАН А. Костяевым значение плотности населения территорий. По утверждению автора «малочисленная сельская территория с плотностью населения менее 5 чел./кв.км не имеет никаких перспектив для саморазвития» [140]. Там, где почти нет населения, земля не используется, зарастая кустарником, то есть деградирует.

Выводы ученых были подтверждены в ежегодном докладе Минсельхоза России по итогам 2018 года [211]. В разделе «Сельская поселенческая сеть и характеристика сельских поселений» зафиксировано их постоянное уменьшение по сравнению с 2014 годом (темп сокращения 1,9%). В УрФО их количество с 2014 до 2019 года сократилось с 1056 до 1036 сельских поселений.

По группам численности от 5000 человек до 500 человек в сельском поселении наблюдается их устойчивое сокращение, равно как от 5000 до 20000 человек и более.

По нашему мнению, снижение до критического уровня количества сельского населения, требует не только постоянного мониторинга, но и принятия безотлагательных мер по приостановке этого процесса, пересмотру целевых показателей и объема финансирования по стратегии развития сельских территорий до 2030 года.

Критический уровень деградации ресурсного потенциала диссертантом предлагается определить по двум показателям: инвестиционному и расходному мультипликаторам (Mi, M2), рассматриваемых по следующим соотношениям:

$$M_1 = {\Delta J_t}/{\Delta W_t} \leq 1, \quad (32)$$

$$M_2 = {\Delta C}/{\Delta G} > 1, \quad (33)$$

где ΔJ_t, ΔW_t – приращение объёма привлекаемых инвестиций и валовой продукции сельского хозяйства территорий за период t;

ΔC, ΔG – темпы прироста расходов на восстановление деградированных ресурсов и предельного объёма выделяемых муниципалитету или региону бюджетных средств.

Критические значения мультипликаторов возникают при $M_1<1$ и $M_2>1$.

Условия и требования под номерами 4,5,6,8 (табл.32) были обоснованы в предыдущих разделах диссертационной работы.

Что касается пункта 7 (наличие стимулов к инновационной деятельности), то их приоритетную реализацию можно было бы, по нашему мнению, представить в следующем порядке: законодательно оформленная государственная инновационная политика в агроэкономической системе; механизм господдержки приоритетных инновационных решений в регионах, с учетом предложений органов местного самоуправления, организационно-управленческое сопровождение их реализации; наличие региональных научно-инновационных центров, дающих объективную оценку инновациям и способствующих их ускоренному документальному оформлению в интеллектуальную собственность; предоставление льгот по налогообложению и кредитованию инвесторов в сфере инноваций; наличие системы поощрительных мер для ВУЗов, участвующих в научных проектах федерального уровня, организующих систематическое проведение конкурсов студенческих работ, относящихся к инновационному направлению исследований.

В предоставленной приоритетности решения задач, связанных с организационно-экономическим механизмом управления развитием сельских территорий, на первом месте автором диссертации размещена разработка сценариев их развития с учетом возможности вариантов воздействия на него институциональной среды.

Можно с уверенностью утверждать, что теоретико-методологическая база в названный организационно-экономический механизм уже заложена рядом ведущих ученых экономистов-аграрников.

В частности, академиком РАН А. Костяевым сформулирована определенная часть методологического аппарата по изучению и построению механизмов развития сельских территорий, исходя из нормативного подхода. Представлена совокупность «регуляторов», ориентируемых на воспроизводственный процесс, ликвидацию дисбаланса в соотношении «население – территория», активизацию человеческого потенциала на селе, стимулирование привлечения инвестиций в развитие сельских территорий [140].

Целесообразно было бы, по нашему мнению, в регуляторы, стимулирующие ориентацию населения на «сельскую оседлость», включить такой элемент, как сдерживание процесса концентрации сельского населения в крупных населенных пунктах и создание особых мотивационных условий для привлечения трудовых ресурсов в малые (умирающие) деревни и сёла, где достаточно заброшенных сельхозземель. А в правовом поле законодательно закрепить запрет на проведение политики о «неперспективных селах и деревнях», как это, например, узаконено в Китае.

Мы солидарны с мнением П. Бондаренко [42], что к наиболее вероятным сценариям и стандартам развития сельских территорий, обеспечения их социальными услугами, следует отнести следующие:

- Дальнейшее расширение создания крупных агрохолдингов и агропромышленных объединений, создаваемых финансовыми структурами, должно происходить с условием их реального финансового вклада в развитие сельских территорий.
- Сохранение традиционного уклада, основанного на мелкотоварном и нетоварном производстве, в форме фермерских хозяйств и хозяйств населения.

При изменении аграрной политики в интересах большинства сельских товаропроизводителей возможен и третий сценарий, в основе которого будет заложен государственно-кооперативный механизм управления в аграрной сфере экономики. Причем в кооперативной его составляющей должна возрастать роль в управлении общественных объединений.

В других источниках методологического характера [192] для повышения эффективности политики развития сельских территорий предлагались следующие меры:

1) сформировать и утвердить научно обоснованную систему нормативов социального обустройства сельских поселений...;

2) улучшить межведомственную координацию в регулировании развития сельских территорий;

3) обогащать госпрограммы развития села показателями по ресурсному обеспечению, выраженными в соответствующих индикаторах;

4) совершенствовать бюджетные отношения и налогооблагаемую базу местного самоуправления, увязав их с повышением доходности сельского хозяйства и развитием альтернативных видов деятельности;

5) установить льготное налогообложение в сфере жилищного строительства и таможенное регулирование в соответствующих направлениях бизнеса;

6) во всех субъектах РФ разработать балансы трудовых ресурсов сельских территорий и программы создания и сохранения рабочих мест, сориентированных на обеспечение занятости экономически активного сельского населения.

К сожалению, в представленных направлениях повышения эффективности сельского развития недостаёт главного – механизма их реализации, выраженного через соответствующий методический аппарат. Возьмём, например, систему социальных нормативов, которые требуют обновления, поскольку не отвечают современным требованиям. Сейчас возникает необходимость в разработке социально-финансовых нормативов с корректировкой их по качественным характеристикам. Для этого удельный объём финансовых расходов, необходимых для выполнения i-го социального норматива в j-ом территориальном формировании (q_{ij}) умножается на два индекса: $(И^{н}_{ij})$ – соотношение нормативного $(Q^{н}_{ij})$ и фактического $(Q^{ф}_{ij})$ значения i-го показателя в j-ом территориальном формировании; $(И^{с}_{ij})$ - – соотношение нормативного уровня

качественного состояния i-го показателя $(d_{ij}^{н})$ к его фактическому значению $(d_{ij}^{ф})$. Тогда финансовый норматив (J_{ij}) для его социальной составляющей можно было бы определить по следующему математическому выражению:

$$J_{ij} = q_{ij} \cdot И_{ij}^{н} \cdot И_{ij}^{с} = q_{ij} \cdot {Q_{ij}^{н}}/{Q_{ij}^{ф}} \cdot {d_{ij}^{н}}/{d_{ij}^{ф}}, \quad (34)$$

Например, в j-ом муниципальном формировании обеспеченность сельского населения благоустроенным жильём составляет 12 кв.м/чел. при действующем нормативе 18 кв.м/чел., фактическая доля качественного жилья – 65%, при нормативе 90%, цена 1 кв.м. благоустроенного жилья в данной сельской местности – 20 тыс. руб. Тогда социально-финансовый норматив, выраженный в цене благоустроенного жилья в данном территориальном формировании составит:

$$J_{ij} = 20 \cdot \frac{18}{12} \cdot \frac{80}{65} = 36{,}9 \text{ тыс. руб.}, \quad (35)$$

Вывод: с увеличением спроса на благоустроенное жильё цена на него возрастает, что приводит к возрастанию финансового норматива.

Вместе с тем, такой подход к расчету не отражает в полной мере сущности данного норматива, что вызывает необходимость в использовании упрощённого варианта, который можно представить следующей формулой:

$$J_{ij} = \left[q_{ij}\left(Q_{ij}^{н} - Q_{ij}^{ф}\right) \cdot И_{ij}^{к}\right] \cdot V_{ij}, \quad (36)$$

где $И_{ij}^{к}$ – индекс выражающий уровень качества i-го социального объекта в j-ой сельской местности, рассчитываемый отношением его фактического значения $q_{ij}^{ф}$ к нормативному (среднерегиональному) - $q_{ij}^{н}$;

V_{ij} – общий объём социального обеспечения по i-му показателю.

Тогда формула (36) примет вид:

$$J_{ij} = \left[q_{ij}\left(Q_{ij}^{н} - Q_{ij}^{ф}\right) \cdot {d_{ij}^{ф}}/{d_{ij}^{н}}\right] \cdot V_{ij}, \quad (37)$$

Подставив вместо символов их фактические значения из примера, получим:

$$I_{tj} = \left[20(18 - 12) \cdot {}^{65}/_{80}\right] \cdot 540 \text{ тыс. кв. м} = 52488 \text{ млнруб.} \quad (38)$$

Здесь 540 тыс.кв.м – объем строительства благоустроенного жилья в j-ой сельской территории.

Вывод: нормативное значение финансового норматива для выполнения данного социального норматива составляет 52,488 млрд руб.

Оценку уровня обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, с использованием известных индикаторов, А. Добрунова предложила осуществлять в четыре этапа: 1) построение нормативных индикаторов по каждому базовому индикатору; 2) построение по основным отраслям социальной сферы сводных показателей уровня обеспеченности объектами социальной инфраструктуры; 3) определение общего (интегрального) показателя обеспеченности; 4) группировка

районов рассматриваемого региона по уровню обеспеченности объектами социнфраструктуры [93].

Представленный подход к оценке уровня обеспеченности сельских территорий объектами социальной инфраструктуры, вряд ли, можно считать объективными, поскольку не учитывается его качественная сторона (состояние дорог, уровень обеспеченности сельских медицинских объектов медицинским оборудованием, уровень качества питьевой воды и другие показатели).

Третья основная (приоритетная) задача (из таблицы 31), касающаяся уровня жизни сельского населения, повышение его занятости и снижение безработицы на селе, на основе развития диверсификационного предпринимательства, которому посвящен ряд научных публикаций [84, 86, 141, 144, 145, 153, 230, 203, 204, 252, 274, 364].

В них диверсификационная деятельность представлена как особый, близкий к индивидуальному, вид предпринимательской деятельности, позволяющий положительно решать три задачи: повысить занятость и доходы населения, а также пополнить бюджеты территориальных формирований. Однако для их реализации потребуется применить эффективный мотивационный механизм,

включающий соответствующие льготы по кредитованию, налогообложению, государственной поддержке.

Для повышения отдачи от льгот целесообразно «кустарей-одиночек» объединить в кооперативы, особенно снабженческо-сбытовые, которые бы обеспечивали предпринимателей, занимающихся диверсификационной деятельностью, необходимым сырьём и занимались сбытом готовой продукции. Именно её реализация становится основной проблемой данного вида предпринимательства, особенно связанного с производством сельскохозяйственной продукции.

В публикациях В. Кундиус [150, 151] к диверсификационным видам предпринимательства отнесены: лесопереработка; деревообрабатывающая, кожевенная и галантерейная промышленность; шорное производство; ресторанный бизнес.

По нашему мнению, эти виды деятельности, в основном, могут применяться в городах и крупных поселениях городского типа. В большинстве же сельских населённых пунктах целесообразнее ориентироваться на более свойственные селу виды предпринимательской деятельности.

Наиболее широко диверсификационные виды деятельности в сельской местности представлены в Тюменской области, входящих в УрФО, что позволило на 35-40% повысить занятость сельского населения и на 27-30% увеличить доходы домашних хозяйств [54].

Для выявления возможности развития диверсификационных видов занятости на селе, с участием автора диссертации, были выполнены исследования в Сысертском городском округе Свердловской области, как в лучшем из территориальных формирований, не вошедшем в управленческие городские округа.

Опрос населения всех населённых пунктов осуществлялся методами интервьюирования и анкетирования с участием местных администраций. Часть информации была использована из паспортов населённых пунктов (представлена в приложении 11).

Результаты изложены в таблице 32 по тридцати населенным пунктам. Представлены только те претенденты на диверсификационные виды предпринимательства, которые дали положительный ответ по выбранному ими направлению деятельности.

Таблица 32 – Результаты интервьюирования и анкетирования населения сельских населённых пунктов Сысертского городского округа по выбору ими желаемых видов диверсификационной деятельности [1)]

№ п/п	Населенный пункт	Количество [2)] претендентов на диверсификационную деятельность, чел.	Основные виды диверсификационного предпринимательства, которыми пожелали заниматься трудоспособные граждане сельских населённых пунктов[3)]
1	2	3	4
1.	с. Абрамовское	8	Коневодство, звероводство, пошив одежды
2.	с. Аверинское	11	Сельский туризм, заготовка древесины
3.	п. Бобровский	13	Кролиководство, козоводство, птицеводство
4.	п. Большой Исток	15	Кролиководство, свиноводство, козоводство, стройматериалы, хлебопечение
5.	д. Большое Седельниково	10	Заготовка и переработка древесины, бытовые услуги населению, кролиководство, коневодство
6.	с. Бородулино	11	Производство мяса птицы и свиней, переработка и консервирование овощей, выращивание лекарственных трав
7.	п. Вьюхино	5	Народные ремесла, пчеловодство, бытовые услуги (надомничество)
8.	п. Колос	4	Выращивание лекарственных трав, пчеловодство, кролиководство
9.	с. Кадниково	8	Коневодство, кролиководство, пчеловодство, гусеводство, сбор дикоросов
10.	с. Кашино	14	Сельский туризм, кролиководство, строительство срубов из дерева
11.	д. Космакова	5	Сельский туризм, звероводство, бытовые услуги населению
12.	п. Луч	4	Производство изделий из лозы, кролиководство, бытовое обслуживание
13.	п. Лечебный	2	Народные ремесла и промыслы, бытовые услуги населению
14.	д. Малое Седельниково	3	Овцеводство, кролиководство, пчеловодство

Продолжение таблицы 32

1	2	3	4
15.	п. Октябрьский	10	Коневодство, деревообработка, пчеловодство, кролиководство
16.	д. Ольховка	3	Выращивание лекарственных трав, кролиководство, пчеловодство
17.	п. Первомайский	7	Гусеводство, кролиководство, пчеловодство, хлебопечение, туризм
18.	с. Патруши	7	Кролиководство, козоводство, выращивание лекарственных трав
19.	п. Полевой	2 '	Выращивание лекарственных трав, козоводство
20.	п. Поляна	2	Народные ремесла (вышивание картин, плетение корзин из ивы)
21.	д. Токарево	3	Коневодство, выращивание лекарственных трав, гусеводство
22.	Фомино (нас.пункт)	3	Овощеводство, кролиководство, козоводство
23.	е. Черданцево	7	Кролиководство, козоводство, лесозаготовка, деревообработка, бытовые услуги, сбор дикоросов
24.	д. Шайдурово	5	Пчеловодство, овощеводство, хлебопечение, гусеводство, кролиководство
25.	с. Щелкун	10	Заготовка и переработка древесины, сельский туризм, спортивная охота, бытовые услуги населению, цех народных промыслов (изделий из бересты и лозы)
26.	с. Верхняя Сысерть	8	Сельский туризм, спортивная охота, заготовка пиломатериалов
27.	с. Никольевское	14	Коневодство, клеточное звероводство, строительство срубов из дерева, заготовка дров, хлебопечение, добыча сопропеля, спортивная охота, бытовые услуги населению, производство сувенирной продукции
28.	с. Новоипатово		
29.	д. Андреевка		
30.	д. Верхняя Боевка		

[1)] Составлено автором на основе его исследований.

[2)] Представлены только те претенденты на диверсификационные виды предпринимательства, которые дали положительный ответ по выбранному ими направлению деятельности; в основном опрашивались безработные граждане в трудоспособном возрасте и с неполной занятостью.

[3)] Выбор видов предпринимательства ограничивался экологическим состоянием территорий округа.

В основном опрашивалось безработное трудоспособное население и работники с неполной занятостью.

Из 189 положительных респондентов пять высказалось за коневодство (с. Абрамовское, с. Кадниково, пос. Октябрьский, д. Токарево, с. Черданцево). Наибольшее число ответов (70) – за кролиководство, как наиболее предприимчивый вид занятости. За козоводство и пчеловодство высказались 52 респондента. В населенных пунктах, экологическое состояние природной среды которых из-за воздействий Восточно-Уральского радиационного следа (ВУРС) вызывает сомнение, производство пищевой промышленности не рекомендовалось. В этих поселениях, основном, выбор сориентирован на звероводство, бытовое обслуживание населения, заготовку и переработку древесины, народные ремёсла, строительство срубов домов из дерева, спортивную охоту.

На уровне семейного подряда отдали предпочтения сельскому туризму, выращиванию лекарственных трав, хлебопечению, сбору дикоросов респонденты из 11-ти населённых пунктов (с. Аверинское, п. Колос, с. Кадниково, с. Кашино, д. Космакова, д. Ольховка, п. Первомайский, п. Полевой, д. Токаревка, с. Щелкун, с. Верхняя Сысерть).

Выявлено, что у населения вызывает сомнение реальность реализации выбранных им направлений предпринимательства.

При этом называются следующие причины, ранжированные по значимости в таком порядке:

1) очень высокие риски, связанные с реализацией продукции, неокупаемость расходов, невозврат кредита;

2) сложности с обеспечением качественным молодняком, маточным поголовьем, особенно в кролиководстве, звероводстве, коневодстве;

3) отсутствие надлежащих помещений для содержания животных;

4) необходимость в охране предпринимательства и в преодолении волокиты с формированием соответствующих документов;

5) отсутствие достаточной государственной (региональной) поддержки малого предпринимательства, гарантированных госзакупок производимой продукции.

По мнению большинства респондентов, преодоление названных причин может обеспечить расширение большинства видов «подсобных» производств не только в Сысертском районе, но и во всей Свердловской области.

Из-за скудности бюджета поддержка сельских территорий, как известно, должна выполняться выборочно, приоритетно. По мнению Д. Усенко [341] её основное назначение – оптимизация распределения господдержки между регионами с учётом неравномерности их социально-экономического развития. Представленный автором методический подход к решению данной задачи на основе рейтинговых оценок и индексного метода, учитывающий определенную совокупность показателей, предложенных Е. Мухиной [195], (предпринимательской активности региона, результативности финансовой поддержки), ещё недостаточно полно, по нашему мнению, выражает процесс распределения господдержки. Целесообразно было бы дополнить его таким показателем, как эффективность использования агроресурсного потенциала. Именно этот показатель более объективно отражает рациональность распределения господдержки между регионами или между муниципальными районами на внутрирегиональном уровне.

Однако отсутствие необходимой экономической информации не позволяет дать объективную оценку уровню эффективности отдачи государственной поддержки каждому территориальному формированию.

Поэтому приоритетность их развития может быть, по утверждению диссертанта, установлена на основе рейтинга территорий с использованием наиболее важных и доступных социально-экономических показателей. К ним можно, по нашему мнению, отнести следующие: инвестиционная активность (инвестиции в основной капитал; обеспеченность жильём (ввод в действие жилых домов на 1000 жителей); оборот розничной торговли на душу населения,

среднемесячная заработная плата; соотношение числа родившихся и умерших (уровень сбережения народонаселения).

Выполненный диссертантом по этим показателям рейтинг основных территориальных формирований Свердловской области, входящей в УрФО, (таблица 33), показал, что в качестве приоритетного из них можно принять Южный управленческий округ, включающий 10 муниципальных городских округов. В них наиболее инвестиционно привлекательными (приоритетными) целесообразно считать Богдановический и Каменск-Уральский городские округа (таблица 34).

Таблица 33 – Определение рейтинга территориальных формирований Свердловской области по удельному весу их основных социально-экономических показателей [1)]

№ п/п	Городские управленческие округа и муниципальные образования	Средние значения показателей														
		Инвестиции в основной капитал			Ввод в действие жилых домов на 1000 чел.		Розничной торговли на душу населения		Среднемесячная заработная плата		Число, чел.				количество баллов	место по рейтингу
											родившихся		умерших			
		удельный вес, %	Место [2)]	баллы	место	баллы [3)]	место	баллы	место	баллы	место	баллы	место	баллы		
1.	Северный УО	0,54	4	2	50/5	1	32/2	4	38/3	3	51/3	3	28/4	2	15	4
2.	Горнозаводский УО	1,26	2	4	29/2	4	33/3	3	28/1	5	40/2	4	30/3	3	23	2
3.	Западный УО	0,81	3	3	30/3	3	41/4	2	39/4	2	40/2	4	40/2	4	17	3
4.	Южный УО	2,01	1	5	26/1	5	25/1	5	29/2	4	40/2	4	25/5	1	24	1
5.	Восточный УО	0,18	5	1	48/4	2	53/5	1	50/5	1	29/1	5	42/1	5	15	4

1) Рассчитано автором с использованием официальной статистической информации, источник;
2) Распределение мест осуществлялось с учётом социально-экономической значимости показателя;
3) Начисление баллов осуществлялось по 5-ти бальной системе (за 1-ое место - 5 баллов, за 2-ое - четыре и т.д.)

Таблица 34 – Определение рейтинга муниципальных формирований (сельских территорий) Южного городского округа Свердловской области [1)]

№ п/п	Городские управленческие округа и муниципальные образования	Средние значения показателей														
		Инвестиции в основной капитал			Ввод в действие жилых домов на 1000 чел.		Розничной торговли на душу населения		Средне-месячная заработная плата		Число, чел.				количество баллов	место по рейтингу
		удельный вес, %	место [2)]	баллы [3)]	место	баллы	место	баллы	место	баллы	место	баллы	место	баллы		
1.	Асбестовский ГО	0,46	6	5	48/9	2	9/4	7	35/7	4	39/4	7	42/2	9	34	5
2.	Малышевский ГО	0,01	10	1	63/10	1	30/7	4	46/9	2	52/8	3	47/1	10	21	8
3.	Рефтинский ГО	2,49	3	8	38/8	3	19/6	5	5/1	10	62/9	2	8/9	2	30	7
4.	Заречный ГО	11,07	1	10	8/3	8	12/5	6	6/2	9	47/6	5	4/10	1	39	2
5.	Каменск-Уральский ГО	4,26	2	9		4	2/1	10	19/3	8	49/7	4	23/6	5	40	1
6.	Сухоложекий ГО	0,67	4	7	26/5	6	7/3	8	28/4	7	46/5	6	16/7	4	38	3
7.	Белоярский ГО	0,42	7	4	3/1	10	43/8	3	30/5	6	16/2	9	30/5	6	38	3
8.	Верхне-Дубровский ГО	0,02	9	2	4/2	9	66/10	1	40/8	3	63/10	1	13/8	3	19	9
9.	Богдановический ГО	0,56	5	6	29/6	5	3/2	9	33/6	5	18/3	8	32/4	7	40	1
10	Каменский ГО	0,23	8	3	11/4	7	61/9	2	48/10	1	6/1	10	38/3	8	31	6

1) Рассчитано автором с использованием официальной статистической информации, источник [316];

2) Использована десятибалльная система

Их можно принять за мультипликаторы развития Южного управленческого округа, а последний – за мультипликатор территориального развития остальных управленческих округов на основе интеграционного взаимодействия, что целесообразно отразить в программе социально-экономического развития Свердловской области.

Таблица 35 - Группировка сельских населённых пунктов по субъектам УрФО по численности населения[1)] и количеству пунктов

Группы по числу жителей (чел.)	УрФО в среднем и всего (пунктов)	в том числе по субъектам региона			
		Курганская	Свердловская	Челябинская	Тюменская
до 5	606	218	265	45	78
6-25	563	192	201	50	120
26-50	522	133	160	107	122
51-100	671	187	221	94	169
101-200	754	140	263	154	197
201-500	1124	110	320	446	248
501-1000	747	111	204	160	272
1001-2000	420	90	100	53	177
2001-3000	234	18	55	107	54
3001-5000	69	12	26	8	23
Более 5000	62	9	20	14	19
Всего в 2015 г.	5772	1220	1835	1238	1479
Сокращение с 2001 г.	126	25	41	24	36
Без населения	260	26	171	22	41

[1)] Использованы известные данные официальной статистики [286], [372], [151].

Здесь главной задачей, по нашему мнению, следует считать развитие сельских территорий ради сохранения сельского образа жизни, сохранения сельских населенных пунктов, что может быть отражено в соответствующих областных программах.

Согласно официальной статистической информации по показателям развития сельских территорий [292] и принятому классификатору [215] к сельским территориям отнесены территории сельских поселений (как одного или несколько объединённых общей территорией сельских населённых пунктов,

в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно или через выбранные ими органы местного самоуправления) и межсельские территории, находящиеся вне границ поселений.

При этом в сельские населённые пункты включаются сёла, станицы, деревни, хутора, кишлаки, аулы и другие населенные пункты сельского уровня.

Развитие сельских территорий означает не только возрождение их социальной и производственной инфраструктуры, расширение диверсификационных видов предпринимательской деятельности, но и сохранение сельского образа жизни, связанного непосредственно с населёнными пунктами-территориями проживания сельчан.

Однако, как и в решении всех аграрных проблем, появляется бюджетная недостижимость для сохранения сёл и деревень, особенно с малочисленностью населения. Это, как известно, связывается с отказом государства содержать в них социальную инфраструктуру, лишь высказываются пожелания развивать в «малых» населенных пунктах различного рода ремёсла.

Если обратиться к официальной статистике, в которой, к сожалению, весьма скудно представлена информация о ежегодном уменьшении сельских поселений. В диссертации уже указывались цифры за период 2014-2018 годов. Для подтверждения этой негативной устойчивой тенденции нами приводятся данные по группировке сельских населенных пунктов с 2001 по 2015 годы. За этот период в Уральском федеральном округе исчезло около 126 сельских населенных пунктов (табл. 36, прил. 11). Отсутствует динамика старения села, остаётся абсолютно в неизвестности информация по каждому населённому пункту, каждой сельской территории с характеристикой состояния не только социальной инфраструктуры, но и земельных, водных, местных и трудовых ресурсов.

Совершенно очевидно, что, не обладая информацией о состоянии ресурсного потенциала сельских территорий, в каждом населённом пункте, невозможно эффективно управлять их восстановлением и развитием. Особенно это касается развития малого, диверсификационного предпринимательства.

Совершенно очевидно, что, не обладая информацией о состоянии ресурсного потенциала сельских территорий, в каждом населённом пункте, невозможно эффективно управлять их восстановлением и развитием. Особенно это касается развития малого, диверсификационного предпринимательства.

При этом информационная составляющая процесса управления должна иметь исходное начало от конкретного населённого пункта, согласно предлагаемой нами схеме (рис. 11).

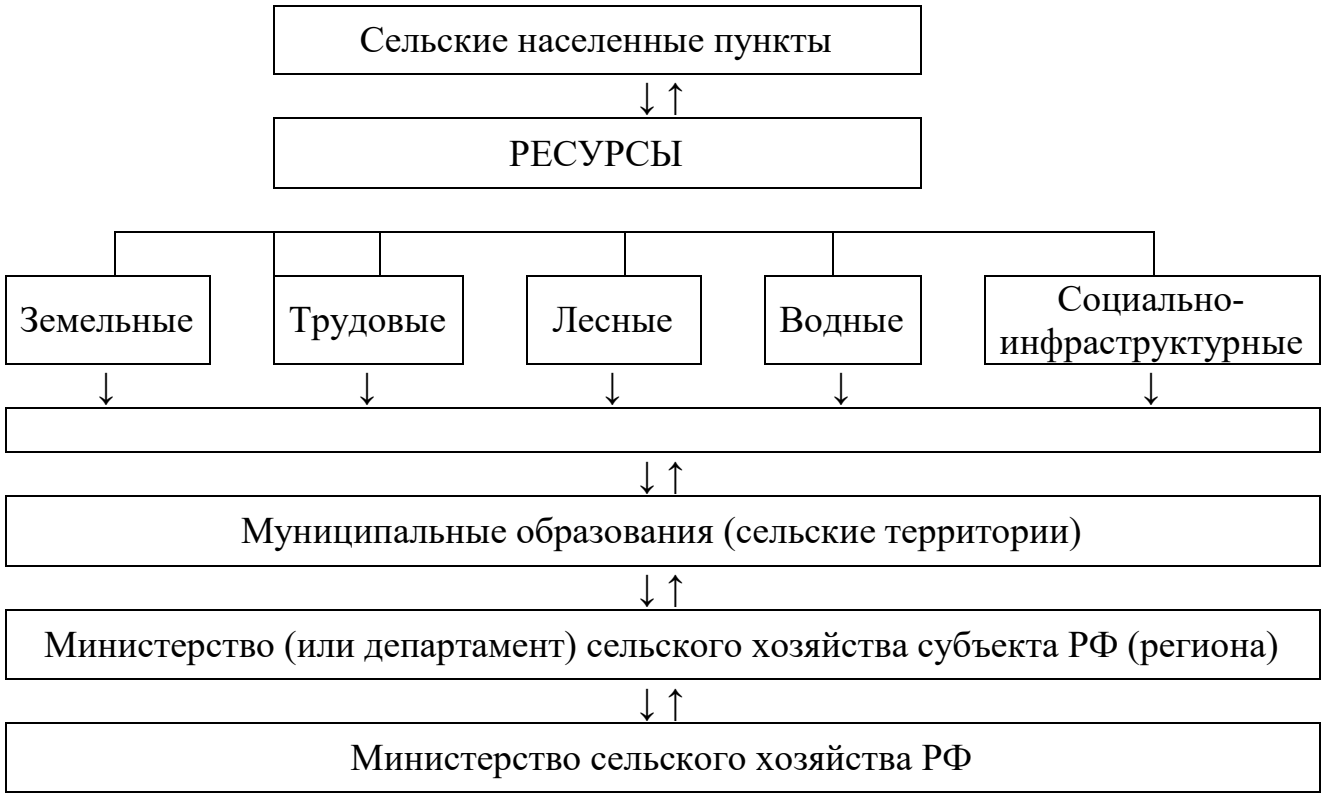

Рис. 11 – Схема информационного обеспечения управленческого процесса восстановления и развития сельских территорий

То есть, «снизу вверх», а не наоборот. Обратная связь должна проявляться через программные установки общего (рекомендательного) характера, укрупненно. То есть, «сверху» выдаются только объемы возможной господдержки, механизм налогообложения, госзакупок, страхование рисков и т.д.

То есть, «снизу вверх», а не наоборот. Обратная связь должна проявляться через программные установки общего (рекомендательного) характера,

укрупненно. То есть, «сверху» выдаются только объемы возможной господдержки, механизм налогообложения, госзакупок, страхование рисков и т.д.

Следует, по нашему мнению, использовать более эффективный механизм мониторинга (важной функции управления) при отслеживании не только непосредственно динамики изменения численности СНП и агроресурсного потенциала сельских территорий, но и результаты воздействия проводимой аграрной политики на сельскохозяйственные организации. Особенно это касается соблюдения принципа преемственности, в частности, при исполнении мер реструктуризационного характера, проявляющихся в разукрупнении и укрупнении сельскохозяйственных предприятий. Начало этому процессу, как известно, было положено в период перехода на коллективизацию, создания крупных коллективных хозяйств. Хотя наиболее заметно данный процесс проявлялся в период разукрупнения колхозов, который стабилизировался в конце 50-х годов прошлого столетия. Далее снова последовало укрупнение сельскохозяйственных организаций за счет создающихся агрохолдингов и продолжения политики «неперспективных деревень». То есть, процесс «разукрупнения- укрупнения» происходил с определённой цикличностью, что наглядно представлено нами на рисунке 12.

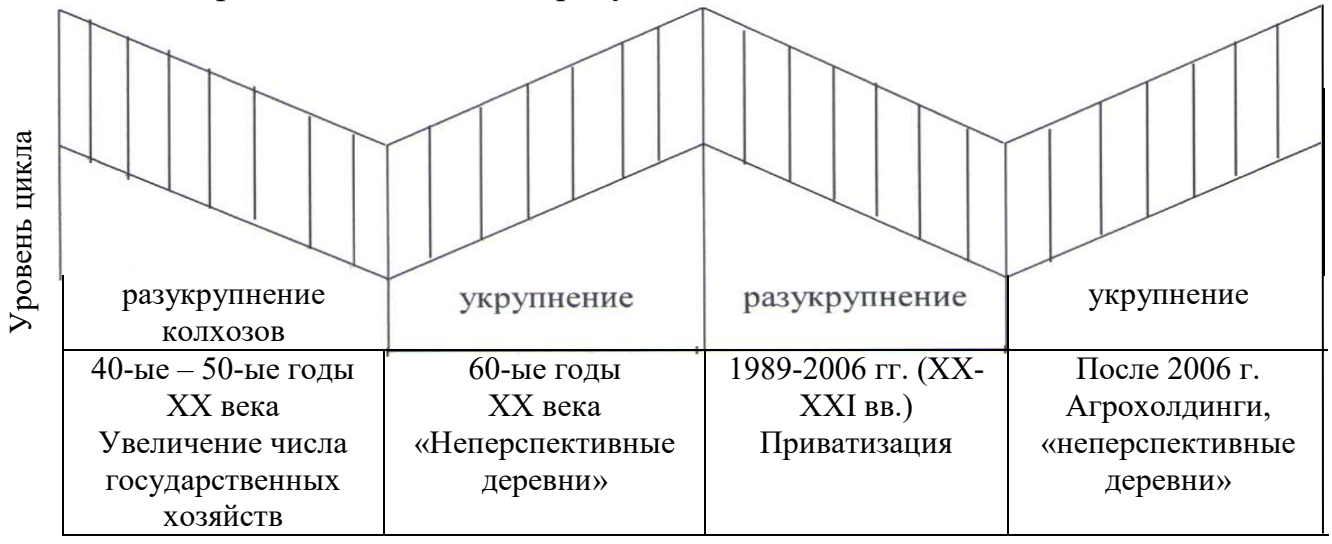

Рис. 12 – Цикличность периодичности в изменении курса на реструктуризацию сельскохозяйственных организаций в России

Не вызывает сомнения, что представленная по результатам анализа цикличность серьёзно повлияла на снижение устойчивости функционирования аграрных хозяйств и сельских территорий. Это, в частности, проявляется в сокращении численности сельских населенных пунктов, что приводит к запустению сельских территории, нарастанию площадей неиспользуемых земель из-за миграции трудовых ресурсов.

На основе выполненных автором диссертации расчётов для условий Уральского федерального округа (УрФО), каждый процент снижения числа сельских населенных пунктов вызывает более чем десятипроцентное сокращение трудовых и пятипроцентное сокращение земельных ресурсов (посевных площадей). Расчёт представлен в таблице 36.

Таблица 36 – Средние темпы сокращения количества сельских населённых пунктов, трудовых и земельных ресурсов в аграрном секторе УрФО [1)]

Годы		Сельские населенные пункты	Занятые в сельском хозяйстве, тыс.чел.	Посевная площадь, тыс.га
2001 г.		5893	478,7	6027,6
2015 г.		5772	375,4	5375
Сокращение	ед.	126	-	-
	тыс.чел.	-	103,3	-
	тыс.га	-	-	652,6
	%	2,1	21,6	10,8
На каждый процент сокращения СНП приходится процентов снижения трудовых и земельных ресурсов			10,3	5,14

[1)] Составлено автором на основе выполненных им расчетов, представленных в приложении 11

Выбытие из использования почти 653 тыс. га посевной площади может означать потерю упущенных возможностей в повышении продовольственного самообеспечения региона. В переводе на стоимость валовой продукции сельского хозяйства, это потерянные более 65 млрд руб. (652,6 тыс.га - 35,3 тыс.руб./га). В масштабе страны с 1990 г. посевная площадь сократилась на 40 млн га, что в настоящее время равносильно ежегодному недопроизводству продукции только по растениеводству на сумму около 1412 трлн. руб.

Положительное решение по представленным в уже рассмотренной таблице 32 задач, по нашему мнению, позволит ускорить развитие сельских территорий на основе применения более рациональных управленческих решений на всех территориальных уровнях.

Диссертационное исследование содержит тезис «эффективность» организационно-экономического механизма, который связан с понятием «устойчивость» применительно к агроэкономической системе и сельским территориям, которые рассматриваются воедино: без развития территории невозможно развитие конкретной агроэкономической системы.

Традиционно «эффективность» истолковывается с чисто экономической стороны, как достижение максимальных результатов при минимальных затратах денежных средств и расхода ресурсов. При этом под «ресурсами» обычно понимается земля, труд и капитал (основные производственные фонды, интеллектуальная собственность и т.д.). Менее всего придается значение, с позиции эффективности, такому ресурсу как труд, который связан с её социальной стороной, с сельским образом жизни, с многофункциональностью агроэкономической системы (сельского хозяйства). Поэтому экономическая сторона эффективности должна рассматриваться во взаимосвязи с её социальной составляющей, особенно в период деградации российского села.

Для оценки эффективности управленческой деятельности в агроэкономической системе используется несколько методических подходов, суть которых сводится к использованию комплекса показателей для решения этой задачи. Почти в каждой рекомендательной разработке, независимо от территориального уровня (организация, регион, страна) используются критерии макроэкономического характера, оказывающие воздействие на аграрный сектор. При этом число предлагаемых критериальных показателей, предлагаемых авторами, возрастает при более глубоком исследовании системы управления. В диссертации Е.С. Чуровой, например, [384] оценку эффективности системы управления в АПК предлагается осуществлять по 18-ти направлениям и 68-ми управленческим действиям, что, якобы, придает комплексный характер данному

направлению исследования. Однако такое нагромождение релевантных характеристик сложно, по нашему мнению, увязать в едином, конечном, итоговом показателе, дающем общее представление об оценке результатов управленческой деятельности конкретной сельскохозяйственной организации.

В. Кеникстул и Е. Воронин задачу эффективности управления сельскохозяйственного производства пытаются решить с позицией оценки его управляемости, связав её с обоснованием оптимальных прогнозных решений в условиях погодных рисков, поскольку именно они нарушают объективность оценки действующей в сельскохозяйственной организации системы управления [126, 127].

Если рассматривать оценку эффективности механизма управления устойчивостью развития агропромышленных систем и сельских территорий, как основных составляющих аграрной сферы экономики, то неизбежно возникает необходимость в оценке воздействия элементов этого механизма на результативность хозяйствования. Сложность оценки состоит, по нашему мнению, в том, что невозможно точно определить, например, долю влияния на эффективность хозяйствования конкретной сельскохозяйственной организации макроэкономических факторов. Тем более выявить, какая же доля успеха, или управленческих промахов, повлияла на эту эффективность. Можно при высокой бюджетной поддержке потерять значительную часть урожая, уповая на непогоду в уборочный период, не применив при этом рациональные варианты управления технологическими процессами. Или для этого не было реального выбора в технологии уборки из-за ограниченности соответствующего набора машин. Поэтому в методике расчета эффекта от управленческой деятельности всегда будет присутствовать определенная условность, тем более для аграрного производства.

Возникают трудности и при выявлении эффекта от результатов управления социально-трудовыми процессами на уровне сельских территорий. Сложно управлять трудовыми ресурсами в условиях низкого уровня мотивационного воздействия на высокопроизводительный труд, не зависящий от работника,

особенно из-за ограниченных возможностей по оплате труда или отсутствии необходимой для нормальной жизнедеятельности социальной инфраструктуры на селе. В таких условиях не будет квалифицированных кадров как на производстве, так и в системе управления, что отрицательно скажется на уровне качества выполнения трудовых процессов, на гарантию получения желаемого эффекта. И здесь можно лишь приблизительно определить долю воздействия на него мотивационных факторов, квалификации кадров основных работников и управленцев, принимающих решения при разной нагрузке по числу и напряженности управленческих функций.

Определим эффективность рекомендательных разработок диссертационного исследования с учетом необходимости комплексного подхода к достижению устойчивости как агроэкономических систем, так и сельских территорий. Прежде всего, это относится к освоению заброшенных земель сельхозназначения. Как уже отмечалось в работе, по УрФО наблюдается сокращение посевных площадей, начиная с 2000 года. Эта тенденция наблюдается и после 2020 года (таблица 37).

Таблица 37 – Изменение посевных площадей в УрФО за период 2000-2015 гг.

Области	Годы	Вся площадь, F, тыс.га	в т.ч. под			
			зерновыми	картофелем	овощами	прочими
Свердловская	2000	1161,7	507	66,5	12,3	575,9
	2015	866,3	350	51,2	6,5	458,6
	Δ*F*	-295,4	-157	-15,3	-5.8	-117,3
Курганская	2000	1658,9	1138,4	27,3	6,6	486,6
	2015	1393,4	1096,4	24,3	7,1	265,6
	Δ*F*	-265,5	-42	-3,0	-5,0	-221,0
Тюменская	2000	1161,7	683,2	38,7	8,1	431,7
	2015	1102,7	692,1	34,5	5,8	370,3
	Δ*F*	-59,0	8,9	-4,2	-2,3	-61,4
Челябинская	2000	1994,3	1251,5	52,0	15,5	675,3
	2015	1832,5	1276,1	44,9	12,4	499,1
	Δ*F*	-161,8	+24,6	-7,1	-3,1	-176,2
УрФО	2000	5976,5	3580,1	184,5	42,5	2169,5
	2015	5194,9	3414,6	154,9	31,8	1593,6
	Δ*F*	-781,7	-165,5	-29,6	-10,7	-575,9

Составлено автором на основе официальных данных Госстатистики. Источники [314];

Следует отметить, что эффект от освоения заброшенных земель сложно представить в стоимостном выражении, поскольку значительные расходы будут связаны с мотивационным привлечением в село трудовых ресурсов, особенно молодёжи, с возрождением сельской социальной инфраструктуры. Поэтому здесь, по мнению диссертанта, можно лишь утверждать об эффективности с позиций занятости населения.

Количество занятых (рабочих мест) можно определить, исходя из среднего размера фермерского хозяйства, учитывая, что большинство из возможно смотивированных для освоения заброшенных земель работников окажутся начинающими земледельцами, не требуя больших площадей. Расчет числа занятых (N) можно определить по следующему выражению:

$$N = \frac{\sum_{j=1}^{n} \square \cdot \Delta F}{\bar{f}}, \quad (39)$$

где ΔF – площадь сократившихся, заброшенных сельхозземель в j-ом субъекте региона, тыс. га;

$\bar{f}$ – средняя площадь фермерского хозяйства в регионе, га;

Подставив в данную формулу вместо символов их фактические значения для условий УрФО, имеем:

N = 78,7 тыс.га / 98 га/чел. = 7976 чел. (рабочих мест)

Наряду с социальным эффектом может быть рассчитан и экономический (стоимостной). Расчеты выполнены по следующей авторской формуле:

$$W = \sum_{j=1}^{n} \left(F_{бij} - F_{rij}\right) \cdot \bar{Y}_{ij} \cdot \bar{P}_{ij} \quad (40)$$

где W – возможный объём производства дополнительной агропродукции при освоении заброшенных сельхозземель, млн руб.;

$F_{бij}$, F_{rij} – посевная площадь, занимаемая i-ой сельскохозяйственной культурой в j-ом субъекте региона, соответственно в базовом и конечном периодах, тыс. га;

$\bar{Y}_{ij}, \bar{P}_{ij}$ – средние значения соответственно урожайности и цены реализации i-ой культуры в j-ом субъекте региона.

В результате выполненного расчета, представленного в таблице 38, возможный объём производства основной растениеводческой продукции при освоении заброшенных земель составляет более 22 млрд руб.

По данным первичных документов рентабельных сельхозорганизаций Свердловской области, специализирующихся на производстве зерна, картофеля и овощей, для простого воспроизводства достаточный уровень рентабельности производства этих видов сельхозпродукции составляет 38,5%.

Для расчета возможного дохода следует вычесть из полученного объёма валовой продукции себестоимость производства. Однако из-за отсутствия данных в официальной статистике данного показателя, его можно определить, задаваясь фактическими средними значениями рентабельности производства представленных видов агропродукции.

Тогда имеем:

$R = C : W$, отсюда $C = W \cdot R$, (41)

где R – рентабельность, %;

C – себестоимость (общая сумма расходов), млн руб.,

то есть,

$C = 0{,}01 \cdot 22522{,}5$ млн руб. $\cdot\ 38{,}5 = 8671{,}2{,}4$ млн руб.

Тогда от освоения заброшенных сельхозземель, изложенного в рекомендациях диссертанта, доход может составлять

13,9 млрд руб. (22522,5 – 8671,2)

Учитывая, что наиболее высокое значение коэффициента устойчивости в производстве большинства основных видов сельхозпродукции отмечается у хозяйств населения, то в диссертации рекомендовано повысить их товарность, что обеспечит экономию бюджетных средств, поскольку эти хозяйства не дотируются. Естественно для этого потребуется соответствующая организационно-управленческая система, особенно в сфере кооперации. Только при кооперировании хозяйств населения можно рассчитывать на положительное решение задачи повышения их товарности.

Таблица 38 – Расчет эффекта от возможного производства дополнительной сельхозпродукции при освоении заброшенных земель в УрФО[1)]

Области	Значения показателей														
	зерно					картофель					овощи				
	ΔF	Y	Q	P	W	ΔF	Y	Q	P	W	ΔF	Y	Q	P	W
Свердловская	295,4	1,83	540,6	6900	3726	15,3	14,4	220,3	15800	3480,7	5,8	18,3	106,1	27600	2928,4
Курганская	265,5	1,4	371,7	7580	2817,5	3	11,8	35,4	12700	449,6	Не было сокращения площади посева под овощи				
											-	23,6	-	-	-
Тюменская	59,0	2,08	122,7	8430	1034,6	4,2	13,7	57,5	16300	937,3	2,3	31,5	72,45	28600	2072,1
Челябинская	161,8	1,12	181,2	7420	1344,5	7,1	14,1	100,1	14700	1472	3,1	27,6	85,6	26400	2259,8
УрФО	781,7	-	-	-	8922,6	29,6	-	-	-	6339,6	11,2	-	-	-	7260,3

[1)] Составлено автором на основе официальных данных госстатистики.

Условные обозначения: ΔF – площадь неиспользуемых, заброшенных земель, тыс.га;

Y – средняя урожайность, т/га;

Q – возможный объем производства, тыс.т;

P – средняя цена реализации, руб./т;

W – возможный объем валовой продукции, млн руб.

Должна быть создана их собственная кооперативная или государственно-кооперативная оптово-розничная система, какая существует в цивилизованных странах.

Частичный переход на мелкотоварность – дело временное, связанное в основном с преодолением продолжающихся кризисных явлений, хотя для сохранения сельского образа жизни эта мера неизбежна.

Расчет эффекта от повышения товарности хозяйств населения и частичного решения за счет этого проблемы повышения продовольственного самообеспечения региона, при экономии на бюджетных средствах поддержки аграрных хозяйств, представлен автором в таблице 39.

Таблица 39 – Эффект от экономии бюджетных средств при повышении товарности хозяйств населения

Виды агропродукции	Значение коэффициента $К_1$ по субъектам УрФО			
	Свердловская	Курганская	Тюменская	Челябинская
Мясопродукты	0,719:0,79=0,91	0,868:0,573=1,51	0,903:0,86=1,05	0,91:0,625=1,45
Молокопродукты	0,64:0,81= 0,7	0,86:0,79=1,08	0,92: 0,872=1,05	0,88:0,823=1,07
Картофель	0,73:0,75=0,97	0,67:0,74=0,9	0,83:0,754=1,1	0,69:0,62=1,11
Овощи	0,745[2)]:0,53=1,4	0,86:0,58=1,48	0,865:0,67=1,29	0,86:0,768=1,12
Среднее значение $К_1$ по субъектам УрФО	4,07:4= 1,02	4,97:4 = 1,24	4,56:4= 1,14	4,75:4= 1,18
(Средний коэффициент товарности $К_т=К_1-1$	0,2	0,24	0,14	0,18
Объем господдержки производства данных видов агропродукции млн руб. /год	3870	2690	3945	2580
Условная экономия по господдержке, млн руб.	774	645,6	552,3	464,4
Всего по УрФО	774+645,6+552,3+464,4 = 2436,3 млн руб.			

[1)] Составлено автором по данным таблицы из гл.3.1.

2) в числителе значение коэффициента устойчивости производства агропродукта в хозяйствах населения, в знаменателе – в сельхозпредприятиях;

$К_1$, $К_т$ – средние по субъекту УрФО значения коэффициентов соответственно соотношения устойчивости производства основных видов сельхозпродукции в хозяйствах населения и сельхозпредприятиях и товарности их в целом по региону.

Расчет осуществлялся через коэффициент товарности, определяемый произведением средних значении отношении коэффициентов устойчивости производства сельхозпродукции в хозяйствах населения и в сельскохозяйственных организациях. Значения коэффициентов устойчивости ($К_у$) взяты из третьей главы диссертации.

В результате выполненных расчетов (табл. 39), экономия от переориентации части нагрузки по производству агропродукции на хозяйства населения и условного снижения на этой основе бюджетной поддержки, составит более 2,43 млрд руб. На основе освоения неиспользуемых (заброшенных) сельхозземель это позволит создать около 8 тысяч рабочих мест и получить доход в сумме 13,85 млрд рублей. Тогда общий эффект составит 16,28 млн руб.

Пытаясь оценить перспективы устойчивого развития агроэкономической системы и сельских территорий, появляются новые вопросы, обращенные, прежде всего к экономической науке. В своем утверждении, что «наука движется от чистого знания в сторону контроля, иначе говоря, в направлении реализации того, что она знает…» К. Боулдинг [401] справедливо отмечал особую роль науки экономической, которая с момента возникновения всегда была тесно связана с практикой, но в разной степени в разное время. В условиях современности учеными все так же предлагаются новые способы воздействия на экономику, формулируются представления о задачах, которые необходимо решать власти. Но вместе с этим меняются и объективы воздействия, которые в цифровой экономике стремительно обновляют экономические знания, а Интернет, предлагает им изобилие информации. Можно утверждать, что активная созидательная роль экономической науки в том, что общество ожидает от нее в большей степени прогнозов и концепций позитивных, поскольку истоки любого кризиса находятся в области идей. Применительно к настоящему диссертационному исследованию автор нашел высказывание, что некоторые ученые называют концепцию устойчивого развития «нитью Арианды», выводящей человеческое сообщество из лабиринта вставшего перед ним проблем.

Действительно, создание представлений о возможностях в достаточной степени управлять экономическими процессами, основываясь на идеях устойчивого развития возможно. Однако стартовые условия у стран разные, равно как и ресурсная база у каждого отдельно взятого Российского региона. Только признав эту данность, можно критически оценивать изучаемую ситуацию с использованием более надежного инструментария, осуществлять поиск аналогичных ситуаций в истории развития сельскохозяйственного производства, формирования сельского образа жизни и крестьянского труда. Для экономической науки даже с развитым формальным инструментарием проблематика устойчивого развития чрезвычайно сложна. Присутствие несовершенного и органического знания в государственных программах под влиянием политических мер, может привести исследователей к ложным выводам. Это относится и к программам стратегического развития сельских территорий России до 2030 года. Быть может наивно утверждать, что через 10 лет, при существующем финансировании со стороны государства и отсутствием средств на инновационное развитие в сельской местности, будет действительно достигнут уровень устойчивого развития. По нашему мнению, это пока только очередной этап продвижения к устойчивости. При благоприятном развитии событий потребуется еще не один десяток лет модернизаций.

Если мы признаем, что экономическая наука укоренена в реальности, в исследованиях ученых должен присутствовать этический компонент: предлагая модели, схемы развития, требуется информировать об угрозах, опасностях, предлагая механизмы ее преодоления. Во многом придерживаясь этих ориентиров, в диссертационной работе по проблематике устойчивого развития агроэкономической системы, сельских территорий и формулировались выводы, предложения и рекомендации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе обобщения научных разработок, относящихся к организационно-экономическому механизму управления устойчивостью агроэкономической системы и сельских территорий, использования собственных исследований диссертанта, удалось сформулировать и обосновать ряд новых теоретико-методологических выводов и рекомендательных положений, получить практические результаты.

1. Теория экономического развития, теория экономической эффективности и теория аграрной экономики требуют систематизации и типологизации основных постулатов и уточнения категориального аппарата, что обусловило введение в научный оборот авторских дополнений по теоретическим основам повышения эффективности агроэкономических систем, поддержания устойчивости аграрного сектора экономики и расширенного воспроизводства ресурсного потенциала в сельской местности.

– Предлагаемые авторские определения позволяют расширить горизонты экономических исследований: «агроэкономическая система»; «организационно-экономический механизм управления»; «возрастание эффективности функционирования организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономических систем»; «организационно-экономический механизм управления устойчивостью»; «межрегиональный кластер»; «устойчивость функционирования агроэкономической системы»; «нелинейность агроэкономической системы»; «интеллектуальный» агрокластер; «социальная инновация»; «механизм управления интеллектуальным агрокластером»; «организационно-экономический механизм управления устойчивостью сельских территорий». В авторской трактовке «агроэкономическая система» есть взаимосвязанная и взаимозависимая совокупность отраслей сельскохозяйственного производства и видов предпринимательской аграрной деятельности, функционирующих на основе использования биоклиматического и

агроресурсного потенциала сельских территорий, находящихся в конкретных регионах.

– При рассмотрении различных типов механизмов выявлена необходимость обращения к категориям «цель», «функции», «совокупность», «структура», «система». На основе такого подхода предложено авторское определение «организационно-экономический механизм управления». Это необходимый элемент любой организованной системы управления для достижения поставленных целей, качественной реализации функций в создаваемой организационной структуре, содержащий устойчивые комплексы правовых норм и различные экономические инструменты, сориентированных на развитие организации.

– В авторском определении предложено понятие «организационно-экономический механизм управления устойчивостью». Это совокупность организационных, юридических правил и приемов воздействия на объекты и субъекты управления в конкретной сфере деятельности с целью обеспечения устойчивого развития открытых систем с использованием известных принципов, функций, методов, инструментов и технологий.

– «Межрегиональный кластер» в диссертации – это группа географически соседствующих взаимосвязанных организаций агроэкономических систем (сельскохозяйственные товаропроизводители, органы государственного и муниципального управления, инфраструктурные компании, образовательные организации), действующие в определенных сферах и дополняющие взаимный интерес.

– Понятие «возрастание эффективности функционирования организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономических систем» рассматривается автором, как применение форм интеграции кластеров на технологиях синергии, когда по результатам слияния отдельных частей в единую систему появляется системный эффект, называемый синергийным эффектом, где 2+2 дает результат, как =5.

– «Устойчивость функционирования агроэкономической системы» формулируется как взаимосвязанная совокупность подотраслей и хозяйств действующих организационно-правовых форм, способных долговременно, не менее продолжительности срока реализации государственных программ, ответственно относиться к решению задачи повышения устойчивости аграрных организаций и сельских территорий, функционировать в режиме расширенного воспроизводства, ориентируя свою предпринимательскую деятельность на инновационную модель развития.

– «Нелинейность агроэкономической системы» в исследовании - это необходимость «сборки» новых методологических посылок для многовариантного поведения системы, стремящейся к адаптивности, приспособленности к новым правилам и устойчивому развитию в условиях неопределенности и непредсказуемости;

– «Интеллектуальный» агрокластер рассматривается как совокупность сельскохозяйственных организаций, устойчивое функционирование и взаимодействие которых осуществляется на основе цифровых коммуникационных технологий, производящих интеллектуальные и другие услуги, осуществляющих социальные коммуникации.

– «Социальная инновация» в диссертационном исследовании - это новые идеи, стратегии, технологии, способствующие решению социально-значимых задач, вызывающих социальные изменения в обществе.

– «Механизм управления «интеллектуальным» агрокластером предлагается рассматривать как процесс организационно-экономического воздействия на элементы его структуры со стороны коллективно избранного внутрикластерного управленческого совета, осуществляющего все основные функции управления, в рамках соблюдения известных принципов кластеризации, при мотивационном участии государственных органов и органов местного самоуправления, как в период его ускоренного формирования, так и дальнейшего устойчивого развития

всех его субъектов, при деятельности по достижению ими достаточного уровня конкурентоспособности.

– «Организационно-экономический механизм управления устойчивостью сельских территорий» у автора - это необходимый элемент системы управления сельской территорией, содержащий для достижения устойчивости комплекс правовых норм, различных экономических инструментов, ориентированных на ее развитие.

2. Уровень устойчивости агроэкономической системы и сельских территорий региона может достигаться при внедрении предлагаемой авторской «модели организационно-экономического механизма управления развитием на основе интеграции ресурсов и управленческих технологий» и признании понятия «внутренняя социально-экономическая территориальная система».

3. Опыт отечественного и зарубежного применения «вертикальных» и «горизонтальных» кластерных схем в агроэкономической системе чрезвычайно важен в условиях современной социально-экономической реальности. Однако в России еще не предложен единый методологический подход к созданию региональных аграрных кластеров, а потому о них упоминается в обзорах кратко, мимоходом, в рамках региональной экономической политики. Автор предлагает более внимательно рассмотреть перспективы и возможности кластерных образований в отечественной агроэкономической системе с применением инструментов государственного регулирования и межрегиональной интеграции.

Отличительными чертами вводимых дополнений в понятийный и категориальный аппарат являются утверждения:

– понимание того, что сельское хозяйство предлагается рассматривать как сложную агроэкономическую систему, состоящую из взаимозависимых частей (подсистем), поскольку методологически изначально она имела системные признаки: высокий уровень сложности, комплексность, полифункциональность, многоэлементность ресурсов;

– выявление основных функциональных направлений этой отрасли хозяйственной деятельности с участием подсистем: организационно-экономическая, производственно-технологическая, социальная, природоохранная (экологическая), институциональная, культура топоса (по месту проживания) в сельском мире, где каждая из них содержит формы управления, которые осуществляются с помощью механизмов социальной регламентации и культурных традиций, иерархические отношения, совместный труд, писаные и неписаные нормы (правила), субъектно-объектные отношения, разделение труда;

– в научных исследованиях относительно сущности механизмов в экономике остается высокая степень терминологической множественности, что предполагает дальнейшее углубление научных поисков, о представлениях и возможностях организационно-экономического механизма;

– изменение организационно-экономических механизмов, которых может быть много, как влияние на перемены в той или иной системе управления, в рассматриваемой агроэкономической системе, где управленческие воздействия для достижения устойчивости многообразны. И это не разовые изменения, а не прекращающийся во времени процесс сознательных и целенаправленных преобразований, перехода системы из одного состояния в качественно другое, в соответствии с определенной логикой:

– независимо от содержания, переход к новому качеству должен начинаться с преобразования исходных целей, задающих построение изменений;

– необходимость и ориентиры качественных изменений определяются исходя из новых задач;

– при новых изменениях требуется предусмотреть сопротивления им, инструменты их уменьшения;

– учет современных реалий, прогнозы при которых преобразования, инновации, изменения в организационно-экономическом механизме могут быть внедрены.

Охарактеризованные явления находят свое отражение в трансформации современной экономической науки.

4. Исследование возникновения понятий, их использование при научном изучении действительности, как средства фиксации познанного, стало общепризнанной практикой. Это в полной мере относится к исследуемому в диссертации понятию «устойчивое развитие». В логике генезиса теории эффективного развития агроэкономической системы положен постулат о том, что устойчивость означает способность системы сохранять текущее состояние при наличии внешних воздействий. В макроэкономике устойчивость предполагает долгосрочное равновесие между эксплуатацией ресурсов и развитием человеческого общества.

Методический подход, предложенный в авторском исследовании, позволил не только оценить идею, но и саму концепцию устойчивого развития, а также программу ООН по окружающей среде (ЮНЭП) в 1972 году. Это процесс многофакторный, отражающий эволюцию организационно-экономического механизма, что отражено в категориальном аппарате теории устойчивости: устойчивость и эффективность развития находятся в единой векторной направленности.

Авторские утверждения, что агроэкономическая система, устойчивость и эффективность как понятия взаимозависимы, позволило в диссертации сделать вывод о их связанности непосредственно или косвенно со всеми отраслями народного хозяйства.

5. В развитие новой теории экономических систем, где функционирование экономического процесса (производства, распределения, обмена и потребления благ) рассматривается через взаимодействие и трансформацию разноуровневых систем, предлагается тезис о существовании отраслей-мультипликаторов, образующих ранее названную социально-экономическую территориальную систему (СЭТС), АПК региона с входящими в нее тремя подсистемами, каждая из которых имеет социально-экономический интерес: территориально-агропромышленная; территориально-агрономическая; социально-экономическая,

территориальная. Такой социально-экономической территориальной системе присущи принципы системности, целостности, структурной иерархичности. Взаимодействие позволяет сформировать некую «межсистемную среду», обеспечить активность воспроизводственной функции и процессы управления устойчивостью агроэкономической системы, управления устойчивостью сельских территорий с повышенным вниманием к социальным спектрам развития. Агрегирование научного предложения в виде структурной схемы позволяет увидеть эти явления более объемно.

6. Авторский вариант раскрытия сущности организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы и сельских территорий содержит совокупность принципов (общих правил) управления устойчивостью: самоорганизация – саморазвитие; креативность; результативность управленческой деятельностью; синергичность; эмерджентность; конкурсность; конкурентоспособность. Все принципы тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, реализуются масштабно и повседневно в методах управления.

7. Организационно-экономический механизм управления устойчивостью излагается автором как процесс комплексного регулирующе-мотивационного воздействия институциональной сферы на агропредпринимательскую деятельность с целью сохранения устойчиво рентабельного функционирования её субъектов. Это позволяет стабильно поддерживать необходимый уровень налоговых поступлений в муниципалитеты, направляемых на сохранение инфраструктуры сельских территорий. Одновременно, это эффективная реализация основных функций управления, направленных на рациональное использование агроресурсного потенциала сельских территорий, при условии соблюдения ответственности управленческих структур за принимаемые ими решения по реализации программных разработок.

В этом процессе можно достичь стабильного равновесия в темпах развития его сфер на основе оптимальных структурных пропорций, подкрепляемых ценовой эквивалентностью и конкурентным равновесием, обеспечиваемым

формированием конкурентной среды на рынках всех видов производимой продукции.

Нельзя недооценивать систему мер государственной поддержки, оказываемой агроэкономической системе для достижения требуемого уровня производства продовольственной продукции в целях обеспечения экономической и продовольственной безопасности страны и ее регионов, включая создание запасов продовольствия для сглаживания неустойчивости.

Режим мониторинга позволяет получить после обобщения совокупность социально-экономических характеристик для принятия необходимых решений по совершенствованию технологий управления устойчивостью.

8. Авторские выводы о необходимости теоретического обоснования управленческой деятельности на разных уровнях устойчивости, в предлагаемой авторской СТЭС подкрепляется наблюдениями о практическом внедрении изложенных рекомендаций в аграрной политике и при возрождении сельских территорий. Это изменение социальной инфраструктуры, позволяющей привлечь, заинтересовать молодых людей для проживания в сельской местности, определение бюджетных возможностей, формы привлечения и закрепления трудовых ресурсов. Задачи эти непростые, по причинам сегодняшней деградации многих сельских территорий.

9. Общую направленность и преемственность исследования всегда задает концептуальные, интегративные подходы в науке. В исследовании предложен комплекс ключевых положений формирования и развития организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы региона с учетом кластерной интеграции.

Сущность организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы и сельских территорий, который всегда выступает в роли интегратора, автор предлагает рассматривать на примере разработанной им структурной модели, комплексно объединяющей несколько связанных между собой «блоков», содержащих конкретные задачи:

- правовые и организационные, без которых организационно-экономический механизм не «запускается», поскольку управленческие решения принимаются в соответствии с законодательными нормами и при необходимом для этого информационном обеспечении;

- организационно-управленческие с выбором форм хозяйствования, организационных структур управления и функций, мероприятий по возрождению сельских территорий;

- совершенствования и достижения эффективности в сферах финансирования, кредитования, ценообразования, инвестиций, бюджетной политики, рентабельности хозяйствования, мотивации производственно-хозяйственной деятельности как в агроэкономической деятельности, так и в предпринимательских структурах на сельской территории, в том числе на условиях государственно-частного партнерства;

- управление устойчивостью агроэкономической системы на основе совершенствования управленческого инструментария;

- комплексного подхода к преодолению проблем социально-территориального характера на сельских территориях.

10. Параметры процессных изменений и специфика управленческих воздействий при активизации элементов организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы во многом зависят от их взаимовлияния, взаимопроникновения, взаимодействия. Механизм таких изменений и сферы управленческих воздействий более убедительно отражены на структурной схеме с функциональными процессами управления и с разными проявлениями устойчивости.

Авторские выводы по исследованию процессных изменений и управленческих воздействий таковы: отечественные и территориальные агроэкономические системы находятся в инерционном состояния функционирования, что связано с «пассивным» управлением. Началом процесса развития агроэкономических систем и достижения определенной устойчивости можно считать период перехода большинства ее производителей продукции к

расширенному воспроизводству на интенсивно-инновационной основе. Это требует минимизации расхода территориальных ресурсов (природных, материально-технических, энергетических, трудовых), оптимизации организационных структур управления и численности персонала, достижения синергийного эффекта от взаимодействия всех элементов, вовлеченных в процессы достижения устойчивости агроэкономической системы и сельских территорий.

11. В экономической науке «методология» рассматривается как система ключевых принципов, методов, методик и способов их реализации применительно к конкретному объекту исследования. Автор посвящает всю вторую главу диссертации исследованию предлагаемых научных воззрений на сущность и природу устойчивого развития агрономической системы, которая может более эффективно функционировать в интеграции с кластерными образованиями. Причинно-следственные связи при этом исследовании выявлены с момента зарождения идеи устойчивого развития в 1968 году до ее распространения по всем странам. Авторский взгляд исследователя содержит вывод о том, что идея была ответом на негативные экстерналии деятельности различных систем и пренебрежительным отношением к природным ресурсам и окружающей среде.

Такой научный взгляд подтвержден методологически важным утверждением: положения устойчивости агроэкономической системы требуется рассматривать в логической связи с понятиями «система», «системные свойства», «сельское хозяйство как агроэкономическая система», «устойчивость», «устойчивое развитие», «концепция устойчивого развития», «организационно-экономический механизм управления устойчивостью развития агроэкономической системы». Более того, важна сама агрономическая система, отличающаяся сложностью, комплексностью, многоаспектностью, полифункциональным характером развития. В ней действует тоже система экономических законов: стоимости, роста производительности труда, расширенного воспроизводства, накопления.

12. Устойчивость агроэкономической системы, на основе методологического подхода автора, рассматривается вместе с необходимостью расширенного воспроизводства, финансово-кредитными событиями, рисками природно-климатического характера, биологическими процессами роста и развития живых организмов, несовпадения процесса производства с рабочим периодом, более длительным кругооборотом финансовых и товароматериальных ресурсов, с социальными ожиданиями работников. Такой авторский системный ряд продолжает традиции исследователей экономической науки.

В процессе методологического сравнения «устойчивость» в работе рассматривается как свойство и состояние системы. Для свойства та же агроэкономическая система может обладать или не обладать определенным потенциалом устойчивости, а экономическое состояние почти всегда бывает условно неустойчивым под влиянием внешних и внутренних факторов. Автор резюмирует, что в этом случае несколько опрометчиво говорить об устойчивости агроэкономической системы (сельского хозяйства) в целом по стране, если неустойчивой является вся экономическая макросистема и та среда, в которой она должна развиваться. Более того, возможно даже преждевременно говорить о достижении устойчивости такой системы даже с присутствием компенсаторных механизмов государственной поддержки. Это хотя и видимая, но негарантированная устойчивость, которая может в любое время разрушиться из-за недостатка средств финансирования. Но дальнейшие научные исследования необходимы, в том числе с обращением к достижениям классической теории устойчивости, где присутствуют ее три основные формы: инертность (сопротивляемость), упругость (восстанавливаемость), пластичность (приспосабливаемость).

13. В методологическом плане концептуальная идея «устойчивое развитие» содержит стратегический замысел, что позволило автору творчески ее интерпретировать. Устойчивость агроэкономической системы рассматривается учеными на основе двух подходов: экоцентрический и техноцентрический. Первый основывается на необходимости развития органического и

биодинамического земледелия, а второй основывается на обоснованиях увеличения государственной поддержки.

Автор считает, что лучшим шансом может быть оптимальные совмещения подходов с формированием многофункциональных предприятий в агроэкономической системе, их диверсификация с встраиванием кластерных образований, развитии сферы услуг и народных промыслов на сельских территориях.

14. При рассмотрении сельского хозяйства в качестве сложной агроэкономической системы, в диссертационном исследовании представлены обоснования о необходимости кластерной интеграции как инструмента повышения эффективности организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы. Способность этой системы к саморазвитию как нельзя лучше стыкуется со стремлением к этому процессу со стороны кластеров: через добровольное взаимодействие они заинтересованно включаются в единую цепочку создания добавленной стоимости.

На основе методологического подхода, с элементами системного анализа, в работе детально рассмотрены сущность, структура, функциональные элементы, типы связей, специфика организационно-экономического механизма, проявляющихся в процессе кластеризации.

Кластерная интеграция представлена авторской оценкой имеющихся обоснований исследователей о сущности кластера, позволяющей отметить в них следующие упущения:

1) отсутствует совокупность принципов кластеризации и механизм распределения получаемого дохода от синергийного эффекта между субъектами кластера, особенно в случае формирования крупных интеграционных структур кластерного типа;

2) не отражены элементы механизма взаимоконтроля по действиям организаций кластера в условиях конкуренции и при функционировании их в разных моделях рынка;

3) весьма неубедительным является утверждение о том, что взаимодействие между организациями одной технологической цепочки кластера «характеризуется одновременным наличием высокого уровня конкуренции, кооперации и инновационной активности…». При высокой конкуренции происходит самоуничтожение субъектов «технологической цепочки» кластера, что противоречит принципам кооперации, снижая устойчивость функционирования всей интеграционной структуры.

Подготовка авторского определения «кластер» и условий реализации основных принципов кластеризации в агроэкономической системе проявляет заинтересованность относительно кластерной интеграции. «Кластер представляет собой технологически, организационно и территориально связанную совокупность организаций в агроэкономической системе, устойчивое функционирование которых обеспечивается на основе эффективного взаимодействия системообразующих отраслей-мультипликаторов («ядра») и обслуживающих их организаций («сателлитов»)». Условия реализации основных принципов кластеризации: эволюционность, формирования и развития; добровольность создания; эквивалентность доходов и затрат; периодическая самостоятельность; синергетическая эффективность; взаимный контроль действий для повышения конкурентоспособности производимых и поставляемых на рынок конечных видов продукции от сельскохозяйственной деятельности; функционирование организаций «ядра» кластера в одной организационно-правовой форме хозяйствования.

15. Процесс организации кластеров в России пока не приобрел необратимый характер по причине недооценки этого перспективного явления и отсутствия правового регулирования по кластерам. Хотя некоторые агрокластерные формирования, расположенные в западной части страны, приобретают ассоциативные или кооперативные формы, но механизм управления в них не совсем ясен. Тем не менее, управление в кластере следует рассматривать как набор институциональных механизмов, обеспечивающих рост стоимости организаций, входящих в кластер.

В авторском определении, организационно-экономический механизм управления кластером в агроэкономической системе представлен следующим образом: это процесс организационно-экономического воздействия на элементы его структуры со стороны коллективно избранного внутри кластера управленческого совета, которому поручено осуществлять все основные функции управления, при соблюдении известных принципов кластеризации, с учетом мотивационного участия государства, как в период ускоренного формирования кластера, так и при дальнейшем устойчивом развитии всех его субъектов, достижения ими достаточного уровня конкурентоспособности.

Организационная сторона воздействия проявляется в процессе подбора субъектов кластера, а экономическая – при согласовании экономических и социальных интересов в процессах осуществления функций управления, распределения дохода, а также от синергийного эффекта.

16. В качестве модели механизма управления формированием и развитием кластера в агроэкономической системе региона автор рассматривает птицепродуктовый подкомплекс Свердловской области, в «ядре» которого диссертантом предложено разместить системообразующие организации-мультипликаторы (птицефабрики, комбикормовые заводы, молокоперерабатывающие предприятия, устойчиво функционирующие зернопроизводители), а к «сателлитам» отнести: региональную компьютеризированную информационную систему, финансово-кредитные учреждения, агролизинговая компания и техсервис, оптовые продовольственные рынки, страховые организации, исследовательский центр, учебное заведение. Торговые отношения осуществляются через кооперативную оптово-розничную систему, инновационные ориентиры развития обеспечивает исследовательский центр, а вклад в развитие сельской территории проявляется в преставлении новых рабочих мест и через сотрудничество при оказании услуг населению.

17. Эмпирические наблюдения о воздействии отечественной аграрной политики на изменение ситуации в агроэкономической системе страны, поддержку человеческого и этнокультурного потенциала на сельских территориях

свидетельствует о создании и постоянном совершенствовании нормативно-правовой базы и целевых государственных программ. Это отражено в работе при определении тенденций, проблем и перспектив устойчивого развития агроэкономической системы и сельских территорий. Среди устойчивых негативных тенденций за последние три года автор выявляет:

– высокие трансакционные издержки при экспорте и импорте продукции;

– исчерпание таких факторов роста производительности как сокращение неэффективного труда, сокращение частных инвестиций;

– уменьшение бюджетной поддержки по причинам пандемии и общеэкономических кризисных явлений;

– остающаяся зависимость от внешних поставок сельскохозяйственной техники, товаров микробиологической продукции, ветеринарных препаратов, селекционных и семенных культур, племенных животных;

– слабость кооперативной торговли и монопольное положение торговых сетей;

– зачастую противоположные позиции ученых в объяснении явлений, проявляющихся в агроэкономической системе.

В исследовании обобщен комплекс проблем, препятствующих устойчивому развитию агроэкономический системы и сельских территорий.

18. Перспектива, как термин, предполагает возможность стремления к чему-либо значимому впереди, к образу будущего. Для агроэкономической системы в контексте устойчивого развития они связаны с такими научными направлениями, как мелиорация, агрономия, растениеводство, животноводство, лесоводство. Всегда остается надежда на государственное субсидирование, регулирование цен, льготное кредитование, налогообложение. Для сельских жителей – это создание условий для качества жизни, занятость, достойная заработная плата.

Видение перспектив устойчивого развития агроэкономической системы и сельских территорий представлено на основе анализа научных исследований в

нескольких прогнозных сценариях: консервативный тренд; футурология; джокер; научный взгляд экономистов.

Это основывается на методологическом анализе научных публикаций, государственных проектов и авторских разработках по четырем временным горизонтам с 2020 года по 2120 год.

19. Анализ научных исследований и обоснований перед принятием государственных программ развития сельского хозяйства, регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, по устойчивому развитию сельских территорий, сами тексты опубликованных документов позволили автору сделать ряд обобщений:

– целями устойчивого развития агроэкономической системы страны остаются обеспечение продовольственной независимости и безопасности, повышение конкурентоспособности и добавленной стоимости к 2025 году до 5,8 млрд руб., против 3,7 млрд руб. в 2017 году, обеспечение роста экспорта, инвестиций в основной капитал. Но имеются риски, влияющие на выполнение плановых показателей: ежегодное (по данным Росстата) падение роста сельского хозяйства и экспорта продукции; недостатки в упорядочении действия организационно-экономического механизма в регионах;

– Государственная программа по комплексному развитию сельских территорий продлена до 2030 года, хорошо зарекомендовала себя сельская ипотека. Вместе с тем, не в должной мере осуществляется синхронизация мероприятий государственной программы, а также целевых индикаторов развития сельских агломераций;

– перспектива развития сельских территорий в научных исследованиях и программных документах рассматриваются в контексте пространственных изменений. Но существуют препятствия по достижению 18 показателей результативности из-за отсутствия сокращения разницы в доходах между городским и сельским населением, достижения необходимого уровня занятости

на селе, доступности к социальным благам, создания более комфортных условий проживания;

– методологически и практически чрезвычайно важно, отмечается автором, что если перспективные проекты, заложенные в Стратегии развития сельской местности, как это ранее было по другим программам, не будут иметь социальной направленности, конкретные территории потеряют свою культуру жизнедеятельности, которую уже не восстановить, а характер взаимодействия с урбанизированной средой интенсивно дрейфует в сторону последней, что негативно отражается не только на экономике, но и на стабильном развитии государства.

20. Методика, предложенная в Стратегии устойчивого развития сельских территорий, по мнению диссертанта, не лишена недостатков:

– сравнивая фактические значения с плановыми, последние, по мнению автора, должны быть объективно рассчитанными, действовать в течение короткого периода времени из-за изменчивости рыночной конъюнктуры и действий Правительства РФ;

– количество показателей еще не означает объективность оценки, поскольку важен конечный результат;

– объективность контролируемых показателей должна обеспечиваться своевременностью их отслеживания в режиме мониторинга;

– по каждому уровню управления (макро, мезо, микро) требуется подбор соответствующих этим уровням совокупностей показателей по принципу: чем выше уровень управления, тем меньше количество показателей;

– большое количество оценочных показателей требует большего объема информации, которая не всегда объективна, но требует значительных затрат времени на ее обработку, стандартов периодичности контроля в разные временные периоды.

21. Научно-исследовательские подходы автора диссертации выявили «проблемные зоны», связанные с запланированными показателями устойчивого

развития сельских территорий, что потребовало сформулировать определенные замечания, разработать предложения по разделению решаемых задач на необходимые периоды их достижения:

замечания вызваны опасением, что проанализированные методики к оценке формирования и реализации программ затрагивают лишь уровень сбалансированности бюджетных расходов, механизм перераспределения средств федерального бюджета между бюджетами субъектов Российской Федерации, не затрагивая проблем ущербности для аграриев процесса капитализации деревни, происходящего по причине концентрации сельскохозяйственных земель;

– при обращении к запланированному уровню «реализации» намеченных мер, по улучшению качества жизни на селе, возникают сомнения в отношении их реального осуществления, о чем свидетельствуют выполненные автором расчеты по количественной оценке выделяемых селу субсидий в удельных показателях, представленных как результат объема данного ресурса на число сельских населенных пунктов.

На 20777 сельских районных муниципалитетов страны в Программе развития сельских территорий запланировано ввести 5438,8 тыс. м жилья или по 261,7 $м^2$ в среднем на каждый район, по 1 ученическому месту общеобразовательных школ, 1,53 новых рабочих места и т.д., при объеме финансирования 4,35 млн руб. на район. При таких значениях проблематично достичь устойчивого развития сельских территорий.

Расчеты автора свидетельствуют о сохраняющейся низкой производительности труда в агроэкономической системе страны: соотношение производительности труда и изменения в численности работников в сельскохозяйственных организациях в сторону их уменьшения, взаимозависимы: низкая производительность труда увеличивает отток рабочей силы с технически отсталых производств, а отсутствие инвестиций не дает им перспектив роста. Здесь причинно-следственные связи очевидны.

22. Периоды решения задач, как по возможным изменениям в государственной программе, предлагаемым автором, а также исходя из приоритетности их решения, рассматриваются диссертантом в определенной последовательности, изложенной в работе.

Осуществление автором диссертации анализа тенденций, проблем и перспектив устойчивого развития агроэкономической системы и сельских территорий на основе методологического подхода, дает основание утверждать, что анализируемая система пока не в полной мере выполняет свои производственные функции, а достигнутый уровень рентабельности сдерживает ее устойчивое развитие. Уровень экономики в агроэкономической системе, безусловно, отражается на социально-экономических показателях сельских территорий и качестве жизни граждан. Тем не менее, продолжающие научные исследования, внимание к которым возможно будет проявлено со стороны органов государственной власти, оставляют надежду на внесение в государственные программы некоторых изменений, влияющих на устранение выявленных и других недостатков.

Методологический подход исследования изменений в организационно-экономическом механизме управления устойчивостью агроэкономической системы позволил диссертанту определить объект, предмет анализа, задачи, чтобы сформулировать представление о последовательности развития этого механизма, методы такого развития. Для следующего шага потребовалось провести сравнительный анализ методик оценки эффективности организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы, которая все же имеет тенденции быстрорастущей отрасли экономики.

Анализируемый автором Уральский федеральный округ (УрФО) с агроэкономическими системами субъектов РФ, административно входящими в его состав, демонстрирует стремление к интенсивному развитию организационно-экономического механизма, поиску путей устойчивости агроэкономических систем, а также кластерных образований. Агроэкономические системы УрФО производят 8 процентов от всего объема продукции

животноводства в России и около 4 процентов продукции растениеводства. В нем сосредоточено около 10 процентов всего отечественного поголовья птицы и 7 процентов поголовья свиней. Лидерами в производстве сельскохозяйственной продукции остаются Челябинская, Свердловская и Тюменская области.

Вместе с тем, достижение устойчивого развития всех агроэкономических систем, по мнению автора, в федеральном округе недостижимо по причинам разных ресурсных потенциалов.

Диссертант провел анализ нескольких предлагаемых исследователями методик определения уровня устойчивости, апробацию формул на примере оценки уровня колебаний при производстве мяса по агроэкономическим системам конкретного района, сопровождающихся математическими вычислениями и сформулировал необходимость внесения в них определенных изменений.

Предложено и апробировано в областях УрФО два методических подхода при расчете уровня устойчивости производства и потребления по основным видам сельскохозяйственных продуктов на душу населения. Результаты расчетов по устойчивости потребления картофеля в Челябинской области подтвердили правильность их применения, а по устойчивости потребления молока, молочных продуктов и другой сельскохозяйственной продукции выявлены резервы повышения устойчивости и возможности самообеспечения отдельных территорий УрФО.

автором представлен алгоритмический ряд при оценке динамики уровня самообеспечения основными продуктами питания конкретной территории, в которой базой для оценки данного показателя выбран баланс продовольственных ресурсов, представленный совокупностью показателей, выражающих не только источники формирования продовольственных ресурсов, но и основные виды и категории их использования.

23. Диссертационная работа содержит авторскую методику оценки устойчивости функциональных, базовых и системообразующих подотраслей-мультипликаторов, составляющих «ядро» агроэкономической системы региона.

Выводы по методике сопровождаются 11 таблицами с авторскими расчетами: динамика достижения объемов производства основных видов продукции птицеводства в РФ; динамика производства продукции птицеводства в РФ и УрФО с расчетом коэффициента устойчивости; динамика поквартального изменения производственно-экспортно-импортных элементов на рынке; производства птицы; динамика изменения отпускных цен на продукцию птицеводства в УрФО; группировка зависимости рентабельности от полной стоимости производства мяса птицы и отпускной цены, проявляющейся на птицефабриках РФ; группировка зависимости рентабельности от полной себестоимости производства яиц и отпускной цены; устойчивость динамики основных показателей производства зерна в РФ и УрФО; группировка, выявляющая зависимость основных показателей рентабельности (производительности труда и фондоотдачи) от уровня государственной поддержки сельхозорганизаций, производящих зерно в условиях Свердловской области; группировка, выявляющая зависимость рентабельности зернопроизводящих организаций Курганской области от урожайности зерна и уровня его товарности по среднемноголетним показателям; значения коэффициента устойчивости производства продукции системообразующих подотраслей в хозяйствах всех категорий субъектов РФ.

В анализе, на основе логического ряда, представленного в методике, выявлено, что исключительно перспективными для надежной устойчивости агроэкономической системы региона подходят подотрасли птицеводства и молочного животноводства с технологиями глубокой переработки молока. Агроэкономические системы УрФО могут стабильно оставаться надежными производителями фуражного зерна. Сущность мультипликаторного подхода состоит в направлении инвестиций в наиболее доходные подотрасли и виды предпринимательской деятельности.

24. Сделаны авторские выводы, что в определенной мере, уровень личного потребления будет определяться состоянием агропредпринимательской деятельности с активизацией ее воспроизводственных и мотивационных

функций. С другой стороны, устойчивость данной деятельности будет зависеть от следующих условий: достигнутого социально-экономического уровня развития страны и ее регионов; состояния агропродовольственной политики и институциональной сферы; установленных правил «игры» на продовольственном рынке; от «человеческого потенциала» для достижения конкурентоспособности аграрных организаций.

25. Диссертантом выделены и обоснованы три блока условий, обеспечивающих положительное решение проблемы повышения уровня жизни сельского населения: социальный, экономический и смешанный (социально-экономический), позволяющие осуществить комплексную оценку состояния и определить варианты дальнейшего улучшения этого уровня; сокращение в сельских территориях увеличивающейся миграции населения, требует выравнивания соотношения доли оплаты труда в агроэкономических системах между субъектами РФ на основе дополнительной государственной поддержки, которая может рассчитываться по предлагаемой авторской формуле (математическому выражению): применительно к исследуемым субъектам в УрФО данный коэффициент составил 51,6%, Курганской – 38,4%, Тюменской – 93%, Челябинской – 47,2%.

26. В диссертации представлена авторская апробированная методика расчета экономически доступных земельных участков (полей), или их совокупность, которые целесообразно предлагать для развития агропредпринимательства на заброшенных территориях. Для этого предлагается фактические расстояния от земельных массивов до пунктов переработки и складирования скорректировать на коэффициенты, учитывающие соответственно отношение среднего валового дохода и средних затрат от производства j-го вида сельхозпродукции на i-ом поле (земельном участке) и его компактность, а также на индекс, учитывающий отношение качества земли (по бонитету) i-го поля к среднему значению показателя по агроорганизации, умноженных на долю дорог до i-го поля (участка, массива) с твердым покрытием. Расчёты выполняются для каждой культуры, которая будет выращиваться на данном поле. Оценка

устойчивости аграрного производства Уральского федерального округа тоже выполнена по авторской методике.

27. Совершенствование организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономической системы региона и сельских территорий автор рассматривает в контексте разработанной им Концепции нелинейного развития и устойчивости с применением региональной матрицы стратегического планирования.

Проведенный анализ современных экономических процессов, состояния агроэкономической системы в стране и в регионах показал, что они не находятся в строгой детерминированности, четкой определенности, саморегуляции, самоорганизации. А потому линейные модели развития становятся не актуальными, малоэффективными, не учитывают неравномерность, нестабильность внешней среды. Линейные принципы стимулирования развития мало влияют на устойчивое развитие этой сферы экономики. Разработка и реализация программ стратегического развития на основе законов нелинейной динамики, по видению автора, дает возможность комбинаций, множества сценариев развития. В этом случае организационно-экономический механизм управления устойчивостью будет содержать новые инструменты: сценарное планирование; создание проектов и стартапов; управление процессами и проектами; целевые ориентиры развития и финансового обеспечения; методы системного анализа как инструменты уточнения понятийного аппарата.

При этом сама идея устойчивого развития не вступает в противоречие с нелинейными процессами в организации экономической деятельности, поскольку любая агроэкономическая система (равно, как и все экономические системы) сложна и нелинейна в своем развитии, хотя управление в ней имеет системный характер. Она как система, открыта к воздействиям внешней и внутренней среды, а вместе с тем как нелинейная, функционирует на основе фундаментального принципа – периодического чередования стадий эволюции и инволюции, усиления активности и процессов ее затухания.

28. Авторская идея системного регионального планирования сопряжена с применением инструмента «Региональная матрица стратегического планирования в движении к устойчивости агроэкономической системы». В этой матрице присутствует 15 плат, в каждой из которых необходимо иметь проекты стратегического характера: 1) существующие трансформации; 2) цифровизация экономики и риски; 3) глобальные тренды и угрозы; 4) конфликт ценностей; 5) ключевые риски и ограничения по достижению устойчивого развития; 6) императивы (безусловные требования) социально-экономического и научно-технического развития России; 7) Государственная программа развития сельского хозяйства и угрозы по ее реализации; 8) Государственная программа развития сельских территорий и угрозы ее реализации; 9) Федеральная программа научно-технического развития сельского хозяйства; 10) Законодательное обеспечение государственных программ; 11) Региональные детерминанты и закономерности развития экономики; 12) факторы замедления / развития агроэкономической системы; 13) проектная архитектура достижения стратегических целей; 14) флагманские проекты; 15) организационно-экономическое воздействие через механизм управления развитием.

– Задача по оптимизации сельскохозяйственного производства на региональном уровне может быть решена в первом случае, через корректировку рейтинговых коэффициентов инвестиционной привлекательности сельских территорий при максимальной занятости их населения за счет развития диверсификации предпринимательства, а во-втором, при решении двойственной задачи линейного программирования. Расчеты приведены как по первой, так и по второй задаче в математических таблицах, в методической разработке по решению экономико-математической задачи оптимизации индикативного размещения производства сельскохозяйственной продукции, распределения объема валовой продукции сельского хозяйства.

Вывод диссертанта содержит суждение, что программно-целевое планирование устойчивости нелинейной устойчивости агроэкономической

системы во многом недооценено, а размещение сельскохозяйственного производства на региональном уровне, может быть решено с минимальным социальным ущербом, с применением рейтинговых коэффициентов инвестиционной привлекательности сельских территорий. В этой связи автором разработана экономико-математическая модель по оптимизации размещения такого производства на основе использования двойственной задачи линейного программирования и внедрения индикаторов.

29. Обращение автора к комплексному подходу при рассмотрении организационно-экономического механизма управления устойчивостью сельских территорий позволило ему сформулировать и подробно охарактеризовать совокупность принципов: системность, комплексность, институциональность, информационность, многофункциональность, мотивационность, сбалансированность, синергетичность, самоуправляемость. Наиболее приоритетным диссертантом при этом назван принцип комплексности, который наиболее успешно может быть реализован с междисциплинарным подходом к исследованию сельских территорий;

– подтверждением выводов автора о необходимости междисциплинарного подхода к исследованию проблем развития сельских территорий, стало проведение им социологического опроса молодежи до 25 лет среди студентов аграрного вуза относительно основного вопроса: «При каких условиях вы бы согласились посвятить свою жизнь сельскому хозяйству, проживая в сельской местности?». Выявлены группы респондентов по предпочтениям в обеспеченности различными видами услуг (жильё по срокам его предоставления, объекты социальной инфраструктуры, сроки освобождения от налогов, госзаказ на агропродукцию, дешёвый кредит и т.д.).

30. Диссертант рассматривает одну из перспектив развития организационно-экономического механизма управления устойчивостью на долговременный период в регионе через создание «интеллектуальных» агрокластеров на принципах цифровой экономики.

«Интеллектуальный» кластер в этом случае предполагает создание онлайн-платформы, соединяющей двух агентов: продавца и покупателя без посредников, а достижение устойчивости функционирования через четкое взаимодействие системообразующих их организаций («сателлитов»).

– цель «интеллектуального» кластера - интеграция сельскохозяйственных организаций, расположенных не только на территории конкретного региона, но и вне его, с возможностями оптимизации операционных и трансакционных издержек на основе цифровой платформы. Его отличие от обычного агропромышленного кластера – преобладание большей части стоимости сельскохозяйственной и другой продукции, работ и услуг, на основе использования интеллектуальных ресурсов, создания «цифровой логистики» и электронной торговли;

– при рассмотрении концепции «интеллектуальный» агрокластер в агроэкономических системах УрФО, важно оценивать практику создания цифровых кластеров, создающих принципиально иную, чем прежде, систему социально-экономических отношений, реализуемых на основе цифровой платформы;

– автор утверждает, что экономическая и социальная целесообразность применения информационных технологий, проявляется не только на уровне регионального «интеллектуального» агрокластера, но и в промышленных агрокластерах, заключается в том, что такие технологии становятся двигателем не только в сфере сельскохозяйственного производства, но и в повышении уровня жизни, качества знаний сельского населения.

31. Появлению Стратегии устойчивого развития сельских территорий предшествовали инициативы органов государственной власти, законодателей, обеспокоенных состоянием этого стратегического ресурса, а порой архаичными условиями существования сельского населения. По этим и другим причинам была создана нормативно-правовая база, создавались государственные программы.

При сравнительном сопоставлении по численности населения в сельских поселениях, общему коэффициенту смертности, численности и динамике рабочей силы, по индексам потребительских цен, среднедушевым доходам населения, доли расходов на питание, сельскому жилищному фонду, диссертант делает вывод, что государственная стратегия по достижению устойчивости сельских территорий до 2030 года, не в полной мере отвечает тем устремлениям населения в сельской местности, которые связаны с их коренными изменениями в качестве жизни.

В опубликованном отчете о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ влияния мероприятий по развитию жилищного строительства и инженерной инфраструктуры на уровень развития сельских территорий, реализуемых в 2018-2019 годах и истекшем периоде 2020 года» в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и Государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», показано, что Счетная палата Российской Федерации провела анализ реализации мер комплексного развития сельских территорий, отметив их низкую результативность и недостаточное влияние на качество жизни на селе.

Первые выводы Счетной палаты РФ: отсутствие жилья, слабая инфраструктура препятствует привлечению кадров, что усугубляет проблемы уровня жизни в сельской местности. На 1 января 2020 г. уровень газификации остается в пределах 60,2%, безработица в два раза выше, чем в городе, заработная плата на 35,1% ниже в целом по отраслям экономики.

Среди общих выводов Счетной палаты РФ названы отсутствие дифференцированного подхода к социально-экономическому и устойчивому развитию сельских территорий, а также требований и стандартов, связанных с повышением уровня и качества жизни сельского населения.

Автор позволяет себе осторожный вывод после ознакомления в процессе исследования аналитических материалов, сравнения статистических данных по

стране, что современная теория и практика развития сельских территорий выявляет определенные противоречия.

С одной стороны, отечественная агроэкономическая система (сельское хозяйство) демонстрирует развитие в отдельных областях деятельности, особенно по результатам работы крупных агрохолдингов, а с другой – население сельских территорий стремительно сокращается, в том числе увеличивается и миграция трудоспособных граждан в города. И если не рассматривать эволюцию агроэкономической системы в целом по России, то нельзя будет обнаружить ее тенденции и в отдельно взятом регионе. В методологическом плане не только объемы сельскохозяйственного производства определяют устойчивость нахождения граждан в сельской местности, но и культурные, семейные, традиционно сложившиеся формы жизни, социальные, экономические контакты и обыденные потребности человека. К сожалению, не всегда прозрачная, часто меняющая свои целевые установки аграрная политика, отчуждает трудоспособное население от занятия сельскохозяйственной деятельностью, «гонит» его в города или в среду сетевых экономических отношений через Интернет.

– Причины невыполнения определенных показателей в Стратегии устойчивого развития сельских территорий могут быть разные, среди которых, по мнению автора недостаточно эффективный организационно-экономический механизм управления.

Однако он остается необходимым элементом системы управления сельской территории, содержащим для достижения устойчивости комплекс правовых норм, различных экономических инструментов, ориентированных на ее развитие.

32. Диссертационное исследование содержит характеристику возникших угроз, относящихся к сохранению потенциала сельских территорий, особенно в части трудовых и земельных ресурсов: достижение опасного уровня деградации. По этому поводу проведены авторские расчеты достижения необходимого уровня

инвестиций, оценка перспектив изменения социальных нормативов, влияющих на качество жизни населения;

– развитие и дальнейшее движение к устойчивости сельских территорий может достигаться на основе расширенной диверсификации предпринимательской деятельности в сельской местности, что влияет не только на увеличение занятости, но и на пополнение бюджетов муниципальных образований. Автор предлагает рекомендации по совершенствованию организационно-экономического механизма управления основным средством производства на основе мотивации человеческих ресурсов для освоения заброшенных и пустующих земель (в масштабе посевная площадь сократилась с 1990 года более чем на 40 млн га). Аргументы о необходимости разработки специальной государственной программы изложены в авторских расчетах, подкрепленных данными в трех таблицах. В настоящий момент такая программа, по известными причинам, может быть не принята, но необходимость в ней для ближайшего периода очевидна.

Экономическая наука укоренена в реальности. В исследовании представлены аргументы, модели, схемы, рекомендации, сложные препятствия при рассмотрении проблематики совершенствования организационно-экономического механизма управления устойчивостью агроэкономических систем и сельских территорий и обосновано, что для регионов требуется находить новые формы развития с сохранением государственной политики, ориентированной на обеспечение продовольственной безопасности, сохранения населения, образа жизни на сельских территориях. Развитие территорий остается главным условием достижения устойчивости и агроэкономических систем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалкин, Л.И. Избранные труды. В 4-х гг. Т. II. На пути к реформе, хозяйственный механизм развитого социалистического общества. Новый тип экономического мышления. Перестройка: пути и проблемы. М.: Экономика, 2000.

2. Аганбегян, А.Г. Сельское хозяйство – локомотив социально-экономического роста России // ЭКО. 2017. № 5. С. 5-22.

3. Аграрная Европа в XXI веке. / под общей редакцией академика РАН Э.Н. Крылатых. М.: Летний сад, 2015. С. 125.

4. Аграрная экономика России: история, практика: монография. Екатеринбург: УрГАУ, 2020. 320 с.

5. Андрианов, В.Д. Эволюция основных концепций регулирования экономики от теории меркантилизма до теории саморегуляции. М.: Экономика, 2008. 326 с.

6. Адуков, Р., Адукова, А., Юсупов, Р. Формирование личностно-ориентированной модели управления сельскими территориями // АПК: экономика, управление. № 8. 2014. 12 с.

7. Адукова, А. Развитие методологии оценки эффективности муниципального управления на селе // Экономика сельского хозяйства России. 2015. № 12. С. 28-33.

8. Адухов, Р., Захаров, Р. Оценка эффективности государственного управления аграрным сектором // Экономика сельского хозяйства России. 2015. № 6. С. 36-42.

9. Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий: сб.ст. по материалам Всероссийской науч.-практ. конф. / Краснодар: КубГАУ, 2019. С. 4.

10. Александрович, И.М., Щеулин, А.С. Устойчивое инновационное региональное развитие как экологический императив // Устойчивое развитие. Наука и практика. 2003. № 3.

11. Алтухов, А.И. Совершенствование организационно-экономического механизма устойчивого развития агропромышленного производства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2016. № 7. С. 2-11.

12. Алтухов, А.И. Совершенствование организационно-экономического механизма зернового хозяйства и рынка зерна в России // АПК: экономика, управление. 2014. № 8. С. 7-8.

13. Анализ продуктовой потребительской корзины РФ в 2012-2019 гг. Tebiz.roup. URL: file:///C:/Users/user/Desktop/Downloads/65939-analiz-produktovoi-potrebitelskoi-korziny-rf-v-2012-2019-gg.pdf (дата обращения: 02.05.2021).

14. Аналитический вестник «О мерах Правительства Российской Федерации по устойчивому развитию сельских территорий». 2019. № 5 (719).

15. Аржанцев, С.А., Писарев, С.Л., Давыдова, Я.Е., Колядина Е.В. // Прикладные экономические исследования. 2017. № 5 (2). С. 12-13.

16. Арсеньев, А.С., Библер, В.С., Кедров, Б.М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967.

17. Артемов, В.А. Экономическое обоснование развития социальной сферы при производстве продукции АПК (на примере Курской области): автореф. дисс. … канд. экон. наук. Курск: КГСХА, 2004.

18. Аскаров, А.А. Устойчивое развитие экономики сельского хозяйства: на материалах Республики Башкортостан: дисс. … докт. экон. наук. М., 2008.

19. Астахова, Т., Толмачева, Е. Человеческий ресурс и человеческий капитал: разница понятий или подходы управления // Управление человеческим потенциалом. 2006. № 4.

20. Афанасьев, Е.В. Агропродовольственный рынок Сибири: особенности формирования и перспективы развития / Е.В. Афанасьев, С.М. Головатюк, Е.В. Рудой, Т.И. Утенкова // Экономика. 2010. № 2. С. 89-95.

21. Афанасьева, Е.П. Социальная инфраструктура и пути обеспечения её устойчивого функционирования (на примере Самарской области): дисс. … канд. экон. наук. Самара, 2008. 225 с.

22. Афонина, А.Г. Экономическое содержание и механизм управления развитием кластеров в региональной экономике: автореф. дисс. … канд. экон. наук. Пермь, 2012.

23. Бабкин, А.В., Новиков, А.О. Кластер как субъект экономики: сущность, современное состояние, развитие // Научно-технические возможности. СПГПУ. Экономические науки. 2016. № 1. С. 9-29.

24. Багров, М.Б. Системный подход к стабилизации сельского хозяйства Тверской области // Вестник ТГУ. Серия «Экономика и управление». 2011. Вып. 11. № 24. С. 43.

25. Баканов, Д.С., Махметова, А.Е. О содержании организационно-экономического механизма управления предприятиями газовой промышленности // Вестник ТГУ. Вып. 12 (104). 2011. С. 95.

26. Баклаженко, Г. Управление сельскими территориями и аграрной сферой муниципального района (концептуальная версия) // Экономика сельского хозяйства России. 2013. № 12. С. 83-89.

27. Баклаженко, Г., Семкин, А. Роль общественных объединений в управлении сельскими территориями // Экономика сельского хозяева России. 2016. № 5. С. 90-95.

28. Баклаженко, Г., Семкин, А. Формирование моделей управления региональным АПК и сельскими территориями // Экономика сельского хозяйства России. 2015. № 7. С. 2-8.

29. Барсукова, М.Э., Крохотнякин, М.Д. Малые предприятия в системе кластеров // Иннов: электронный научный журнал, 2013. № 4 (17). URL: http://www.innov.ru/science/economy/malye-predptiyatiya-v-sisteme-klast/.

30. Белокопытов, А.В. Организационно-экономический механизм устойчивого развития аграрного сектора экономики // Экономические отношения. Т. 10. № 1. Январь-март 2020. С. 218.

31. Белоусов, В.М. Факторы и условия устойчивого развития аграрного сектора экономики // Экономика и управление. 2013. № 4 (33). С. 99.

32. Берталанфи, Л. Фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. М., 1973. С. 29.

33. Беспахотный, Г. Новые механизмы приоритетного развития сельского хозяйства // Экономист. 2008. № 7. С. 90-96.

34. Бобылев, С.Н. Устойчивое развитие: методология и методики измерения: учеб. пособие / С.Н. Бобылев, Н.В. Зубаревич, С.В. Соловьева, Ю.С. Власов. М.: Экономика, 2011. 358 с. (сер. «Высшее образование»).

35. Бобылев, С.Н., Ходжаев, А.Ш. Экологизация экономики и конечные результаты // Вестник МГУ. Экономика. 2001. № 4. С. 96-108.

36. Бобылев, С.Н. Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение: пособие по региональной экологической политике. М.: Акрополь, 2007. 60 с.

37. Богдановский, В.А. Производительность труда в аграрной экономике России: состояние и тенденции. // Общественные науки. Экономика. 2016. № 4. С. 252.

38. Боджаева, В.В. Приоритеты инновационного развития агропромышленного комплекса региона // Вестн. Алтайского гос. аграр. ун-та. 2008. № 10. С. 116-117.

39. Боев, В.Р. Совершенствовать экономический механизм развития АПК // АПК: экономика, управление. 1993. № 3. С. 61-64.

40. Большакова, Ю.А. Использование кластерного подхода к обеспечению устойчивого развития социальной сферы села. URL: Vestnik.ngiei.ru/wp-content/upcoand/2015/03/pdf. (дата обращения: 19.01.2018).

41. Большая советская энциклопедия. URL: qufo.me (дата обращения: 16.08.2009).

42. Бондаренко, Л.В. Научные основы формирования системы стандартов обеспечения сельского населения социальными услугами. М.: ВНИИЭСХ, 2013. 42 с.

43. Бондаренко, Л. Сельские территории: состояние и регулирование. // АПК: экономика, управление. 2004. № 1. С. 65-79.

44. Боткин, О.И., Сутыгин П.Ф. Особенности функционирования льняного кластера как объекта управления // Аграрный вестник Урала. 2011. № 1. С. 81.

45. Боуман, З. Текущая современность. М., 2008.

46. Бражникова, Л.Н. Концепция формирования организационно-экономического механизма управления предприятиями ЖКХ // Экономика промышленности. 2008. № 3. С. 104-108.

47. Брутланд, Г.Х. Наше общее будущее: доклад Комиссии ООН по окружающей среде и развитию. М.: Прогресс, 1980. 50 с.

48. Буздалов, И.Н. Аграрная политика: научные основы, методы и механизмы осуществления // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 4-5. 2014. С. 27-30.

49. Буздалов, И.Н. Территориальное разделение труда в сельском хозяйстве России: актуальные проблемы и пути решения // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 10. С. 7-13.

50. Буздалов, И. Опыт и результаты аграрных реформ в Китае и России // АПК: экономика, управление. 2009. № 4. С. 3-14.

51. Буробкин, И.Н. Повышение устойчивости функционирования агропредприятий / И.Н. Буробкин, А.Л. Пустуев, К.Ж. Жапаров, А.О. Михневич. М.: ВНИЭТУСХ, 2003. 229 с.

52. Бутко, Г.П., Шарапова, В.М., Маслаков, В.В., Малютина, Л.В. Устойчивое развитие АПК как фактор экономического роста // Аграрный вестник Урала. 2019. № 9. С. 75-72.

53. Буторин, С.Н., Светлакова, Н.А. Организационное развитие – основа формирования внутрипроизводственных экономических отношений в системе управления аграрного предприятия // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2015. № 8. С. 19-23.

54. Буторина, Г.Ю., Пустуев, А.Л., Трясцин, М.М. Развитие аграрных хозяйств и сельских территорий на основе диверсификационного предпринимательства. Екатеринбург: Ира-УТК, 2011. 246 с.

55. Бухтиярова, Т.И. Теоретико-методологические вопросы трудовой организации сельскохозяйственного производства / Т.И. Бухтиярова, А.А. Сарабский, А.Ю. Панченко. // Аграрный вестник Урала. 2012. № 5. С. 48-52.

56. Бухтиярова, Т.И., Хилинская, И.В. Устойчивое развитие сельских территорий: теория и практика // Агропродовольственная политика России. 2016. № 7. С. 108-113.

57. Бухтиярова, Т. И., Хилинская, И. В. Алгоритм достижения устойчивого развития сельских территорий // Агропродовольственная политика России. 2018. № 1 (73). С. 2-8.

58. Вахрамеев, Р.А. Основные аспекты определения понятия «устойчивое развитие АПК» // Региональное развитие. № 2. 2015. С. 4.

59. Ващалова, Т.В. Устойчивое развитие: учеб. пособие. М.: Юрайт. 2017. 169 с.

60. Веблен, Т. Теория праздного класса. М., 1984.

61. Векленко, В., Золотарёва, Е. Проблема устойчивости сельскохозяйственного производства // АПК: экономика, управление. 2002. № 10. С. 49-56.

62. Волжский бассейн. Устойчивое развитие: опыт, проблемы, перспективы / под ред. Г.С. Розенберга. Центр экологической политики. М., 2011. 104 с.

63. Воронин, Б.А., Воронина, Я.В., Фатеева, Н.Б., Петрова Л.Н. Актуальные проблемы социально-экономического развития территорий (на примере Свердловской области) // Аграрный вестник Урала. 2017. № 69. С. 85.

64. Воронин, Б.А., Митин, А.Н. Экономико-правовые проблемы адаптации российского АПК в условиях ВТО // Аграрное и земельное право. 2012. № 9. С. 11-12.

65. Воронин, Б.А., Митин, А.Н., Пичугин, О.А. Управление процессами цифровизации сельского хозяйства России // Аграрный вестник Урала. 2019. № 4 (183). С. 86-95.

66. Воронин, Б.А., Чупина, И.П., Воронина, Я.В. Российская деревня: проблемы заброшенности сельских населенных пунктов // Аграрный вестник Урала. 2019. № 7. С. 88-91.

67. Вуйлов, Д.А. Типология и классификация кластерных образований: проблемы и решения // Журнал экономической теории. 2010. № 2. С. 173-178.

68. Гарипов, Р. И., Гарипова, Е. Н. Устойчивое развитие экономических систем: теоретико-методологические подходы: монография. Челябинск: Полиграф-мастер, 2009. 194 с.

69. Гасанова, Х., Измайлова, М., Бурак, П., Рождественская И. Формирование кластерной политики в регионах // АПК: экономика, управление. 2016. № 2. С. 25-31.

70. Гегель, Г. Философия права. М.: Мир книги, 2007. 464 с.

71. Гэлбрейт, Д. Экономические теории и цели общества. URL: http/bocks.efaculty.kiekua/uckvc/4/.

72. Глотко, А., Холодов, П., Овсянко, Л., Григорьев Н. Модель агропромышленного кластера региона // АПК: экономика, управление. 2016. № 2. С. 53-61.

73. Головин, А.А., Сорокина, М.С. Современные проблемы малых форм хозяйствования на селе // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2009. Т. 2. № 2. С. 7-9.

74. Головина, Л.А., Кислицкий, М.М. Цифровой вектор во взаимодействии субъектов аграрного производства. // Аграрный вестник Урала. 2020. № 9. С. 78.

75. Головина, С. Г., Лоретц, Е. Е., Миколайчик, И. Н., Смирнова, Л. Н. Проблемы развития фермерства в сложившихся условиях среды // Аграрный вестник Урала. 2019. № 8. С. 65-74.

76. Голубев, А.В., Голубева, А.А. Внутренние резервы повышения эффективности аграрной экономики // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2014. № 3. С. 12-14.

77. Горбунова, О.С. Современное научное представление об эффективности экономического механизма хозяйствования. // Аграрный вестник Урала. 2013. № 3. С. 57.

78. Гордеев, А.В. Агропромышленный комплекс (АПК). Большая российская энциклопедия. 28 с.

79. Горностаева, Ж.В., Забазанова, Т.А., Кундрат, И.В. Сельские территории: современное состояние и моделирование перспектив развития // Экономические науки. 2009. № 9. С. 110-115.

80. Госпрограмма развития сельского хозяйства продлена до 2025 года. URL: agrarii.com. (дата обращения: 18.02.2021).

81. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы, утверждённая постановлением Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 г., № 717.

82. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008- 2012 годы // АПК: экономика, управление. 2007. № 9. С. 6-23.

83. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утверждена постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 (в редакции от 8 февраля 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 32. Ст. 4549.

84. Градинарова, М. Диверсификация производства. // Экономика сельского хозяйства России. 2003. № 9. С. 9-12.

85. Гранберг, А.Г., Данилов-Данильян В.И. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке. М.: Экономика, 2002. 414 с.

86. Грачёв, Г.А. Эволюция цикличности хозяйственной деятельности и прогнозирование кризисов // Журнал экономической теории. 2010. № 1. С. 92-98.

87. Давыденко, В.А., Андрианова, Е.В., Данилова, Е.П., Ушакова, Ю.В. Развитие сельских территорий в Уральском федеральном округе: современные

воспроизводственные практики // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 28-70.

88. Данилова, С.Н. К вопросу об обеспечении устойчивого развития сельских территорий. В сборнике: Устойчивое развитие России в период нестабильности: внешние вызовы и перспективы: материалы XII очной международной научно- практической конференции. 2018. С. 177.

89. Данилов-Данильян, В.И. Водные ресурсы мира и перспективы водохозяйственного комплекса России. Институт устойчивого развития РФ. М.: Типография Левко, 2009. 88 с.

90. Данилов-Данильян, В.И. Экологический вызов и устойчивое развитие: учеб. пособие / В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 416 с.

91. Дафт, Р.Л. Менеджмент: учебник для слушателей, обучающихся по программе «Мастер делового администрирования» / пер. с англ.; под ред. С.К. Мордовина. М., 2009. 498 с.

92. Дерюгина, И.В. Сельское хозяйство мира. Прошлое и будущее 1980-2010-2050. М.: Перо, 2015. 128 с.

93. Добрунова, А.И. Социальная инфраструктура сельских территорий, как объект управления / А.И. Добрунова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 3. С. 60-62.

94. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 30 января 2010 г. № 120 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 5. Ст. 502.

95. Донелла Медоуз, Йорген Рандерс, Деннис Медоуз. Проблемы роста. 30 лет спустя / пер. с англ. М.: Академкнига, 2007. С. 5-7.

96. Доржиева, Е. В. Формирование агропромышленных кластеров как условие инновационного развития региональных систем // Известия ИГЭА. 2011. № 4. С. 76-78.

97. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2017 году (по итогам выборочного оборудования бюджетов домашних хозяйств). URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_102/IssWWW.exe/Stg/god/03-01/doc (дата обращения: 16.03.2020).

98. Дульзон, С.В. Оплата сельскохозяйственного труда: современное состояние и направления совершенствования. // Никоновские чтения. 2020. № 25. С. 222-223.

99. Емельянов, А. Коллизии становления многоукладности аграрного сектора экономики // А. Емельянов // Российский экономический журнал. 2001. № 5-6. С. 47-52.

100. Жигайло, В.В. Механизм взаимодействия государства и частного государственного партнерства // Экон. науки. 2011. С. 78.

101. Загайнова, М.А. Генезис концепции устойчивого развития // Социально-экономические системы: вопросы государственного регулирования и управления: сб. научных трудов; вып. 2 / под ред. д-ра экон. наук Т.Ю. Феофиловой. СПб.: Изд-во ГПА, 2007.

102. Закон Челябинской области от 04.04.2018 № 694-ЗО «О потребительской корзине в Челябинской области». Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: docs.cntd.ru. (дата обращения: 26.04.2021).

103. Зинченко, А., Демичев, В. Воспроизводство и аграрные кластеры в экономике сельского хозяйства России // АПК: экономика, управление. 2013. № 4.

104. Зозуля, А. В. Устойчивое развитие: учеб. пособие / А.В. Зозуля, П.В. Зозуля. М., Госуниверситет управления, 2013. 97 с.

105. Зотович, Н.В. Организационно-экономический механизм управления предприятиями энергетики дисс. … канд. экон. наук. Ижевск, 2010. С. 39.

106. И соседу к обеду. Регионы УрФО практически обеспечили собственную продовольственную безопасность. / Российская газета. 12.08.2020. Экономика УрФО. № 179.

107. Иванов, П.М. Устойчивое развитие региона: концепция, модель управления, стратегия. М.: ЭКЦ - профессор, 2016. 254 с.

108. Иванов, П.М. Устойчивое региональное развитие: концепция и модель управления // Экономика и математические методы, 2006. Т. 42. С. 51-59.

109. Иванов, С.Г. К вопросу формирования организационно-экономического механизма АПК. URL: Kgau.ru/new/all/konferenc/konferenc/2014/e5.pgf. (дата обращения: 24.08.2020).

110. Иванов, Ю.Б., Олейник, А.Д. Организационный механизм создания кластерных структур: теория и практика формирования // Вестник УГТУ-УПИ. 2008. № 4. С. 53-54.

111. Изард, У. Методы регионального анализа: внедрение в науку о регионах / сокр. пер. с англ. У. Узард. М.: Прогресс, 1966. 659 с.

112. Индексы потребительских цен на товары и услуги. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-potrl.htm (дата обращения: 16.07.2020).

113. Индексы производительности труда в экономике Российской Федерации. URL: Rosstat.gov.ru (дата обращения: 24.03.2020).

114. Интернет-продажи продуктов питания в России. URL: tadviser.ru (дата обращения: 12.07.2021).

115. Информационно-аналитические материалы по Свердловской области. Хозяйство. URL: rosstat.gov.ru (дата обращения: 16.02.2021).

116. Исаева, Т.А. Инновационный подход к оценке устойчивого развития сельских территорий // Инновационная деятельность. 2012. № 2. С. 89-93.

117. Итоги, Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 24.12.2018).

118. Камелян, А.К. Оптимизация стратегических параметров устойчивого развития предприятий аграрной сферы // А.К. Камелян, А.В. Улезько. Воронеж: ВГАУ, 2003. 207 с.

119. Кант, И. Основы метафизики и нравственности // Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. С. 321.

120. Кантарбаева, А., Мустафин, А. Что такое эволюционная экономика? // Аль Пари. Научно-практический экономический журнал. 1997. № 4. С. 54-58.

121. Маркс, К. Экономическая рукопись 1861-1863 годов / К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. 2-е изд., М.: Госполитиздат, 1962. Т. 47.

122. Картина деловой активности. Декабрь 2019 года. URL: www.economy.gov.ru. (дата обращения: 16.05.2020).

123. Картофелеводство в Челябинской области в 2019 году. URL: ab-centre.ru. (дата обращения: 20.04.2021).

124. Каштанов, А.Н. Устойчивость земледелия: пути повышения. М.: Знание, 1983. 230 с.

125. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег // Дж. М. Кейнс. Избранное. М.: Эксмо, 2007. 960 с.

126. Кеникстул, В. Решение проблемы сельских территорий через организационно-управленческий аудит / В. Кеникстул, А. Козлов, М. Бекетова // АПК: экономика, управление. 2013. № 3. С. 85-89.

127. Кеникстул, В., Воронин, Е. Методика оценки управляемости сельхозпроизводства // АПК: экономика, управление. 2014. № 5. С. 28-34.

128. Кириллов, Л.Г., Емельянова, Т.Э. Конструируем управление. Челябинск, 2004. С. 61.

129. Клейнер Г.Б. Новая теория экономических систем и ее приложения // Журнал экономической теории. 2010. № 3. С. 41-57.

130. Князева, Е.Н., Курдюмов, С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Норма, 1994. С. 14.

131. Ковалёва, Т.Ю. Диагностика кластеров как ориентир для государственной политики развития территорий // Журнал экономической теории. 2010. № 5. С. 49.

132. Коваленко, И.И., Соколицын, А.С. Организационно-экономический механизм управления устойчивым развитием предприятия с учетом производственного риска // Научно-технические ведомости СПбГУ. Экономические науки. Т. 12. № 6. 2019. С. 184.

133. Комар, А.А., Цапенко, И.А. Сельское хозяйство и продовольствие в экономике развитых стран мира. // Вопрос студенческой науки. Вып. 11. Ноябрь, 2019. С. 508.

134. Комов, Н., Шарипов, С. Эффективное управление земельными ресурсами – неотложная задача государства // АПК: экономика, управление. 2016. № 4. С. 24-31.

135. Комплексная программа социально-экономического развития территорий населённых пунктов в Свердловской области. Екатеринбург, 2008. URL: http://refdb.ru/look/39207.html. (дата обращения: 16.08.2018).

136. Концепция федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года» утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации №2071-р от 8 ноября 2012 г. // Информационный бюллетень МСХ РФ. 2012. № 2.

137. Корнаи, Я. Системная парадигма // Общество и экономика. 2002. № 4. С. 14.

138. Коршков, А.М., Павлов, С.Н. Теория систем и системный анализ: Учеб. пособие. Томск: Томский госуниверситет систем управления и радиоэлектроники. 2008. 264 с.

139. Кострыкин, Д.С. Виртуальный инновационный кластер – распределенная среда создания инноваций // Научно-технические ведомости СПБПУ. Естественные и инженерные науки. 2009. № 5. С. 66-73.

140. Костяев, А.И. Исследование механизмов развития сельских территорий // Методологическое обеспечение проведения научных исследований экономических проблем развития АПК России: монография / под науч. ред. А.И. Алтухова. М.: Кадровый резерв, 2016. С. 158-172.

141. Кошкарев, И.А., Болдырев, А.В. Планирование и государственное регулирование как инструменты устранения диспропорциональности в развитии сельского хозяйства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2015. № 1. С. 32-38.

142. Кравченко, А.М., Тюрина, И.О. Социология управления. М., 2005. С. 4.

143. Краснова, А. 10 публичных принципов цифровой экономики. URL: uttps://www.Facebook.com/ (дата обращения: 10.07.2021).

144. Кривокора, Ю.Н. Развитие интеграции аграрного и промышленного труда в условиях диверсификации производства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2006. № 4. С. 47-49.

145. Крутиков, В. Взаимосвязь производственной и альтернативной деятельности на селе в условиях импортозамещения / В. Крутиков, С. Фёдорова, Е. Костогрызова // АПК: экономика, управление. 2014. № 12. С. 69-74.

146. Кудров, Б.М. О природе научного понятия. // Вопросы философии. 1969. № 8.

147. Кузнецов, И.А. Механизмы и методы принятия и реализации управленческих решений в современных рыночных условиях // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 6. С. 103-106.

148. Кулик, Г. Почему нужно приоритетно развивать российское село // АПК: экономика, управление. 2006. № 5. С. 2-5.

149. Кульман, А. Экономические механизмы. М.: Прогресс – Универс, 1993. С. 13.

150. Кундиус, В.А. Формирование кластеров на селе – базис инновационного развития агропромышленного производства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 2.

151. Кундиус, В. Диверсификация аграрного сектора и развитие экономики территорий / В. Кундиус, Н. Пецух // АПК: экономика, управление. 2012. № 5. С. 72-79.

152. Кундиус, В., Глотко, А. Формирование кластера садоводства в Алтайском крае // АПК: экономика, управление. 2007. № 9.

153. Кунц, Р. Стратегия диверсификации и успех предприятия // Проблемы теории и практики управления. 1994. № 4. С. 96-100.

154. Курбатов, А.П. Стратегическое управление в АПК: региональные аспекты. Екатеринбург. Уральское изд-во. 2005. 250 с.

155. Курганская область в цифрах / Стат.сборник. Курган. Территориальный орган Федеральной службы госстатистики по Курганской области. 2015.

156. Курганская область в цифрах 2020. Краткий статистический сборник (№ 00104). Курган. 2020. С. 122.

157. Лаврикова, Н. Социально-экономическое развитие села (на примере Орловской области) // Экономист. 2009. № 1. С. 81-85.

158. Лапыгин, Ю.Н., Лапыгин, Д.Ю., Ковалев Е.А. Виртуальный кластер как проект // Вопросы управления. 2020. № 6. С. 95-106.

159. Липски, С.А. Состояние и использование земельных ресурсов России: тенденции текущего десятилетия // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4. С. 108-114.

160. Лисин, М.Н. Создание инфраструктуры регионального кластера субъектов малого предпринимательства АПК в форме аграрного инфраструктурного парка // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 4. С. 55-59.

161. Логинов, Д.А., Строков, А.С. Институциональные вопросы устойчивого развития сельских территорий России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 133.

162. Лубкова, Э.М. Стратегические приоритеты развития АПК промышленных регионов // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 2. С. 29-35.

163. Лубкова, Э.М. Устойчивое развитие агропромышленного комплекса как фактор экономической безопасности регионов // Развитие территорий. 2020. № 1 (19). С. 100-104.

164. Лукинов, И.И. Эволюция экономических систем. М.: Экономика, 2002. 567 с.

165. Львов, Д.С. Путь в XXI век: стратегия, проблемы, перспективы российской экономики. М.: Экономика, 1999. С. 48.

166. Мазлоев, В.З. Механизмы институциональных преобразований агропромышленных объединений // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2005. № 7. С. 37-40.

167. Манасов, М.Ш. Экономические проблемы обеспечения устойчивого развития агропромышленного комплекса (на материалах Республики Башкортостан) автореферат дисс. … канд.экон.наук. Уфа: УНЦ РАН, 2007.

168. Мансуров, П.М. Дифференциация сельских территорий Ульяновской области по уровню социально-экономического развития // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 9. С. 58-62.

169. Марков, Л.С., Ягольницер, М.А. Мезоэкономические системы. Проблемы типологии // Регион. Экономика и социология. 2008. № 1. С. 18-44.

170. Маркова, В.Д., Кузнецова, С.А. Стратегический менеджмент: Курс лекций. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2002. 180 с.

171. Маркс, К. Экономическая рукопись 1861 – 1863 годов / К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. 2-е изд., М.: Госполитиздат, 1962. Т. 47.

172. Маршалл, А. Принципы технологической науки. М.: Прогресс, 1993. 50 с.

173. Маршалл, А. Принципы экономической науки. В 3-х т. М.: Прогресс, 1993. Т. 1. Кн. 4. 415 с.

174. Маханько, Г.В., Захаров, С.Л. Формирование эффективного организационно-экономического механизма хозяйствования в агропроизводстве // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 107. С. 16.

175. Медведева, Н.А. Региональная система сельского хозяйства как сложная экономическая категория // Молочно-хозяйственный вестник. 2015. № 1. С. 117.

176. Мельников, А.Е. Социально-ориентированный кластер и его классификация // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 3. С. 48-52.

177. Меньшенина, И.Г. Транспортно-логистический кластер в экономической системе региона // Экономика регионов. 2008. № 8. С. 260-265.

178. Меренкова, И.Н., Перцев, В.Н. Приоритеты социально-ориентированного развития сельских территорий и поселений // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2016. № 4. С. 54-57.

179. Мерзляков, В.Ф., Ягунов, А.Е. Влияние экономической устойчивости на процесс развития фирмы // Вестник Нижегородского университета. Серия. Экономика и финансы. 2002. № 1.

180. Методология: словарь системы основных понятий / А.М. Новиков, Д.А. Новиков. URL: terme.ru. (дата обращения: 15.02.21).

181. Минасов, М.Ш. Экономические проблемы обеспечения устойчивого развития агропромышленного комплекса: автореф. дисс. канд. экон. наук. Уфа: УНЦ РАН, 2007.

182. Мир, кур. URL: http://www.mirkur.ru/news/2701 (дата обращения: 4.06.2019).

183. Митин, А.Н. Анализ научных взглядов о понятии «экономический механизм» и его модификациях в аграрной сфере экономики // Аграрный вестник Урала. 2016. № 11. С. 112-118.

184. Митин, А.Н. Кластеры в сельском хозяйстве России. Почему они не интересны региональным властям: монография. Кластеры в системе АПК: экономико-правовые аспекты. Екатеринбург: Издательство Уральского ГАУ, 2020. С. 68-69.

185. Митин, А.Н. Синергийные стратегии в экономике и управлении: монография. Синергетика и герменевтика в правоведении и социально-правовом регулировании. М.: Норма, 2020. С. 194.

186. Митин, А.Н. Теория и механизмы управления: учебник. Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. С. 17.

187. Митин, А.Н. Управление переносит будущее в настоящее: монография. Екатеринбург, 2010. С. 4-6.

188. Митин, А.Н., Пустуев, А.А. Устойчивость аграрных хозяйств и сельских территорий через создание кластеров: сомнения и возможности // Аграрный вестник Урала. 2016. № 4. С. 109-114.

189. Митин, А.Н., Сачев, М.В. О государственном регулировании и государственной поддержке в аграрном секторе экономики // Аграрный вестник Урала. 2008. № 12. С. 7-12.

190. Митякова, О.Н. Устойчивое развитие как экономическая категория // Журнал экономической теории. 2009. № 3. С. 99-111.

191. Михалев, О.В. Экономическая устойчивость хозяйственных систем, методология и практика научных исследований и прикладного анализа. СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. С. 10.

192. Михеев, Д.В. Организационно-экономический механизм развития социальной сферы региона (на примере Московской области): автореф. дисс. … на соискание учёной степени канд. экон. наук. М., 2003.

193. Мониторинг, реализации государственных программ Российской Федерации. URL: www.economy.gov.ru (дата обращения: 23.04.2021).

194. Морозов, Н.М., Конаков, М.А. Агропромышленные кластеры малой формы // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2010. № 8. С. 30-35.

195. Мухина, Е. Оценка инвестиционного климата регионального АПК // АПК: экономика, управление. 2007. № 3. С. 26-28.

196. Набиев, Т. Модель формирования регионального аграрного мегакластера в Республике Таджикистан // АПК: экономика, управление. 2014. № 11. С. 77-84.

197. Набиева, Л.Г. Проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса России / Л.Г. Набиева // Вестник экономики, права и социологии. 2015. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/problem-i-perspektiv-razvitiya-agroprom-shlennogo-kompleksa-rossii.pdf (дата обращения: 10.03.2020).

198. Набоков, В.И. Управление инновационной деятельностью организаций АПК в современных условиях //Агропродовольственная политика России. 2017. Т. 1. С. 30-32.

199. Нагоева, С.М., Тхакахов, А.И. Агрокластеры и малые формы хозяйствования // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008. № 7. С. 10-12.

200. Национальная философская энциклопедия. URL: terme.ru (дата обращения: 15.02.21).

201. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М.: Прогресс, 1989. 376 с.

202. Некрасов, Р. Кластерное развитие регионального АПК // АПК: экономика, управление. 2009. № 5. С. 37-43.

203. Немченко, Г. Диверсификация производства. Благовещенск: Дальневосточное отделение РАН, 1991. С. 88.

204. Немченко, Г., Донецкая, С., Дьяконов, К. Диверсификация производства: цели и направления деятельности // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 1. С. 26-34.

205. Никитина, А.Ю. Нелинейность экономической среды и тенденции самоорганизации в сетевой экономике // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 3. С. 169-172.

206. Николаевский, В.В., Рудковская, О.Г. Нелинейная динамика развития и проектный подход в методологии стратегического финансового планирования // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 10. Вып. 3. URL: Scires.elpub.ru (дата обращения: 14.02.2020).

207. Новичихина, Н.А. Теоретические аспекты государственного регулирования сельского хозяйства // Электронный научный журнал. Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5.

208. Новоселов, С.Н., Смирнова, С.М. Формирование инновационных агропромышленных кластеров: обобщение международной практики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 3. С. 58-67.

209. Новый экономический словарь / Под ред. А.И. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 2009. 1088 с.

210. О развитии птицеводства в России. Минсельхоз РФ. URL: www.moshol14.ru (дата обращения: 05.05.2021).

211. О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2018 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга: научное издание. М.: Росинформагротех, 2020. Вып. 6. С. 9-10.

212. О федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 г.»: постановление правительства РФ № 598 от 15 июля 2013 г. // СЗ РФ. 2013. № 30. Ст. 4110.

213. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. //. СЗ РФ. 5003. № 40. Ст. 3822.

214. Об утверждении Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р // СЗ РФ 2010. № 50. Ст. 6748.

215. Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований ОК-33-2013. Т. 1. М.: Федеральная служба государственной статистики, Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии, 2013.

216. Объем экспорта из УрФО в 2020 году сократился на четверть. URL: www.kommersant.ru (дата обращения: 30.03.2021).

217. Оксанич, Н.И., Рогачев, А.С. Территориально-отраслевое размещение производства в сельском хозяйстве Волгоградской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 8. С. 31-34.

218. Олькевич, Б.Я. Экономическая наука и политика перед фундаментальной неопределенностью региона // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 92-95.

219. Организационно-экономический механизм формирования региональных агропромышленных кластеров на современном этапе: тезисы Международной научно-практической конференции 7-8 июня 2013 г. Саратов. Саратов: Саратовский источник, 2013. 343 с.

220. Основные показатели развития АПК в Челябинской области. URL: www.chelagro.ru (дата обращения: 03.05.2021).

221. Основные показатели социально-экономического развития Челябинской области за 2020 год. Хозяйство. URL: mineconom.74.ru (дата обращения: 22.03.2021).

222. Основные положения стратегии устойчивого развития России / под ред. А.М. Шелехова. М. 2002. 161 с.

223. Основы устойчивого лесоуправления: учеб. пособие для вузов. Всемирный фонд дикой природы. М., 2009. 11 с.

224. Отчет Счетной палаты Российской Федерации. г. Москва, 2021. Январь. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/ee1/ee159c19bdf6df58d385a02436ed0225.pdf (дата обращения: 16.05.2021).

225. Оценка факторов роста и прогнозирование социально-экономического развития регионов России. Екатеринбург – Хабаровск: ИЭ УрО РАН, 2012. 178 с.

226. Павленко, В.Б. Мифы «устойчивого развития», «глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? М.: ОГИ, 2011. 944 с.

227. Панина, Г.В. Формирование и функционирование производственных систем в сельском хозяйстве: дисс… канд. экон. наук. Челябинск, 2015.

228. Панкова, К.И. Еще раз о кластерах // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 1. С. 63-66.

229. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494-526.

230. Паскье, М. Диверсификация и эффективность // Проблемы теории и практики управления. 1994. № 3. С. 79-82.

231. Перу, Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 92-126.

232. Петриков, А.В. Адаптация агропродовольственного сектора к постпандемической реальности // Научные труды ВЭО России. 223 т. Аналитические материалы МАЭФ-2020. С. 101.

233. Петриков, А.В. Комплексное развитие сельских территорий Российской Федерации. С. 18-25.

234. Петриков, А.В. Устойчивое развитие сельской местности в России и направления научных исследований // АПК: экономика, управление. 2001. № 12. С. 13.

235. Петриков, А. Многофункциональность сельского хозяйства: теоретические и практические аспекты // АПК: экономика, управления. 2007. № 12. С. 2-5.

236. Пичугин, О.А., Митин, А.Н. О методике определения состояния конкуренции на рынке сельскохозяйственной продукции региона // Аграрный вестник Урала. 2012. № 1. С. 78-80.

237. Порвадов, М.Г., Черникова, С.А. Особенность формирования организационно-экономического механизма агропромышленного кластера // Молодой ученый. 2010. № 8. С. 42.

238. Портер, М. Конкуренция. М., Вильямс. 2005. 602 с.

239. Портер, М. Конкуренция / пер. с англ. М.: Вильяме, 2005. 608 с.

240. Посевная площадь под сельхозкультуры в России. URL: Finance.rambler.ru (дата обращения: 02.07.2021).

241. Постановление Правительства РФ от18 августа 2008 г. № 620 (редакция от 22.04.2015 г.). URL: normativ.Kontur.ru (дата обращения: 04.06.2015).

242. Потехин, Н.А., Потехин, В.Н., Усматова, Е.С. О концепции развития сельского хозяйства России на современном этапе. // Management Issnes. 2019. № 4. С. 79.

243. Потребление по основным группам пищевых продуктов. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_101/IssWWW.exe/Stg//01-2.doc (дата обращения: 22.09.2019).

244. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2018 году. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_101/Main.htm (дата обращения: 22.09.2019).

245. Примаков, Е.М. 2013: тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолибералов // Российская газета. 2014. № 6277 (5). 14 янв.

246. Примаков, Е.М. Не просто работать, а знать во имя чего // Российская газета. 2015. № 6574 (3). 13 янв.

247. Примаков, Е.М. Современная Россия и либерализм // Российская газета. 2012. 9 декабря.

248. Программа развития АПК Тюменской области. Тюмень: Департамент сельского хозяйства Тюменской области, 2001. 78 с.

249. Производство комбикормовой продукции в 2019 году // Комбикорма. 2020. № 3. С. 15-25.

250. Производство сельхозпродукции в Курганской области. URL: Zol.ru/n/32eb1.

251. Птицеводство в России: состояние и перспективы. // Птицеводство. 2020. № 4.

252. Пустуев, А.А. Кластеризация, как важнейший элемент экономического механизма управления устойчивостью развития аграрных хозяйств и сельских территорий // Аграрный вестник Урала. 2016. № 9. С. 115-118.

253. Пустуев, А.А. Методологические подходы к совершенствованию планирующей функции управления развитием аграрных хозяйств и сельских территорий // Дискуссия. 2016. № 9. С. 31-37.

254. Пустуев А.А. Повышение устойчивости региональных агроэкономических и агропромышленных систем на основе развития территориально-кластерных мультипликаторов: сб. международной научно-практической конференции. Екатеринбург: УрГСХА, 2011. С. 47-51.

255. Пустуев, А.А. Развитие управленческой деятельности на разных уровнях устойчивости социально-экономических систем сельских территорий // Аграрный вестник Урала. 2016. № 8. С. 101-106.

256. Пустуев, А.А. Совершенствование экономического механизма управления развитием аграрных хозяйств и сельских территорий. // Агропродовольственная политика России. 2016. № 8. С. 75-78.

257. Пустуев, А.А. Стратегия преодоления кризиса в сельском хозяйстве проблемных регионов. М.: Агропресс, 2002. С. 18.

258. Пустуев, А.Л., Горбунова, О.С., Петрякова, С.В., Калицкая В.В., Перминова И.М. Формирование агроэкономической системы региона. // Аграрный вестник Урала. 2017. № 5 (159). С. 97-100.

259. Пустуев, А.Л., Дегтярева, Т.Ю., Пустуев, А.А. Проблемы развития территориально-кластерных мультипликаторов в аграрной сфере: теоретико-методологический аспект // Аграрный вестник Урала. 2013. № 5. С. 79-81.

260. Пустуев, А.Л., Пустуев, А.А. Повышение социально-экономической устойчивости функционирования аграрного сектора региона // Аграрный вестник Урала. 2011. № 12. С. 65-67.

261. Пустуев, А.Л., Упилкова, Ж.А. Зерновая отрасль как мультипликатор развития агроэкономической системы региона // Аграрный вестник Урала. 2013. № 7. С. 50-52.

262. Пшихачева, А.С. Проблемы устойчивого развития и стратегия возрождения сельского хозяйства России // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 11. С. 68-76.

263. Рабочая сила (сельское население) в возрасте 15-72 лет. URL: https//www.gks.ru/bgd/regl/b18_61/IssWWW.exe/Stg/01-04.doc (дата обращения: 22.02.2020).

264. Райзберг, Б.А., Лозовский, Л.Ш., Стародубцева, Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2012.

265. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 июня 2020 г. №1684-Р. URL: mcx.gov.ru. (дата обращения: 04.11.2020).

266. Распределение численности пенсионеров по полу и месту проживания в Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/ur1-5./doc (дата обращения: 22.04.2019).

267. Рассел, Б. История западной философии. Т. 1. М.: Миф, 1993.

268. Растянников, В.Г., Дерюгина, И.В. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве стран Запада и Востока // Вопросы статистики. 2013. № 11. С. 57-70.

269. Расходы бюджета на сельское хозяйство в РФ и странах ОЭСР. URL: inagres.hse.ru (дата обращения: 24.02.2020).

270. Рахаев, Б., Рахаев, Х., Плотников, А. Оценка устойчивости траектории экономического роста в сельском хозяйстве // АПК: экономика, управление. 2003. № 7. С. 64-69.

271. Региональный опыт разработки программ устойчивого развития сельских территорий. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2012. 112 с.

272. Рейтинг эффективности АПК в регионах. ИКСИ. 2020. URL: icss.ru.images/macro/ (дата обращения: 04.04.2021).

273. Рейтинг эффективности функционирования АПК в регионах РФ. URL: Icss.ru (дата обращения: 16.01.2021).

274. Родионова, О., Гребенькова, О. Диверсификация в системе воспроизводственных отношений АПК // АПК: экономика и управление. 2007. № 3. С. 14-16.

275. Розанова, Н.М., Комарницкая, А.Н. Государственное регулирование миниэкономических процессов циклического развития экономики // Журнал экономической теории. 2014. № 1. С. 134-152.

276. Розенберг, Г.С., Чернихова, С.А., Краснощеков, Г.П., Крымов Ю.М., Голошвили Д.Б. Мифы и реальность «устойчивого развития». // Проблемы прогнозирования. 2002. № 2. С. 26.

277. Романов, А., Арашуков, В. Формирование агропромышленных кластеров в России // АПК: экономика, управление. 2008. № 3. С. 32-36.

278. Романова, О.А., Лаврикова, Ю.Г. Кластерное развитие экономики региона: теоретические возможности и практический опыт // Экономика региона. 2007. № 3. С. 40-51.

279. Российский рынок картофеля сезона 2019/2020. // Агровестник. URL: agrovesti.net (дата обращения: 30.04.2021).

280. Рубаева, О.Д., Прохорова, Л.В. Алгоритмы управления устойчивым социально-экономическим развитием села (на материалах Челябинской области) // Аграрный вестник Урала. 2013. № 11. С. 88-92.

281. Рудалева, И.А. Управление устойчивостью аграрной сферы // Известия УрГЭУ. 2008. № 3 (22). С. 177-178.

282. Рынок молочных продуктов в Уральском федеральном округе. Текущая ситуация и прогноз 2021-2025 гг. URL: alto-group.ru (дата обращения: 12.04.2021).

283. Савченко, П., Федорова М., Шелкова В. Уровень и качество жизни: понятия, индикаторы, современное состояние в России // Российский экономический журнал. 2000. № 7. С. 66-74.

284. Сванте Аррениус и парниковый эффект. URL: econ.wikireading.ru (дата обращения: 24.02.2019).

285. Свердловская область в 2015-2019 годах. Статистический сборник (04001). URL: istmat.info (дата обращения: 16.02.2020).

286. Свердловская область в 2015-2019 годах. Статистический сборник (04001). Екатеринбург, 2020. С. 114.

287. Светлаков, А.Г. Методические особенности оценки уровня криминализации АПК региона // Аграрный вестник Урала. 2019. № 2. С. 69-72.

288. Сводная статистическая информация геоинформационной системы по кластерам URL: qisp.gov.ru (дата обращения: 16.02.2021).

289. Селестэн, Н.К. Концепции развития агропромышленных кластеров Республики КОТ-Д'ИВУАР с участием России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2014. № 4. С. 54-58.

290. Селигмен, Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.

291. Сельские населённые пункты Челябинской области. Статистический сборник. Челябинск: Федеральная служба государственной статистики по Челябинской области, 2006. 91 с.

292. Сельские территории Российской Федерации. Статистическая информация о социально-экономическом развитии сельских территорий РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/sel-terr/sel-terr.html.

293. Сельское хозяйство. URL: sverdl.gks.ru (дата обращения: 18.02.2021).

294. Сельское хозяйство в России. 2019: Стат.сб. / Росстат. М., 2019. С. 78-81.

295. Сельское хозяйство Свердловской области: перспективы развития. хозяйство URL: invest-in-ural.ru/img/economic17.pdf.

296. Сельское хозяйство Тюменской области. URL: ab-centre.ru (дата обращения: 12.04.2015).

297. Сельское хозяйство Уральского федерального округа. МНИАП. URL: мниап.рф (дата обращения: 14.01.2018).

298. Сельское хозяйство Челябинской области. хозяйство URL: ab-centre.ru (дата обращения: 17.05.2015).

299. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России (официальное издание) стат. сборник: Федеральная служба госстатистики, М., 2015.

300. Семин, А.Н. Методологические основы формирования экономических механизмов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 9. С. 15-20.

301. Сёмин, А.Н. Совершенствование системы мер и механизмов развития сельских территорий / А.Н. Сёмин, Ю.Р. Лутфуллин, М.М. Кислицкий // Методическое обеспечение проведения научных исследований экономических проблем развития АПК России: монография / под науч. ред. А.И. Алтухова. М.: Кадровый резерв, 2016. С. 318-331.

302. Семин, А.Н. Экономический механизм хозяйствования как основа эффективной работы сельхозтоваропроизводителей // Экономика сельского хозяйства России. 2000. № 3. С. 37-40.

303. Семин, А.Н., Мальцев, Н.В. Концепция управления интеграционными процессами в аграрных и агропромышленных формированиях: особенности разработки и механизм реализации. URL: file:///C:/Usets/admin/App/Data/Local/Temp/pdf (дата обращения: 24.12.2020).

304. Семин, А.Н., Хилинская, И.В. Развитие сельских территорий: современные тенденции устойчивого роста // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2017. № 1. С. 183-191.

305. Сергеев, А.М. Развитие инновационных кластеров как направление региональной промышленной политики // «Экономика региона». 2007. № 3.

306. Сергеев, И.Б., Лапочкина, Л.В. Устойчивое развитие: теоретико-методологические подходы. //Записки Горного университета. 2009. № 184. С. 267.

307. Сисмонди, Ж. Новые начала политической экономии. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007.

308. Скворцов, Е.А. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в сельском хозяйстве региона // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 567.

309. Скуратов, Р.А. Устойчивое развитие сельскохозяйственных организаций: автореф. дисс… канд. экон. наук. Воронеж, 2010.

310. Словари и энциклопедии на Академике. URL: dic.academic.ru/dic.ust/ruwiki/23285. (дата обращения: 14.11.2020).

311. Смирнова, С.Н., Елагина, А.С., Новоселов С.Н. Влияние глобализации на эволюцию агропромышленных кластеров в развивающихся странах // Economics:Yesterday, Today and Tomorrow. 2016. № 4. С. 55-60.

312. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962.

313. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, П.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. URL: jur.vslovar.org.ru/8767/.html (дата обращения: 16.01.21).

314. Сорокина, Т.И., Буторина, Г.Ю., Пустуев А.Л. Развитие сельского хозяйства региона: управленческий аспект. Тюмень: ИПК ТГСХА, 2008. 254 с.

315. Составлено по: Федеральная служба государственной статистики. URL: //rosstat.gov.ru (дата обращения: 25.03.2021).

316. Социальное развитие села до 2020 года: федеральная целевая программа, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации № 858 от 3 декабря 2002 г. // СЗ РФ. 2002. № 49. Ст. 4887.

317. Социально-экономическое положение Тюменской области (кроме ХМАО и ЯМАО). Краткий статистический доклад. URL: tumstat.ru (дата обращения: 30.04.2021).

318. Сравнительный анализ операционной эффективности сельскохозяйственной отрасли России. URL: www.pwc.ru (дата обращения: 16.04.2019).

319. Старикова, Е.А. Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития. // Вестник РУДН. 2017. № 1. С. 8.

320. Статистика. Площадь сельхозугодий по районам России. URL: Ruxpert.ru (дата обращения: 03.07.2021).

321. Статистический ежегодник. Тюменская область (1990-2019). В 2-х частях. Тюмень, 2020.

322. Сташевский, В.В. Государственное регулирование и поддержка агропромышленного комплекса: состояние, проблемы, перспективы // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2016. № 4 (51). С. 161-168.

323. Стовба, Е.В. Прогнозирование урожайности сельскохозяйственных культур в административном районе//Экономика и управление. 2003. № 5. С. 52-55.

324. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. М.: Росинформагротех, 2015.

325. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Программа, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 02.07.2015 г., № 151-Р // АПК: экономика, управление. 2015. № 3-4.

326. Сэй, Ж.-Б. Трактат по политической экономии. Экономические софизмы. Экономические гармонии. М.: Дело, 2000. 232 с.

327. Таможенная статистика об экспорте и импорте России на январь 2020 года. URL: news_stat_ek_im_2020_pdf (дата обращения: 22.01.2021).

328. Таймасханов, Х.Э. Государственная поддержка как механизм обеспечения устойчивого развития АПК депрессивного региона (теория, методология, практика): дисс. … докт. экон. наук. М., 2011.

329. Татаркин, А.И. Проблемы экономической безопасности. Екатеринбург, 1999.

330. Тенетко, А.А., Зырянова, Т.В., Разорвин, И.В., Состояние и проблемы государственного регулирования аграрного сектора Российской Федерации // Аграрный вестник Урала. 2014. № 1. С. 89-95.

331. Третьякова, JI.A. Лаврикова, Н.И. Качество жизни населения - индикатор устойчивого развития сельских территорий // Экономика региона. 2010. № 3.

332. Трошин, А., Стрябкова, Е., Деменко, В. Перспективы развития мясного кластера Белгородской области // АПК: экономика, управление. 2014. № 11. С. 57-61.

333. Трудовые ресурсы: Федеральная служба государственной статистики URL: http://www.gks.rU/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 19.06.2019).

334. Тюменская область в цифрах (2015-2019). Краткий статистический сборник (25145). Тюмень, 2020. С. 107.

335. Тютюнников, А., Закшевская, Т. Кластеризация сельхозпредприятий для разработки типизированных антикризисных стратегий // АПК: экономика, управление. 2013. № 1. С. 37-42.

336. Узун, В.Я., Шагайда, Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Дело, 2015.

337. Управление устойчивым развитием / под ред. А.В. Трачука. СПб.: Реальная экономика, 2015. 670 с.

338. Уральский Федеральный округ. / Серия. Аналитический бюллетень УрФО. 2020.

339. Урсул, А.Д. Концептуальные проблемы устойчивого развития // Бюллетень РАН. Использование и охрана природных ресурсов в России. 2005. № 1. С. 30-38.

340. Урсул, А.Д. Устойчивое развитие и безопасность: учеб. пособие. М., 2013. 515 с.

341. Усенко, Д.Н. Государственное регулирование обеспечения устойчивости развития предприятий малого и среднего бизнеса сельских территорий // Методологическое обеспечение проведения научных исследований экономических проблем развития АПК России: монография / под науч. ред. А.И. Алтухова. М.: Кадровый резерв, 2016. С. 419-433.

342. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭТР РАН, 2009. 355 с.

343. Устойчивое развитие сельских территорий: вопросы стратегии и тактики. М.: Росинформагротех, 2004. 310 с.

344. Учение Вернадского о биосфере. URL: ecoportal.ru (дата обращения: 16.04.2019).

345. Ушаков, А. и др. Разработка прогнозов социально-экономического развития регионов с использованием комплексной имитационной модели // Российский экономический журнал. 2000. № 2. С. 77-78.

346. Ушачев, И.Г. Рекомендации по организационно-экономическому механизму функционирования интегрированных формирований в АПК / М.: Издательство МСХА, 2003. 174 с.

347. Ушачев, И.Г. Устойчивое развитие сельских территорий: проблемы и их решение. // О мерах Правительства Российской Федерации по устойчивому развитию сельских территорий // Аналитический вестник. 2019. № 5. С. 13-17.

348. Ушачев, И.Г. Формирование региональных систем управления в АПК. М.: Экономика и информатика, 1999. 367 с.

349. Федеральная служба государственной статистики 2015-2020 гг. URL: rosstat.gov.ru (дата обращения: 03.03.2021).

350. Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июня 2013г. № 598).

351. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 15.10.2020 г. № 330-ФЗ (последняя редакция). URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.11.2020).

352. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (актуальная редакция – от 31.07.2020) от 28.06.2014 № 172-ФЗ URL: www.consultant.ru.

353. Федеральный закон Российской Федерации «О развитии сельского хозяйства от 29.12.2006 г. №264-ФЗ – Российская газета. Федеральный выпуск № 4265 от 11 января 2007 г.

354. Федорович, В.О. Состав и структура организационно-экономического механизма управления собственностью крупных промышленных корпоративных образований // Сибирская финансовая школа. 2016. № 2. С. 45-54.

355. Финансирование АПК будет уменьшено. URL: rg.ru (дата обращения: 12.05.20220).

356. Фисинин, В. Рынок продукции птицеводства стабилен. // Животноводство России. 2019. Март. С. 8-12.

357. Форрестер, Дж. Мировая динамика. М.: Наука, 1978.

358. Фролов, Д.П., Грушевский, Д.В. Институционально-экономическая природа кластеров // Экономика регионов. 2008. № 2. С. 230-234.

359. Фролова, О.А., Васильева, С.Ю. Государственное регулирование сельского хозяйства // Вестник НГИЭИ. 2011. С. 30-47.

360. Фудина, Е.В. Актуальные проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса России // International agricultural journal. 2000. № 1. С. 429.

361. Хайек, Ф. Индивидуализм и экономический порядок М.: Изограф, 2000.

362. Харитонов, А.В. Сельское хозяйство, как социально-экономическая система // Инновации и инвестиции. 2016. № 4. С. 93.

363. Хикс, Дж.Р. Стоимость и капитал / пер. с англ. М.: Прогресс, 1988.

364. Ходос, Д.В. Экономический механизм обеспечения устойчивого развития сельскохозяйственного производства региона: автореф. дисс. … докт. экон. наук. М., 2009. 42 с.

365. Ходос, Д.В., Иванов, С.Г. Устойчивое функционирование АПК как фундамент развития региональной экономики // Российское предпринимательство. 2013. № 21. С. 26.

366. Хомяков, Д. Трудная посевная 2021 года. URL: regnum.ru (дата обращения: 04.05.2021).

367. Худякова, Е.В., Дмитриев, Д.Д. К вопросу и диверсификации деятельности сельских кредитных кооперативов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2007. № 2. С. 50-52.

368. Хухрин, А.С. Концепция кластерной политики в сельском хозяйстве Российской Федерации // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2011. № 6. С. 53-59.

369. Хухрин, А.С., Бундина, О.И., Агнаева, И.Ю., Толмачева Н.П. Развитие агропромышленных кластеров России: синергетический подход // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2014. № 11. С. 56-62.

370. Чарыкова, О.Г. Маркова, Е.С. Региональная кластеризация в цифровой экономике // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 2. С. 409-419.

371. Чашин, В.К., Пустуев, А.Л. Мониторинг в системе продовольственной, безопасности. М.: Агропресс, 2004. 439 с.

372. Чекасин, В., Серков, А., Копасов, А. Методология оценки эффективности государственного регулирования сельского хозяйства требует совершенствования // АПК: экономика, управление. 2015. № 1. С. 17-24.

373. Черняев, А.А. Территориально-отраслевое разделение труда в сельском хозяйстве Поволжья // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 1. С. 9-12.

374. Черняев А.А., Санникова, М.А., Петухова В.В. Нелинейная оптимизация производственной структуры предприятия овощеводства защищенного грунта // АПК: экономика, управление. 2015. № 7. С. 41-48.

375. Черняев А.А., Сердобинцев, Д.В. Организационно-экономические аспекты формирования агроэкономических кластеров в Поволжье // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 6. С. 27-36.

376. Четвериков Н.С. Колебания урожая как фактор, влияющий на устойчивость сельского хозяйства России // Вестник статистики. 2003. № 4.

377. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 квартал 2019 года URL: www.gks.ru (дата обращения: 22.04.2020).

378. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. URL: www.gks.ru (дата обращения: 20.07.2020).

379. Численность населения сельских населенных пунктов Свердловской области на 01.01.2001 года: стат.сборник: Свердловский областной комитет госстатистики. Екатеринбург, 2001.

380. Что такое E-commerce и как устроена онлайн-торговля. URL: trends.rbc.ru (дата обращения: 10.07.2021).

381. Чулок А. Будущее агропромышленного комплекса: тренды до 2120 года. URL: https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5e8743049a79471521c34539 (дата обращения: 20.04.2021).

382. Чупина И.П. Сельское хозяйство Уральского федерального округа в аспекте инновационного сценария. URL: aou.urgau. (дата обращения: 14.06.2020).

383. Чупров С.В. Нелинейная эволюция и устойчивый рост региональной промышленности // Известия БГУ. 2020. Т. 30. № 4. С. 507-515.

384. Чурова Е.С. Формирование и развитие системы управления агропромышленной интеграцией автореф. канд. экон. наук. Екатеринбург, 2016.

385. Шагайда Н.И. Трансформация территориального размещения агарного производства и разделения труда в сельском хозяйстве России в постсоветский

период // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 8. С. 18-24.

386. Шагайда, Н.И., Узун, В.Я. Драйверы роста и структурных сдвигов в сельском хозяйстве России. М.: Дело, 2019. 98 с.

387. Шик, О.В., Серова, Е.В., Янбых, Р.Г. Исследование системы бюджетной поддержки аграрного сектора в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 2. С. 145-167.

388. Шилова, Т.А. Организационно-экономический механизм обеспечения конкурентоспособности предприятия. URL: http://www.msnauka.eom/SND/ Economics/l0_shilova.doc.htm.

389. Шмальгаузен, И.И. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1938. 144 с.

390. Шмидт, Ю.И. Возможности формирования аграрного кластера в Тверской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 8. С. 55-58.

391. Щербак, Г. Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование. М.: Независимый институт гражданского общества, 2004. 520 с.

392. Шумпетер, Й. Теория экономического развития, М.: Прогресс, 1982.

393. Экономико-математические методы и модели: теория и практика в решении задач. Ростов на/Д.: Феникс, 2009. 440 с.

394. Экономические воззрения Анри Де Сен-Симона. URL: Visit.ru (дата обращения: 16.04.2019).

395. Юзбашев, М.М., Попова, О.В. Статистическое измерение колебаний урожайности сельскохозяйственных культур // Вестник статистики. 1980. № 9.

396. Ягодин, Г.А. Устойчивое развитие: человек и биосфере: учеб. пособие. 2-е изд. М.: БИНОМ, 2015. 112 с.

397. Яковец, Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. 2-е изд. М.: Экономика, 2003.

398. Яркова, Т.М. Современные технологии развития сельских территорий в России и за рубежом // Креативная экономика. 2021. № 2. С. 379-392.

399. Яркова, Т.М. Развитие сельских территорий: социально-экономический аспект // Продовольственная политика и безопасность. 2022. Т. 9. № 1. С. 67-78.

400. Becarttini, G. Dal “settore” industrial al “distretto” industrial. Alcune considerazioni sull” unita d”indagine dell” economia industrial / G. Becattini // Rivista di Economia e Politica industrial. 1979. Vol. 5. № 1. P. 7-21.

401. Boulding ,K. Economics as a Moral Science // American Economic Review. 1969. Vol. 59. № 1.

402. Brusco, S. The Emilian model: Productive decentralization and social integration / S. Brusco // Cambridge Journal of Economics. № 6. P. 167-184.

403. Coase, R.H. The Nature of the Film // Economics. 1937. Vol. 4. P. 62-76.

404. Friedman, M. Money and Economic Development. 1973. № 4.

405. Freeman, C. The “National System of Innovation” in Historical Perspective // Cambridge Journal of Economics. 1995. Vol. 19. № 1. P. 5-24.

406. Friedmann, J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press. 1966. 279 p.

407. Hartwich, J.M. Intergenerational equity and investing of rents from exhaustible resources // American Econ. Rev. 1977. № 66.

408. Heany, D.E., Weis G. Integrated Strategies for Cluster pf Business // Journal of Business Strategy. № 4 (1). P. 3-11

409. Jakson, Wes. Roots for Agriculture. Foreword by Wendell Berry. University of Nebraska Press.

410. Kruqman, P.A. Model of innovation, Technology Transfer and the World Distribution of Income / P. Kruqman // Journal of Political Economy. 1979. Vol. 87, № 2. P. 253-266.

411. Markusen, A. Sticky places in alippery space. A typology of industrial districts arkusen // Economic Geography: 1996. Vol. 72. № 3. P. 293-313.

412. Moulaert, F. Territorial Innovattion Models. A.Critical Survey // Regional Studies. 2003. Vol. 37. № 3. P. 289-302.

413. North, D. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge Univ. 1990. P. 152.

414. Page, T. Intergenerational equity and the social rate of discount // V. Kerry Smith (ed.). Environmental resources and applied welfare economics. Resources for the Future. Washington DC, 1988.

415. Pretty, Jules. Agricultural sustainability: concepts principles and evidence // Philosophical Transactions of the Royal Society of London D.: Biological Science: Journal. 2008. P. 447-465.

416. Rosenfeld, S.A. Bringing business clusters info the mainstream of economic development / S.A. Rosenferd // European planning studies. 1997. № 5. P. 3-23.

417. Rural Science Graduates Association. University of New England.

418. Samuelson, P. The Stability of Equilibrium: Linear and Non – Linear Systems // Econometrica. 1942. January.

419. Scarf, H. Some examples of Global instability of the Competitive Equilibrium // international Economic Review. 1960. № 1.

420. Scott, A. Entrepreneurship, Innovation and Industrial Development: Geography and the Creative Field Revisites // Small Business Economics (An Entrepreneurship Journal) / 2006. Vol. 26. P. 1-24.

421. Solow, R.M. On the intergenerational allocation of natural resources // Scandinavian Journal of Economics, 1986. № 88 (1).

422. Stough, R.R., Arena P. Industrial Cluster Analysis of the Virginia Economy. 2001. URL: http://www.cit.org/VRTAC/2001/CLUSTER//.pclt#search=industrial%20cluster%20t ypes (дата обращения: 26.02.2018).

423. Turner, R.K. Sustainability: principles and practice // R. Kerry Turner (ad.). Sustainable environmental economics and management: principles and practice. Belhaven Press, London, 1993.

Приложение 1

Известные понятия формулировок сущности экономического и организационно-экономического механизмов в процессе раскрытия проблем АПК и их оценка

№ п/п	Автор (авторы)	Суть дополнений в понятия ОЭМ и ЭМ	Внесенные дополнения для совершенствования ОЭМ и ЭМ, представляющие научную новизну	Мнение диссертанта и дополнения
1	2	3	4	5
1	Балашова Н.Н. Шепитько Р.С.	ЭМ – «инструмент воздействия на аграрную экономику, обусловленную законами рынка и особенно законом спроса»	1) Введение квот и интервенционных закупок, учитывающих внутренние потребности, экспорт и воспроизводственные условия функционирования агробизнеса; 2) Комплексное регулирование спроса и предложения.	Не поясняется содержание «инструментов» воздействия на аграрную экономику, а те, что представлены сложно отнести в качестве авторского вклада в сущностные стороны ЭМ.

Продолжение приложения 1

1	2	3	4	5
2	Борхунов Н.А.	ЭМ – «особый тип управленцев, стиля и методов хозяйственного поведения.., сбалансированное взаимодействие его подсистем, реализующиеся через количественные характеристики (структуру, динамику и т.д.)»	Бюджетные средства являются инструментом расширения рынка кредита; налоги компенсируют выручку или прибыль, размер которых зависит от уровня цен. Меры: 1) улучшение условий для агроорганизаций для продажи продукции на основе реализации программы продовольственной помощи населению; 2) систематизация влияния государства на динамику с помощью таких инструментов, как цены на энергоресурсы, процентная ставка за кредит, соотношение спроса и предложения; 3) отсрочка платежей по кредитам на 10-15 лет.	Все предложенные меры связаны с бюджетными средствами, что вряд ли осуществимо в условиях кризиса и нарастающего уровня инфляции. Весьма затруднительно решить задачу для улучшения условий аграриям для продажи продукции населению, когда вся оптово-розничная сфера находится в собственности частного капитала. Регулирующую функцию управления перераспределением продовольствия реально было бы осуществить на основе создания конкурентной среды на продовольственном рынке. В качестве основного

Продолжение приложения 1

1	2	3	4	5
				конкурента частному торговому капиталу могла бы выступить кооперативная система, включающая все формы хозяйствования, хозяйства населения и собственников земельных долей.
3	Ведерникова В.И.	ЭМ – структурная взаимосвязь всех его элементов в совокупности с методами и формами воздействия на экономические интересы товаропроизводителей, посредством мотивации их деятельности с помощью насыщения рынка.	Основные предложения: 1) комплексная реализация мер господдержки на федеральном и региональном уровнях; 2) развитие агротехнополисов; 3) Многоуровневые модели оптовых продовольственных рынков; 4) Организация социальной помощи малоимущим; 5) Организация форвардских и фьючерских контрактов.	Если рассматривать формы воздействия на экономические интересы товаропроизводителей с мотивационной стороны, то целесообразно было бы предложить основные элементы мотивационного механизма. Одним из элементов можно назвать введение гарантированного госзаказа на агропродукцию.

Продолжение приложения 1

1	2	3	4	5
4	Дроздова Н.Н.	ЭМ – совокупность методов и рычагов комплексного экономического воздействия на производителей в целях усиления инвестиционно-инновационной активности.	Элементы ЭМ: - создание инновационно-ориентируемых управленческих структур; - рациональное распределение и использование бюджетных средств; - достижение бюджетной и социальной эффективности.	Вызывает сомнение реальность создания таких управленческих структур без введения соответствующей (эффективной) институциональной сферы. Особенно это относится к институту собственности, в рамках которого можно было бы создать, например, механизм кооперативно-корпоративного управления.
5	Дубских В.Н.	ЭМ – способ управления хозяйственным и экономическим механизмом, определяющим критерием которого является его роль, как интегратора всех сфер и звеньев…	Разработана программа финансового оздоровления предприятий на разных уровнях управления с учетом особенностей территориального производственного потенциала и показателей финансовой деятельности; совершенствование моральной и материальной оценки труда работников.	Получается, что ЭМ – это не только способ управления ЭМ-мом, но и выступает как интегратор всех сфер АПК. Сомнительно, что ЭМ может быть принят за интегратор и, тем более как механизм, управляющий механизм.

Продолжение приложения 1

1	2	3	4	5
6	Зорин Г.Г. Мазенина Е.Н.	Предложена формулировка механизма продовольственного рынка - как взаимодействие объективно действующих факторов, явлений и процессов в сфере производства, распределения, обмена и потребления продовольственных товаров.	Сформулированы предложения по регулированию ввоза продукции из соседних регионов и модель интегрирования продовольственных рынков в разрезе федеральных округов для выравнивания цен и уровня потребления.	Целесообразно дополнить механизмом управления взаимодействием государства и агропредпринимательства на основе госзаказа на сельхоз продукцию.
7	Каверзин С.А.	ЭМ – «система взаимосогласованных форм и методов, способствующих воздействию на производство, распределение и потребление продуктов».	Дальнейшее развитие ЭМ предлагается осуществить на основе трех подсистем: индикативное планирование и прогнозирование; госрегулирование становления новых форм хозяйствования; координация и взаимодействие с федеральным центром и другими регионами.	Дополнить мотивационным воздействием на агропредприятия, производящие более качественную агропродукцию.

Продолжение приложения 1

1	2	3	4	5
8	Кузнецова М.А.	ОЭМ хозяйствования регионального подкомплекса АПК – «сочетание специфических для данного региона экономических структур, форм хозяйствования, рычагов и методов регулирования, обеспечивающий осуществление воспроизводственного процесса в аграрной сфере в конкретных территориальных условиях».	К новизне можно отнести: - рекомендации по снижению рисков и восприимчивости к инновациям; - обоснованию вариантов развития диверсификации производства; - разработку и внедрение системы менеджмента качества.	Остаются за «кадром» специфические структуры, суть которых не уточняются. Следовало бы отразить управленческий аспект механизма хозяйствования, в котором выразить роль его регулирующей функции.
9	Савельев Г.Л.	В ОЭМ хозяйствования включены: «механизм управления организационного и экономического механизмов; он должен обеспечить наиболее эффективное использование земельных, трудовых и материально-	Можно отметить следующие элементы новизны: - выявлена зависимость между уровнем подготовки кадров руководителей и эффективностью хозяйствования; - обоснована взаимосвязь между оптимальностью сочетания	В механизме включены два механизма, что вносит двусмысленность в содержание данного понятия. Постоянное (беспредельное) повышение валового дохода – это не реально. Суть ОЭМ можно дополнить устойчивостью получения валового дохода.

Продолжение приложения 1

1	2	3	4	5
		технических ресурсов хозяйствующего субъекта с целью получения максимального валового дохода, позволяющего вести расширенное воспроизводство продукции, средств производства и рабочей силы».	отраслей и уровнем эффекта от хозяйственной деятельности; - разработан механизм ценообразования и система взаиморасчетов; - предложен противозатратный механизм стимулирования производства.	
10	Свободин В.	ОЭМ – это совокупность двух подсистем: функциональной и организационно-экономической. К первой отнесены: техническая, социальная и экологическая подсистемы. Ко второй – экономическая и организационно-управленческая.	Обоснован механизм взаимодействия подсистем ОЭМ, оказывающих влияние на кругооборот капитала в отрасли, инвестиционные и инновационные процессы. На уровне агропредприятия механизм представлен в двух сегментах рынка: внутрихозяйственном и межхозяйственном. Обосновано влияние элементов	Утверждение о том, что в масштабе агропредприятия ОЭМ может быть представлен на внутрихозяйственном и межхозяйственном уровнях содержит противоречие. Целесообразно было бы в новизне отразить взаимозависимость функциональной и организационно-экономической подсистем.

Продолжение приложения 1

1	2	3	4	5
			финансового механизма на эффективность сельскохозяйственного производства (цен, кредита, налогов).	
11	Селиванова Г.П.	ЭМ хозяйствования представлен в виде «целостной системы, способа ведения производства с помощью экономических, организационных форм, методов в комплексе агропромышленного сектора экономики».	Основные элементы новизны: - разработана трехблочная модель механизма поддержки сельского хозяйства; - сформулированы меры господдержки, направляемые по прямой, косвенной и опосредованной форме; - обоснована приоритетность госфинансирования (в пользу экономически сильных хозяйств, способных создавать интеграционные формирования типа ФПГ).	Вызывает неясность «целостная система». Что она включает? Почему трехблочная модель? Насколько она объективно выражает ЭМ? ФПГ – это «прошлый век». Они не прижились на практике. Целесообразнее было бы утверждать о мультипликаторах развития сельского хозяйства с поэтапным подключением к ним слабых хозяйств.

Продолжение приложения 1

1	2	3	4	5
12	Субботина Л.В.	ЭМ – это «совокупность организационных структур, экономических институтов, форм и методов хозяйствования посредством которых осуществляется увязка и согласование общественных, групповых и частных интересов, а также обеспечение функционирования и развития мясного рынка».	Элементы новизны: - оптимизация размеров предприятий; - обоснование методов ценообразования, прогнозирования, планирования, учета, анализа продукции, ресурсов в животноводстве; - совершенствование системы налогообложения, финансирования и кредитования, формирование и распределение прибыли, комплексных методов управления, адаптированных к особенностям функционирования рынка.	В ЭМ присутствует организационная составляющая, которая характерна для ОЭМ. В определении целесообразно было бы заявить о создании конкурентной среды на мясном рынке, в котором достойное место заняла бы кооперативная оптово-розничная сфера – собственность сельских хозяйств.

Продолжение приложения 1

1	2	3	4	5
13	Сёмин А.Н.	В обобщенной форме, иногда из повествования публикаций, экономические механизмы можно «представить (определить) как взаимосвязанные структуры естественно возникающие в различных экономических явлениях», отличающиеся институциональным многообразием и зависимые от законодательных норм и экономической политики государства. Это и «возможность быстрого и умелого маневрирования имеющимися ресурсами посредством избранного ЭМ-ма». Это и многоуровневое воздействие на хозяйствующие субъекты, функционирующие в условиях рынка и ВТО.	В публикации изложены этапы формирования и развития теории экономических механизмов, связанные с цикличностью функционирования социально-экономической системы. Проиллюстрирована взаимосвязь хозяйственного и экономического механизмов, отдается предпочтение «экономической политике государства», ее взаимосвязи с рыночным механизмом, товаропроизводителями, с уровнями проявления экономического механизма. Дана типология экономических механизмов, связанная с субъектностью, «открытостью и закрытостью», институциональной средой.	Вызывает сомнение необходимость использования в определении «групповых интересов». Следовало бы, на наш взгляд уточнить «комплексность методов управления», и на каком уровне. Комплексность означает их простой набор, или совокупность методов, используемых для удовлетворения социально-экономических интересов конкретных субъектов рынка, или агропредпринимательства? Это касается и «многоуровневого воздействия…» С какой целью? Чтобы облегчить им (хозяйствующим субъектам) выход на рынок, или ужесточить какие-либо требования? Может быть с целью оптимизации воздействия регулирующих

Продолжение приложения 1

1	2	3	4	5
				механизмов на продовольственном рынке в условиях ВТО.
14	Черняев А. Павленко И.	ЭМ сельскохозяйственных предприятий представлен, как имеющая целевую функцию целостная система процессов производства, распределения, обмена, потребления и накопления материальных благ, функционирующая в режиме неопределенности и способная изменять количественную и качественную стороны составляющих под воздействием внешних и внутренних факторов.	Авторами разработана блок-схема ЭМ сельскохозяйственных предприятий, в которой основная роль отведена аппарату управления, представленному в виде многоступенчатой структуры управления. Имея конечную цель, аппарат управления, располагая ресурсами и применяя разные методы управления, «запускает» процесс производства и накопления материальных благ.	Целесообразно было бы, на наш взгляд, в блок-схеме разместить институциональный блок, выделить в нем законодательно-нормативную базу. В определении заметна некоторая противоречивость в суждении, в отношении «…накопления материальных благ при функционировании в режиме неопределенности». Ведь неопределенность касается и информационной базы. Если ей присуща неопределенность, то достижение качественной стороны сомнительно.

Приложение 2

Множественный корреляционно-регрессионный анализ «Зависимость валовой продукции сельского хозяйства от совокупности факторов»

ИНФОРМАЦИЯ О ПЕРЕМЕННЫХ

Обозначение признака	Признак	Единица измерения
Y	Валовая продукция сельского хозяйства региона	млрд руб.
X_1	Производство картофеля	тыс.т
X_2	Производство овощей	тыс. т
X_3	Производство мяса	тыс. т
X_4	Производство молока	тыс.т

ПАРНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ КОРРЕЛЯЦИИ

Чтобы построить многофакторную регрессионную модель результативного признака Валовая родукция сельского хозяйства региона, предварительно необходимо отобрать факторные ризнаки в модель. С этой целью находим матрицу парных коэффициентов корреляции:

	Y	X_1	X_2	X_3	X_4
Y	1	0,7275	0,40234	0,4813	-0,31077
X_1	0,7275	1	0,85257	-0,13306	0,22828
X_2	0,40234	0,85257	1	-0,30171	0,25418
X_3	0,4813	-0,13306	-0,30171	1	-0,96234
X_4	-0,31077	0,22828	0,25418	-0,96234	1

В первой строке этой матрицы записаны коэффициенты R_{yx}, характеризующие тесноту заимосвязи результативного признака с каждым факторным признаком.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСЧЁТА МНОГОМЕРНОЙ РЕГРЕССИИ

НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ					
Перем.	Среднее значение	Среднее квадрат-е отклонение	Корреляция	Коэффициент регрессии	T
X1	2454,7	401,29	0,7275	-0,05959	2,1207
X2	805,97	72,014	0,40234	0,5137	0,87696
X3	558,43	121,69	0,4813	0,8681	1,0982
X4	2101,2	98,929	-0,31077	0,9252	-0,65392

ЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ	
Среднее значение	Среднее квадратичное отклонение
201,65	19,884

Показатель	Значение
Свободный член	-2495

Коэффициент множественной корреляции	1
$S_{ост}$	0,0084661
Число степеней свободы k_1=p	4
Число степеней свободы k_2=n-p-1	1
$F_{набл}$	6,8955E0006

АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

ВЫБОРОЧНЫЙ МНОЖЕСТВЕННЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ

Проанализируем полученные результаты. Сначала рассмотрим выборочный множественный коэффициент корреляции $R_в$=1.

Прежде чем делать вывод о тесноте взаимосвязи между результативным признаком и совокупностью факторных признаков, проверим значимость выборочного множественного коэффициента корреляции при уровне значимости 0,01. Для этого выдвигаем гипотезы:

H_0: $R_{ген}$=0, H_1: $R_{ген} \neq 0$.
Находим: $T_{набл}$=5251,9.

$t_{крит.дв.}(0,01; 1)$=63,7.

Так как $T_{набл} > t_{крит.дв.}(0,01;1)$, нулевую гипотезу отвергаем, справедлива конкурирующая гипотеза H_1: $R_{ген} \neq 0$. Таким образом, $R_в$=1 значим, связь между результативным признаком и совокупностью факторных признаков, включенных в регрессионную модель, тесная.

КОЭФФИЦИЕНТ ДЕТЕРМИНАЦИИ

Найдём коэффициент детерминации $D=(R_в^2)\times 100\%=(1)^2\times 100\%=100\%$, следовательно, вариация результативного признакаВаловая продукция сельского хозяйства региона в среднем на 100% объясняется за счёт вариации факторных признаков, включенных в модель (Производство картофеля, Производство овощей, Производство мяса, Производство молока).

МНОЖЕСТВЕННАЯ РЕГРЕССИОННАЯ МОДЕЛЬ

Далее анализируется множественная регрессионная модель, которая имеет вид:

$$Y=-2495+-0,05959\times X_1+0,5137\times X_2+0,8681\times X_3+0,9252\times X_4$$

Проверяем значимость этой модели при уровне значимости 0,01. Выдвигаем гипотезы:

H_0: регрессионная модель незначима (H_0: $A_1= A_2= \ldots A_p=0$)
H_1: регрессионная модель значима (H_1: хотя бы один $A_i \neq 0$, i изменяется от 1 до p).

Проверяем нулевую гипотезу с помощью случайной величины F, имеющей распределение Фишера-Снедекора.

Находим $F_{набл}$=6,8955E0006, $F_{крит}(0,01; 4;1)$=5625.
Так как $F_{набл} > F_{крит}(0,01;4;1)$, нулевую гипотезу отвергаем, справедлива конкурирующая гипотеза, то есть многофакторная регрессионная модель значима.

Смысл коэффициентов регрессии.

В таблице показано на сколько изменяется результирующий признак при увеличении соответствующего факторного признака на 1:

Факторный признак	Изменение результирующего признака
Производство картофеля	-0,05959
Производство овощей	0,5137
Производство мяса	0,8681
Производство молока	0,9252

КОЭФФИЦИЕНТЫ ЭЛАСТИЧНОСТИ.

В таблице показано на сколько процентов изменяется результативный признак при увеличении соответствующего факторного признака на 1 процент:

Факторный признак	Изменение результирующего признака (в %)
Производство картофеля	-0,725
Производство овощей	2,05
Производство мяса	2,4
Производство молока	9,64

Сравнивая коэффициенты эластичности по абсолютной величине, можно отметить, что результативный признак Валовая продукция сельского хозяйства региона более всего чувствителен к изменению факторного признака Производство молока.

УРАВНЕНИЕ РЕГРЕССИИ В СТАНДАРТИЗОВАННОМ МАСШТАБЕ

Составим уравнение регрессии в стандартизованном масштабе и рассчитаем его коэффициенты b_i:

$$Y=-18,3\times X_1+51,2\times X_2+61,1\times X_3+240\times X_4$$

Сравнивая коэффициенты b_i по абсолютной величине, делаем вывод, что наибольшее влияние на результативный признак Валовая продукция сельского хозяйства региона оказывает фактор Производство мяса.В целом получаем следующую таблицу по степени влитяния:

Ранг влияния	Признак
1	Производство молока
2	Производство мяса
3	Производство овощей
4	Производство картофеля

ТАБЛИЦА ОСТАТКОВ ВЫЧИСЛЕНИЯ ЗАВИСИМОЙ ПЕРЕМЕННОЙ

ЗАДАННОЕ ЗНАЧЕНИЕ	ВЫЧИСЛЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ	ОСТАТОК	% ОТКЛОНЕНИЯ
198,4	198	-0,000713	-0,000359
173,6	174	0,0046	0,00265
210,2	210	0,0011	0,000524

Продолжение приложения 2

186,1	186	-0,00434	-0,00233
212,7	213	-0,00418	-0,00197
228,9	229	0,00353	0,00154

Приложение 3

Уровень изменения соотношения числа родившихся и умерших в субъектах УрФО

Субъекты УрФО (области)	Значения показателей по годам (на 100 человек)																
	2010			2011			2012			2013			2014			$К_у$	
	РО	УМ	Δ ,+ -	РО	УМ	Δ ,+ -	РО	УМ	Δ ,+ -	РО	УМ	Δ ,+ -	РО	УМ	Δ ,+ -	РО	УМ
Свердловская	13,4	14,3	-0,9	13,5	14,7	-0,6	14,3	14	+0,3	14,4	13,7	+0,7	14,45	14	+0,5	0,96	0,96
Курганская	12,9	16	-3,1	13,5	14,1	-0,6	13,9	16	-2,1	14	16,1	-2,1	13,6	15,9	-2,3	0,97	0,97
Тюменская	16,1	9	7,1	16,1	+8,5	+7,6	17,2	8,4	+8,8	17	8,2	+8,8	17,1	8,3	+8,8	0,94	0,94
Челябинская	13,4	14,4	-1	13,6	14,2	-0,6	14,4	14,2	+0,2	14,1	139	+0,2	14,2	13,8	+0,4	0,97	0,98
В среднем по УрФО	13,95	13,4	-0,53	14,2	12,8	+1,45	15	13,2	+1,8	14,8	13	+1,9	14,8	13,2	+1,8	0,98	0,98
$К_у$	0,86	0,84	-	0,88	0,87	-	0,87	0,82	-	0,8	0,8	-	0,86	0,83	-	-	-

1) Рассчитано автором на основе известных официальных статданных.

Источник: Статсборник «Свердловская область в 2010-2014 годах». – Екатеринбург: территориальный орган федеральной службы госстатистики по Свердловской области, 2015.

РО – родившиеся;

УМ – умершие;

Δ - разница (соотношение);

$К_у$ – коэффициент устойчивости.

Приложение 4

Расчет отдачи господдержки аграрного сектора экономики субъектов УрФО

Области УрФО	Валовая продукция сельского хозяйства, млн руб.	Объём годовой господдержки, млн руб.	Уровень отдачи	Коэффициент отдачи	Рейтинг
	Q_j	G_j	Q_j / G_j	$К_{гп}$	
Курганская	40640,7	3825	10,625	0,66	4
Свердловская	75004,4	4870	15,4	0,96	2
Челябинская	99499	3840	25,9	1,61	1
Тюменская	67134,6	5390	12,45	0,773	3
Всего по УрФО	282278	17925	64,37	-	-
В среднем по УрФО	70569,5	4481,2	$\bar{g}_1 = 16,1$	-	-

Приложение 5

Расчет коэффициента производительности труда

в аграрном секторе субъектов УрФО

Области УрФО	Валовая продукция сельского хозяйства, млн руб.	Количество работников в сельском хозяйстве, чел.	Произведено валовой продукции на 1 работника в год, млн руб.	Коэффициент производи-тельности труда	Рейтинг
	Q_j	N_j	Q_j / N_j	$К_{пт}$	
Курганская	40640,7	11423	3,56	1,078	2
Свердловская	75004,4	27048	2,773	0,84	4
Челябинская	99499	27222	3,66	1,11	1
Тюменская	67134,6	21001	3,196	0,968	3
Всего по УрФО	282278	86694	13189	-	-
В среднем по УрФО	70569,5	21674	$\bar{g}_2 = 3,3$	-	-

Приложение 6

Расчет коэффициента землеотдачи в аграрном секторе субъектов УрФО

Области УрФО	Валовая продукция сельского хозяйства, млн руб.	Посевная площадь, тыс. га	Землеотдача тыс. руб./га	Коэффициент землеотдачи	Рейтинг
	Q_j	F_j	Q_j / F_j	$К_{зо}$	
Курганская	40640,7	1411,1	28,8	0,51	4
Свердловская	75004,4	856,8	87,5	1,55	1
Челябинская	99499	2028,3	49,05	0,87	3
Тюменская	67134,6	1107,4	60,6	1,073	2
Всего по УрФО	282278	5403,6	225,95	-	-
В среднем по УрФО	70569,5	1350,9	$\bar{g}_3 = 56,48$	-	-

Приложение 7

Расчет коэффициента «структурной» специализации, учитывающего долю валовой продукции сельского хозяйства в валовом региональном продукте [1)]

Области УрФО	Валовая продукция сельского хозяйства (ВПСХ), млрд руб.	Валовой региональный продукт (ВРП), млрд руб.	Доля ВПСХ в ВРП, G_{cx}/Z_J	Коэффициент структурной специализа-ции	Рей-тинг
	G_{cxj}	Z_j	q_j	K_{cc}	
Курганская	40,64	215,465	0,188	0,945	3
Свердловская	75	395,044	0,189	0,95	2
Челябинская	99,5	265,716	0,37	1,86	1
Тюменская	76,4	1530,6	0,05	0,25	4
Всего по УрФО	312,04	2406,825	0,797	-	-
В среднем по УрФО	78,01	601,71	$\bar{g}_4$ = 0,199	-	-

[1)]Рассчитано автором

Приложение 8

Расчет коэффициента сочетания отраслей (по уровню достижения «Золотой пропорции»[1)] между объемами производства продукции растениеводства и животноводства)[2)]

Области УрФО	Валовая продукция (Q), млрд руб.		(Q) Всего по УрФО, млрд руб.	Доля в Q,%		отношение	Коэффициент, учитывающий рациональность сочетания отраслей [3)] $К_{со}$	Рей-тинг
	растение-водства	животно-водства		растение-водства	животно-водства			
Курганская	18,2	22,44	40,64	44,7	55,3	0,8	0,766	3
Свердловская	27,8	20,2	75	37,1	62,9	0,589	1,041	2
Челябинская	33,43	66,07	99,5	33,6	66,4	0,506	1,21	1
Тюменская	36,3	40,1	76,4	47,5	52,5	0,905	0,677	4
Всего по УрФО	123,3	161,74	312,04	-	-	2,8	-	
В среднем по УрФО	30,8	40,43	78,01	40,85	59,15	0,7	0,814	

[1)] «золотая пропорция» принимается в соотношении 38% : 62% (объем производства растениеводческой и животноводческой продукции)

[2)] рассчитано автором

[3)] $К_{со} = (38/62 : Q_{jр}/Q_{jж}) = 0,613 : Q_{jр}/Q_{jж}$, где $Q_{jр}$, $Q_{jж}$ - валовая продукция соответственно растениеводства и животноводства в j –ом субъекте региона

Приложение 9

Краткая характеристика публикаций по тематике кластеров и аграрных кластеров

№ п/п	Авторы	Источник	Основные предложения и рекомендации	Мнение диссертанта
1	2	3	4	5
1	Анохина М.	Агрокластеры и экономический рост отечественного АПК//АПК: экономика, управление. – 2014.-№5.-с.77-84.	Повествуется, что аграрный кластер – это локализованная, инновационно направленная интегрированная структура, основанная на соглашении о сотрудничестве независимых субъектов хозяйствования. Предложены: кластеризация в АПК, концептуальная модель агрокластера. Изложена структура Ставропольского агропромышленного кластера, а также описано зарождение агрокластера на базе Великолукского мясокомбината Псковской области. Дан алгоритм формирования агрокластера в регионе	Отсутствуют причины кластеризации в АПК на рис.2 Малая доля принадлежит аграрной политике (размещена внизу рисунка) [отход от принципов]
2	Глотко А., Холодов П., Овсянко Л., Григорьев Н.	Модель агропромышленного кластера региона//АПК: экономика, управление. – 2013.-№6.-с.80-83.	Авторы дают следующие определения: «Кластер в АПК – это территориально обособленная, инновационно направленная квазинтеграционная структура, образованная по принципу технологической цепочки и реализующая общие экономические интересы участников, связанных определенными взаимоотношениями.» Утверждается, что агропромышленный кластер выполняет функции основного инструмента программно-целевого планирования и управления в рамках региональной политики, позволяет комплексно использовать экономическую и социальную составляющую региона.	Не предоставлен механизм распределения дохода, получаемого от синергетического эффекта, между субъектами кластера. А также в модели кластера АПК (на примере Республики Алтай) отсутствуют задачи, которые должна решать каждая организация кластера. Нет его «ядра».
3	Зинченко А., Демичев В.	Воспроизводство и аграрные кластеры в экономике сельского хозяйства России//АПК: экономика,	Рассмотрены особенности развития сельского хозяйства по периодам (с 1998г.) с учетом факторов воспроизводства ресурсов сельского хозяйства. Выявлена сильная дифференциация по регионам и предпосылки формирования аграрных кластеров в сельском хозяйстве России. Дана сравнительная характеристика кластеров по	Кластеризация только по размещению и специализации не даёт полного представления о ведущих хозяйствах. Необходимо, по нашему мнению, учитывать ещё и устойчивость

Продолжение приложения 9

1	2	3	4	5
		управление. – 2014.-№5.-с.77-84.	размещению и специализации фермерского производства в Воронежской области	производства и сбыта агропродукции
4	Мельников А.С.	Социально-ориентированный кластер его классификация//Журнал экономической теории: 2011. – 4. – с.209-211	Даны особенности социально ориентированного кластера (СОК). В зависимости от критериев идентификации (значимость человеческого фактора, вида воздействия на него, рыночной ориентации, инноваций, инвестиций, финансирования, устойчивости развития). Под социально ориентированным кластером авторы понимают сеть взаимодействующих и взаимодополняющих организаций, функционирование которых обеспечивает процессы сохранения и интенсивного применения человеческого капитала, стимулирующее сбалансированное саморазвитие территорий. Предложена классификация СОК по: принципу формирования, обороту и структуре человеческого капитала, направлению инвестиций, развитию потенциала населения.	Не просматривается основная целевая установка кластера, направленная на повышение качества жизни сельского населения, связанная с возрождением, сохранением и развитием сельской социальной инфраструктуры, без чего невозможно сохранить на селе человеческий капитал.
5	Меренкова И.Н., Перцев В.Н.	Методический подход к формированию социального кластера на селе//Экономика сельского хозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2013.-№6.	Рассмотрены принципы, на основе которых можно формировать социальный кластер. К ним отнесены: добровольность, ответственность, государственного партнерства, баланса интересов и соцзащиты, адаптивности и контроля, ориентации на результат. С использованием этих принципов создается социальный кластер в Ракитянском районе Белгородской области.	Сомнительно выдержать принцип ответственности лиц за реализацию кластерной социальной политики, а также «рациональность разграничения между ними соответствующих полномочий» в условиях нестабильности государственной (региональной) господдержки развития социальной инфраструктуры на селе.

Продолжение приложения 9

1	2	3	4	5
6	Вуйлов Д.А.	Типология и классификация кластерных образований: проблемы и решения//Журнал экономической теории. – 2010. -№2	Под кластером понимается концентрация географически соседствующих и взаимосвязанных предприятий, связанных с ними организаций, сетей, высокоспециализированных фирм частного и общественного сектора одной или нескольких отраслей, в которой участники формирования контролируют друг друга и способны производить и извлекать выгоду из совместного расположения не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Понятие «кластер» включает: наличие критической совокупности предприятий, географическую близость хозяйствующих субъектов; синергетический эффект от их взаимодействия; конкуренцию и кооперацию.	Не прописан механизм взаимоконтроля и понятие «критическая совокупность предприятий». Каким образом будет происходить взаимоконтроль действий организаций кластера в условиях конкуренции.
7	Тютюнников А, Закшевская Т.	Кластеризация сельхозпредприятий для разработки типизированных стратегий// АПК: экономика, Управление. – 2013. -№1.	Кластеры рассматриваются как сравнительно однородные группы, в которых каждый кластер состоит из схожих объектов, а объекты разных кластеров значительно различны. В качестве основных факторов, при выявлении однородных объектов приняты: финансовая устойчивость, с долей использования заемного капитала; коэффициенты ликвидности и рентабельности.	Представлена усложнённая конкуренция (структура) кластерного формирования; кластеры – однородные группы, включающие кластеры, находящиеся внутри основного кластера.
8	Нагоева С.М., Тхакахов А.Н.	Кластер и малые формы хозяйствования // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2013. -№1.	Кластер – самоорганизующаяся и самоуправляемая хозяйственная система с синергетической ценовой направленностью. Кластер характеризуют такие понятия, как самоорганизация, диссипативная структура, порядок, хаос, открытость, нелинейность, флуктуация, малые резонансные воздействия.	При таком подходе к сущностным сторонам кластера теряется смысл его развития, что подтверждается присутствием «порядка» и «хаоса», обострением и «неравновесностью» и «неустойчивостью»

Продолжение приложения 9

1	2	3	4	5
9	Хухрин А.С.	Комментарий к статье Е.Н. Терешина, В.М. Володина. Принципы кластерных формирований в российской экономике// Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2011. -№3	Утверждается, что кластеры возникают искусственно и спонтанно в результате самоорганизации. Устойчивость кластерного объединения определяется наступлением порога чувствительность, когда величина внешних воздействий будет превышать этот «порог» и сила малых флуктуаций многократно возрастает, подводя систему к диспропорциональности.	Стихийность не свойственна эволюционности формирования и развития кластера, как одного из важных его принципов. Следует предусмотреть возможное отрицательное воздействие совокупности факторов не устойчивость кластерного объединения. Особенно это касается моделей рынка, которые могут быть несовместимыми.
10	Некрасов Р.	Кластерное развитие регионального АПК// АПК: экономика, управление. – 2009. -№5.	Кластер – добровольное объединение организаций, которые функционируют на определенной территории и участвуют в выпуске, продвижением и реализации однородной и конкурентоспособной в рамках единой продуктово-технологической цепочки, а взаимодействие между ними характеризуется одновременным наличием высокого уровня конкуренции, кооперации и инновационной активности.	При высоком уровне конкурентной борьбы между субъектами кластера не гарантирует ему устойчивое функционирование.
11	Меньшенина И.Г.	Транспортно-логистический кластер региона //Экономика региона. – 2008. -№3.	Представлена классификация кластеров по различным признакам: 1)дискретные (производящие продукты и оказывающие услуги, включающие предприятия различных отраслей); 2) процессные (включают организации процессных отраслей, например, сельское хозяйство); 3) инновационные (развиваются в наукоемких отраслях); 4) туристические; 5) транспортно-логистические (хранение, сопряжение и доставка грузов и пассажиров). Использована теория графов применительно к транспортно-логистическим кластерам (ТЛК).	В данном перечне отсутствуют такие важнейшие кластеры как социальный и мультипликаторный. Первый базируется на социальном признаке, а второй на экономическом, выполняя роль мультипликатора развития («ядра» кластера).

Продолжение приложения 9

1	2	3	4	5
			Утверждается, что реализация развития ТЛК позволит преодолеть ряд различных барьеров и «узких мест», препятствующих развитию предприятий кластера.	
12	Морозов Н.М., Конаков М.А.	Агропромышленные кластеры малой формы//Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2010. - №8	Предложена производственно-коммерческая модель малого агропромышленного кластера, включающего следующие структуры: 1) сельхозорганизации (производство кормов и продукции, молодняка); 2) кредитная организация (банк); 3) муниципальный орган управления; 4) информационно- консультационный центр; 5) товаропроизводители (АПХ, ФХ, индивидуальные предприниматели); 6) цех по переработке продукции; 7) торгово-сбытовая организация; 8) предприятия по оказанию услуг (снабжения, ремонт и обслуживание техники, ветеринарное обслуживание и др.). Основные мотивационные меры: качество, снижение потерь повышение объёмов производства и занятости населения, стабильность кредитных ставок …).	Не прописан механизм распределения дохода между структурными элементами кластера от достижения синергетического эффекта, одного из принципиальных положений кластера. Не указана организационная структура, осуществляющая оценку качества производимой продукции и оказания услуг и особенно выявления потерь.
13	Черняев А.А., Сердобинцев Д.В.	Организационно экономические аспекты формирования агропромышленных кластеров в Поволжье// Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2013. - №6	Представлены структурные схемы: организационно-экономического механизма формирования региональных агропромышленных кластеров; организационно-экономической модели агропромышленного кластера. Приведены мероприятия по их формированию в условиях Саратовской области. Предложена ассоциативная организационно-правовая форма для центра (фонда) кластерного развития, в структуре которого действует обособленое подразделение, отвечающее за работу с организациями АПК, включая «сателлитный пояс» со всей совокупностью имеющихся в регионе обслуживающих организаций в системе АПК. Утверждается, что кластерная схема товародвижения эффективнее	Вызывает сомнение возможность долговременного финансового взаимодействия между многочисленными организациями агропромышленного кластера в рамках предлагаемой организационной схемы, тем более в условиях сложившейся системы ценообразования. Негативную роль может сыграть и несовместимость организационно-правых форм хозяйствования в системе «ядро кластера-

Продолжение приложения 9

1	2	3	4	5
			традиционной	сателлиты».
14	Панкова К.И.	Еще раз о кластерах//Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2012. –№1	Изложена краткая эволюция развития интеграционных формирований в АПК СССР, фактически не отличающихся от предлагаемых в известных научных публикациях кластерах, с чем трудно не согласиться. Тот же набор различных агроорганизаций с подключением с подключением чиновничьего аппарата в структуру агрокластера.	Агропромышленные объединения, научно-производственные системы, РАПО действительно можно считать кластерными формированиями, возникшими еще в дорыночный период за несколько лет до появления книги М. Поттера «Конкуренция»
15	Гасанова Х., Измайлова М., Бурак П., Рождественская И.	Формирование кластерной политики в регионах//АПК: экономика, управление. – 2016. - №2.	Дана оценка инновационного развития регионов России на основе кластерного перехода по её перспективным направлениям. На этой основе выполнена рейтинговая оценка уровня инновационного развития регионов. В основе кластеризации – группа признаков: уровень безработицы: число персонала, занятого исследованиями; число патентных заявок на изобретения; количество исследователей с учёными степенями; инвестиции в основной капитал.	В группу признаков (показателей) целесообразнее было бы включить отдачу от инноваций и дать не количественные, а качественные стороны персонала, занятого исследованиями. Тем более учёная степень ещё не даёт основания для получения объективной оценки. Целесообразнее было бы включить число публикаций у остепенённых по исследуемой проблеме.
16	Кундиус В.А.	Формирование кластеров на селе-базис инновационного развития агропромышленного производства// Экономика	Сформулировано, что под кластером следует понимать сеть экономически независимых производственных и/или сервисных фирм создателей технологий и ноу-хау…, связывающую рыночную инфраструктуру и потребителей, взаимодействующих друг с другом в рамках единой цепочки создания потребительских стоимостей и имеющих географическую близость. Представлен авторский вариант структурного	В публикации не названы основные принципы кластеризации (по М. Портеру), важнейшие из которых – эволюционность, добровольность создания, которые нарушаются уже первым элементом предлагаемого

Продолжение приложения 9

1	2	3	4	5
		сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2012. - №2	оформления продуктового кластера регионального АПК и организационная схема модели сельского микрокластера в Алтайском крае.	механизма создания кластера инициативной органов власти на местах, решающих «быть или не быть» кластеру на данной территории
17	Митин А.Н., Пустуев А.А.	Устойчивость аграрных хозяйств и сельских территорий через создание кластеров: сомнения и возможности//Аграрный вестник Урала. – 2016. - №4.	Излагаются различные позиции авторов по сущностным основам кластеризации и механизм её реализации. Обобщён опыт формирования и функционирования агрокластеров с использованием известных научных публикаций. Предлагается «ядро» кластера формировать из технологически взаимосвязанных организаций, функционирующих в однотипном виде собственности, поэтапно присоединяя к «ядру» сателитты. За базу кластера предлагается использовать агрохолдинги и наиболее устойчиво функционирующие отрасли, которые авторы публикации назвали «территориально-кластерными мультипликаторами». Предложен алгоритм действия сглаживания проявления негативных факторов при формировании агрокластеров.	Во-первых, вызывает сомнение поэтапная ориентация агрохолдинга в кластер при существующей в стране институциональной основе, особенно в сфере законодательства. Во-вторых, представленный алгоритм действий для снижения негативных проявлений при формировании кластера должна приводить в действие специальная организация, которая в составляющих алгоритма не значится.
18	Трошин А., Стрябкова Е., Деменко В.	Перспективы развития мясного кластера Белгородской области //АПК: экономика, управление. -2014. - №11.	Перспективность развития мясного кластера в регионе авторы обосновывают его SWOT-анализом, содержащим характеристики и признаки данной интеграционной структуры (наличие конкурентоспособных предприятий, их конкурентные преимущества, географическая концентрация и близость участников кластера, большое количество участников, связи между участниками).	Не представлен механизм преодоления рисков, связанных со слабыми сторонами кластера территорий. Особенно это касается недостатка в инвестиционных ресурсах для производства продукции и высокой конкуренции внутри кластера. В конкурентной среде происходит процесс «самоуничтожения» организаций интеграционной структуры

Продолжение приложения 9

1	2	3	4	5
19	Нгоран Кофи Селестэн	Концепции развития агропромышленных кластеров республики Кот-Д'Ивуар с участием России// Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2014.- №4.	Приводится авторский вариант определения понятия агропромышленный кластер, как «система географически сосредоточенных, взаимосвязанных, взаимодополняющих, независимых субъектов рынка различных отраслей», неформально объединяющихся для обеспечения социально-экономического развития, повышения уровня и качества жизни населения, развития сельских территорий, сохранения окружающей среды, роста эффективности и конкурентоспособности отрасли сельского хозяйства, путём применения инновационных технологий, реализации глобальной стратегии развития». Представлена модель трансконтинентального агропромышленного кластера «Россия - Кот-Д'Ивуар».	В концептуальной (приближенной к теоретико-методологической) части изложенного материала заявлено, что классическая теория экономических кластеров М. Портера «не в полной мере соответствует изменившимся экономическим условиям различных стран…». Однако убедительного основания данному утверждению в изложенной публикации не представлено.
20	Хухрин А.С., Бундина О.И., Агнаева И.Ю., Толмачева Н.П.	Развитие агропромышленных кластеров России: синергетический подход // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2014. - №11	Предлагается следующая, совокупность принципов синергетического подхода к развитию кластеров: 1) нелинейность, открытость и самодостраиваемость; 2) многовариантность развития; 3) взаимозависимость малых воздействий и эволюционности развития кластера; 4) ускоренность развития кластеров в режиме обострения; 5) периодичность чередования стадий эволюции и инновации в условиях стохастичности протекания процесса развития; 6) адекватность взаимодействия человека и внутренних потенций среды; 7) естественность проявления синергетического эффекта и другие.	В публикации авторы предлагают сократить эволюционный срок формирования агрокластеров в России до2^x-3^x лет, что, по нашему мнению, нарушает принцип добровольности, поскольку ускорение создания таких агроструктур в укоренившихся не эквивалентных отношениях между предприятиями сфер АПК, возможно только на основе административного давления на потенциальных членов кластера

Продолжение приложения 9

1	2	3	4	5
21	Набиев Т.	Модель формирования регионального аграрного мегакластера в Республике Таджикистан // АПК: экономика, управление. – 2014. -№1.	Предложена четырёхэтапная модель формирования аграрного кластера: 1) оценка стартовых предпосылок для формирования кластера по совокупности критериев (наличие конкурентных преимуществ, географическая конкуренция предприятий, возможность взаимодействия); 2) обоснование оптимальной структуры кластера; 3) конкретизация приоритетных направлений развития кластера с учётом миссии, инновационных технологий, управления бизнесом…; 4) оценка рисков и интеграционного эффекта проекта формирования регионального аграрного сектора[192].	Присутствие в «головной» части мегакластера властной управленческой структуры, в лице Министерства сельского хозяйства и зависимость большинства участников интеграционной структуры от государственной поддержки, ориентирует данную интеграционную структуру на принудительное формирование.
22	Ковалева Т.Ю.	Диагностика кластеров как ориентир для государственной политики развития территорий//Журнал экономической теории. -2010. - №7	Кластер представлен, как группа территориально локализованных взаимосвязанных предприятий, поставщиков ресурсов, специализированных услуг и технологий, научно-исследуемых центров, институтов и других организаций, составляющих цепочку создания стоимости, действующих в смежных отраслях или сферах и усиливающих конкурентные преимущества друг друга и кластера в целом.	Данное определение подходит, по нашему мнению для тех регионов, где названная «цепочка» связана с организациями всех сфер АПК, то есть, имеет замкнутый характер.

Приложение 10

Сводные данные из паспортов населённых пунктов Сысертского городского округа[1)]

№ п/п	Наименование населенного пункта	Население, чел.					Сельскохозяйственное производство										
		всего	в том числе				Количество, ед.		Площадь, га			Поголовье, голов				Наличие объектов, ед.	
			трудоспособное	работающее[2)] в т.ч. С.Х. и самозанятость	пенсионеры	безработные[3)]	сельхозорганизаций	фермерских хозяйств	сельхозугодий	в т.ч. пашня	обрабатывается	КРС	в т.ч. коровы	свиньи	овцы и козы	образования	здравоохранения
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1	п. Большой Исток	9863	5473	5454/12	2504	19	-	-	-	-	-	7	7	9	33	3	6/3[4)]
2	п. Бобровский	6673	3614	3594/32 (3078)	1521	20	1	8	650	501	500	114	78	254	134	2	ø
3	п. Вьюхино	55	27	27	13	-	-	-	-	-	-	2	1	9	4	ø	ø
4	п. Колос	184	144	140/8(4)	13	4	-	-	-	-	-	3	2	16	6	ø	ø
5	п. Луч	165	122	117/ 88	32	5	-	-	-	-	-	9	5	4	-	ø	ø
6	Фомино (нас.пункт)	104			-	-	-	-	-	-	-	14	8	1	3	ø	1ø
7	с. Кадниково	353	157	120/26	91	2	-	-	138	105	105	нет сведений				ø	1ø
8	с. Кашино	2267	1362	1268/276	686	11	1	1	324	272	272	8	8	19	16	3	1/1
9	д. Токарево	120	50	30/20	79	0	-	-	-	-	-	5	2	-	-	3	1ø
10	с. Черданцево	798	320	260/39	298	7	1	3	-	-	-	26	14	17	30	1 шк.-сад	1
11	п. Октябрьский	3186	1653	920/150	721	12	4	5	2997	2754	2754	1513	700	ЛПХ 9	ЛПХ 23	1	2/2
12	д. Ольховка	41	27	20	8	7	-	1	-	-	-	-	-	-	-	0	0
13	п. Первомайский	1064	591	506/37	236	5	-	-	-	-	-	21	21	2	14	0	1ø

Продолжение приложения 10

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
14	д. Шайдурово	226	129	129/79	52	-	-	-	-	-	-	5	2	2	5	0	1⌀
15	д. Большое Седельниково	2078	1198	1188/20 (1165)	414	10	1	-	-	-	-	10	3	59	19	1	1⌀
16	с. Бородулино	1334	754	749/287	275	5	1	-	-	-	-	12	7	44	18	0	0
17	д. Малое Седельниково	75	50	46/46	15	4	-	1	-	-	-	19	11	4	21	0	0
18	с. Патруши	3936	2191	2184/201	813	9	1	-	-	-	-	6	2	10	22	1	4/1
19	п. Полевой	93	55	54/45	17	1	1	-				3	2	3	4	0	0
20	с. Абрамовское	239	112	70/5	77	1	-	5	400	170	170	2	1	0	4	0	0
21	д. Космакова	105	61	39/4	27	4	-	3				-	-	-	-	0	0
22	п. Лечебный	14	8	5/0	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
23	п. Поляна	33	15	7/0	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
24	с. Аверинское	529	289	192/30	126	6	-	2	3600	2798	1500	30	10	4	18	0	1⌀
25	с. Щелкун	3075	1840	1719/200	659	10	1	7	3300	1796	1796	40	10	24	40	1	1⌀
26 27 28 29 30	с. Никольевское с. Новоипатово д. Андреевка д. Верхняя Боевка	1060	600	580/68	272	14	3	3	2500	2359	500	40	12	45	125	1	0

1) Составлено автором с использованием паспортов населённых пунктов Сысертского городского округа;
2) В знаменателе указано число работников, занятых в сельском хозяйстве и в скобках число хозяйств населения (ХН), производящих агропродукты в основном для личного потребления;
3) В безработные вошли только незанятые трудовой деятельностью, ХН в эту категорию не включены;
4) 6/3 – в числителе указано количество стационарных объектов здравоохранения, в знаменателе число аптек или аптечных киосков;
⌀ - Объектов не имеется.

Приложение 11

Динамика сокращения сельских населенных пунктов
за период 2001-2015 гг.

Годы	Области				
	Курганская	Свердловская	Челябинская	Тюменская	Всего (УрФО)
2001	1245	1876	1262	1515	5898
2010	1230	1840	1244	1512	5826
2015	1220	1835	1238	1479	5772
Всего сокращено	25	41	24	36	126
Всего сокращено, %	2	2	2	2	2

Приложение 12

Плато 1. Существующие трансформации
- рост рынка услуг;
- нарастание процессов урбанизации;
- рост международной миграции;
- изменение ценностных ориентиров и образа жизни людей над воздействием распространения «интернета вещей», «умных инфраструктур», «сетевых экономических отношений»;
- усиление потребительских настроений и владения материальными благами;
- глобальное старение населения;
- увеличение фобий пандемического характера;
- усиление дифференциации уровня и качества жизни на урбанизированных территориях и периферии;
- повышение значения высокотехнологичных медицинских услуг и персонализация медицины;
- уменьшение темпов рождаемости.

Плато 2. Цифровизация экономики и риски
- искусственный интеллект и управление капиталами, полученными преступным путем;
- усиление коррупции через каналы для получения взяток в криптовалюте;

Продолжение приложения 12

- замещение человека в процессе жизнедеятельности через «умные» технологии;
- конвергенция знаний с развитием биотехнологий, нанотехнологий, электроники нового поколения и других технологических решений в различных сферах жизнедеятельности;
- правовая незащищенность криптосферы;
- «сквозные» цифровые технологии в предпринимательстве и социальной сфере;
- усиление «цифровой грамотности»;
- проникновение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни человека;
- стремительное расширение форм экономической активности благодаря миллиардам примеров сетевого взаимодействия людей, организаций, устройств, данных и процессов;
- усиление возможностей «больших данных» как структурированных, так и неструктурированных массивов информации;
- квантовые технологии создания вычислительных систем «стремительной» переработки больших данных;
- аддитивные технологии для послойного создания трехмерных объектов на основе их цифровых моделей «двойников»;
- компьютерный инжиниринг моделирования и проектирования проектов и объектов;

Продолжение приложения 12

- сенсорика – технологии создания устройств обработки информации о состоянии окружающей среды;
- технологии беспроводной связи посредством радио интерфейса.

Плато 3. Глобальные тренды и угрозы:
- изменение климата и рост антропогенной нагрузки на окружающую среду;
- сокращение биоразнообразия и деградация экосистем;
- возникновение опасных природных явлений и экологических катастроф;
- истощение природных ресурсов, интенсификация конкуренции за них;
- рост накопленного экологического ущерба;
- увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни в ведущих странах с порождением спроса на новые технологии и продукты питания;
- возврат исчезнувших инфекций по результатам потепления климата;
- развитие экономики «совместного потребления» в формате «зеленого роста»;
- трансформация традиционных и возникновение новых глобальных цепочек создания стоимости через капитал знаний и снижения стоимости материальных ресурсов (умная специализация);
- интенсивность инновационной деятельности во всех секторах экономики;
- устойчивость «логики эскалации» враждебности между странами;

- трансформация геополитической ситуации и систем глобального управления, усиление борьбы государств за сферы влияния;
- разворачивание новой индустриальной революции с масштабной цифровизацией;
- усиление значения междисциплинарных научных исследований;
- стратегическая ориентация научно-технической политики;
- эволюция денег с избавлением от наличности;
- переход к устойчивым энергоресурсам (зеленая низкоуглеродная экономика);
- усиление парадокса между политикой и свободной торговлей (санкционные противостояния)

Плато 4. Конфликт ценностей
- трансформация традиционных ценностей и отношений в противоестественные «склейки»;
- неустойчивость существующего культурного разнообразия и дрейф к потребительству;
- упование на сильную власть и недоверие к ней;
- изменение источника потребительских благ и ресурсов и стимуляция производительных форм деятельности;
- «свежие люди», как активное преобразующее начало без «исторической усталости»;

Продолжение приложения 12

- тенденции к отрицанию всякой морали и множество сломанных жизней;
- упрощение как процесс и результат доступности к интернет-ресурсам;
- проблема массовых ценностей и проблема устойчивого развития, как проблема поиска путей единства власти и народа;
- правовое государство и неправовые формы воздействия;
- принятие западных ценностей и утопичность их копирования;
- победа либерализма на уровне ценностей и языка и поражение его в образе жизни и социальных отношениях;
- безответственный экстремизм вне правового поля как протест мнимой «тоталитарности»;
- ценности честной рыночной экономики и беззастенчивое обогащение олигархата;
- отсутствие знания и уважения к праву с традиционным морализмом о суровых законах;
- образ предпринимательства, частной собственности, порождающей цивилизацию и коррупционное вымогательство;
- семья как социальная ячейка общества, продолжение рода и растление культуры семейных отношений;
- ценностное обоснование реформ, осознание их необходимости или непринятие их как воспроизводственного процесса.

Продолжение приложения 12

Плато 5. Ключевые риски и ограничения по достижению устойчивого развития
- макроэкономические риски обусловленные снижением темпов роста экономики, уровня инвестиционной активности, ускорением инфляции;
- природно-климатические риски, обусловленные зависимостью агроэкономической системы от природно-климатических условий;
- управленческие риски, обусловленные некачественными решениями, недоработанностью государственных программ, отсутствием систем межведомственного взаимодействия, отсутствием контроля над реализацией государственных программ;
- социальные риски, обусловленные отсутствием работы у людей из различных социальных групп, отсутствием средств на удовлетворение потребностей;
- ценностные (культурные) риски, обусловленные отсутствием мотивации к участию в модернизации и в инновациях;
- политические риски, обусловленные вероятностью финансовых потерь в связи с нежелательными изменениями в политической системе;
- законодательные риски, возникающие по причине отсутствия и несовершенства законодательной базы;
- международные риски, выражающиеся в форме экономических санкций и других ограничений;
- сценарные построения развития.

Продолжение приложения 12

Плато 6. Императивы (безусловные требования) социально-экономического и научно-технического развития России
- повышение качества жизни каждого гражданина;
- количественный демографический прирост;
- предотвращение мобилизационного сценария развития в условиях поддержания Западом боеспособности «облачных противников»;
- увеличение производительности труда и заработной платы на основе новых возможностей цифровой экономики;
- формирование правовой и методологической базы по внедрению национальной системы углеродного регулирования;
- поиск новых источников роста ВВП (в среднем на 4,6%) без нефтегазового потенциала (к 2050 году он будет практически исчерпан);
- формирование культуры населения, способного понимать новые вызовы и готового работать в условиях постоянной модернизации и самоорганизации;
- увеличение объема товаров высокой степени переработки, близких к конечному потребителю;
- создание условий для развития малого и среднего предпринимательства;
- активная миграционная политика в области постоянной миграции с одновременным механизмом отбора мигрантов, обладающих способностями для успешной адаптации и интеграции;

- образование как ключевой механизм сокращения и развития человеческого потенциала;
- новая индустриализация с преобразованием интеллектуальных активов в инновации;
- ориентация на глобальную конкурентоспособность на всех этапах создания знания и стоимости;
- повышение эффективности и результативности сектора исследования и разработок;
- стимулирование спроса на научно-технические достижения;
- развитие научно-технической политики по сценарию «технологический рывок».

Плато 7. Государственная программа развития сельского хозяйства и угрозы по ее реализации
- реализация государственной программы с применением принципов проектного управления;
- проекты: развитие отраслей АПК, обеспечивающих ускоренное импортозамещение основных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия; стимулирование инвестиционной деятельности; техническая модернизация АПК; экспорт продукции АПК; развитие мелиорации земель;

Продолжение приложения 12

- научно-методическое обеспечение: управление реализацией программы; совершенствование государственных информационных ресурсов; государственный мониторинг земель; обеспечение функций в области ветеринарного и фитосанитарного надзора; совершенствование механизма финансового оздоровления; компенсация затрат вследствие причиненного ущерба от чрезвычайных ситуаций природного характера;
- цели: обеспечение продовольственной безопасности; увеличение значения произведенной добавленной стоимости, создаваемой в сельском хозяйстве; обеспечение темпа роста экспорта; увеличение объема располагаемых ресурсов домашних хозяйств;
- угрозы: увеличение доли убыточных организаций в агроэкономической системе; уменьшение рентабельности организаций; отсутствие увеличения валовых объемов производства (кроме зерна и некоторых других видов продукции); низкая доля крестьянских (фермерских) хозяйств в валовой продукции; сокращение площади сельхозугодий и земель сельскохозяйственного назначения; деградация сельскохозяйственных угодий по причинам устаревших технологий обработки почвы, неэффективных практик ирригации, загрязнения почв, водоемов, водотоков и грунтовых вод; износ основных фондов; нехватка инвестиций; низкая производительность труда с отражением в оплате труда; сокращение трудовых ресурсов; дефицит качественного семенного материала; низкая ресурсная эффективность животноводства; зависимость птицеводства от импорта кроссов; масштабы потерь ключевых видов сельскохозяйственной продукции и др.;
- уменьшение количества тракторов в 6,3 раза по сравнению с 2018 годом; уменьшение комбайнового парка в среднем в 10 раз, по сравнению с 1990 годом; износ мобильной сельскохозяйственной техники 60%;

Продолжение приложения 12

- потеря зерна на этапе хранения от 3% до 5% урожая по причине изношенности элеваторов; снижение количества дождевальных и поливных машин снизилось с 1990 года до 2020 года от 110,7 тыс.ед. до 15,5 тыс.ед.;
- снижение доли мелиорированной пашни до 7,8% (в США – 39,1%, в Китае – 54,4%, в Индии, Франции, Германии от 35,9% до 35%).

Плато 8. Государственная программа развития сельских территорий и угрозы ее реализации
- сокращение доли сельского населения в общей численности населения России на уровне не менее 25,3%;
- достижение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 80%;
- повышение доли общей площади благоустроенных помещений в сельских населенных пунктах до 50%;
- достижение показателей эффективности по демографической политике: естественный прирост населения; повышение уровня занятости; сокращение общей заболеваемости всех категорий населения; миграция в сельскую местность;
- диверсификация сельской экономики: увеличение доли сельской молодежи; увеличение доли сельхозпродукции для местных нужд; стабильность жизненно важных поставок (продовольствие, вода, энергия, газ);
- развитие социальной, инженерной, транспортной инфраструктуры;

- экологическая политика по сокращению предельно допустимых концентраций загрязнения почвы, водоемов, атмосферного воздуха;
- угрозы: нарушение образа жизни и устоев традиционной крестьянской семьи; влияние урбанизации на структуру занятости в сельском хозяйстве; старение рабочей силы; нарушение устойчивости природных систем жизнеобеспечения; разобщённость в управлении сельскими территориями; слабая диверсификация сельской экономики; пассивность сельских граждан к публичной защите своих прав и интересов; ошибочное определение перспективных агропромышленных центров в госпрограмме только в западной части страны;
- увеличение поголовья мясных пород и помесного скота на 3 млн голов, в том числе через улучшение генетического материала; обеспечение позитивного тренда, по мнению специалистов, производства молока-сырья от уровня 31,56 млн тонн в 2018 году с увеличением в 3% в последующие годы;
- развитие перспективного сегмента мясного овцеводства и выпуска шерсти на 25-30% в год.

Плато 9. Федеральная программа научно-технического развития сельского хозяйства
- цель: обеспечение стабильного роста производства сельскохозяйственной продукции, полученной за счет применения семян новых отечественных сортов и племенной продукции, технологий производства кормов и кормовых добавок, других технологий селекции и контроля качества;
- главенствующая роль зернового производства с увеличением посевных площадей пшеницы до 70% и кукурузы на зерно до 15%;

Продолжение приложения 12

- создание через селекцию зерновых культур адаптивных сортов, устойчивых к абиотическим и биотическим факторам;
- техническая и кормовая адресность создаваемых сортов;
- увеличение до 700 сортов пшеницы, включенных в Госреестр;
- развитие органического производства сельхозпродукции;
- увеличение групп растений масличных культур для получения жирных масел, пригодных для пищевых и технических целей до 35 млн тонн в год на площади, засеваемой элитными семенами не менее 10-15%;
- селекционная работа по созданию новых высокопродуктивных гибридов кукурузы с рациональным государственным регулированием;
- селекция и семеноводство овощных культур с приборным переоснащением научных организаций;
- развитие льноводства с увеличением льноволокна до 52 тыс. тонн в год;
- увеличение объемов в питомниках и садоводстве с приростом посадочного материала до 17,2 млн шт. в год: доли фруктов и ягод отечественного производства на уровне 70%;
- о ветеринарии;
- оптовых продовольственных рынках и оптовых распределительных центрах;
- совершенствование правового регулирования организации нестационарной и развозной торговли;

Продолжение приложения 12

- безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами;
- разработка среднесрочных инвестиционных карт;
- доведения соотношения уровня заработной платы до 90% к среднему уровню в экономике страны;
- развития внутренней продовольственной площади;
- усиления административной ответственности за нарушения требований технических регламентов, предъявляемых к пищевой продукции;
- установления минимального срока аренды земельных участков из земель сельхозназначения, находящихся в частной собственности;
- аттестации специалистов в области ветеринарии;
- усиления административной ответственности в части правонарушений в сфере оборота фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств для ветеринарного применения;
- развития племенного животноводства;
- совершенствования механизмов агрострахования;
- производства и оборота органической продукции;
- проведения государственного мониторинга земель;
- признания научных и образовательных организаций сельскохозяйственными товаропроизводителями;
- агрострахование объектов аквакультуры и др.

Продолжение приложения 12

Плато 10. Законодательное обеспечение государственных программ, необходимые изменения в законодательстве в части:
- увеличения расходной части бюджета с 1,3% до 5% (около 1 трлн. Руб.);
- изменения условий льготного налогообложения;
- стимулирования технологических усовершенствований;
- развития потребительской кооперации;
- о ветеринарии;
- о торговле;
- о возврате в сельскохозяйственное производство заброшенных земель;
- дополнения круга лиц, участвующих исключительно в государственных закупочных интервенциях;
- закрепления положений по установлению возможности распределения прибыли сельскохозяйственного потребительского кооператива между его членами;
- увеличения штрафных санкций за нарушения законодательства в области семеноводства и карантина растений;
- изменения порядка начисления и уплаты налога на добавленную стоимость (НДС) при специальной системе налогообложения в виде единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН);

- совершенствования корпоративного управления и защиты имущественных прав членов сельскохозяйственных кооперативов;
- формирования механизма участия кооперативов при проведении закупок товаров (не менее 25% совокупного объема закупок);
- мелиорации земель;
- нормативов содержания сельскохозяйственных животных в личных подсобных хозяйствах.

Плато 11. Региональные детерминанты и закономерности развития экономики
- развитие трудовой мобильности и эффективное регулирование миграционных потоков;
- приведение системы подготовки кадров в соответствии с реальной и перспективной потребностью экономики в специалистах различного уровня и квалификации;
- всестороннее содействие в развитии малых форм предпринимательской деятельности;
- развитие инфраструктуры регионального рынка труда;
- формирование условий для привлечения в экономику региона;
- развитие цифровой экономики как хозяйственной деятельности;
- развитие кластерной политики;

Продолжение приложения 12

- федеральные дотации как фактор выравнивания бюджетной обеспеченности;
- государственно-частное партнерство в формировании общей экономической ценности;
- международная экономическая интеграция;
- развитие регионального стратегического программирования;
- научный вклад, инфраструктура в системе разработки концепций, стратегий и прогнозов;
- кредитное поведение населения;
- конкурентоспособность организаций;
- промышленность как фундамент регионального развития;
- затраты на технологические инновации;
- транспортные узлы;
- обновление основных фондов;
- трансазиатский коридор мировой торговли;
- обеспечение необходимого уровня благополучия, условий развития и самореализации каждого жителя региона базирующееся на традиционных ценностях и прогрессивных идеях;
- достижение показателей современной образовательной среды;

- обеспечение оптимальных условий достижения высокого уровня жизни и ее продолжительности;
- спорт для здоровья, спорт для профессиональных достижений;
- проведение демографической политики для перехода к естественному росту численности населения региона;
- достижение качества и эффективности социальной политики;
- поддержка культуры, творчества, механизмов выявления талантов;
- высвобождение временных и материальных ресурсов жителей региона за счет доступности жилья и качества коммунальных услуг;
- устранение угроз общественной безопасности.

Плато 12. Факторы замедления / развития агроэкономической системы
- недостаточность мощностей для глубокой переработки сельскохозяйственной продукции;
- низкая конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции и аквакультур;
- неразвитость производства сиговых и осетровых рыб, обеспечения их искусственного воспроизводства;
- недостаточный уровень самообеспеченности молоком, мясом скота и птицы, овощами собственного производства;
- низкий уровень использования инновационных технологий и обеспеченности современным оборудованием и техникой;

- низкая обеспеченность мощностями для хранения сельскохозяйственной продукции;
- высокий уровень конкуренции с импортной продукцией и сложность сбыта, в том числе существенные барьеры для выхода на полки федеральных торговых сетей;
- несбалансированное соотношение качества, объема производства и потребности экономики региона и прилегающих территорий в сельхозпродукции;
- информационно-коммуникационная разобщенность участников сельскохозяйственного производства, низкая активность существующих ассоциаций и кооперации в развитии отраслевых направлений;
- недостаточный уровень развития НИОКР и селекционной деятельности;
- низкая инвестиционная привлекательность системы, в том числе по причине недостаточно развитой инфраструктуры и высокой стоимости энергоресурсов;
- недостаточный уровень плодородия почв, низкая эффективность использования пашни и оборота земель сельхозназначения;
- недостаточный уровень кадровой обеспеченности.

Плато 13. Проектная архитектура достижения стратегических целей
- Проект «Прогрессивная и эффективная агроэкономическая система».
- Проект «Пространственное развитие территорий и локализация элементов цепи добавленной стоимости по перспективным направлениям».

Продолжение приложения 12

- Проект «Совершенствование систем контроля качества сельскохозяйственного сырья и продукции переработки».
- Проект «Планирование оптимальных объемов сектора экономики на основе анализа потребностей региона в продовольственных ресурсах».
- Проект «Эффективные инструменты управления агроэкономической системой».
- Проект «Управление земельными ресурсами сельхозназначения».
- Проект «Система земледелия в формате цифровой трансформации».
- Проект «Проникновение на рынки сбыта качественной продукции федерального и зарубежного уровней».
- Проект «Развитие рыночных механизмов контрактной системы в регионе».
- Проект «Региональная агрологистическая сеть».
- Проект «Современная инфраструктура инновационных проектов в агроэкономической системе».
- Проект «Инновационный рынок новых пищевых продуктов».
- Проект «Кластер «Дары природы».
- Проект «Государственно-частное партнерство в обновлении парка техники и оборудования».
Плато 14. Флагманские проекты

Продолжение приложения 12

- Проект «Человек в сельском социуме».
- Проект «Сетевая занятость в цифровой экономике».
- Проект «Центры компетенций в новой образовательной среде».
- Проект «Здоровая жизнь с ранних лет».
- Проект «Сохранение семейных ценностей».
- Проект «Безопасное пространство сельских территорий».
- Проект «Реновация массового досуга».
- Проект «Интеллектуальный потенциал всех поколений».
- Проект «Добровольчество в неравнодушном сельском социуме».
- Проект «Приглашение инвесторов».
- Проект «Общественные эксперты и власть».
- Проект «Новое поколение в современной агроэкономической системе».
- Проект «Конгрессно-выставочная деятельность сельскохозяйственной продукции».
- Проект «Обучение навыкам проектного управления».
- Проект «Трансграничные сельскохозяйственные кластеры».

Плато 15. Организационно-экономическое воздействие через механизм управления развитием

Продолжение приложения 12

- выделение отдельных этапов реализации стратегии с последовательным достижением целей и решением задач;
- разработка региональных программ и формирование портфеля проектов в начале первого этапа;
- анализ промежуточных результатов реализации и корректировка на будущие периоды;
- оценка возможностей реализации каждого этапа по ранее подготовленным сценариям развития;
- оценка обеспеченности кадрами;
- осуществление конкретных мероприятий по решению задач, предусмотренных в каждом проекте;
- внедрение мониторинга по достижению текущих показателей по каждому проекту;
- сравнение достигнутых показателей по имеющимся сценариям развития;
- учет прогнозов и фактического состояния в экономике для корректировки поставленных задач;
- контроль финансового обеспечения стратегии;
- трансформация системы управления для решения сложнейших задач стратегии;
- управление рисками.